

М. А. Бирман

ФОРМИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ
БОЛГАРСКОГО
ПРОЛЕТАРИАТА

1878-1923 гг.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт славяноведения и балканистики

М. А. Бирман

ФОРМИРОВАНИЕ
И РАЗВИТИЕ
БОЛГАРСКОГО
ПРОЛЕТАРИАТА

1878-1923 гг.

Ответственный редактор
Л. Б. ВАЛЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1980

ОГЛАВЛЕНИЕ

	ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I.	РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА И ФОРМИРОВАНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА БОЛГАРИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.	47
Глава II.	ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В НАЧАЛЕ XX В.	99
Глава III.	ЗАРОЖДЕНИЕ И РОСТ КЛАССОВОГО СОЗНАНИЯ И ОРГАНИЗОВАННОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА. РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЕГО БОРЬБЫ ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ. ПОЯВЛЕНИЕ АВАНГАРДА	144
Глава IV.	ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И БОЛГАРСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС	235
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	347

Михаил Абрамович
БИРМАН

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА (1878—1923 гг.)

Утверждено к печати Институтом славяноведения и балканистики
Академии наук СССР

Редактор издательства Л. И. Тормозова. Художник И. Е. Сайко
Художественный редактор И. В. Разина. Технические редакторы Э. Л. Кунина,
Т. А. Прусакова. Корректоры Г. Н. Джиоева, Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 18240

Сдано в набор 13.12.79. Подписано к печати 31.03.80. Т-02581. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 21,3. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 2628.
Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Наука» 117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90,
2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ВВЕДЕНИЕ

Изучение истории формирования и развития пролетариата как социально-политической силы общества имеет большое и весьма актуальное значение.

Еще в середине XIX в. основоположники научного социализма К. Маркс и Ф. Энгельс показали принципиальные отличия пролетариата от других классов в капиталистическом обществе. Они выяснили и раскрыли всемирно-историческую роль рабочего класса как ведущего борца за ниспровержение эксплуататорского строя и как создателя социалистического общества, что В. И. Ленин считал главным в марксизме¹. Показав, что пролетариат — класс растущий и развивающийся, К. Маркс и Ф. Энгельс подчеркнули, что его освобождение — дело рук самого рабочего класса и что, уничтожая эксплуатацию, он освободит одновременно и все общество от всяческого угнетения².

Уже во времена К. Маркса и Ф. Энгельса понимание роли и места пролетариата в буржуазном обществе было объектом идейной борьбы. Открытые враги рабочего класса прямо отрицали его возрастающее значение в истории. Так, более 100 лет назад в докладе на Петербургском статистическом конгрессе 1872 г. директор Статистического бюро Швейцарии Макс Вирт призывал с помощью данных статистики опровергнуть утверждения К. Маркса о растущей численности и весе пролетариата в составе населения³.

В период II Интернационала некоторые ревизионисты проповедовали ложный тезис об утрате рабочим классом революционной роли. Многие же теоретики II Интернационала (К. Каутский, О. Бауэр и др.) утверждали, что пролетарская революция станет возможной, лишь когда пролетариат достигнет преобладания в составе населения, а его сознание будет социалистическим.

Великая Октябрьская социалистическая революция и последующие социалистические революции в ряде

стран опровергли эти концепции. Однако борьба вокруг названной проблемы не стала слабее, а, напротив, усилилась.

В последние два десятилетия атаки на основополагающие идеи марксизма-ленинизма об исторической миссии рабочего класса стали более систематическими, фальсификация истории пролетариата — более интенсивной и изощренной. Как отмечал член Политбюро ЦК компартии США Джеймс Уэст, «никогда раньше не прилагалось столь настойчивых и согласованных усилий, чтобы опорочить и зачеркнуть роль рабочего класса как ведущей силы в борьбе за социальный прогресс»⁴.

В антимарксистском, антикоммунистическом потоке деятельность открытых апологетов империализма, отрицающих или стремящихся очернить роль пролетариата как гегемона революции, сливается с усилиями ревизионистов справа и «слева». Одни из них пропагандируют так называемую «теорию депролетаризации»; другие (в первую очередь маоисты) стремятся доказать, что революционная инициатива в современном мире перешла к «мировой деревне», т. е. к крестьянству слаборазвитых стран⁵.

Марксисты-ленинцы противопоставляют этим лжетеориям труды, в которых отстаивают и развивают марксистское учение о великой исторической миссии рабочего класса⁶, а также изучают закономерности возрастания роли пролетариата в политической борьбе отдельных стран в прошлом и в современных условиях, уделяя внимание конкретным особенностям и проявлениям этой борьбы.

Особую научную актуальность приобретают исследования по социальной истории рабочего класса, ибо она остается, как справедливо отмечалось недавно в советской литературе, пока еще одним из «белых пятен» в историографии международного рабочего движения⁷. Между тем и общие закономерности развития рабочего движения, и конкретная специфика условий и перспектив борьбы пролетариата каждой отдельной страны не могут с необходимой полнотой быть выявлены и раскрыты без всестороннего изучения и учета реального социального облика пролетариата соответствующего региона, в том числе источников его формирования, особенностей структуры, включая такие ее параметры, как степень концен-

трации, образовательный и культурный уровень рабочих и др.

В этом плане большой и самостоятельный интерес представляет исследование истории болгарского пролетариата, его формирования как социально-политической силы общества. Это определяется тем, что болгарский рабочий класс был первым среди пролетарских отрядов малых, преимущественно крестьянских стран Европы, кто под влиянием международного опыта классовой борьбы и идей ленинизма вступил в 1922—1923 гг. на успешно завершённый позднее под руководством БКП путь совместной с трудовым крестьянством революционной борьбы против фашизма и капиталистической реакции.

Опыт политической борьбы болгарского пролетариата под руководством Болгарской коммунистической партии (БКП) против реакции и фашизма в 1922—1923 гг., первые попытки создания единого антифашистского фронта, являвшиеся началом процесса складывания союза рабочих и крестьян под руководством БКП, весьма поучительны для революционного пролетариата и коммунистических партий многих капиталистических стран⁸. Примечательно, что интервью Первого секретаря ЦК БКП и Председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии (НРБ) Т. Живкова, данное в 1973 г. в связи с 50-летием антифашистского восстания 1923 г. в Болгарии, было перепечатано во многих зарубежных коммунистических и иных прогрессивных изданиях на разных языках⁹.

Международное значение революционной борьбы пролетариата Болгарии было отмечено Л. И. Брежневым, который в 1964 г. в выступлении в Народном собрании Болгарии на сессии, посвященной 20-летию социалистической революции в Болгарии, сказал: «Опыт борьбы Болгарской коммунистической партии за создание и упрочение союза рабочего класса с крестьянством представляет большой интерес для международного коммунистического движения»¹⁰.

Необходимость и актуальность изучения истории болгарского пролетариата неоднократно подчеркивалась на страницах различных болгарских изданий, в том числе и в ряде статей, опубликованных с июля 1971 по февраль 1972 г. в центральном партийном органе БКП —

газете «Работническо дело» в связи с обменом мнениями по проблеме «Рабочий класс — руководящая сила общества»; в ходе этой дискуссии высказывались соображения о том, что назрела потребность в более интенсивном и глубоком изучении истории рабочего класса капиталистической Болгарии¹¹.

Однако, хотя по вопросам истории болгарского рабочего движения создано значительное число содержательных трудов (обзору литературы по названным вопросам посвящен следующий раздел Введения), литература по конкретной проблеме становления болгарского пролетариата в качестве социально-политической силы в обществе невелика. До сих пор на эту тему нет монографического исследования¹².

Разработка проблем истории формирования и становления рабочего класса каждой страны возможна и целесообразна с учетом различных аспектов марксистско-ленинского понятия рабочего класса¹³. Представители экономической и некоторых других наук подойдут к изучению проблемы прежде всего с точки зрения понятия рабочего класса как социально-экономической категории и закономерно будут рассматривать рабочий класс как класс производителей, как совокупную рабочую силу. Историк же правомерно будет исследовать процесс формирования пролетариата исходя прежде всего из того, что рабочий класс еще и социально-политическая категория.

Процесс формирования рабочего класса как социально-политической категории — это в своей сущности, как показали основоположники марксизма-ленинизма, процесс превращения его из «класса в себе» в «класс для себя», далее — в класс-гегемон в борьбе за освобождение всех трудящихся. Этот процесс выражался и выражается не только в численном росте пролетариата, но и в нарастании его организованности и сплоченности, в пробуждении и развитии его классового сознания, в усвоении им марксистской идеологии, в создании и укреплении революционных профсоюзов и пролетарской марксистской партии.

Автор данной работы поставил своей целью создать комплексное исследование проблемы формирования болгарского пролетариата и его становления в качестве ведущей социально-политической силы общества, сыграв-

шей в дальнейшем решающую роль в свержении капитализма и построении социализма в Болгарии. Важнейшей своей задачей автор считает освещение основных этапов и аспектов становления болгарского пролетариата как класса, сознающего свою историческую миссию. При этом автор стремился показать историческую обусловленность и закономерность возвышения болгарского пролетариата как революционной силы и одновременно раскрыть специфические черты названного процесса.

В работе предпринята попытка выявить максимально конкретно, на основе разнообразных источников реальный социальный облик болгарского пролетариата путем изучения динамики его абсолютной и относительной численности и структуры, роста политической и профессиональной организованности и сплоченности, пробуждения и развития классового сознания, путем выяснения характерных особенностей его отдельных отрядов, составлявших в совокупности единый социальный организм — болгарский рабочий класс. Вместе с тем автор стремился раскрыть роль пролетарского авангарда — революционной социал-демократической партии (преобразовавшейся в 1919 г. в БКП) — в сложном процессе формирования классового сознания рабочих, в изменении форм и методов их борьбы против капиталистической эксплуатации и в превращении пролетариата в руководящую силу революционной борьбы всех трудящихся.

Хронологические рамки работы таковы: отправная веха — 1878 год, как рубеж, с которого начинается самостоятельное болгарское буржуазное государство, переход Болгарии к новой общественно-экономической формации и процесс формирования рабочего класса. Конечная грань работы — события лета 1923 г.: политический кризис после фашистского переворота 9 июня и антифашистское восстание в сентябре 1923 г., ознаменовавшее начальный период складывания союза рабочих и крестьян при гегемонии пролетариата и завершившее таким образом определенный этап в становлении болгарского пролетариата как социально-политические силы. 1923 год является также важным рубежом в развитии политической структуры страны в целом, в истории рабочего и коммунистического движения в особенности; вслед за политическим кризисом 1923 г. и его контрреволюционным разрешением в результате поражения антифашист-

ского восстания начинается период временной стабилизации буржуазного государства Болгарии.

Перед автором возникли сложности различного свойства, прежде всего — обусловленные недостаточной разработанностью в марксистском обществоведении некоторых вопросов самой структуры общественного сознания¹⁴ и методики его исследования на основе имеющихся традиционных источников¹⁵. В порядке дискуссии выдвигались с начала 60-х годов и вопросы о социальных границах и структуре рабочего класса, вызвавшие плодотворный обмен мнениями марксистов-обществоведов в начале 60-х годов в Праге и в начале 70-х годов в Берлине, Будапеште и Москве¹⁶.

Ощущается также и недостаток работ, посвященных изучению конкретной социально-экономической (прежде всего классовой) и социально-политической структуры болгарского буржуазного общества рассматриваемого периода в целом¹⁷.

Как и в любом исследовании историка-марксиста вообще, историка рабочего класса и рабочего движения в частности, труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, документы международного рабочего и коммунистического движения явились фундаментальной идейно-теоретической и методологической базой нашего исследования.

В работах К. Маркса и Ф. Энгельса «Капитал», «Манифест Коммунистической партии», «Положение рабочего класса в Англии» и многих других содержится неисчерпаемое богатство мыслей, идей, теоретических выводов и методологических принципов и обобщений, крайне ценных для изучения данной проблемы. Для научной истории рабочего класса в целом чрезвычайно важным, например, явилось установление К. Марксом в 1847 г. в «Нищете философии» таких узловых понятий, как «класс в себе» и «класс для себя»¹⁸. Детально изучив происхождение пролетариата, объективные предпосылки формирования наемных рабочих в класс, К. Маркс и Ф. Энгельс показали его принципиально отличное от других классов место и растущую роль в капиталистическом обществе, создали научную концепцию процесса формирования и развития пролетариата в эпоху промышленного капитализма.

Подчеркнув динамический характер развития рабочего класса, К. Маркс и Ф. Энгельс разработали общие проблемы методологии исследования наемного труда, сформулировали основополагающие идеи о социальных границах рабочего класса в XIX в.¹⁹

Огромное значение для изучения проблемы имеет ленинское теоретическое наследство. Развив идеи К. Маркса и Ф. Энгельса, обогатив и конкретизировав их на основе опыта российского и международного рабочего движения эпохи империализма, В. И. Ленин дал углубленную трактовку многих идей и понятий, исключительно важных для теоретической и конкретной разработки проблем истории пролетариата как социально-политической силы общества. В. И. Ленин обогатил и углубил положения о гегемонии пролетариата, высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом²⁰.

В ряде трудов В. И. Ленин сформулировал методологические основы и принципы изучения истории пролетариата, формирования и консолидации рабочего класса. Крайне ценны, например, для нашего исследования указания В. И. Ленина о том, что класс есть «понятие, которое складывается в борьбе и развитии»²¹, что объединение пролетариата в класс может происходить десятилетиями²². Очень важны для изучения интересующей нас проблемы также работы В. И. Ленина, в которых он развил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о роли пролетарской партии в формировании классового сознания пролетариата, в процессе его развития и преобразования²³.

В труде «Развитие капитализма в России» и во многих других произведениях В. И. Ленин показал процесс формирования российского пролетариата и его социальной структуры, дал конкретный анализ разнообразных переходных социальных групп и слоев от полупролетариата к пролетариату, раскрыл объективную картину деления самого рабочего класса на более или менее развитые слои, отряды и группы, охарактеризовал их положение и сущность, роль стачечной и политической борьбы в развитии его классового самосознания²⁴. Тем самым В. И. Ленин открыл закономерности становления и развития в эпоху империализма международного пролетариата, в том числе и болгарского. Однако о последнем В. И. Ленин говорил и более конкретно, поскольку в ряде работ освещал и характерные черты балканского

рабочего движения. В этой связи особенно важны труды В. И. Ленина, написанные в период Балканских войн 1912—1913 гг., в которых он отметил важнейшие особенности расстановки классовых сил в балканских странах²⁵.

Велико значение программных документов международного рабочего и коммунистического движения, в первую очередь материалов и резолюций конгрессов Коммунистического Интернационала, постановлений международных совещаний коммунистических и рабочих партий, а также решений съездов Коммунистической партии Советского Союза, Болгарской коммунистической партии и других братских коммунистических партий.

Обзор литературы

Наш обзор мы начинаем, естественно, с характеристики болгарской историографии проблемы. В исторической науке (как и в общественной мысли и публицистике) дореволюционной Болгарии существовало несколько направлений, отражавших в той или иной мере классовые и партийные позиции авторов. Господствующее положение в официальной науке занимали буржуазно-консервативное и буржуазно-либеральное направления. Воззрения представителей реформистского и революционного крыла рабочего движения были отражены главным образом в публицистике.

Проблемы истории болгарского пролетариата в царской Болгарии (в особенности в период фашистского режима), разумеется, не привлекали внимания историков-профессионалов. Болгарская буржуазная историография вообще мало интересовалась сюжетами социальной истории — ее виднейшие представители сосредоточили свои усилия в основном на изучении средневековья и эпохи болгарского национального возрождения, отчасти на освещении военной и дипломатической истории Болгарии нового и новейшего времени.

Тем не менее практические нужды развивавшейся экономики, интересы буржуазии обусловили появление ряда статей в журнале болгарских экономистов²⁶ и в других изданиях, а также книг и брошюр, посвященных конкретному описанию состояния различных отраслей хозяйства и краеведению. Авторами их были преимуще-

ственно экономисты-практики, банковские и иные служащие, иногда юристы, врачи, педагоги и т. п. В них нередко затрагивались (чаще всего попутно — в связи с освещением вопроса о потребностях в рабочей силе) такие темы, как разорение мелких товаропроизводителей города и деревни и их пролетаризация, положение рабочих, численность и состав рабочего персонала и др.²⁷

Отдельные авторы опубликовали специальные сообщения о промышленных (И. Загралов, И. Маналов, С. Кутинчев) и сельскохозяйственных рабочих (И. Гешов, Н. Константинов); некоторые из них (И. Загралов, С. Кутинчев), исходя из представления, что в интересах развития буржуазного государства необходимы частичные уступки рабочим, выражали недовольство по поводу фактического игнорирования предпринимателями принятых в 1905—1906 гг. первых актов об охране труда рабочих²⁸. П. Цончев в статьях, основанных на личных наблюдениях, сообщал интересные сведения о промышленных и ремесленных рабочих Габрово, о их жилищных условиях и т. д.²⁹

В упомянутых публикациях «рабочеведческая» проблематика освещалась, как правило, в конкретно-экономическом или в краеведческом аспектах. Часто их авторы (в том числе — И. Загралов и П. Цончев) относились к социализму и революционному рабочему движению отрицательно или враждебно³⁰. Однако многим из них нельзя отказать в осведомленности и наблюдательности. К примеру, молодой буржуазный экономист Д. Мишайков (позднее представитель реакционной университетской профессуры) в своей ранней работе о развитии текстильного производства в стране отметил преобладание среди текстильщиков женщин и подростков и усмотрел в этом фактор, препятствовавший росту пролетарской организованности. Он отметил также, что превалирование среди текстильщиков Сливена взрослых и в значительной мере грамотных мужчин способствовало тому, что сливенские рабочие по степени классового сознания находились на первом месте³¹.

Своеобразный интерес представляет статья А. Цанкова, опубликованная в 1907 г., когда будущий глава фашистского правительства был всего лишь банковским чиновником. В отличие от многих буржуазных деятелей, еще в начале XX в. отрицавших или ставивших под сом-

нение, существование в стране «рабочего вопроса», к А. Цанкову, побывавшему в студенческие годы даже в рядах социал-демократической партии, понимание растущего значения и роли пролетариата в обществе пришло сравнительно рано. В названной статье о стачках он, признавая большое влияние рабочего класса на перспективы экономического и социально-политического развития нации³², осуждал политические забастовки (в частности, стачки в России) и призывал к вмешательству государства в урегулирование конфликтов между рабочими и предпринимателями³³.

Для изучения многих вопросов экономического развития страны до Балканских войн 1912—1913 гг. незаменимым пособием является уникальный труд К. Попова об экономике Болгарии в 1911 г. Фактически это сводное собрание статистических материалов о стране за период с 1879 по 1911 г., систематизированных, откорректированных и прокомментированных К. Поповым — крупнейшим знатоком болгарской экономики и статистики³⁴. Математик по образованию, К. Попов (1870—1927) обладал широким кругозором и талантом исследователя; он опубликовал значительное число работ, посвященных разным проблемам статистики, экономики и кооперативного дела. В 1919 г. его избрали членом-корреспондентом БАН. По своим убеждениям он был человеком прогрессивным, увлеченным идеями кооперации (в частности, перевел на болгарский язык роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?») ³⁵. Однако в упомянутом труде К. Попов уделил недостаточное внимание социальным процессам и явлениям.

Обострение классовых противоречий в стране в период после первой мировой войны нашло отражение в отдельных публикациях, затрагивавших рабочеведческую проблематику. Представитель табачной монополии И. Кепов в небольшом сообщении о рабочих-табачниках, не скрывая враждебного отношения к коммунистам и революционерам из рабочих, все же признавал профсоюзы, но лишь в качестве профессиональных организаций; в то же время он резко осуждал их вмешательство в политику и сетовал по поводу неудачной попытки создания «желтого» профсоюза табачников³⁶.

Своеобразным признанием роста численности и влияния пролетариата в послевоенной Болгарии было появ-

ление брошюры известного буржуазного экономиста-аграрника, профессора Я. Моллова о сельскохозяйственном пролетариате³⁷ и специальных обзоров с характеристикой численности и состава рабочего класса, написанных буржуазными экономистами (Н. Михайловым, Т. Обрешковым, Г. Свраковым и др.) на базе результатов переписи населения 1920 г. и обследования промышленности в 1921—1922 гг.³⁸

В целом для буржуазной литературы по данному вопросу характерна методологическая ограниченность и узость источниковой базы. Большинство упомянутых работ носили обзорно-информационный характер (некоторые из них вообще приближались скорее к источнику). Однако они содержали полезные эмпирические сведения, а иногда и ценные наблюдения и их необходимо изучить современному исследователю проблемы.

Особое место среди работ того периода занимают труды социал-демократов — реформистов. Из них выделяются количеством произведения правого социал-демократа, публициста Ивана М. Илиева (иногда печатался под псевдонимом «Илев»). По свидетельству современников, он не пользовался популярностью в рабочей среде. Абстрактно признавая за пролетариатом роль «великой общественной силы», он осуждал Октябрьскую революцию, революционную тактику БКП, выступал как активный и злобный враг Советской России и революционного движения болгарских рабочих и крестьян³⁹. Илиев с восторгом встретил фашистский переворот 9 июня 1923 г.⁴⁰, а позднее сблизился с фашистским социальнo-национальным движением А. Цанкова. В конце 20-х и в 30-х годах он опубликовал ряд книг и статей, в которых с позиций апологета буржуазного государства освещал «рабочий вопрос», проблемы трудового законодательства и профсоюзного движения. Работы его компилятивны и имеют много методологических пороков и просчетов; в частности, он, некритически заимствуя данные официальной статистики, включал в состав рабочего класса солдат и полицейских⁴¹.

Социал-демократы Д. Николов, И. Янулов и некоторые другие создали полезные работы, освещавшие главным образом положение пролетариата, а также различные аспекты рабочего и профессионального движения (разумеется, с реформистских позиций — с призывами к

смягчению антагонизма между рабочими и предпринимателями и т. п.). Экономист-социолог и юрист И. Янулов (1881—1962) опубликовал работы — книги, брошюры и статьи, посвященные трудовому праву, социальному законодательству и некоторым другим рабочеведческим темам⁴². Проникнутые идеями реформизма труды И. Янулова содержат, однако, значительный фактический материал; ему принадлежит заслуга разработки и применения социальных анкет для изучения положения пролетариата в буржуазной Болгарии⁴³.

С близких к марксизму позиций осветил ряд рабочеведческих тем экономист Д. Тодоров (1877—1941), социал-демократ, вступивший в 1920 г. в БКП, а после 1923 г. отошедший от политической деятельности⁴⁴.

Начало марксистской историографии в Болгарии, в том числе и в исследовании истории болгарского пролетариата, связано с появлением работ пионера научного социализма в стране Д. Н. Благоева (1856—1924). Будучи основателем болгарской социал-демократической партии, партии болгарского пролетариата, Д. Благоев не только руководил ее практической деятельностью, но и разрабатывал важнейшие вопросы теории и истории (преимущественно вытекавшие из злободневных потребностей политической борьбы).

Еще в своих ранних трудах, в полемике с буржуазными и мелкобуржуазными (народническими) публицистами, ставившими в конце XIX в. под сомнение процесс формирования рабочего класса в Болгарии, Д. Благоев на основе анализа социально-экономического развития страны раскрыл основные предпосылки и источники формирования пролетариата⁴⁵. Он доказал, что Болгария давно вступила на капиталистический путь развития; что пролетариат растет и «рабочий вопрос» все более рельефно выступает на сцену⁴⁶.

В то время, на заре капиталистического развития Болгарии, когда в стране преобладали мелкотоварное производство и мелкобуржуазная идеология, когда пролетариат лишь начал выкристаллизовываться, «только глубоко аналитический ум мог проникнуть в диалектику развития и открыть рождение болгарского пролетариата»⁴⁷. Позднее в других работах Д. Благоев показал увеличивавшуюся численность болгарского пролетариата и отметил своеобразие его структуры — преобладание

сельскохозяйственных и ремесленных рабочих, немногочисленность промышленных (и тем более фабричных) пролетариев, наличие большого удельного веса непостоянных (сезонных) рабочих, пришедших из села, и т. д.⁴⁸

Отметив неорганизованность и несознательность массы болгарского пролетариата раннего периода, Благоев вместе с тем подчеркнул, что рабочий класс быстро развивается, превращается в организованную общественную силу, которая и поведет борьбу за новое общество⁴⁹. При этом формирующийся промышленный пролетариат (шахтеры, текстильщики и др.), концентрирующийся в городах, составляет ядро, опору рабочего движения⁵⁰.

В качестве благоприятного фактора Д. Благоев выделил то обстоятельство, что болгарское рабочее движение почти с самого своего зарождения развивалось «под благотворными лучами социалистического учения»⁵¹. В некоторых работах (в первую очередь в крупнейшем историческом труде «К истории социализма в Болгарии») ⁵² Д. Благоев осветил ранние этапы рабочего и социалистического движения в стране, путь, пройденный пролетариатом от стихийных волнений до организованной стачечной борьбы, формы его организации, методы борьбы и т. д.

Большой вклад в исследование многих важнейших проблем формирования болгарского рабочего класса и его идеологии на раннем этапе внесли также соратники Д. Благоева Г. Кирков и Г. Георгиев⁵³ и их ученики и последователи Г. Димитров, В. Коларов, Х. Кабакчиев, Е. Марковский, Т. Петров, Б. Хаджисотиров и другие идеологи и публицисты партии тесняков (с 1919 г. БКП). В различных книгах, брошюрах, статьях, докладах и выступлениях они охарактеризовали положение пролетариата и его структуру, важнейшие этапы и вехи развития, формы и методы его борьбы, подняли и осветили многие другие рабочеведческие вопросы⁵⁴.

Особенно много сделал в этой области Г. Димитров, фактически руководивший около 20 лет (с 1904 по 1923 г.) революционными профсоюзами. В его книгах (часть из них являлась докладами на III—XIII съездах профобъединения) и статьях наряду с названными общими проблемами получила освещение деятельность болгарских профсоюзов на разных этапах, глубоко охарактери-

зованы отдельные отряды рабочего класса страны и т. п.⁵⁵

После установления в 1923 г. фашистского режима в Болгарии многие руководители БКП и партийные публицисты — Г. Димитров, В. Коларов, Х. Кабакчиев, Г. Бакалов и др. — эмигрировали в СССР, где опубликовали в советских и международных изданиях много новых значительных трудов. В них был поставлен вопрос о влиянии Октябрьской революции и идей ленинизма на борьбу болгарского рабочего класса, показана роль Д. Благоева в зарождении и развитии болгарского революционного рабочего движения и т. д.⁵⁶

Обращение руководителей и идеологов революционной партии болгарского пролетариата — партии тесняков — к вопросам истории пролетариата явилось частью идеологической борьбы пролетарской партии за политическую самостоятельность рабочего класса и целиком подчинялось задачам этой борьбы. В то же время, в этих работах они выступили фактически первыми летописцами болгарского пролетариата, первыми исследователями процесса его формирования и развития. В их трудах были заложены основы марксистского подхода к изучению вопросов истории болгарского пролетариата, и они всегда будут неоценимым источником идей, оценок и наблюдений для всех последующих исследователей истории рабочего класса Болгарии. Здесь нет возможности раскрыть все богатство мыслей, содержащихся в трудах болгарских марксистов; эти работы заслуживают отдельного обстоятельного изучения и в будущем, несомненно, станут объектом специальных историографических и источниковедческих исследований.⁵⁷

Своеобразное место в историографии занимают работы публициста Ив. Клинчарова. Участник рабочего движения с конца XIX в., член партии тесняков Клинчаров после поражения Сентябрьского восстания 1923 г. выступал с узкофракционной (иногда антипартийной) платформы⁵⁸, хотя претендовал на роль единственно ортодоксального «наследника» Д. Благоева. Фактически он выступал как правооппортунистический и вульгарно-социологический истолкователь взглядов Д. Благоева и К. Маркса, игнорируя то новое, что В. И. Ленин внес в марксизм⁵⁹. Обладая бойким пером, он издал за десятилетие (с 1923 по 1933 г.) около 2 десятков книг и бро-

шюр на разные темы — от богомилства и болгарского национального возрождения до причин распада семейных устоев в XX в. и др. Несколько книг и брошюр он посвятил истории рабочего и социалистического движения⁶⁰. В некоторых работах Клинчарова по истории, в целом вызвавших острую и основательную критику как в рядах БКП, так и со стороны ученых (Болгарии и СССР), встречаются интересные наблюдения и отсутствующий в других публикациях фактический материал, который необходимо, однако, тщательно проверять⁶¹.

Используя небольшие легальные возможности, отдельные коммунисты издали в Болгарии и после 1923 г. труды на рабочеведческие темы. И. Стефанов наряду с работами по статистике и экономическим вопросам опубликовал (под псевдонимом) статью, анализировавшую положение и состав рабочих мелких ремесленных предприятий⁶². Молодой талантливый социолог Ив. Хаджийский (погиб в 1944 г. в боях с фашистами) опубликовал в 1938—1940 гг. оригинальные труды, в которых раскрыл социальную психологию трудящихся ремесленников и крестьян⁶³.

Как видим, до революции 9-сентября 1944 г. в Болгарии не появилось фундаментальных исследований по интересующей нас проблеме. Тем не менее работы буржуазных и реформистских авторов (несмотря на присущие им методологические и другие пороки) дали полезный фактический материал. Марксистские же авторы, выявив ряд закономерностей формирования и развития рабочего класса, высказав важные идеи и сформулировав ценные выводы, наблюдения и соображения, создали основу для дальнейшей углубленной разработки названной проблемы.

С победой социалистической революции в Болгарии положение в исторической науке (в том числе — в исследовании рабочеведческих проблем) коренным образом изменилось. В наступивший период интенсивного развития марксистской исторической науки появилось много разнообразных трудов, посвященных изучению вопросов социально-экономического и политического развития капиталистической Болгарии⁶⁴.

Борьба болгарских трудящихся, руководимых революционной партией, за социальное освобождение (в особенности, важнейшие, наиболее героические ее этапы и

вехи) становится одной из центральных областей исследования историков⁶⁵. Значительный отряд болгарских историков плодотворно разрабатывает историю компартии Болгарии. Изучение истории БКП выделилось фактически в относительно самостоятельное научное направление, возглавленное созданным в 1953 г. Институтом истории БКП при ЦК БКП⁶⁶. Длительное, разноплановое и успешное исследование вопросов истории БКП позволило болгарским историкам партии создать за последнее десятилетие капитальные коллективные труды — сводный труд по истории БКП, научные биографии Г. Димитрова и Д. Благоева и другие ценные работы⁶⁷. Развернутые, написанные специалистами историографические обзоры работ по истории БКП опубликованы в болгарских изданиях⁶⁸, и это облегчает нашу задачу. Мы остановимся на некоторых итогах изучения истории болгарского рабочего класса и рабочего движения в узком смысле этих понятий (исходя из хронологических рамок и проблематики избранной нами темы)⁶⁹.

Рабочеведческие исследования в социалистической Болгарии достигли больших успехов. Появились специальные периодические и полупериодические издания, выпускаемые Институтом истории БКП (Известия на института по история на БКП, с 1957 г.), Высшей партшколой им. Станке Димитрова, преобразованной позднее в Академию общественных наук и социального управления (АОНСУ) при ЦК БКП (Известия на Висшата партийна школа «Станке Димитров» при ЦК на БКП, позднее Научни Трудове АОНСУ, с 1957 г.), кабинетом по истории профдвижения при Центральном совете ОРПС^{69a} (Профсъюзни летописи с 1962 г.), кафедрами различных общественных наук при вузах, музеями (Г. Димитрова, Истории революционного движения в Софии, Пловдиве и т. д.) и другими учреждениями. Существенно пополнился круг источников, частично изданных в виде документальных сборников. Выросло число публикаций различного рода научных трудов.

Серьезные достижения имеют болгарские историки в изучении социальной активности пролетариата своей страны. К этой категории относятся в значительной мере упомянутые многочисленные труды по истории революционной борьбы трудящихся в целом и истории БКП.

К ним примыкает обширный круг работ, освещающих историю революционного рабочего движения, часто рассматриваемого в едином комплексе с социалистическим и коммунистическим движением. Как правило, в них исследовались некоторые отдельные периоды или аспекты пролетарского движения⁷⁰.

Немало сделали болгарские историки для изучения борьбы рабочего класса, развернувшейся под влиянием идей Октября в послевоенные годы. Это прежде всего названные уже монографии Д. Косева и Х. Христова, изданные к юбилеям Октября сборники и другие коллективные труды⁷¹. Освещалась и борьба рабочих более или менее значительных округов страны (Варненского, Пловдивского, Тырновского, Габровского, Хасковского, Плевенского и др.)⁷² и городов (Варны, Софии, Габрово, Перника и т. д.)⁷³.

Ряд авторов посвятили свои работы изучению стачечного движения⁷⁴. Усилиями группы историков был создан сводный труд по истории стачечной борьбы пролетариата за весь период существования болгарского буржуазного государства⁷⁵. Дальнейшая разработка истории стачечного движения шла главным образом в региональном разрезе⁷⁶.

Большое внимание уделялось в Болгарии изучению и популяризации истории революционных профсоюзов. Предметом исследования историков явились разные «срезы» деятельности профсоюзов: изданы сборники и работы, освещавшие историю революционного профдвижения в целом⁷⁷ или важнейшие его этапы⁷⁸. Серьезным достижением историков явилось создание обобщающего коллективного труда, охарактеризовавшего развитие болгарских профсоюзов от их возникновения до начала 70-х годов XX в.⁷⁹ Успешно разрабатывалась также история отдельных отраслевых революционных профсоюзов⁸⁰. Появились сборники статей, очерки и исследования по истории профсоюзов в отдельных регионах⁸¹, труды по истории профсоюзной, рабочей и социалистической печати⁸², книги, освещающие деятельность БКП в профсоюзном движении⁸³.

Опубликованы также очерки истории других рабочих организаций, действовавших под руководством БКП, — молодежных, женских, кооперативных и т. д.⁸⁴ В ряде специальных изданий раскрываются интернационализм

революционного рабочего движения Болгарии, его международные связи. При этом большое внимание уделяется темам интернациональной солидарности болгарских трудящихся с революционной Россией, где с конца XIX в. нарастала борьба пролетариата и всех трудящихся и эксплуатируемых⁸⁵.

Немало сделано болгарскими историками для изучения положения пролетариата в разные периоды господства буржуазии и его борьбы за введение трудового законодательства⁸⁶.

Известные успехи имеются в Болгарии и в освещении жизни и деятельности многих борцов за социальное освобождение. В рамках выпускаемой издательством БКП серии «Революционные борцы» и в других сериях, а также в периодических изданиях напечатано большое число биографических очерков разного жанра о многих болгарских революционерах⁸⁷. Опубликовано также значительное число сборников и альбомов с портретами и биографическими справками о подвигах героев борьбы против капитализма и фашизма. Подобные издания выпущены в свет во многих округах и населенных пунктах и некоторыми профсоюзами.

Таким образом, интерес к вопросам истории рабочего движения в болгарской историографии не угасает. В то же время некоторые компоненты и аспекты названной проблематики пока еще не привлекали внимания болгарских исследователей. Не было предпринято, например, попытки систематического монографического изучения процесса возникновения, формирования и развития болгарского рабочего класса в целом; становления его в качестве социально-политической силы общества, не исследовались в специальных работах изменение его численности и структуры, важнейшие особенности его состава.

Правда, отдельные стороны и этапы этого процесса освещались в трудах болгарских историков⁸⁸; в некоторых из опубликованных работ (в называвшихся уже книге Л. Берова и статье Я. Йоцова) имеются интересные оценки и наблюдения по вопросам динамики численности и структуры пролетариата. В целом, однако, как справедливо указывалось в упоминавшемся докладе Й. Йотова и Т. Колевой на конференции 1972 г. по историографии, «труды о зарождении, развитии, характер-

ных особенностях и структуре рабочего класса Болгарии (за небольшим исключением) почти отсутствуют»⁸⁹.

Между тем историки-марксисты (в том числе и советские ученые) в последние годы все больше обращаются к изучению численности и структуры пролетариата, ибо оно помогает убедительнее раскрыть и осветить некоторые мало выясненные стороны процесса превращения пролетариата в решающую революционную силу.

Советские ученые много сделали для исследования общих методологических проблем истории и теории международного рабочего движения: в первую очередь выделяется издающийся ныне фундаментальный обобщающий многотомный труд «Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории». Вышедшие в 1976—1978 гг. три первых тома его подготовлены в основном коллективом Института международного рабочего движения АН СССР. Существенное значение имеют труды Ю. А. Васильчука, А. Б. Вебера, А. А. Галкина, Г. Г. Дилигенского, В. В. Загладина, К. И. Зародова, Ю. А. Красина, И. М. Кривогуза, А. Я. Манусевича, Н. Е. Овчаренко, А. И. Соболева, Б. Г. Тартаковского, Я. Г. Темкина, Т. Т. Тимофеева, А. С. Черняева, К. К. Ширини, И. С. Яжборовской и других исследователей по общим вопросам теории и истории международного рабочего движения рассматриваемого времени. Созданы также работы о пролетариате (в том числе о его формировании и структуре) многих стран Азии, ряда стран Африки, Америки и Европы⁹⁰. Большое внимание уделено советскими историками изучению истории рабочего класса капиталистической России⁹¹ и СССР⁹².

Советские историки-балканисты (В. Н. Виноградов, И. С. Галкин, В. Г. Карасев, Л. М. Минаев, А. К. Мошану, А. З. Нюркаева, Ю. А. Писарев, Б. С. Попов, Г. М. Славин, Е. И. Спиваковский, М. М. Сумарокова и др.) создали ряд ценных для изучения избранной нами темы трудов по истории рабочего движения в соседних (с Болгарией) балканских странах.

Проблемы истории пролетариата все более интенсивно разрабатываются также учеными других социалистических стран — Польши (коллектив, руководимый С. Калябинским)⁹³, ГДР (Ю. Кучинский и др.), Венгрии (М. Лацко, Д. Ранки) и ЧССР⁹⁴, а также марксистами капиталистических стран (Й. Шлайфштейн и др.).

Методологические и методические разработки советских и зарубежных ученых-марксистов, их опыт и достижения в изучении проблем международного рабочего движения, в исследовании истории пролетариата России и других стран периода капитализма оказали большую помощь автору в его исследовании истории рабочего класса Болгарии избранного им периода.

Советские ученые (Е. Н. Андриюшин, А. С. Бейлис, К. Н. Брюханова, Л. Б. Валев, В. И. Владимирская, В. Д. Вознесенский, Л. В. Воробьев, С. С. Гринберг, Р. П. Гришина, М. Д. Дыхан, В. Г. Дядькин, В. А. Жебокрицкий, В. И. Злыднев, А. Н. Киришевская, Ф. Т. Константинов, И. М. Кулинич, А. В. Манько, Д. Ф. Марков, А. К. Мартыненко, Д. Б. Мельцер, Л. М. Минаев, А. Мирзаев, С. А. Никитин, О. В. Панцуктилова, Д. Г. Песчаный, Б. С. Попов, Г. Н. Попов, П. Т. Рущенко, А. И. Соболев, П. С. Сохань, Ф. И. Фирсов, Г. И. Чернявский, П. И. Шестаков, А. М. Шнитман и др.) создали содержательные труды и по истории братского болгарского народа рассматриваемого периода; их результаты с большой пользой учтены автором. Некоторые из их трудов были прямо посвящены отдельным конкретным вопросам истории болгарского рабочего движения⁹⁵, революционным связям рабочего класса Болгарии и России, Болгарии и СССР рассматриваемого времени⁹⁶.

Итак, болгарские и отчасти советские ученые создали значительное число ценных трудов, в которых разработали существенные аспекты истории рабочего движения в Болгарии. Однако изучение проблемы шло неравномерно: многие важные компоненты и стороны процесса зарождения и развития болгарского пролетариата оказались почти не исследованными.

Учитывая сложившееся положение с изучением истории болгарского рабочего класса, автор, как уже отмечалось, счел необходимым сконцентрировать свои усилия на исследовании важнейших сторон и аспектов начального этапа становления болгарского пролетариата в качестве социально-политической силы общества.

Источники

Важнейшей группой источников (в первую очередь для исследования динамики численности и структуры пролетариата, т. е. для проблематики двух начальных глав) явились публикации статистики — результатов переписей населения и обследования промышленности. До сего времени не было предпринято попытки целенаправленного и специального анализа болгарских статистических публикаций как источника для изучения численности и структуры пролетариата⁹⁷. Вообще, хотя некоторые материалы названной статистики неоднократно (но, как правило, эпизодически) использовались болгарскими и советскими исследователями рабочего движения, в целом статистические публикации, на наш взгляд, не привлекали должного внимания историков⁹⁸. Одна из причин такого положения, видимо, в том, что широкое их употребление невозможно без разработанного источниковедческого анализа. Предлагаемый ниже критический анализ статистики, мы надеемся, будет содействовать более широкому введению ее материалов в научный обиход. Ввиду отсутствия в марксистской рабочеведческой литературе специального, имеющего методологическое значение разбора буржуазной статистики как источника для изучения рабочего класса, вероятно, уместно остановиться на этом вопросе подробнее⁹⁹.

В созданном в результате русско-турецкой войны 1877—1878 г. болгарском государстве до начала XX в. были проведены три частичные переписи населения (1.I 1881 г. — в княжестве Болгария и 1.I 1885 г. — в княжестве Болгария и в Восточной Румелии) и две переписи, охватившие население объединенного в 1885 г. болгарского государства целиком, — 1.I 1888 г. и 1.I 1893 г.

Материалы этих переписей, к сожалению, не дают возможности определить численность и состав пролетариата, так как при их проведении все экономически активное население делилось лишь на два разряда — «самостоятельные» и «помощники и слуги». К разряду «самостоятельных» были отнесены главы или владельцы промышленных, ремесленных, сельскохозяйственных, торговых и прочих владений, предприятий и заведений. Все остальные категории лиц самостоятельного (или экономически активного) населения включались в разряд

«помощники и слуги». Таким образом, рабочие были объединены в одном разряде вместе с членами семей «самостоятельных», кто помогал последним в производстве (так называемыми «помощниками»), вместе со служащими и остальными категориями лиц, не включенных в разряд «самостоятельных». У организаторов переписей, видимо, отсутствовало четкое понимание социальных отличий рабочих от других классов и групп населения, что имело место тогда у многих болгарских буржуазных деятелей. Кроме этого, наиболее значительного (с интересующей нас точки зрения) недостатка, названным переписям были присущи и иные: неясное различение занятий и вытекавшая отсюда путаница; разницей в классификации занятий в разных переписях (из-за чего трудно сравнивать их результаты) ¹⁰⁰.

В отличие от ранних переписей начиная с 31.XII 1900 г. и позднее (в том числе — 31.XII 1905 г., 31.XII 1910 г., 31.XII 1920 г. и 31.XII 1926 г.) обследование населения (и промышленности) в Болгарии проводилось на основе системы классификации профессий и производств, разработанной французским специалистом Жаком Бертильоном (1851—1922) ¹⁰¹. Предложенная в 1889 г. этим известным ученым, директором Статистического ведомства в Париже, сыном крупного французского демографа и статистика Луи Бертильона, классификационная схема была обсуждена и одобрена Международным статистическим институтом на сессиях в Вене, Чикаго и Берне в 1891, 1893 и 1895 гг. ¹⁰² Эта классификация страдала рядом несовершенств, отражала методологические слабости буржуазной статистики; в их числе — отсутствие критериев для определения социального состава населения, что часто приводило к смешению представителей разных классов и социальных групп в первичных статистических данных — статистических группах (подробнее об этом ниже). Но она была тогда последним словом статистической науки — номенклатура профессий в ней была четкой и чрезвычайно детализированной: она делилась на 12 «отделов», 61 «класс» и 499 профессий по наиболее детализированному варианту номенклатуры профессий (всего Бертильон предложил 3 варианта) ¹⁰³.

Применив классификацию Ж. Бертильона, болгарская статистика оказалась в начале XX в. на высоте европейской науки. Создание научной по тому времени статисти-

ки (на уровне международных стандартов) отвечало потребностям молодого болгарского государства¹⁰⁴.

Кроме переписей населения, в интересующий нас период были проведены три обследования («анкеты») болгарской цензовой — поощрявшейся государством — крупной промышленности: в 1904, в 1909—1910 и 1921—1922 гг. Примечательна судьба напечатанных в 1906 г. материалов обследования, проведенного 31.XII 1904 г.¹⁰⁵. Оно было осуществлено людьми, совершенно некомпетентными. Процветавшее при правительстве «стамбуловистов» (1903—1907 гг.) кумовство привело к тому, что во главе Дирекции статистики оказались ветеринарный врач П. Германов и другие случайные лица, что неизбежно сказалось на результатах ее деятельности. После отставки правительства руководство Дирекции сменилось и была создана (5.II 1908 г.) специальная комиссия по проверке деятельности Дирекции. Главную роль в комиссии фактически играл упоминавшийся уже К. Попов. Комиссия провела большую аналитическую работу и в сентябре 1908 г. представила правительству доклад, в котором на трехстах страницах фиксировались пороки и ошибки в деятельности Дирекции¹⁰⁶. Ряд изданий, осуществленных Дирекцией П. Германова, комиссия охарактеризовала как подготовленные неквалифицированно и дискредитирующие болгарскую науку¹⁰⁷. Промышленное обследование («анкету») 1904 г. комиссия оценила как проведенное во многих аспектах по ошибочному методу. Справедливо отмечалась явно неудачная концепция организаторов обследования по вопросу о числе рабочих в цензовой промышленности, игнорировавшая текучесть рабочей силы. Комиссия установила, что для ряда отраслей промышленности, где вследствие «мертвого сезона» производство было приостановлено, Дирекция допустила прямую фальсификацию, поставив сведения о числе рабочих, относящиеся к другой дате¹⁰⁸. В заключение комиссия предложила изъять нераспроданные части тиража публикации анкеты 1904 г. и некоторые другие издания как антинаучные¹⁰⁹.

Новую Дирекцию статистики возглавил энергичный и трудолюбивый К. Попов, бессменно до самой смерти руководивший статистическим ведомством, являвшийся центральной фигурой болгарской статистики, инициатором и главным редактором большинства болгарских ста-

тистических публикаций рассматриваемого времени. Серьезный ученый, увлеченный статистикой и беспредельно преданный делу организации в стране единой автономной и централизованной системы статистики, К. Попов прежде всего освободился от невежественных чиновников, рассматривавших службу в статистике в качестве «синекуры»¹¹⁰.

У нового руководства Дирекции было стремление выпускать статистические материалы, отражавшие состояние экономики страны¹¹¹. Оно сказалось на последующих обследованиях промышленности. Публикации их результатов, хотя и имеют методологические слабости, присущие буржуазной статистике (в особенности когда речь идет о сведениях, касающихся величины капитала, размеров прибылей и заработной платы и т. п.), в целом вместе с изданиями итогов переписей населения дают возможность (разумеется, при условии критического подхода к анализу содержащихся в них данных) проследить в общих чертах картину изменения численности и структуры болгарского пролетариата за соответствующие годы.

Из сравнения двух групп статистических публикаций — переписей населения и промышленных «анкет» — явствует, что последние не столь репрезентативны и менее значимы в ряде важных аспектов. Во-первых, промышленные анкеты охватывали лишь предприятия крупной, ценовой промышленности. Во-вторых, обследования ценовых предприятий проводились в 1904, 1909—1910 и 1921—1922 гг. в разные времена года (а не в один день, как переписи населения) и в ходе их были приняты разные критерии (понятия «цензовое» или «поощряемое» предприятие в 1904, 1909—1910 и в 1921—1922 гг. несколько различались). В-третьих, в 1904 г. (как уже отмечалось) были допущены прямые фальсификации численности рабочих; следовательно, данные анкеты 1904 г. научно несостоятельны и к тому же несопоставимы с материалами последующих анкет. Вместе с тем, однако, анкеты 1909 и 1921 гг. содержат ценные показатели о грамотности, имущественном положении, социальном происхождении рабочих и некоторые иные, которые отсутствуют в статистике переписей населения.

Материалы переписей населения 1900, 1905, 1910, 1920 и 1926 гг. статистически надежны и приемлемы для

составления динамических рядов. Другое несомненное их преимущество — они содержат сведения о численности всех категорий рабочего класса. Начиная с переписи 1900 г. все активное население страны делилось отныне уже не на два, а на три основных социальных разряда: к первому относились «самостоятельные» (главы или владельцы промышленных, ремесленных и других предприятий и заведений); ко второму — «помощники и служащие», в число которых включались, как правило, и члены семей владельцев, помогавшие им в заведении; отдельный, третий разряд составляли рабочие.

Переписи населения проводились 31 декабря, т. е. зимой, когда во многих отраслях производства в стране было затишье, а кое-где — и так называемый «мертвый сезон» (в строительстве, например); ввиду того что при переписи фиксировалось лишь главное занятие опрашиваемых, можно думать, что число лиц, зарегистрированных в качестве рабочих, более или менее приближалось к фактическому числу постоянных рабочих, имевшихся в стране в день переписи. В меньшей мере это, видимо, относится к селам — вряд ли можно полагать, что крестьяне-бедняки, уходившие весной и осенью наемными рабочими в строительство или в промышленность, заявляли о себе в ходе переписи как о рабочих. Как известно, крестьянин, даже когда он в результате пролетаризации экономически перестает быть таковым, часто продолжает считать себя крестьянином. Таким образом, следует предположить, что некоторые сельские полупролетарии, которые фактически уже были наполовину сезонными рабочими в промышленности и на строительстве, продолжали считаться крестьянами, т. е. данные переписи населения, видимо, несколько приуменьшали число промышленных и строительных рабочих.

В то же время в ряде других сфер статистика переписей расширяла рамки рабочего класса, охватывая некоторые промежуточные категории трудящихся. В разряд рабочих, как свидетельствовал К. Попов¹¹², статистика включала весь низший служебный персонал общественных и частных предприятий и учреждений, т. е. и представителей промежуточных слоев трудящихся, которые либо вообще не должны быть отнесены к числу рабочих, либо могут быть включены в их состав с большими оговорками.

Тем не менее, несмотря на эти и некоторые иные недостатки (о них см. ниже), именно статистика переписей населения дает наиболее объективную основу для уяснения численности и структуры рабочего класса Болгарии. Необходим, разумеется, критический и скрупулезный анализ статистического материала; такой анализ позволит сделать наблюдения, которые могут помочь более точно установлению количественных и качественных параметров, характеризующих пролетариат. Наблюдения эти определяют необходимость внесения конкретных корректив методологического и методического свойства в данные статистики.

Коррективами методологического свойства мы условно называем группу необходимых поправок (принципиального характера) к показателям статистики, которые вызваны ошибочным или неточным, по нашему мнению, отнесением в результатах переписей некоторых категорий лиц не в тот социальный разряд, в какой они должны быть помещены: например, в ряды рабочих неверно зачислены низшие чины армии, полиции, а также низшее духовенство и прочие представители «идеологических сословий», по выражению К. Маркса¹¹³, в широком понимании и т. д. Эти поправки следует внести в данные статистики при уяснении общей численности пролетариата рассматриваемого времени.

В отличие от них коррективами методического свойства мы условно называем поправки в статистический материал, вызванные ошибочным или неточным зачислением в публикациях переписей некоторых профессий рабочих не в ту отрасль хозяйства или промышленности, к какой они, по нашему мнению, должны быть отнесены (например, в число промышленных рабочих-деревообделочников ошибочно, на наш взгляд, попали «дровоколы», которых следует включить в группу рабочих сферы обслуживания). Эти коррективы должны быть внесены в показатели статистики для уяснения численности отдельных отрядов и структуры рабочего класса (подробнее о методических коррективах см. ниже).

Перейдем к рассмотрению важнейших из упомянутых выше наблюдений:

1. Сведения о рабочих производственных отраслей хозяйства (сельского хозяйства, промышленности и ремесла), помещенные в первых отделах 1-й таблицы публи-

каций переписей («Население по профессиям»), в целом более надежны и убедительны, чем показатели о рабочих непроизводственных сфер, содержащиеся в ее последующих разделах. Однако в начале таблицы в разряд рабочих небесспорно зачислены «лесничие, лесоводы и лесные стражники». У составителей публикаций в этом вопросе не было четкого мнения. В соответствующем разделе таблиц публикаций переписей 1900 и 1926 гг. подавляющее большинство лиц данной профессии (около 90%) фигурирует в разряде «рабочие»; в таблице переписи 1905 г., наоборот, более 80% этих лиц значится под рубрикой «помощники и служащие»; в таблицах же 1910 и 1920 гг. они распределены примерно поровну между разрядами рабочих и служащих¹¹⁴. Нам представляется, что подавляющее большинство этих лиц следует отнести к разряду служащих. Отсюда возникает необходимость в первой поправке к материалам статистики — в исключении из числа рабочих практически всех данных о работниках этой профессии (поскольку нет возможности выявить некоторое незначительное число лиц, приближавшихся по своему статусу к положению рабочих)¹¹⁵.

2. В третьем отделе таблиц состава населения (исключая перепись 1926 г.), в классе 18 часть кочегаров и машинистов¹¹⁶ ошибочно помещена в разряд служащих¹¹⁷. Отсюда возникает необходимость во второй поправке к данным таблиц — во включении всех кочегаров и машинистов в разряд рабочих.

3. Недостаточно убедительным представляется нам в четвертом отделе таблиц распределение работников транспорта и служб связи между разрядами рабочих и служащих; довольно основательно менявшееся за период 1900—1926 гг. соотношение рабочих и служащих, показанное в таблицах¹¹⁸, свидетельствует, что у составителей и редакторов публикаций не было четких критериев и по этому вопросу. Заметим, что отделение рабочих от служащих на транспорте и в службах связи вообще очень затруднительно; некоторые исследователи считают эту задачу неразрешимой¹¹⁹ и приводят объединенные данные о рабочих и служащих транспорта и связи¹²⁰. Таким образом, приведенные в болгарской статистике сведения о числе рабочих на транспорте условны.

4. Решительное возражение, как уже отмечалось, вызывает включение (в шестом отделе таблиц) низших чинов армии, полиции и жандармерии в разряд рабочих; в связи с этим вытекает третья поправка, исключающая их из состава рабочих ¹²¹.

5. Рождают сомнения показатели числа рабочих в торгово-трактирно-гостиничных заведениях и в учреждениях государственных и муниципальных служб (приведенные соответственно в пятом и седьмом отделах таблиц). Вследствие отсутствия у публикаторов четких критериев при определении границ рабочего класса в разряд пролетариев (в первую очередь в непроизводственных сферах) были зачислены вместе с группами фактических рабочих некоторые категории и профессии, которые скорее должны быть отнесены к мелким служащим и иным промежуточным слоям и категориям трудящихся. В то же время многие из них (к примеру, продавцы, официанты, сторожа, повара и кухарки и т. п.) по роли и месту в производстве и в обществе и по уровню заработной платы часто приближались к рабочим. В итоге реальное выделение фактических рабочих в непроизводственных сферах (в частности, в указанных пятом и седьмом отделах таблицы) вообще оказывается затруднительным.

6. В показателях, приведенных в восьмом отделе, охватывающем работников здравоохранения, образования, юриспруденции, духовенство и лиц так называемых свободных профессий, в разряд рабочих неправомерно включены не только мелкие служащие и лица, принадлежащие к обслуживающему персоналу и занимающие промежуточное положение, но также и случайные для социального разряда пролетариев категории, которые мы предлагаем исключить из показателей о рабочем классе: четвертая поправка исключает пономарей, ключарей и других служителей духовенства; поправка пятая исключает секретарей, мелких служащих и низших служителей в судах и тюрьмах; поправка шестая — хористов, танцоров и прочих лиц из категории свободных профессий ¹²².

7. Возражение вызывает помещение в состав рабочих (исключая перепись 1926 г.) по десятому отделу («Домашняя работа») «членов семей, занятых исключительно домашним трудом» ¹²³. Как известно, В. И. Ленин крити-

ковал американскую и немецкую статистику за включение в состав рабочих так называемых помогающих членов семьи — работавших в хозяйстве главы семейства¹²⁴. Предлагаемая седьмая поправка устраняет эту ошибку. Заметим, кстати, что самая многочисленная из представленных в десятом отделе категорий рабочих — «домашние работницы» (прислуга), — на наш взгляд, также принадлежит скорее к промежуточным слоям, и ее можно включить в состав рабочего класса весьма условно.

8. Поправка восьмая предусматривает исключение из рабочего класса показателей о группе профессий (кассиры, писари, чиновники и служащие в магазинах) по одиннадцатому отделу¹²⁵.

9. Наоборот, поправка девятая сводится к тому, чтобы включить в состав рабочего класса данные о безработных. У публикаторов и по этому вопросу не было четких критериев: показатели о безработных в одних публикациях оказались помещенными в разряд «помощники и служащие» (см. публикации переписей 1900 и 1905 гг.), в других — в разряд «самостоятельные» (публикации переписей 1910, 1920 и 1926 гг.).

В заключение еще одно замечание общего характера. Статистические данные, как мы в этом убедились, весьма приблизительно отражают истинную численность рабочего класса. Ввиду этого излишняя точность обычно приводимых в литературе количественных характеристик лишь вводит фактически в заблуждение. Научно более обоснованно, на наш взгляд, будет ограничиться суммарными указаниями, округляя (по логике исследования) эти показатели в ту или иную сторону.

В результате корректировки согласно сформулированным выше девяти поправкам методологического свойства нам удалось уточнить официальные показатели статистики численности рабочего класса за период 1900—1926 гг. в среднем на 11% ($\pm 3\%$)¹²⁶.

Если для начальных глав работы наибольшее значение в качестве источника имела статистика, при исследовании проблематики последующих глав первостепенную роль играли документы и материалы революционных пролетарских организаций (партии и профсоюзов), переизданные частично в соответствующих сборниках в социалистической Болгарии, а также книги, брошюры, статьи, доклады и выступления руководителей БКП

(Д. Благоева, Г. Киркова, Г. Георгиева, В. Коларова, Г. Димитрова, Х. Кабакчиева и др.). Труды их, повторно опубликованные, как правило, в виде сочинений или избранных произведений, являются важнейшими документами эпохи, неоценимым источником фактов, наблюдений и выводов, что побуждает нас еще раз подчеркнуть их громадное значение для исследования темы.

Важным источником явилась рабочая печать. Особую ценность представляет изученный нами комплект газеты «Работнически вестник» (за период с основания в 1897 г. до 1923 г.). Орган революционных социал-демократов (с 1919 г. — БКП) и действовавших под их руководством профсоюзов, названная газета (выходившая с 1911 г. ежедневно) представляет собой многоплановый источник — в ней наряду с различной информацией публиковались отрывки из парламентских выступлений, речи, заявления и иной документальный материал о жизни и деятельности партии и профсоюзов, о классовой и партийной борьбе в стране и за рубежом. При содействии рабочих корреспондентов в ней (как и в использованных нами газетах отраслевых профсоюзов) печатался существенный для исследуемой темы достоверный материал о положении и борьбе пролетариев, дающий возможность (вместе с материалами из других источников) установить общие линии непрерывного развития рабочего класса страны. Нами привлечены также материалы периодики, издававшейся реформистскими и центристскими организациями и деятелями рабочего движения. Для освещения некоторых вопросов (главным образом по социально-экономической истории) критически использована информация буржуазной прессы, в первую очередь упоминавшийся уже журнал болгарских экономистов «Списание на българското икономическо дружество» (1896—1945 гг.), и другие издания.

Борьба по вопросам рабочего законодательства, парламентская деятельность депутатов социал-демократии и некоторые другие вопросы раскрываются по парламентским отчетам Народных собраний 13, 14, 16—19-го созывов, действовавших (с перерывами) в 1905—1907 и 1914—1923 гг. Стенографировавшиеся с большой точностью выступления в Народном собрании были отмечены (в отличие, например, от размеренных речей «достопочтенных джентльменов» из британского парламента) тем-

пераментом. Особо бурный характер носили прения в послевоенные годы: сказывалась накаленная обстановка в стране. Речи депутатов БКП, защищавших интересы трудящихся и обличавших политику буржуазии, иногда подвергались прямой обструкции (на заседании от 21.X 1919 г. депутата БКП Хр. Кабакчиева, раскрывшего связи болгарской реакции с империалистами Антанты и генералом Деникиным и популяризовавшего победы Красной Армии, силой стащили с трибуны, не дав ему закончить речь). Обсуждение законопроектов и запросов фракции БКП откладывалось. Но коммунисты умело разоблачали истинное лицо реакции. Да и сами буржуазные и мелкобуржуазные парламентарии в огне фракционной борьбы, в пылу полемики часто раскрывали закулисные стороны антирабочей и антинародной политики господствующих классов.

Благодаря содействию Болгарской академии наук и Института истории БКП автор получил возможность (во время годичной научной командировки в Болгарию в 1975 г.) ознакомиться со значительным числом неопубликованных документов и материалов, хранящихся в государственных и партийных архивах, а также в музеях НРБ. Привлечение архивных материалов содействовало обогащению работы ценными фактами, позволило более полно и обстоятельно раскрыть ряд важных вопросов темы (в частности, ранее почти не освещавшийся в литературе вопрос о деятельности революционной партии по формированию классового сознания пролетариата и др.), помогло глубже уяснить некоторые особенности формирования и развития болгарского пролетариата.

Автор использовал также материалы советских государственных и партийных архивов, где отложились документы, раскрывающие некоторые существенные страницы истории рабочего движения Болгарии. Этому содействовали тесные связи, издавна существовавшие между российским и болгарским революционным движением, пребывание в СССР после 1923 г. значительного числа болгарских политических деятелей из БКП. Интересные материалы по названной проблематике обнаруживаются в советской печати¹²⁷.

В монографии использован также значительный мемуарный материал. Буржуазные деятели Болгарии в своих воспоминаниях (кстати сказать, весьма немно-

численных) часто ограничивались лишь клеветой в адрес революционной партии, иногда вовсе обходили рабочее движение молчанием. Зато в результате коренного изменения после 9.IX 1944 г. социального состава мемуаристов история рабочего и коммунистического движения стала основной темой новейшей болгарской мемуаристики. К настоящему времени в распоряжении исследователя избранного нами периода имеется свыше полусотни (опубликованных в основном за последние 20 лет) книг-мемуаров и специальных сборников воспоминаний деятелей рабочего социалистического и коммунистического движений и профсоюзов¹²⁸. Воспоминания непосредственных участников событий содержат много интересных деталей, которые нельзя выявить в других источниках. Кроме того, мемуары обладают и другим ценным качеством — они дают возможность почувствовать дух, атмосферу и колорит эпохи, настроения и чаяния участников движения, уловить их логику мышления (избегая модернизации) и тем самым позволяют глубже и вернее понять известные из других источников факты и события.

Для исследования были использованы также материалы некоторых других категорий источников — публицистики, листовок и обращений политических партий и организаций и т. п. При этом каждая группа источников требовала особых приемов критического подхода.

Заканчивая обзор источников, автор должен подчеркнуть, что, хотя он и стремился дать на основе изучения максимального количества разнообразных источников наиболее полную картину становления болгарского пролетариата как социально-политической силы общества, некоторые стороны и аспекты проблемы (в частности, вопрос о механизме формирования классового сознания пролетариата) не получили желаемого освещения: это объясняется пробелами в источниках, а также и некоторыми иными из названных выше трудностей. Сознвая, что многие вопросы нуждаются в дальнейшем изучении и раскрытии, автор вынужден ограничиться исследованием основных аспектов процесса становления болгарского пролетариата как движущей силы общества, изучением связанных с этим процессом важнейших количественных и качественных характеристик рабочего класса Болгарии, наименее освещенных до сих пор. Предлагае-

мую работу автор рассматривает как один из шагов на пути к созданию в будущем синтетической и всесторонней истории болгарского пролетариата.

В первых двух главах работы освещены социально-экономические аспекты процесса формирования пролетариата, складывания его структуры, выделения его в объективно самостоятельную социальную категорию, связанные в первую очередь с количественными характеристиками. В последующих главах охарактеризованы главным образом аспекты качественных изменений в рабочем классе, которые (в органическом единстве с количественными) привели в конечном счете к превращению болгарского пролетариата в значительную социально-политическую силу, игравшую авангардную роль в освободительном движении трудящихся.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 5—6; т. 23, с. 1.

² Подробнее об этом см.: Вебер А. Б. К. Маркс и некоторые проблемы исторической роли рабочего класса.— Мировая экономика и международные отношения, 1968, № 5; Притыцкая Т. И. К. Маркс и Ф. Энгельс о всемирно-исторической роли пролетариата и его партии. Минск, 1970; Соболев А. И. Всемирно-историческая роль рабочего класса.— Рабочий класс и современный мир, 1973, № 3.

³ Congrès international de Statistique. Compte rendu de la huitième session à St. Petersburg 1872. Programme. SPb., 1872, ptl, p. 35, 43.

⁴ Political Affairs, May 1967, vol. XLVI, N 5, p. 55.

⁵ Об этом см.: Политическая стратегия империализма на рубеже 70-х годов. М.: Мысль, 1971, с. 183—189; Современный капитализм и рабочий класс: критика антимарксистских концепций. М.: Мысль, 1976; Тимофеев Т. Т. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства. М.: Наука, 1979, с. 9—107; и др.

⁶ В первую очередь это сборники: Рабочий класс — ведущая сила мирового революционного процесса. М.: Политиздат, 1973; Атакующий класс. Днепропетровск, 1973; Историческая миссия рабочего класса и идеологическая борьба. М.: Политиздат, 1974; и др. Проблема эта была в центре внимания симпозиумов и конференций, проведенных в последние годы в ряде стран (в том числе и по инициативе проблемной комиссии Академии наук социалистических стран «Рабочий класс в мировом революционном процессе»).

⁷ См.: Рабочий класс и современный мир, 1978, № 6, с. 176.

⁸ Об этом свидетельствуют, в частности, статьи одного из первых марксистов-ленинцев Латинской Америки, основателя компартии Перу Хосе К. Мариатеги (см.: Мариатеги Х. К. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М.: Изд-во иностр. лит., 1963, с. 9, 18, 54, 261, 394; Работническо дело, 4.V 1970), выступления мно-

гих руководителей коммунистических партий ряда малых и средних стран Европы (Португалии), Азии (Шри-Ланка) и Латинской Америки (Венесуэлы, Гаити, Гондураса, Коста-Рики, Кубы, Мексики, Никарагуа, Панама, Перу, Чили, Эквадора). См.: Работническо дело, 16.VI 1972, 17 и 19.II 1974, 5.III 1975, 31.III, 1.IV и 3.IV 1976; Седемдесет и пет години Български земеделски народен съюз. София (далее — С.), 1975, с. 190, 224, 258, 262, 280—284, 293.

⁹ Речь идет об интервью, данном Т. Живковым редакции журнала «Проблемы мира и социализма» на тему «Революционный опыт — оружие рабочего класса».

¹⁰ Правда, 1964, 9 сент.

¹¹ См. статью члена-корреспондента Болгарской Академии наук (БАН) В. Хаджиниколова: *Хаджиниколов В.* Вдъхновенията на традициите.— Работническо дело, 25.VIII 1971.

¹² Заметим, что только в последние годы появились обстоятельные исследования о рабочем классе НРБ, его структуре, изменении его функций, его роли в строительстве социалистического общества в Болгарии, в первую очередь — это монография М. Исусова (*Исусов М.* Работническата класа в България. 1944—1947. С., 1971), а также коллективный труд «Работническата класа в етапа на изграждане на развитото социалистическо общество» (С., 1973).

¹³ Подробнее об этом см.: *Вебер А. Б.* Некоторые аспекты марксистско-ленинского понятия рабочего класса.— Историческая миссия рабочего класса и идеологическая борьба, с. 187—205.

¹⁴ См.: *Уледов А. К.* Структура общественного сознания. М.: Мысль, 1968, с. 137, 179—180; Актуальные проблемы развития исторического материализма. М.,: Изд-во МГУ, 1974, с. 392—393.

¹⁵ Это положение неоднократно отмечалось в отечественной историографии (см.: Научный коммунизм, 1973, № 3, с. 54; Вопросы истории, 1974, № 4, с. 164; 1977, № 9, с. 164; Источниковедение отечественной истории. 1975. М.: Наука, 1976, с. 356; *Галкин И. С.* В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М.: Изд-во МГУ, 1977, с. 355) и зарубежными историками-марксистами. См.: Вопросы истории, 1965, № 6, с. 80—82; Новая и новейшая история, 1967, № 2, с. 38.

¹⁶ В ходе обсуждения в Москве в 1972 г. проблемы места и роли рабочего класса в социальной структуре общества отмечалось, например, что в вопросе об установлении границ рабочего класса, его численности и структуры ученые пользуются различной методикой и пока еще не выработаны общепризнанные приемы использования буржуазной статистики. См.: Научный коммунизм, 1973, № 2, с. 22—24, 53, 70; Коммунист, 1977, № 5, с. 98—101; Вопросы истории, 1977, № 10, с. 32; 1978, № 9, с. 171; Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма. М.: Наука, 1979, с. 189.

¹⁷ Единственной работой, посвященной вопросу о классовой структуре болгарского общества конца рассматриваемого нами времени, является статья Я. Йоцова, (См.: *Йоцов Я.* Социално-икономическият облик на България. 1919—1923.— Известия на Института за история, 1968, т. 20. О классовой структуре Болгарии более позднего времени опубликованы работы Н. Горненского, В. Ванкова и некоторых других авторов; однако, как совершенно справедливо отметил акад. Х. Христов в докладе на съезде Болгарского исторического общества в 1970 г., «изучение этой сложной и трудной проблемы находится

в начальной стадии, и его необходимо продолжить» (Първи конгрес на Българското историческо дружество. С., 1972, т. I, с. 198).

¹⁸ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 183.

¹⁹ Подробнее см.: *Васильчук Ю. А.* Ф. Энгельс и социальные проблемы наемного труда.— Вопросы философии, 1970, № 11, с. 38—50; *Мещерякова Н. М.* Формирование пролетариата в освещении К. Маркса и его новейших буржуазных критиков.— Вестник МГУ. История, 1968, № 3; *Соболев А. И.* Всемирно-историческая роль рабочего класса, с. 6—7, 10.

²⁰ См.: *Димитров Г.* Съч. С., 1955, т. 14, с. 230—232; *Грамини А.* Избранные произведения. М.: Изд-во иностр. лит., 1959, т. 3, с. 73; подробнее о развитии В. И. Лениным учения о гегемонии пролетариата см.: *Шириня К. К.* Ведущая сила в борьбе за демократию и социализм (Развитие учения о гегемонии пролетариата).— Рабочий класс и современный мир, 1975, № 3; *Зародов К. И.* Три революции в России и наше время. М.: Мысль, 1975, с. 206—243.

²¹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 309—310.

²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 40, с. 310.

²³ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М.: Мысль, 1976, т. 2, с. 14—26, 351—356, 601—626.

²⁴ В советской историографии имеются обстоятельные труды, посвященные (полностью или частично) систематизации и конкретизации важнейших марксистско-ленинских принципов изучения рабочего класса как социально-политической силы, что облегчает нашу задачу. См., например: В. И. Ленин и история классов и политических партий в России. М.: Мысль, 1970, с. 9, 26—29 (автор главы М. П. Ким); В. И. Ленин о социальной структуре и политическом строе капиталистической России. М.: Наука, 1970; *Мутагиров Д. З.* Класс-создатель (Рабочий класс: состав, структура, границы). Л.: Лениздат, 1973; *Вдовин А. И., Дробижев В. З.* Рост рабочего класса СССР. М.: Мысль, 1976, с. 5—19. Этому вопросу посвящены, кроме названных, также работы А. А. Галкина, В. С. Семенова, Т. Т. Тимофеева, А. С. Черняева.

²⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 22, с. 142—143, 155—158, 187—188.

²⁶ Списание на Българското икономическо дружество (далее — Списание на БИКД).

²⁷ В частности, в реферате экономиста Д. Ябланского (Списание на БИКД, 1901, кн. 4/5, с. 213—226) содержались сведения и о численности промышленных рабочих по отраслям и предприятиям, собранные в результате проведенного по инициативе автора неофициального обследования промышленности. Хотя эти сведения были неполными, ввиду отсутствия в те годы официальной промышленной статистики они представляют некоторый интерес и в настоящее время.

²⁸ См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 9/10; 1914, кн. 8: 1915, кн. 9/10 и др.

²⁹ См.: Там же 1906, кн. 2/3; 1910, кн. 5; 1915, кн. 3/4; 1925, кн. 6/7; 1926, кн. 8; Начало С: 1909, кн. 5—6 и др. Материалы большинства отмеченных статей вошли позднее в обстоятельный краеведческий труд автора. См.: *Цончев П.* Из стопанското минало на Габрово. С., 1929.

³⁰ См., например: Списание на БИКД. 1910, кн. 5, с. 358; 1911, кн. 10, с. 928—930; 1915, кн. 3/4, с. 141—142, 145.

³¹ См.: Списание на БИКД, 1904, кн. 7, с. 507; кн. 8, с. 550.

³² См.: Там же, 1907, кн. 4/5, с. 255, с. 249, 258.

³³ Там же, с. 249, 258. Позднее, после первой мировой войны, А. Цанков (будучи профессором политэкономии Софийского университета) усиленно подчеркивал в ряде выступлений необходимость государственного урегулирования социальных проблем и одновременно отмечал возросшую роль пролетариата и тяготение широких масс к идеям социализма. См.: *Цанков А. Последствия от войната*. С., 1919, с. 101—102; Списание на БИКД, 1929, кн. 10, с. 528—529.

³⁴ См.: *Попов К. Стопанска България през 1911 г. С.*, 1916. Позднее работа дважды переиздавалась — в 1918 и в 1920 гг. (в 1920 г. — в переводе на французский). Она получила премии БАН и Болгарского экономического общества. См.: Списание на БИКД, кн. 8/9, с. 507—508; *Статистика, С.*, 1957, № 2, с. 31.

³⁵ См.: *Статистика, С.*, 1957, № 2, с. 25.

³⁶ Списание на БИКД, 1926, кн. 9/10, с. 403, 406.

³⁷ См.: *Моллов Я. Работниците в земеделието у нас*. С., 1922. Автор использовал материалы частичного обследования положения рабочих в земледелии, проведенного выборочным методом Болгарским земельным обществом в 1920—1921 гг., но оставшегося не законченным.

³⁸ См.: *Архив за стопанска и социална политика*, 1925, кн. 1, 5; 1926, кн. 3, 5; 1927, кн. 5 и др.

³⁹ *Социал-демократ. С.*, 1920, кн. 15—16, с. 6.

⁴⁰ См.: *Обществена мисъл. С.*, 1923, кн. 6, с. 34.

⁴¹ См.: Списание на БИКД, 1929, кн. 10, с. 564; *Архив за стопанска и социална политика*, 1930, кн. 3, с. 237.

⁴² См.: *Янулов И. Инспекция на труда. С.*, 1905; *Он же. На борба за работнишки закони. С.*, 1910; *Он же. Злополуките на труда в България.* — Списание на БИКД, 1911, кн. 8; *Он же. Социална политика в чужбина и в България. С.*, 1924; и др.

⁴³ См.: *История на икономическата мисъл в България. С.*, 1973, т. 2, с. 260—267. После 9. IX 1944 И. Янулов выпустил и переиздал ряд работ, в которых попытался с позиций марксистско-ленинской методологии осветить проблемы трудового права и рабочего законодательства.

⁴⁴ См.: *Тодоров Д. Условията на труда у нас. С.*, 1919; *Он же. Инспекторатът на труда в чужбина и у нас. С.*, 1914; *Он же. Икономическото и духовно-политическо положение на работническата младеж в България. С.*, 1921; Харьков, 1925; и др.

⁴⁵ Вскоре некоторые из этих произведений вошли в изданную Д. Благоевым в 1900 г. книгу «Социализм и рабочий вопрос в Болгарии». См.: *Благоев Д. Съч. С.*, 1958, т. 6, с. 117—275.

⁴⁶ *Благоев Д. Съч.*, т. 6, с. 199.

⁴⁷ *Бакалов Г. Дмитрий Благоев — дедущка болгарского пролетариата. М.; Л.: Молодая гвардия*, 1931, с. 6.

⁴⁸ См.: *Благоев Д. Едрата индустрия и работническата класа в България.* — Съч. С., 1960, т. 12, с. 553—554; см. также: 1961, т. 14, с. 371—374, 548; 1961, т. 15, с. 287; 1964, т. 20, с. 396, 498.

⁴⁹ См.: *Благоев Д. Съч.*, т. 12, с. 422, 459, 551—554; т. 15, с. 226; 1961, т. 16, с. 380; т. 20, с. 354.

⁵⁰ См.: *Благоев Д. Икономическото развитие на България.* — Съч., 1958, т. 7, с. 520, 529.

⁵¹ *Благоев Д. Съч.*, т. 14, с. 73, 415.

⁵² *Благоев Д. Принос към историята на социализма в Бълга-*

рия.—Съч., 1960, т. 11, с. 429—444, 561—562; см. также т. 15, с. 62—71.

⁵³ См., например: *Кирков Г.* Работническата класа е революционна; *Он же.* Буржоазия и пролетариат.—В кн.: *Кирков Г.* Избрани произведения (далее—Избр. произв.). С., 1950, т. 1; *Георгиев Г.* Класовото съзнание на нашите работници.—Избр. произв. С., 1971; и др.

⁵⁴ См., например: *Коларов В.* Условията на труда в България.—В кн.: *Коларов В.* Избр. произв. С., 1954, т. 1; *Кабакчиев Х.* Пробуждането на българските пролетарии.—В кн.: *Кабакчиев Х.* Избр. произв. С., 1953; *Марковски Е.* Поскъпването на живота и борбата на работническата класа. С., 1908; *Петров Т.* Социалната демокрация и работническото синдикално движение.—В кн.: *Петров Т.* Избр. произв. С., 1953; *Он же.* Народната просвета и работническата класа. С., 1915; *Сотиров Б.* Работническите злополуки. С., 1910; и др.

⁵⁵ См., например: *Димитров Г.* Синдикалното движение в България. С., 1910. Отмеченные рабочеведческие труды Г. Димитрова, относящиеся к периоду до 1923 г., составляют основу 1—7-го томов собрания его сочинений.—Съч. С., 1951—1953 гг. т. 1—7.

⁵⁶ См.: *Димитров Г.* Ленин и революционное движение на Балканах.—Красный интернационал профсоюзов, 1924, № 2/3; *Он же.* Октябрьская революция и Балканы.—Internationale Presse-Kongresspondenz (Inprekorr), 18.XI 1927, № 114; *Бакалов Г.* Первые шаги марксизма в Болгарии.—На боевом посту. М., 1930; *Он же.* Старая «Искра» среди болгар.—Пролетарская революция, 1929, № 8/9; *Кабакчиев Х.* Дмитрий Николаевич Благоев.—Летопись марксизма, 1929, № 1; *Он же.* Ленин и болгарские тесняки.—Историк-марксист, 1934, кн. 1; *Коларов В.* Димитр Благоев—основатель и вождь БКП.—Коммунистический Интернационал, 1924, № 3/4; *Он же.* Съдбините на комунизма в България.—Избр. произв. С., 1955, т. 2.

⁵⁷ До настоящего времени усилия историографов (мы имеем в виду в первую очередь труды академиков Д. Косева, Ж. Натана, Х. Христова, а также К. Василева, М. Велевой, А. С. Бейлиса и др.) были сосредоточены главным образом на изучении вклада Д. Благоева (отчасти и его соратников) в создание основ марксистской историографии в Болгарии.

⁵⁸ См.: *Панайотов Л.* Борбата на БКП срещу ликвидаторството и десноопортунистическите отклонения. С., 1962, с. 15—16, 27—28, 33, 52—54, 192—201; *Цанев П.* Марксистко-ленинската книга през периода на фашистката диктатура (1923—1944). С., 1965, с. 12, 136—137.

⁵⁹ Ср.: *Цанев П.* Марксистката историческа наука в България. 1885—1944. С., 1972, с. 125.

⁶⁰ См.: *Клиничаров И.* Дядо Благоев. С., 1926; История на работническото движение в България. С., 1926—1928, ч. I (1882—1893); ч. II (1893—1903); и др.

⁶¹ Некоторые рецензенты правомерно упрекали Клиничарова в «беззаботности» в отношении точности описываемых событий, фактов и т. п. См.: Каторга и ссылка, 1930, № 5, с. 138—142, 146; УЗИС, 1934, т. 2, с. 375.

⁶² См.: *Димитров С.* Класовото разслоение в занаятчийството у нас.—Звезда, 28.II 1933, кн. 14, с. 638—648.

⁶³ В утерянной рукописи III тома своего важнейшего труда (Бит и душевност на нашия народ. С., 1940, т. I; С., 1945, т. II) И. Хад-

жийский начал разработку психологии классовой борьбы болгарского пролетариата. См.: Социологически проблеми, 1972, № 4, с. 87. Хочется выразить надежду, что изучение социальной психологии рабочего класса капиталистической Болгарии вновь привлечет внимание болгарских социологов.

⁶⁴ Важнейшими из них являются коллективные труды «История на България» (С., 1954—1955, т. 1—2; 2-е изд., перераб. С., 1961—1964 гг., т. 1—3) и «Икономика на България» (С., 1969, т. 1).

⁶⁵ Крупнейшие монографии по названной проблематике: *Косев Д.* Септемврийското въстание 1923 г. 2-е изд., расширен. С., 1973; *Христов Х.* Революционната криза в България през 1918—1919 г. С., 1957.

⁶⁶ По данным доклада акад. Д. Косева на конференции историков в 1964 г., свыше половины историков Болгарии работало тогда в области истории БКП. См.: Исторически преглед, № 4, 1964, с. 25.

⁶⁷ См.: История на Българската комунистическа партия. С., 1969; 2-е изд., 1979; Георги Димитров. Биография. С., 1972; Димитър Благоев. Биография. С., 1979.

⁶⁸ См.: *Иотов Й., Колева Т., Радев Г., Ерелийска М., Трифонова М., Ангелова Т.* Двадесет и пет години историко-партийната наука.— Известия на Института по история на БКП, 1969, № 21; *Иотов Й., Колева Т.* Историография на работническото и комунистическото движение в България до 1939 г.— В кн.: Проблеми на българската историография след Втората световна война. С., 1973; *Елазар Д.* Четвърт век в служба на историко-партийна наука.— Известия на Института по история на БКП, 1978, № 39.

⁶⁹ Рабочеведческая литература в НРБ, насчитывающая только по интересующему нас периоду около 70 книг и сборников и несравнимо большее число статей и сообщений, несомненно, должна явиться предметом специального историографического исследования. Наш, по необходимости краткий, обзор охватывает лишь книги и сборники. Выборочно в него включены отдельные, наиболее существенные, на наш взгляд, и характерные исследовательские статьи.

^{69a} Общий рабочий профессиональный союз.

⁷⁰ *Бужашки Е. Д.* Благоев и победа на марксизма в българско-то социалистическо движение 1885—1903 гг. С., 1960; *Ламбрев К.* Наченки на работническото и профсъюзното движение в България. 1878—1891. С., 1960; *Он же.* Работническото и професионалното движение в България. 1891—1903. С., 1966; *Цанев П.* Първомайските чествувания у нас. 1893—1944. С., 1956; *Тодорова Ц.* Борбата на българските работници против режима на демократическата партия. 1908—1911.— Известия на Института за българска история при БАН, 1957, кн. 7.

⁷¹ См. также: *Цилев А.* Профсъюзното движение в България през периода на следвоенната криза. 1919—1924. С., 1962; *Боев Б., Радулов С.* Октомври и профсъюзното единство в България. 1918—1924. С., 1977.

⁷² История на революционното движение в Варненски окръг. 1897—1944. Варна, 1961; *Игнатов И.* Из революционното минало на Свиштовския край. Свиштов, 1965; Из историята на работническо движение в Пловдивски окръг. Пловдив, 1968, вып. 1; 1974, вып. 2; Работническото революционно движение във Великотърновски и Габровски окръзи. С., 1972; *Атанасов Д.* Революционното работническо и социалистическо движение в Хасковски окръг. 1892—1917. С., 1972.

⁷³ Георгиев Г. Поява и развитие на работническото движение в София (1885—1900).— Исторически преглед, 1963, № 5; Китилов П. Поява и развитие на Варненското социалистическо и работническо движение до 1903. С., 1965; Врачев И. Светли страници от революционното минало на Габрово. С., 1967. Интересни материали по истории на работническото движение в отделни региони са дадени и в някои от многочислените краеведчески издания, а също и в очерците по история на предприятията. См., к примеру: Ангелов Б. Героичният път на ветерана. С., 1963. По-подробно за тези издания см.: Проблеми на българската историография..., с. 85—86, 405; Проблеми на историята на предприятията. С., 1971.

⁷⁴ Христов Х. Транспортната стачка през 1919—1920 г.— Известия на института за българска история, 1954, кн. 5; Младенов Д. Пернишката рудничарска стачка през 1906 г. С., 1955.

⁷⁵ Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М., Георгиев А., Василев В. Стачните борби на работническата класа в България (1879—1944). С., 1960.

⁷⁶ Спасов И. Калтинска република. С., 1964; Стоянов К. Стачните борби във Варна, ч. I (1899—1912).— Известия на народния музей—Варна, Варна, 1967, т. III; ч. II (1912—1923).— Там же, 1969, т. V.

⁷⁷ См.: Коджейков Д., Иванов Н. Материали по синдикалното движение в България, 1904—1954. С., 1955; Коджейков Д., Хаджиниколов В., Йоцов Я. Революционното профсъюзно движение в България. 1878—1944. С., 1957 (със руски превод); Победният марш. 1904—1974. С., 1974; Младенов Д. Развитие и постижения на революционното профсъюзно движение в България. 1904—1974: (Цифрови данни). С., 1976.

⁷⁸ См.: Исусов М. Революционното профсъюзно движение в България. 1903—1912. С., 1962; см. също работите на К. Ламбрева, А. Цилева, Б. Боева и С. Радулова, дадени в примеч. 70 и 71. По-подробно за труда по история на работническото профсъюзно движение в България.— Профсъюзни летописи, 1964, № 3.

⁷⁹ См.: Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М., Великов С., Мичев Д., Василев В., Георгиев В., Шарланов Д. История на профсъюзното движение в България. С., 1968; 2-е изд., 1973.

⁸⁰ См.: Пенев Н. Развой на профдвижението на железничарите в България. С., 1949; Вангелов Г. Тютюнороботници. С., 1955; Коджейков Д. Страници на борбите на телеграфопоштенци. С., 1958; Райков Р. Материали по положението, организацията и борбите на строителните работници в България. С., 1959; Георгиев А., Попов Г. 50 години металороботнически съюз. С., 1961; Коджейков Д., Христов Х., Ламбрев К., Георгиев А. Организации и борби на транспортните работници в България. С., 1962; Наков А. Развитие и дейност на Работническия шивашки съюз в България.— Профсъюзни летописи, 1962, № 1; Великов С. Организации и борби на кожаро-обущарските и каучуковите работници в България. С., 1963; Георгиев Г., Йорданов Г., Великов С., Костов И. Организации и борби на българските рудничари. С., 1967; Данков П. Развитие и борби на Работническия дърводелски съюз в България. С., 1969; Василев В., Червендинева М., Ерелийска М., Цанев П. Текстилци. Организация и борби на текстилните работници в България. С., 1970; Кръстев Д. 50 години

профсъюз на работниците от селското стопанство. С., 1970; Данков П. Професионални организации на работниците и служителите от горското стопанство в България. С., 1974.

⁸¹ См.: Из историята на революционното профсъюзно движение в Габровски окръг. С., 1972; Радков И., Петков А. Революционното профсъюзно движение в Русе. С., 1974; История на профсъюзното движение в Пловдивски окръг. С., 1976 (коллективна монография, систематически освещаваща история профсъюзозов крупнейшего пролетарского района Болгарии).

⁸² См.: Боршукон Г. Социалистическият печат в България. С., 1946; Он же. Вестник «Работник». 1892—1894. С., 1955; Георгиев П., Бурмов А., Стефанов Ц. История на българския работнически печат. С., 1954; Топенчаров В. Българската журналистика. 1885—1903. С., 1963; Георгиев А., Коджейков Д., Хаджиниколов В., Исусов М. Профсъюзният печат в България. С., 1958, ч. I. 1878—1918.

⁸³ См.: Коджейков Д. Партията и профсъюзното движение в България. С., 1970; Георги Димитров и профсъюзното движение. С., 1972; Боев Б., Радулов С. Д. Благоев и работническата класа в България. С., 1976.

⁸⁴ См.: Тодорова Ц. Първи стъпки на младежкото революционно движение в България. С., 1960; Колева Т. Българският комунистически младежки съюз в периода на следвоенната революционна криза. С., 1961; Она же. Кооперация «Освобождение» (1919—1924). Известия на института по история на БКП, 1965, т. 13; Дойчев Н. Борбата на БКП (т.с.) за свързване с трудещите маси в периода на следвоенната революционна криза. С., 1964; Брадинска Р. Възникване и оформяване на женското социал-демократическо движение в България. С., 1969; Воденичарова З., Попова Н. Революционното женско движение в България. С., 1972; История на младежкото революционно движение в България. С., 1972.

⁸⁵ См.: Хаджиниколов В. Отражение на Първата руска революция в България. С., 1956; Он же. Интернационалистическите традиции на Българската комунистическа партия. С., 1962; Атанасов Г. Към въпроса за влиянието на първата руска революция върху развитието на работническото движение у нас. С., 1959; Веков А. Българо-руски революционни връзки. 1885—1917. С., 1965; Колева Т. Международни връзки на българските революционни профсъюзи (1919—1924).—Профсъюзни летописи, 1969, № 8; Она же. БКП и международното комунистическо движение. С., 1973; Боев П. Из историята на комунистическото движение на Балканите. 1917—1923. С., 1972; Димов Н. Профинтернът и балканското профсъюзно движение. С., 1976; Веков А. Г. В. Плеханов и социалистическото движение в България. С., 1978.

⁸⁶ См.: Ламбрев К. Положението на работническата класа в България от освобождението до началото на ХХ в. С., 1954; Шарова К. Из борбите на БРСДП и ОРСС за работническото законодателство в началото на нашия век.—Известия на института за българска история, 1956, т. 6; Златинчев И. Борбата за трудово законодателство в България. С., 1961; Беров Л. Положението на работническата класа в България при капитализма. С., 1968 (обстоятелствена монография, интересна методикой исследования, тонкими наблюдениями и важными выводами).

⁸⁷ Из трудов, посвященных персоналиям, следует выделить упомянутые уже научные биографии Г. Димитрова и Д. Благоева, иссле-

дование Е. Бужашки о Д. Благоеве, книгу Т. Ангеловой (Ангелова Т. Иван Орманов. С., 1974), а также фундаментальную двухтомную летопись жизни и деятельности Д. Благоева. См.: Летопись за живота и дейността на Димитър Благоев. С., 1974—1975. т. I, II.

⁸⁸ Упомянем прежде всего названный труд Л. Берова о положении болгарского пролетариата при капитализме, небольшую работу Д. Младенова (Младенов Д. Поява на фабричен пролетариат в България. С., 1961) и глубокие и содержательные статьи Г. Георгиева о формировании отрядов промышленных рабочих в табачной, текстильной и пищевой отраслях промышленности, напечатанные в ежегодниках Музея революционного движения в Болгарии в 1965, 1966 и 1967 гг. Для изучения процесса формирования пролетариата полезны и некоторые обстоятельные труды по региональной истории болгарского рабочего движения (в первую очередь названные коллективный труд по истории революционного рабочего движения в Великотырновском и Габровском округах и монография Д. Атанасова), а также публикации Б. Алексиевой, И. Георгиева, Б. Петковой, Г. Славова, П. Стойчева и других о формировании отдельных локальных отрядов пролетариата (в Габрово, Сливене, Казанлыке, Русе, Плевене, Пловдиве).

⁸⁹ См.: Проблеми на българската историография, с. 433; см. также с. 428. Недостаток внимания к социальной истории болгарского пролетариата периода капитализма отмечался на конференции и в выступлениях В. Василева и В. Топалова. См.: там же, с. 440, 448.

⁹⁰ Подробнее см.: Заборов М. А. История международного рабочего и коммунистического движения; (Обзор советской литературы).— Вопросы истории, 1978, № 6, с. 43—47.

⁹¹ См.: Кирьянов Ю. И. Современное состояние изучения российского пролетариата.— В кн.: Из истории рабочего класса СССР. Киров, 1972.

⁹² Нарочницкий А. Л., Ворожейкин М. Е., Митрофанова А. В., Полетаев В. Е., Сеняский С. Л. Некоторые актуальные проблемы истории советского рабочего класса.— История СССР, 1978, № 4, с. 18.

⁹³ О некоторых итогах изучения истории польского пролетариата, выразившихся, в частности, в подготовке обобщающего коллективного труда (Polska klasa robotnicza. Zarys dziejow, Warszawa, 1974—1978, t. 1, cz. 1, 2) см. обзоры С. Калябинского (Вопросы истории, 1977, № 12) и И. С. Яжборовской («Рабочий класс в мировом революционном процессе» М., 1977, с. 167—176).

⁹⁴ Назовем лишь книги о структуре рабочего класса капиталистического периода истории Венгрии и Чехословакии: Lacko M. Ipari munkásságunk összetételének alakulása. Budapest, 1961; Krěpeláková V. Štruktura a sociální postavení dělnické třídy v Čechách. 1906—1914. Praha, 1974; см. также обзор: Ученые ГДР об исторических аспектах развития и структуры пролетариата.— В кн.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. М., 1975; Zwahr H. Zur Konstituierung des Proletariats als Klasse: Strukturuntersuchung über das Leipziger Proletariat während der industriellen Revolution. Berlin, 1978.

⁹⁵ См.: Панцуктилова О. В. Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. М.: Госполитиздат, 1956; Руценко П. Т. Великий Жовтень і революційний рух у Болгарії в 1923 році. Харків: Видавництво Харківського державного університету, 1967;

Сохань П. С. Пламенный революционер: Жизнь и деятельность Георгия Димитрова. 2-е изд., исправ. и дополн. Киев: Наукова думка, 1969. Некоторые советские историки посвятили вопросам истории рабочего движения Болгарии свои частично опубликованные кандидатские диссертации. См.: *Вознесенский В. Д.* Рабочее движение в Болгарии накануне Балканских войн. М. 1954; *Кулинич И. М.* Положение и борьба рабочего класса в Болгарии в начале XX в. Киев, 1956; *Мирзаев А.* Положение и борьба рабочего класса Болгарии в годы первой мировой войны. Киев, 1970. Ряд работ по названной проблематике опубликовал и автор настоящей книги. Подробнее о советской литературе по истории рабочего и профсоюзного движения в Болгарии см.: *Младжов Г.* Литература по истории на работническото профсъюзно движение в България, излязла в Съветския Съюз през 1945—1965 гг.—Профсъюзни летописи, 1966, кн. 5.

⁹⁶ В последнее десятилетие начали создаваться совместные труды советских и болгарских историков; здесь следует отметить подготовленные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институтом истории БКП и выпущенные в Москве (на русском) и в Софии (на болгарском): В. И. Ленин и исторические судьбы болгарского народа, 1970; Октябрь и болгарские интернационалисты, 1973; Д. Благоев — выдающийся теоретик и революционер, 1976.

⁹⁷ Отдельные критические замечания по поводу названных публикаций статистики см.: *Беров Л.* Положението..., с. 3—5, 218—219.

⁹⁸ Имеется в литературе и мнение, что некоторые показатели статистики о числе отдельных отрядов рабочего класса Болгарии являются «абсурдными». См.: Исторически преглед, 1958, № 6, с. 77.

⁹⁹ В советской литературе, как уже отмечалось выше (см. примеч. 15 и 16), неоднократно высказывалось мнение о желательности и необходимости выработки общепризнанных и эффективных методов и приемов использования показателей буржуазной статистики.

¹⁰⁰ О некоторых из них см.: *Попов К.* Стопанска България..., с. 31, 363.

¹⁰¹ См.: *Стефанов И.* Основни жалони в развитието на българската държавна статистика.—Статистика, 1977, № 1, с. 4—10; *Попов К.* Стопанска България..., с. 31.

¹⁰² См.: *Бертильон Ж.* Курс административной статистики. М., 1897, ч. 1, с. 243—244; *Рябушкин Т. В.* О классификации отраслей народного хозяйства и производств в буржуазной статистике.—Учен. зап. по статистике, М., 1956, т. II, с. 308, 313—314, 317, 326.

¹⁰³ См.: *Bertillon Jacques.* Nomenclature des professions: Rapport sur les observations faites par differents directeurs de Services Statistiques à propos du projet de nomenclature des professions, présenté à leur examen par l'Institut International de Statistique (Session de Vienne). Rome, 1894, vol. VIII; на русском языке см.: *Бертильон Ж.* Курс административной статистики, ч. 1, с. 266—294.

¹⁰⁴ См.: *Георгиев Г.* Нещо по статистика.—В кн.: *Георгиев Г.* Избр. произв., с. 104—106; *Стефанов И.* За наследството на българската държавна статистика.—Известия на Висшия финансово-стопански институт (Свищов), 1962, кн. 4, 419—423; *Киришевская А. Н.* Некоторые особенности болгарской сельскохозяйственной статистики.—В кн.: Славяне и Россия: К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М.: Наука, 1972, с. 248—249.

¹⁰⁵ Преброяване на индустриите насърчавани от държавата (31 декември 1904 година). С., 1906.

¹⁰⁶ Доклад до г-на министъра на търговията и земледелието по анкетиране дейността на Главната дирекция на статистиката през периода август 1903 — февруарий 1908 г. С., 1908, 295 с. Одновременно комиссия представила и второй доклад о злоупотреблениях в издательской деятельности Дирекции П. Германова.

¹⁰⁷ Доклад до г-на министра..., с. 203—204, 232—233, 290.

¹⁰⁸ Там же, с. 190—193, 201—204, 231.

¹⁰⁹ Там же, с. 289—290. Мы сочли целесообразным специально остановиться на ошибках в изданиях Дирекции П. Германова. Хотя общее заключение комиссии о дефектности названных публикаций и упоминалось в литературе (Списание на БИКД; 1909, кн. 9—10, с. 720—721; Статистика, 1960, № 2; с. 73; *Стефанов И.* За наследство..., с. 423, 426), доклад комиссии, как это ни парадоксально, оставался фактически вне поля зрения многих исследователей, и данные публикаций дирекции Германова, некритически заимствованные, ввели в заблуждение некоторых авторов. Между тем в докладе содержался и серьезный анализ концепций статистических изданий, и интересные конкретные соображения и наблюдения.

¹¹⁰ Проведенную К. Поповым «чистку» в статистике положительно оценил Д. Благоев. См.: *Благоев Д.* Съч., т. 20, с. 390.

¹¹¹ Характерно, что в последующих статистических изданиях данные анкеты 1904 г. часто игнорировались. См., например: Статистически годишник на българското царство. Година XXIII. 1931 (далее — Статистически годишник, 1931). С., 1931, с. 240.

¹¹² См.: Общи резултати от преброяването на населението в царство България на 31 декемврий 1910 г. (далее — ОРПН. 1910). С., 1923, кн. III, с. VIII.

¹¹³ См.: *Маркс К.* Капитал.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 456.

¹¹⁴ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 6—7; 1905, кн. II, с. 2—3; 1910, кн. III, с. 4—7; 1920, кн. III, с. 4—9; 1926, кн. III, с. 6—7.

¹¹⁵ Данная поправка (как и некоторые другие) в отдельности не вносит сколько-нибудь заметных изменений в показатель численности болгарского пролетариата; однако взятые в совокупности эти поправки составляют существенную величину. Мы полагаем целесообразным высказать все наши основные наблюдения по поводу применения классификации Ж. Бертильона в ходе переписей и при обработке их результатов в Болгарии также и потому, что ни его классификация (хотя она и использовалась в статистике многих стран с начала XX в.), ни конкретные опыты ее применения не подвергались, к сожалению, научному разбору в марксистской литературе и некоторые из наших наблюдений и корректив могут, вероятно, оказаться небесполезными для исследователей численности и структуры рабочего класса других стран.

¹¹⁶ Понятие «машинист» в рассматриваемое время в Болгарии означало не только машиниста на паровозе, но и вообще любого работника (типа механика), чей труд был целиком связан с обслуживанием машины (включая и сельскохозяйственную).

¹¹⁷ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 40—41; 1905, кн. II, с. 28—31; 1910, кн. III, с. 34—35; 1920, кн. III, с. 32—33.

¹¹⁸ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 48—49; 1905, кн. II, с. 34—35; 1910, кн. III, с. 40—41; 1920, кн. III, с. 38—39; 1926, кн. III, с. 30—31.

¹¹⁹ См.: Очерки по истории статистики СССР. М.: Госстатиздат, 1960, кн. III, с. 116—129. С. Н. Семанов в своей книге (См.: *Сема-*

нов С. Н. Петербургские рабочие накануне первой русской революции. М.; Л.: Наука, 1966, с. 11) вообще исключает из своего анализа транспортных рабочих по той причине, что статистика не дает возможности определить их точное число.

¹²⁰ См.: Рашин А. Г. Формирование рабочего класса в России. М.: Соцэкгиз, 1958, с. 117.

¹²¹ Показатели о низших чинах армии, полиции и жандармерии (как и о некоторых категориях низших служащих) уже исключались из состава пролетариата в отдельных болгарских исследованиях. См.: Беров Л. Положението..., с. 5.

¹²² См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 66—69, № 246—258; с. 72—75, № 272—281; 1905, кн. II, с. 46—49, № 289—303; с. 50—51, № 320—330; 1910, кн. III, с. 52—55, № 440—449; с. 56—57, № 462—467.

¹²³ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 76—77; 1905, кн. II, с. 52—53; 1910, кн. III, с. 60—61; 1920, кн. III, с. 56—57.

¹²⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 199, 217—218; т. 27, с. 152—153; т. 37, с. 404.

¹²⁵ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 78—79, № 292—295; 1905, кн. II, с. 54—55, № 340—343; 1910, кн. III, с. 62—63, № 483—486; 1920, кн. III, с. 56—58, № 483—486; 1926, кн. III, с. 45—47, № 483—486.

¹²⁶ Конкретные итоги наших подсчетов приведены ниже.

¹²⁷ В последние годы советские исследователи (В. И. Владимирская, В. М. Ендакова, В. А. Кузько, Ю. А. Львуниц, П. С. Сохань, Г. И. Чернявский и др.) выявили в советских и издававшихся в Москве международных изданиях ряд материалов, принадлежащих перу Г. Димитрова и В. Коларова и освещающих деятельность БКП. Все эти ценные публикации (как и некоторые другие материалы по истории рабочего движения Болгарии, обнаруженные автором в советских архивах и печати) использованы в настоящей работе.

¹²⁸ Среди них — вышедшие отдельными книгами воспоминания руководителей БКП Д. Благоева, В. Коларова, Х. Кабакчиева; назовем также мемуары других активных деятелей рабочего социалистического и коммунистического движения, молодежных, женских и профсоюзных организаций, таких, как, например, В. Ангелов, Д. Богатинова, К. Божилков, А. Виденов, В. Власковский, А. Георгиев (автор большого числа книг и брошюр частично полумемуарного характера, весьма полезных для изучения темы), А. Грамчев, Х. Гюлеметов, Ц. Драгойчева, Л. Дюгмеджиев, Ф. Иглев, Н. Ирибаджак, Г. Ковачев, Д. Коджейков, В. Косовский, К. Лазаров, А. Миленов, К. Митев, И. Михайлов, Ж. Натан, А. Недялков, Б. Попов, К. Халачев, Х. Халачев, К. Чекаларов, Н. Янев, П. Ярымов и др. Неизмеримо более значительное число воспоминаний было напечатано в разнообразных болгарских периодических и полупериодических изданиях, альманахах и сборниках. В работе использовано также значительное число неопубликованных воспоминаний, хранящихся в партийном и профсоюзном архивах Болгарии.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА
И ФОРМИРОВАНИЕ
РАБОЧЕГО КЛАССА БОЛГАРИИ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

§ 1. Зарождение капиталистических отношений
и появление наемных рабочих
в болгарских землях
до освобождения от османского ига

Зарождение пролетариата в Болгарии (как и в большинстве других стран) связано с периодом разложения феодальных отношений и появлением элементов капитализма как общественно-экономического строя, в основе которого лежит система эксплуатации свободного наемного труда. Некоторые формы наемного труда встречались в Болгарии и в докапиталистическую эпоху.

Еще в конце XVIII в. в болгарских землях феодальной Османской империи — в деревне и в городе, в сельском хозяйстве и в ремесле — протекали сложные социально-экономические процессы, в результате которых, вопреки деспотическому режиму, медленно пробивались ростки капиталистических отношений, что и привело к появлению вначале немногочисленных наемных работников, рекрутировавшихся из среды неимущих и малоимущих крестьян, разорявшихся ремесленников и других категорий городской бедноты.

В ряде исследований историков выяснено, что с конца XVIII в., более широко — в XIX в. в существовавших в болгарских землях крупных земельных владениях (чифликах) применялся труд полунаемных и отчасти наемных работников — постоянных и сезонных (сроковых и поденных)¹. В 60—70-х годах XIX в. наемные рабочие более или менее широко встречаются, в частности, в северо-восточной Болгарии, в первую очередь в крупных земельных владениях в Добрудже. Сюда в поисках рабо-

ты тянулось разорявшееся в результате усиленного налогового гнета сельское население других болгарских областей².

Труд наемных рабочих применялся прежде всего в той части чифликов, которые принадлежали немусульманам (болгарам, грекам и др.), а также и на отдельных земельных участках, эксплуатировавшихся на капиталистических началах болгарскими арендаторами. Существовали и принадлежавшие туркам землевладения (к примеру, рисовые плантации в Пазарджикском и чифлики в Пловдивском и Стара-Загорском районах), в которых встречались смешанные формы принудительного и наемного труда³. Крестьян из подбалканских сел и других районов Северной Болгарии посылали по нарядам турецких властей на уборку урожая и на иную сезонную работу в чифлики во Фракию и прочие районы Южной Болгарии, а также в Добруджу; после окончания рабочего сезона полагалась небольшая плата⁴. Некоторые сезонные рабочие из болгарских земель попадали в Константинополь и другие районы империи, а также в Румынию⁵.

Полунаемные и наемные рабочие встречались не только в виде «ратаев» («аргатов» или «момков» — сельскохозяйственных работников, несших вначале также и полуфеодальные повинности) и сезонных рабочих в чифликах, но также как сроковые и поденные рабочие на жатве и в другие периоды интенсивных сельскохозяйственных работ. Их труд применялся при возделывании роз (в районах Казанлыка и Карлово), в огородничестве и в крупных скотоводческих хозяйствах. Подчас, как это было в овощеводческих (тайфах) и в скотоводческих (оджаках) объединениях, труд фактически полунаемных рабочих был завуалирован своеобразной артельной формой⁶.

Формы сочетания наемного труда с элементами внеэкономического принуждения были различными (кстати сказать, в научной литературе этот вопрос еще не разработан). На первых порах, видимо, наиболее был распространен труд полунаемных работников, являвшийся переходной формой от феодальной зависимости к наемному труду. В частности, в некоторых чифликах рабочие не всегда были лишены средств производства, но и не были полностью свободны⁷. Внеэкономическое принуж-

дение было также сильно в отношении кюмюрджиев — крестьян, занимавшихся в районе Малко-Тырново и Странджи изготовлением древесного угля, на который был большой спрос в Константинополе и других больших городах. Нанятые на определенных условиях (оплата производилась в основном натурой) торговцами-предпринимателями, получавшими небезвозмездно от турецких властей для этих целей лесные участки, крестьяне-кюмюрджии постепенно попадали в долговую кабалу, от которой они в большинстве своем не могли избавиться. Иногда даже их дети обязаны были отрабатывать «долги» родителей, ибо власти стояли на страже интересов предпринимателей⁸. Существовали и другие формы полунаняемого труда.

С начала XIX в. довольно широкое распространение получил труд сезонных рабочих (в значительной мере женщин). При этом рабочие — так называемые загорцы и загорки (жетвари и жетварки) — иногда были даже заинтересованы в том, чтобы к набору на работу была причастна турецкая администрация, ибо последняя предоставляла известные гарантии выплаты вознаграждения и безопасного следования на работу⁹. Сезонные сельскохозяйственные рабочие нанимались на различные сроки: на полгода, на 1—2 месяца, а иногда и на несколько дней.

С помощью турецких властей происходил также набор сезонных работников на строительство шоссе, железной дороги и иных государственных сооружений, принявшее более широкий размах в 60—70-х годах XIX в. На этих стройках работали как принудительно присланные в порядке выполнения повинностей из окрестных сел крестьяне, так и нанятые по объявлению в газетах рабочие-строители, получавшие денежную плату. Часть строительных работ (при постройке домов для индивидуальных заказчиков и при сооружении школ и церквей) осуществлялась с помощью сельских ремесленников-строителей (дюлгеров). Артели дюлгеров из сел Трынского, Тревненского и других районов (напоминавшие, по существу, упомянутые выше группы овощеводов) в поисках работы часто уходили в дальние вилайеты Оттоманской империи, но по окончании строительного сезона возвращались в свои деревни¹⁰.

Не освещенным в литературе остался вопрос об использовании труда наемных работников в сферах обслуживания (в трактирах, постоянных дворах — ханах). В болгарских землях было немало торговых центров (особенно в дунайских и черноморских портах), славившихся на всю империю; некоторые купцы вели большие торговые операции¹¹ и нанимали работников для переноски и перевозки грузов, для работы в лавках и на складах.

Труд наемных рабочих использовался не только в сельском хозяйстве, строительстве и торговле, но и в ремесленном производстве. Уже с середины XVIII в. характер болгарского ремесла постепенно изменялся. Отдельные отрасли ремесла (в первую очередь текстильного) начали обслуживать рынки обширной империи, что постепенно вело к изменению масштабов и облика ремесла и ремесленной организации¹². С течением времени в таких болгарских городах и поселках, как Сливен, Сопот, Габрово, Копривштица, Карлово, Самоков, Панагюриште, Котел и др., появились отдельные ремесленные мастерские, в которых работало по 10—15, а иногда и больше человек. Часть работников подобных мастерских в середине XIX в. составляли уже не прежние, типичные для старого цехового устройства подмастерья (калфа) и ученики (чирák), а новая категория — наемные рабочие (так называемые ишчии) и поденщики¹³. Да и положение подмастерьев и учеников тоже постепенно изменялось: давление регламентирующих их деятельность цеховых ограничений ослаблялось, а иногда почти исчезало и, таким образом, их положение, по существу, приближалось к положению наемных рабочих¹⁴. Ремесленные мастерские в основном были мелкие, основанные на ручном труде, часто без подмастерьев и учеников¹⁵. Даже в крупных мастерских по-прежнему господствовал ручной труд, но он был расчленен на ряд простых операций. Постепенно некоторые крупные мастерские превращались в капиталистические мануфактуры¹⁶. Одна из таких — централизованная мануфактура по производству ковров в Пирдопе, принадлежавшая хаджи Личо Дончеву и занимавшая двухэтажное помещение, в котором было 20 ткацких станков, — обрисована в воспоминаниях его племянника, известного писателя Т. Влайкова¹⁷.
Переход к мануфактуре означал новый этап в развитии

индустрии, являлся первоначальной стадией капиталистического производства.

Фиксируя различные области применения наемного труда, мы должны отметить, что фактически на положении наемных рабочих были и многие так называемые домашние рабочие; у значительной части их работа по найму у предпринимателей (к примеру, у прядильщиц и ткачих Сливена и Котела, чесальщиц шерсти Самокова и т. д.) была главным источником существования. Рассеянная мануфактура была одной из распространенных в болгарских землях до освобождения форм организации крупного производства¹⁸.

Со второй трети XIX в. в болгарских землях стали возникать и отдельные, относительно крупные промышленные предприятия, именовавшиеся в источниках и в литературе, как правнло, фабриками. Постепенно число их возрастало, но подавляющее большинство фабрик действовало недолго — в Османской империи не было условий для их прочного существования: они могли действовать только при прямой или косвенной поддержке турецких властей¹⁹. Видимо, далеко не все из упомянутых предприятий, называвшихся фабриками, были фабриками в полном смысле этого слова. Как известно, В. И. Ленин, характеризуя понятие «фабрика», подчеркивал, что «научное значение этого термина не то, что обыденное. Наука ограничивает его применение только крупной машинной индустрией»²⁰.

В нашем распоряжении, к сожалению, почти нет работ, специально посвященных исследованию характера труда, применявшегося на болгарских промышленных предприятиях фабричного типа в целом, что обусловлено в первую очередь скудостью первоисточников. Вследствие этого нет возможности утверждать, какой труд был определяющим на большинстве этих предприятий — наемный или наполовину основанный на внеэкономическом принуждении²¹. Наиболее близким к истине нам представляется мнение, что на некоторых принадлежавших империи промышленных предприятиях, расположенных в болгарских землях, наемный труд переплетался с феодально-принудительными формами эксплуатации рабочих: одни работали по принуждению и без оплаты, а другие получали лишь частичное вознаграждение вследствие условий политического бесправия и национального

гнета²². На частных же предприятиях, видимо, работали в основном наемные рабочие.

Но вне зависимости от ответа на дискуссионные вопросы о квалификации и количестве промышленных предприятий фабричного типа в болгарских землях этого периода на них было занято некоторое количество наемных рабочих. Число их было, по-видимому, невелико²³. В ремесленных мастерских и в мануфактурах — централизованных и рассеянных — было, очевидно, занято значительно больше наемных и полунаемных рабочих. Однако и там число собственно наемных рабочих было, вероятно, и абсолютно и относительно незначительным. Подавляющее большинство наемных и полунаемных работников в ремесленных мастерских и в рассеянных мануфактурах сохраняло в это время в своем распоряжении некоторые орудия производства; значительная часть из них имела также небольшие земельные участки, которые возделывала в свободное от работы время²⁴. Все свидетельствует о том, что этих работников следует отнести к категории мануфактурных рабочих — именно сохранение орудий производства и участка земли Ф. Энгельс считал специфическими признаками мануфактурных рабочих, отличавшими их от чистых пролетариев²⁵.

Сходным было и положение в болгарской деревне. Число полунаемных и наемных работников в земледелии и скотоводстве перед освобождением выросло. Появилась прослойка малоземельных крестьян, для членов семей которых сезонная продажа своей рабочей силы становилась все более существенным дополнением к бюджету, а иногда и главным источником пропитания. Но число постоянных сельскохозяйственных рабочих росло медленно, что определялось замедленным проникновением чисто капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство.

Таким образом, социально-экономическое развитие болгарских земель до освобождения отмечено рядом глубоких и острых противоречий. Значительный рост товарно-денежных отношений, появление отношений капиталистического типа сопровождалось приспособлением к новым рыночным условиям некоторых крупных земельных владений, перестройкой ремесленного производства, возникновением предприятий мануфактурного и отчасти фабричного типа.

Параллельно складывался слой малоземельных и — в меньшей степени — безземельных крестьян и разоряющихся ремесленников, искавших применения в наемном труде. Однако в условиях феодальной деспотии и политического бесправия все ростки буржуазных отношений развивались медленно и подвергались значительной деформации. В частности, формирование слоя наемных рабочих в болгарских землях Османской империи происходило крайне замедленно: военно-феодальный строй препятствовал и возникновению «свободного» в двойном смысле, выражаясь словами В. И. Ленина, рабочего — «свободного от всяких стеснений или ограничений продажи рабочей силы и свободного от земли и вообще от средств производства...»²⁶. Все это определило сосуществование различных форм наемного, полунанятого-полупринудительного и чисто феодально-принудительного труда. Дальнейшее исследование поможет нам ответить на вопрос, какая из форм и в каких отраслях и сферах была преобладающей.

Общая обстановка переходного периода от феодализма к капитализму, осложнявшаяся тормозящим воздействием султанского режима и влиянием нарастающих экономических связей с капиталистически развитыми странами Европы, обусловила переплетение феодально-принудительных и капиталистических отношений и предопределила то обстоятельство, что малоземельные и безземельные крестьяне и разорившиеся ремесленники не получали в массе своей возможности найти себе применение в качестве наемных рабочих. Процесс пролетариата не получил завершения в массовом масштабе.

Появившаяся категория собственно наемных рабочих, численно незначительная, составляла формирующийся предпролетариат — таким термином, как известно, характеризовал Ф. Энгельс зародыш будущего пролетариата, являвшийся симптомом разложения феодального общества²⁷, «более или менее развитым предшественником современного пролетариата»²⁸. В литературе существуют различные точки зрения по вопросу о том, что представляли собою наемные рабочие в болгарских землях в период до освобождения. Одни авторы склонны (хотя и с оговоркой) употреблять по отношению к ним термин «рабочий класс»²⁹. Другие не разделяют мнения о том, что возник самостоятельный рабочий

класс, а некоторые даже решительно возражают против этой точки зрения³⁰. Третья группа авторов удачнее всего, на наш взгляд, характеризует формирующихся наемных рабочих как предпролетариат³¹.

Между нарождающимся предпролетариатом, немущими и беднейшими слоями города и деревни в целом и буржуазией (богатыми торговцами и предпринимателями) существовали противоречия, которые росли и углублялись. Особенности положения различных классов и слоев болгарского общества были основой разногласий по вопросам о путях и методах борьбы за национальное и социальное освобождение; они обусловили своеобразие позиций этих классовых групп в национально-освободительной борьбе. В целом, однако, в рассматриваемую эпоху классовый антагонизм в болгарских землях между предпролетариатом и буржуазией не был столь острым — более того, многие наемные и полунаемные рабочие (в первую очередь на мануфактурах и в мелких ремесленных мастерских) и работодатели стояли (как и всюду на мануфактурной стадии развития капитализма), по выражению К. Маркса, «социально близко друг к другу»³². Основным противоречием в обществе было противоречие между феодальной верхушкой султанской империи и болгарским народом (как и другими угнетенными народами), который включал в свой состав как трудящиеся низы (в том числе и предпролетариат), так и большую часть формирующейся национальной буржуазии³³.

Тяжелое положение наемных работников: рабочий день от зари до зари, фактическое бесправие, мизерная оплата³⁴ — не могло не вызвать их недовольства и попыток отпора. Формы социального протеста были на том этапе, разумеется, пассивными. Чаше всего недовольство приводило к индивидуальному уходу с работы. Одно из первых известных нам коллективных выступлений рабочих было направлено против введения машин: в 1851 г. чесальщицы шерсти (надомницы) в Самокове, вооружившись мотыгами и лопатами, разгромили мастерскую, где была только что установлена чесальная машина³⁵.

В 40—50-е годы были случаи коллективного прекращения работы (фактически это была зачаточная форма стихийной стачки) с целью улучшения условий труда на государственной суконной фабрике в Сливене³⁶. В 1865 г.

произошли волнения родопских крестьян, производивших по заказу Гюмюшгердана грубое сукно³⁷. Позднее, в 1875 г., вспыхнули стихийные стачки рабочих на шахтах около Велико-Тырново и Тревны и на строительстве железной дороги София—Сарамбей³⁸. Упомянутые стачки, как и другие выступления рабочих этого периода, были стихийными актами недовольства эксплуатируемых (имеются, правда, глухие сведения о существовании в 1874 г. в Пловдиве, крупнейшем болгарском городе того времени, рабочего товарищества взаимопомощи под названием «Муравей» — «Мравка»)³⁹. Пролетарские элементы, только выделявшиеся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, были еще не способны к самостоятельной и организованной борьбе.

§ 2. Пролетаризация ремесленников и формирование промышленного и других отрядов пролетариата

Предпосылкой складывания системы наемного труда, формирования двух полярных сил — собственников средств производства и лично свободных наемных рабочих, буржуазии и пролетариата — в Болгарии, как и повсюду⁴⁰, был процесс первоначального накопления, «исторический процесс отделения производителя от средств производства»⁴¹. В условиях господствовавшего в болгарских землях османского феодального режима этот процесс шел крайне замедленными темпами и деформировался.

На путь свободного развития капиталистического способа производства Болгария вступила значительно позже подавляющего большинства европейских стран. К моменту освобождения от османского феодального гнета, ликвидированного в результате русско-турецкой войны 1877—1878 г., Болгария сильно отставала от передовых западноевропейских стран по важнейшим социально-экономическим показателям. Таковы были итоги пятивекового османского ига.

После освобождения развитие капитализма в стране пошло быстрее. Ликвидация феодального режима создала условия для развития и углубления процесса первоначального накопления, для отделения получивших лич-

ную свободу, разоряющихся мелких производителей от средств производства и превращения их в пролетариев, обладавших лишь наемной рабочей силой в качестве товара. Действовавшие отныне законы развития капиталистического общества обусловили проходивший процесс формирования пролетариата как в городе, так и в деревне. В силу ряда причин указанный процесс протекал поначалу сравнительно более высокими темпами в городе.

Об этом свидетельствовало изменение облика болгарского города, прежде всего уменьшение части городского населения, занимавшейся сельским хозяйством, и увеличение промышленного и торгового населения города. Только за короткий период, с 1892 по 1905 г., доля земледельческого населения в городах уменьшилась с 22,7 до 18,4% ⁴². Правда, доля городских жителей в составе населения за период от освобождения до 1910 г. фактически не изменилась, равняясь 19—20%. Это определялось рядом обстоятельств, в первую очередь гораздо более высокой рождаемостью в деревне и сложными процессами внутренней миграции ⁴³.

Анализ движения городского населения страны показывает, что одновременно шли два параллельных и глубоко между собою связанных процесса: упадок старых, некогда славившихся на всю Османскую империю ремесленных городов и рост новых промышленных и административно-торговых центров. В этой связи можно выделить три основные группы болгарских городов, развивавшиеся различно.

1. Первую группу составляли города, показавшие за период от 1888 до 1910 г. значительный прирост населения. Из 20 городов (с приростом населения за указанный период 50% и более) основную часть составляли именно промышленные и административно-торговые центры. К их числу относились София, Бургас, Перник (официально — село), Варна, Пловдив, Фердинанд (до 1891 г. — село Голяма Кутловица), Радомир, Плевен и др. Характерно, что наибольший прирост населения (табл. 1) произошел в Софии, столице и крупнейшем промышленном и административном центре, а также в таких городах, как Бургас (новый железнодорожный и портовый город с возникающими там металлообрабатывающими и иными предприятиями) и Перник (быстро растущий шахтерский поселок, признанный формально городом

Таблица I*
ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
20 НАИБОЛЕЕ БЫСТРО РАСТУЩИХ ГОРОДОВ

Город	Данные переписей			Прирост в 1910 г. (в %)	
	1. I 1881 г. (1. I 1885 г.)	1. I 1888 г.	31. XII 1910 г.	к 1881 (1885) г.	к 1888 г.
София	20 856	30 928	102 812	392,96	232,42
Балчик	3 855	4 272	6 616	71,62	54,87
Белоградчик	1 100	1 094	2 078	87,21	89,95
Борисовград **	1 232	1 282	2 367	92,13	84,63
Брезник	1 256	1 685	2 584	105,73	53,35
Бургас **	5 685	5 749	14 897	154,0	159,12
Варна	24 555	25 256	41 419	68,68	64,0
Добрич	9 567	10 717	17 146	79,22	59,99
Дупница	7 487	7 869	11 601	54,95	47,43
Каварна	1 479	1 706	4 102	177,35	140,45
Луковит	2 292	3 020	5 548	142,06	83,71
Нова Загора **	3 647	3 771	6 518	78,72	72,85
Орхание	2 297	2 744	4 424	92,60	61,22
Перник (до 1929 г.—село)	1 027	1 283	3 232	214,7	151,9
Плевен	11 474	14 307	23 049	100,88	61,1
Пловдив **	33 442	33 032	47 981	43,48	45,26
Попово	1 148	1 241	2 974	159,06	139,65
Радомир	2 381	2 684	4 765	100,13	77,53
Фердинанд	878	1 607	3 700	321,41	130,24
Харманли **	2 995	3 013	4 711	57,3	56,36

* Источник: Статистически годишник. 1911. С., 1914, с. 32—34.

** Города быв. Восточной Румелии (Южной Болгарии), где в отличие от Болгарского княжества (Северной Болгарии) первая перепись была проведена не 1 января 1881 г., а 1 января 1885 г.

лишь по указу от 26 июня 1929 г.). Показательно, что Перник обогнал в 1910 г. по числу жителей такие старые ремесленные центры, как Дряново, Елена, Етрополе, Златица, Клисурса, Копривштица, Сопот, Трын, Тревна и др. В целом на долю 20 городов первой группы в 1910 г. приходилось более 7%, в то время как в 1888 г. на их долю падало лишь 4,8% населения страны⁴⁴.

2. Вторую (промежуточную) группу составляли бывшие ремесленные центры, в которых возникала промышленность и которые постепенно превращались в промышленные центры. К ним относились такие города, как Сливен, Русе, Габрово, отчасти Шумен, Враца, Тырново, Горна-Оряховица, Стара Загора и др. Прирост населения в них за указанные годы был значительным, но сравнительно более умеренным (ниже 20—30% в среднем).

3. Совершенно иной тип составляли города, в которых за названное время наметился застой либо даже некоторое снижение численности населения. Из 20 городов этого типа основную часть составляли старые, недавно еще цветущие центры, в которых ремесло приходило в упадок. В эту группу входило 14 подбалканских и среднегорских городов (Брацигово, Дреново, Елена, Етрополе, Калофер, Карлово, Клисурса, Копривштица, Котел, Панагюриште, Пирдоп, Сопот, Тетевен, Тревна) и несколько иных городов (Анхиало, Кавакли, Осман Пазар, Свиштов, Силистра, Чирпан). Доля населения указанных 14 городов, составлявшая в 1881 г. (1885 г.) около 2,1% числа населения, снизилась к 1910 г. до 1,2%⁴⁵. Современник так обрисовал запустение в одном из перечисленных городов на рубеже XIX—XX вв.: «Панагюриште представляет страшную картину экономического периода, который переживает наша страна. Безработица и голод свирепствуют в нем; разоряющиеся собственники не могут найти себе более или менее доходную, хотя бы наемную работу; нарождающаяся промышленность располагает тысячами и тысячами рук мужчин, женщин и детей»⁴⁶.

Упадок болгарского ремесла был обусловлен рядом общих и специфических обстоятельств. По условиям Берлинского трактата 1878 г., молодое болгарское государство должно было принять на себя различные обязательства, вытекавшие из договоров, ранее заключенных Османской империей. Договоры эти облегчали экономическое проникновение западно- и центральноевропейских держав в страну. Болгария была обязана выплатить иностранным кредиторам часть долгов Османской империи, установить благоприятствующий для экспорта западноевропейских стран таможенный тариф, не превышающий 8% стоимости импортируемых в страну предметов. Проникновение в Болгарию западноевропейских

товаров и потеря турецкого рынка привели уже в 80—90-е годы многие отрасли болгарского ремесла к упадку. Некоторые из них, например гайтанджийство (производство шнуров для отделки национальной одежды), абаджийство (изготовление грубошерстной ткани и одежды из нее), либо почти исчезли, либо резко деградировали.

К концу XIX в. сократили производство уже большинство традиционных отраслей болгарского ремесла. За 20 лет (с 1876 по 1896 г.) число скорняжных ремесленных заведений в Софии упало с 40—50 до 10—12; число мастерских по изготовлению сумок и попон из козьей шерсти в Панагюриште уменьшилось за те же годы со 100 до 5—6; число мастерских по производству набивных тканей в Сопоте — со 120 до 1 и т. д.⁴⁷ По мере возникновения и развития в Болгарии соответствующих предприятий фабричной промышленности снижалось производство и в таких видах ремесел, как изготовление хлопчатобумажных и шерстяных тканей, свечей, коженное, бочарное и некоторые другие⁴⁸.

В целом, однако, ремесло, теряя свое доминирующее положение в индустриальном производстве Болгарии, долго еще сохранялось, приспосабливаясь к новым капиталистическим отношениям. Много мастеров-ремесленников осталось в деревне. По статистике 1905 г. несколько менее половины общего количества мастеров — владельцев ремесленных предприятий приходилось на село (правда, расположенные в деревне ремесленные предприятия были в своем большинстве меньшими по масштабу, чем в городе, часто карликовыми, без наемных рабочих). В отдельных околиях ремеслом занималась значительная часть сельского населения: по данным 1905 г., в Пештерской околии — 30%, в Дреновской — 16, в Котелской и Казанлыкской — более 10% сельского населения⁴⁹.

В городе также сохранялось ремесленное производство. Часть ремесленных предприятий превращалась в придаток зарождающейся фабричной промышленности. На смену исчезнувшим видам ремесла приходили новые, которые не страдали от конкуренции фабричной промышленности (по поддержанию и ремонту машинной техники, по обслуживанию коммунально-бытовых нужд в городах — поддержанию водопроводной системы

и т. д.). Многие отрасли болгарского ремесла — обувная, мебельная, шитье одежды и др. — при помощи ряда усовершенствований мало-помалу переоборудовались⁵⁰. Приспосабливаясь к новым требованиям на рынке, к новым вкусам потребителей, некоторые ремесла долго еще сохраняли свое значение, в особенности те, которые были связаны с обслуживанием индивидуальных нужд заказчиков (портные, сапожники, переплетчики, часовщики и др.)⁵¹. Устойчивое положение было у ремесленников, занимавшихся производством художественных изделий (граверы, резчики по дереву и т. п.).

Число мастеров — владельцев ремесленных предприятий сокращалось. Особенно заметно оно уменьшилось в период с 1900 по 1905 г., когда быстро возникали предприятия фабричной промышленности. В то же время численность наемных рабочих в ремесленном производстве увеличивалась. Если в XIX в. большинство ремесленных предприятий было без наемных рабочих⁵², то в начале XX в. преобладали уже ремесленные предприятия с наемными рабочими⁵³. Некоторые владельцы ремесленных мастерских, перестроив их на новой технической основе и расширив число наемных рабочих, превращались фактически в маленьких капиталистов.

Рост применения наемного труда был заметен не только в тех отраслях ремесла, которые подвергались конкуренции со стороны промышленности западноевропейских стран, но и в остальных видах ремесла. Это означало, что причины капиталистического развития ремесла лежали во внутренних законах его развития, что капиталистические отношения неизбежно проникали во все отрасли сохранявшегося в стране в течение длительного времени ремесла.

Кроме ремесла, в Болгарии в конце XIX в. существовала и такая отсталая форма, как домашнее производство. В городах и селах прибалканских и иных районов население, издавна сочетавшее земледельческий труд с домашней переработкой сельскохозяйственного сырья, занималось изготовлением хлопчатобумажных, льняных, грубошерстных тканей, одежды из них, одеял, ковров и прочего не только для собственных нужд, но и на рынок⁵⁴. Характер домашнего производства изменялся. Многие семьи стали работать по заказам и на материалах торговца, а иногда и фабриканта. Ткацкий, вя-

зальный и другой труд многих семей Сливена и Габрово стал приобретать характер капиталистической работы на дому⁵⁵. Домашний труд в своей массе переставал быть признаком натурального хозяйства, превращаясь отчасти в придаток фабрики. В целом домашнее производство еще более, чем ремесленное, сокращалось и вытеснялось фабричным.

Фабричная капиталистическая промышленность развивалась в первый период после освобождения Болгарии сравнительно медленно. Это было обусловлено такими факторами, как небольшая емкость внутреннего рынка, вызванная общей отсталостью страны; сильная конкуренция товаров западноевропейских стран, обладавших экономически гораздо более мощной промышленностью; недостаток свободных капиталов и т. д. К моменту освобождения в Болгарии не было фабричного производства (за небольшим исключением).

В середине 90-х годов правительством были приняты меры, направленные на поощрение развития крупной отечественной промышленности. Была установлена протекционистская система таможенных тарифов. В важнейших центрах страны были учреждены торгово-промышленные палаты как органы, выразившие специальные интересы буржуазии.

Владельцам предприятий определенных категорий фабричной промышленности (так называемых цензовых предприятий) были даны особые льготы. Согласно первому закону о поощрении национальной промышленности от 19.XII.1894 г.⁵⁶, государство предоставляло большие льготы собственникам предприятий, оборудованных усовершенствованными средствами производства, на каждом из которых работало не менее 20 рабочих либо в которые был вложен капитал не менее 25 тыс. левов⁵⁷. Владельцы таких поощряемых предприятий, производивших определенные законом категории товаров (кирпич, цемент, стекло, сахар, изделия химической, текстильной, металлической и металлообрабатывающей, горнодобывающей и некоторых других отраслей промышленности) освобождались от налогов на помещение и на право заниматься своим делом, пользовались беспошлинным ввозом машин и сырья из-за границы, получали 35%-ную скидку при провозе грузов по болгарским железным дорогам и иные льготы.

В дальнейшем, в 1905 и 1909 гг., были изданы новые законы. Они, видимо, появились отчасти в результате борьбы в буржуазном лагере и происходивших в связи с нею перемен в составе находившихся у власти буржуазных партий и группировок. Эти законы частично изменили положения о льготах⁵⁸. Цензы на получение льгот были несколько снижены⁵⁹. Закон от 30 января 1909 г. установил общие льготы для всех предприятий большинства отраслей промышленности, использующих машины (пищевая, текстильная, горнодобывающая, строительная, химическая, кожевенная, деревообделочная, бумажная и электропромышленность).

Наряду с этим специальные дополнительные льготы предоставлялись предприятиям указанных ценовых отраслей, обладавшим машинами и усовершенствованными орудиями стоимостью не менее 20 тыс. левов, двигательной силой не менее 10 Н. Р. (лош. сил), в случае, если на этих предприятиях непрерывно работало 10 рабочих в продолжение 6 месяцев в году. Владельцам вновь строящихся спирто-водочных, пивоваренных, мукомольных и шерстоткацких предприятий впредь предоставлялось право только на общие льготы. Общие и некоторые специальные льготы получали все производственные кооперативы⁶⁰. Так, на основе жестокой эксплуатации пролетариата с помощью протекционистской политики буржуазного государства, а иногда и при посредстве иностранных займов в конце XIX — первом десятилетии XX в. в стране начинает создаваться фабричная промышленность⁶¹.

О развитии в Болгарии предприятий крупной, фабричной (с 1895 г. — ценовой) промышленности свидетельствует табл. 2.

Приведенные в табл. 2 сведения показывают, что процесс возникновения в Болгарии предприятий крупной фабричной промышленности наиболее быстро шел уже в первое десятилетие XX в., и притом по нарастающей кривой. Если за 13 лет, с 1887 по 1900 г., возникало в среднем за год 5 предприятий крупной (с 1895 г. — ценовой) промышленности, то за период с 1900 до 1907 г. — 16 предприятий, за период с 1907 по 1909 г. — 20 предприятий и за период с 1909 по 1911 г. — в среднем 40 предприятий в год. Новые предприятия были экономически более мощными. Например, если в 1894 г. средняя

Таблица 2*
РАЗВИТИЕ КРУПНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Год	Число предприятий	Вложенный капитал (в тыс. левов)	Число рабочих	Механическая сила (в Н. Р.)	Годовое производство (в тыс. левов)
1887	36	—	—	—	—
1894	72	10916	3027	—	—
1900	103	19823	4716	—	—
1904	166	36145	6149	8976	32776,9
1907	206	53961,9	7646	—	41552
1909	266	66032,4	12943	17671	78317,4
1911	345	91098,4	15886	27885	122512

* Источник: Попов К. Стопанска България..., с. 313.

величина вложенного капитала в одно предприятие была равна 151,6 тыс. левов, то в 1911 г. она уже достигала 264 тыс. левов.

Указанные данные ценовой статистики далеко не полностью отражают картину роста промышленности в Болгарии. Как уже отмечалось, некоторые отрасли промышленности не пользовались покровительством со стороны государства и не охватывались ценовой статистикой. Ценовой статистикой не всегда охватывались также связанные с обороной государственные предприятия (каменноугольные шахты, арсеналы и мастерские, железнодорожные депо и т. д.).

На первых порах в Болгарии создавались преимущественно предприятия легкой промышленности, требовавшие менее крупных капиталовложений и быстро приносили прибыль. Отраслевая структура болгарской крупной (ценовой) промышленности видна из табл. 3.

Тяжелая индустрия развивалась очень слабо. В стране отсутствовали, например, такие важные отрасли тяжелой промышленности, как машиностроение и металлургия. Машины, оборудование и металл для промышленных предприятий ввозились из-за границы.

В зачатке были химическая промышленность и электропромышленность. Химическая ценовая промышленность⁶² была представлена небольшими предприятиями, производившими главным образом товары широкого по-

Таблица 3*

СТРУКТУРА ЦЕНЗОВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ БОЛГАРИИ В 1911 г.

Отрасли промышленности	Число заведений		Вложенный капитал		Механическая сила		Число рабочих		Стоимость годового производства	
	абсолютное	в % к итогу	абсолютная величина (в тыс. сяках левов)	в % к итогу	абсолютное число (в Н.Р.)	в % к итогу	абсолютное	в % к итогу	абсолютная величина (в тыс. левов)	в % к итогу
Пищевая	146	42,3	36567	40,1	10239	36,7	3426	19,7	67407	55,1
Текстильная	72	20,9	15881	17,5	5069	18,2	4267	26,9	21445	17,5
Металлообрабатывающая (частная)	23	6,7	3249	3,56	671	2,44	911	5,7	3060	2,5
Металлообрабатывающая (государственная)	6	1,7	3864	4,24	321	1,16	1403	8,9	3336	2,8
Производство стройматериалов	16	4,6	6446	7,1	1394	5,0	2231	8,1	4716	3,8
Химическая	27	7,8	3446	3,8	656	2,0	655	4,1	4171	3,4
Деревообделочная и мебельная	18	5,2	4363	4,8	1074	3,9	1265	8,0	3020	2,5
Кожевенная	24	7,0	2755	3,0	627	2,2	421	2,6	5426	4,4
Горнорудная (частная)	4	1,13	2519	2,75	652	2,32	475	3,0	1436	1,2
Горнорудная (государственная)	2	0,57	1880	2,05	78	0,23	1387	8,7	3008	2,5

Таблица 3 (окончание)

Отрасли промышленности	Число заведений		Вложенный капитал		Механическая сила		Число рабочих		Стоимость годового производства	
	абсолютное	в % к итогу	абсолютная величина (в тыс. левов)	в % к итогу	абсолютное число	в % к итогу	абсолютное	в % к итогу	абсолютная величина (в тыс. левов)	в % к итогу
Бумажная	4	1,2	1573	1,7	430	1,5	194	1,2	929	0,8
Электропромышленность и прочие	3	0,9	8555	9,4	6744	24,3	501	3,1	4478	3,5
В том числе — производство электроэнергии	2	0,6	6602	7,25	6750	24,2	54	0,34	1259	1,03
Итого	345	100,0	91098	100	27885	100	15886	100	122512	100

* Таблица составлена на основе показателей из книги: *Полов К. Стопанска България...* с. 312—313, 357—358. В указанных показателях учтены, кроме ценовых предприятий, также и некоторые крупные государственные предприятия.

требления (мыло, свечи, медикаменты, клей, предметы косметики), а также порох и другие взрывчатые вещества, розовое и эфирное масла, химикалии и пр.⁶³ Единственным относительно крупным химическим предприятием была спичечная фабрика в с. Костенец (южнее Ихтимана) с 250 рабочими; в нее было вложено 700 тыс. левов капитала⁶⁴.

Производство электроэнергии в Болгарии, по существу, началось только в XX в. Вслед за небольшой станцией у с. Бояна близ Софии (1891 г.) в 1901 г. была построена гидроэлектростанция в с. Панчарево около Софии и в 1906 г. — тепловая станция в Габрово. Быстрое расширение производства электроэнергии оказалось не под силу стране, ибо оно требовало больших капиталовложений. Только в две небольшие по размеру важнейшие электростанции (в Панчарево и в Габрово), принадлежавшие к числу ценовых предприятий, в 1911 г. было вложено 6600 тыс. левов⁶⁵, что составляло около 7% капитала, вложенного в ценовые предприятия.

Ведущей и растущей отраслью горнорудного производства была каменноугольная промышленность — добыча бурого угля. Он начал добываться в относительно заметных количествах еще в конце XIX в. Перникские шахты, принадлежавшие государству, начали работать еще в 1879 г.; они дали более 80% всего добытого в стране в 1879—1911 гг. угля. Кроме государственных Перникских шахт, в которые было вложено более 1 млн. левов, уголь добывался в небольших количествах в мелких частных шахтах Перника, Бобовдола (к югу от Перника) и др.⁶⁶ С начала XX в. в связи с более быстрым развитием экономики (промышленности и транспорта) определился и рост добычи угля: с 1900 по 1910 г. годовая его добыча выросла со 123 тыс. до 269 тыс. т.⁶⁷

Гораздо медленнее расширялась добыча рудных ископаемых. В начале XX в. возникло несколько ценовых разработок меди, олова, свинца, цинка и прочей руды. Крупнейшей из них был медный рудник «Плакалица» во Вратчанских горах. Основная масса добытой руды вывозилась за границу, и лишь часть медной руды перерабатывалась для местных нужд на обогатительной фабрике у станции Елисейна (южнее Врацы)⁶⁸.

Металлообрабатывающая промышленность была представлена тремя десятками чугунолитейных и маши-

норемонтных, металлообрабатывающих и изготовлявших изделия из кровельного железа и проволоки предприятий; большинство были сравнительно мелкими. Более половины их находилось в Софии, Варне, Русе и Бургасе. К числу крупнейших частных металлообрабатывающих предприятий принадлежали построенные в первом десятилетии XX в. в Русе два машиноремонтных завода⁶⁹.

Наиболее крупные предприятия металлообрабатывающей промышленности — арсеналы в Софии, Шумене, верфь в Варне и три железнодорожных депо (в Софии, Русе и Бургасе)⁷⁰ — принадлежали государству и по большей части (в первую очередь это относится к арсеналам и верфи) не охватывались цензовой статистикой. На перечисленных 6 государственных предприятиях в 1911 г. было занято больше рабочих, в них было вложено больше капитала, и стоимость их годового производства была выше, чем у 23 частных цензовых предприятий металлообрабатывающей промышленности⁷¹.

Растущей отраслью тяжелой индустрии было производство строительных материалов. Его расширение стимулировалось развитием всей экономики. Темпы роста промышленности стройматериалов были выше, чем у всей цензовой промышленности. Если за 7 лет (с 1904 по 1911 г.) стоимость годового производства последней выросла приблизительно в 4 раза, то за те же годы стоимость производства предприятий промышленности стройматериалов выросла более чем в 10 раз⁷². Три четверти указанных предприятий составляли кирпичные заводы.

Быстро развивались отрасли легкой промышленности, в первую очередь текстильная и пищевкусовая. На первом месте по большинству основных показателей находилась пищевая промышленность. На ее долю (см. табл. 3) в 1911 г. приходилось 42% числа предприятий, 40% вложенного капитала, 20% числа рабочих и 55% стоимости годового производства цензовых предприятий. Наиболее развитой отраслью пищевой промышленности было мукомолие: мука была важнейшим предметом болгарского экспорта, и число мельниц быстро росло. В 1912 г. на долю последних падало 28% числа предприятий и 40% стоимости годового производства цензовой промышленности⁷³. Другие пищевые предприятия (сахар-

роваренные, спирто-водочные, пивоваренные, маслособойные, кондитерские и пр.) возникли прежде всего в крупнейших городах (София, Варна, Русе, Пловдив, Сливен, Плевен, Бургас, Стара Загора, Тырново и др.), но были так же, как и мукомольные, рассеяны по всей стране.

Другой важнейшей отраслью болгарской промышленности была текстильная. На ее долю в 1911 г. приходился 21% числа предприятий, 17,5% вложенного капитала и стоимости годового производства и 27% числа рабочих ценовой промышленности. По количеству занятых рабочих текстильная промышленность была на первом месте. Основной отраслью текстильного производства была шерстяная промышленность, возникшая в таких традиционных центрах болгарского ремесла, как Габрово и Сливен, а также в Самокове, Русе, Софии, Пловдиве и других городах. С конца XIX в. в стране начали возникать хлопчатобумажные предприятия (в Варне, Ямболе, Тырново и других городах), работавшие на привозном сырье⁷⁴.

Кожевенная промышленность выросла главным образом на базе модернизированных и укрупненных предприятий кожевенного ремесла, имевшего в стране давние традиции. Ее центрами были Габрово и Шумен. Ряд кожевенных промышленных предприятий, работавших в значительной мере на привозном сырье, находился также в Софии, Варне, Пловдиве, Самокове, Плевене, Сливене и других городах⁷⁵.

Среди предприятий ценовой промышленности были также бумажные, мебельные и лесопильные фабрики; крупнейшая из них, лесопильная фабрика братьев Балабановых в Кочериново (Дупницкой околии), насчитывала в 1914 г. 1,5 тыс. рабочих⁷⁶.

Кроме ценовых предприятий, возникали и развивались и некоторые другие промышленные предприятия, не пользовавшиеся покровительством государства и не охватывавшиеся ценовой статистикой. К их числу относились некоторые крупные мельницы (не говоря уже о значительном числе мелких, не получавших льгот от государства), мелкие промышленные предприятия, изготавливавшие сахарно-кондитерские и макаронные изделия, предприятия, связанные с непосредственной переработкой сельскохозяйственного сырья (сыроварни, маслособойни и др.), а также крупные мастерские по изготовлению

обуви, одежды и некоторые другие предприятия. Значительное число таких предприятий было разбросано по стране ⁷⁷.

Быстро росла не пользовавшаяся льготами болгарская полиграфия: в 1883 г. насчитывалось 23 типографий, в 1891 г. — 55, а в 1910 г. — уже 164 типографии ⁷⁸. Рост грамотности населения, оживление политической борьбы создавали предпосылки для печатания большими тиражами учебных пособий и развития сети газет и иных периодических изданий ⁷⁹. В XIX в. преобладали маленькие типографии с ручным трудом, с начала XX в. росли число и удельный вес типографий, оснащенных бензиновыми и электрическими моторами и новейшими печатными машинами ⁸⁰.

Нарастало значение табачного производства. Табачные предприятия — табачно-папиросные фабрики и табачные склады (где производились сушка и обработка табачных листьев и изготовление табака-полуфабриката, в значительной мере на экспорт) — не принадлежали к категории цензовых. Однако число их, объем продукции и удельный вес с конца XIX в. неуклонно росли ⁸¹. В табачной промышленности, как и в некоторых других отраслях (особенно в тех, где было сильнее влияние иностранного капитала), проявились новые тенденции, ознаменовавшие собой переход в начале XX в. мировой системы капиталистического хозяйства в целом к монополистической стадии ее развития.

В болгарской экономике, все более тесно связывающейся с мировой системой хозяйства, начали (правда, позже, чем в других странах Европы) проявляться такие свойственные капитализму на империалистической стадии его развития черты, как первые зачаточные элементы монополистических форм на базе концентрации производства и капитала. О концентрации капитала в болгарской промышленности в XX в. свидетельствуют следующие данные: из 261 существовавшего в 1909 г. цензового частного предприятия с вложенным капиталом на общую сумму 64,4 млн. левов в 30 крупнейших (с капиталом не менее полмиллиона левов в каждом), составлявших около 1/9 общего числа цензовых предприятий, было сконцентрировано 34,4 млн. левов ⁸², т. е. 55% всего капитала. Анализируя эти данные в 1912 г. в журнале «Ново време», Д. Благоев отметил, что болгар-

ская промышленность развивается по пути концентрации⁸³.

Наибольшая концентрация капитала и производства наблюдалась в отраслях, быстрее развивавшихся в стране в начале XX в., — в некоторых видах текстильного производства, в пищевой промышленности (спирто-водочной, пивоваренной, отчасти мукомольной), в производстве строительных материалов. Если средняя величина вложенного в 1909 г. основного капитала, приходящегося на одно предприятие цензовой промышленности в целом, равнялась 247 тыс. левов, то в цензовом производстве сахара она достигала 3516 тыс. левов, хлопкопрядильном — 756,4 тыс. левов, в производстве строительных материалов — 632 тыс. левов, в спирто-водочном — 604,6 тыс. левов, в пивоваренном — 487,5 тыс. левов⁸⁴. В мукомольном производстве в 1909 г. в 62 цензовых предприятия был вложен капитал на сумму 9723,5 тыс. левов; при этом на долю восьми крупнейших приходилось 3347,6 тыс. левов⁸⁵, т. е. более 1/3 всего капитала. В пивоваренной промышленности из 17 цензовых предприятий с капиталом на сумму 8287 тыс. левов на долю шести крупнейших приходилось 5543,4 тыс. левов⁸⁶, т. е. свыше 2/3 капитала. В производстве строительных материалов в 1911 г. из 16 цензовых предприятий на долю трех крупнейших (с капиталом в каждом из них свыше 1 млн. левов) приходилось более 50% всего капитала⁸⁷.

Именно в названных отраслях болгарской промышленности и возникают первые, хотя и непрочные, монополистические объединения⁸⁸. С введением с конца XIX в. в болгарских табачных предприятиях механических усовершенствований (в первую очередь машины для резки табачных листьев) создаются условия для быстрого развития и концентрации табачного производства. В 1909 г. на базе 52 табачных предприятий (из имевшихся в стране 63) был создан так называемый табачный картель. Он ознаменовал собой скачок в процессе концентрации в табачной промышленности — в 1910 г. число табачных предприятий сократилось до 22. Картель держал в своих руках около 2/3 производства табачных изделий страны⁸⁹.

Примерно в эти же годы возникли временные и непрочные монополистические объединения и в некото-

рых иных отраслях промышленности: картели владельцев пивоваренных заводов, текстильных фабрикантов Сливена, а затем Габрово, соглашения владельцев некоторых шахт, деревообделочных предприятий, картель владельцев спиртовых заводов и пороховых фабрик⁹⁰. Имели место и попытки установления монополий в сфере торговли, в частности в торговле яйцами и зерном⁹¹.

Первые монополистические объединения и соглашения, появившиеся в Болгарии, были недолговечными и в результате конкурентной борьбы среди болгарской буржуазии быстро распались. Иные через некоторое время снова возникали, но уже на основе нового соотношения сил. Большинство указанных монополистических объединений были неоформленными соглашениями (типа так называемых картелей и корнеров) о ценах для наступления на производителей и поставщиков сырья или на покупателей, а также с целью борьбы против поднимающегося пролетариата.

Возникавшие монополистические объединения и соглашения охватывали в большинстве своем пока еще незначительную часть производства, находились в самом начале пути к завоеванию командных позиций в экономике страны. Однако они свидетельствовали о том, что в ряде отраслей болгарской промышленности за сравнительно короткий срок в три десятилетия был проделан путь, по существу, от мануфактурной стадии до начальных этапов монополистической стадии развития капитализма.

На изменение социальной структуры населения, в частности на формирование рабочих-строителей — одного из значительных отрядов болгарского пролетариата, прямое влияние оказал большой размах строительных работ, развернувшихся в стране после освобождения (в особенности после воссоединения княжества и Восточной Румелии). Вновь созданное государство строило административные здания, казармы, школы, больницы, телеграфно-почтовые станции; только число последних выросло с 41 в 1879 г. до 374 в 1911 г.⁹² Позднее сооружались канализационные службы, водопроводы, телефонные службы и т. д.⁹³

Особенно важным было железнодорожное строительство, часто сопровождавшееся (по условиям рельефа местности) сооружением тоннелей и мостов. Помимо

существовавших в болгарских землях до освобождения трех железнодорожных линий, соединявших Пловдив и Ямбол с Константинополем и Русе с Варной, за сравнительно короткий срок были построены новые линии и ветки большой и малой протяженности. Наиболее значительными из них были следующие: Белово—София—Цариброд (год окончания стройки — 1883), Ямбол—Бургас (1890 г.), София—Роман (1897 г.), Плевен—Шумен (1897 г.), Русе—Тырново (1900 г.)¹ и др.

В результате этого строительства, развернувшегося с 90-х годов, были сооружены важнейшие железнодорожные магистрали, которые замкнули линию, соединявшую Софию с Белградом и Константинополем, и связали столицу с крупнейшими болгарскими черноморскими портами — Варной (через Плевен и Шумен) и Бургасом (через Пловдив и Ямбол)⁹⁴. В итоге длина железнодорожных путей в Болгарии с 693 км в 1887 г. выросла до 1565 км к 1900 г. (из них в 1900 г. было готово к эксплуатации 1176 км). В 1911 г. длина железнодорожной сети страны составляла уже 1934 км (из них в эксплуатации — 1931 км)⁹⁵. В 1901 г. были сооружены в Софии первые трамвайные линии длиной 21 км.

В этот же период была значительно расширена и сеть государственных и муниципальных шоссе: с 3727 км (из них 3368 км — государственных) в 1887 г. до 8945 км в 1911 г. (из них 6420 км — государственных)⁹⁶. Таким образом, в течение 24 лет протяженность государственных шоссе фактически удвоилась, а длина муниципальных дорог выросла в 7 раз.

Были построены причалы в Русе, Свиштове и Видине и расширены гавани в Варне и Бургасе⁹⁷.

В органической связи с отмеченными выше сдвигами в области производительных сил происходили серьезные изменения в социальной структуре населения. Значительная часть сословия ремесленников, составлявшего до освобождения основу населения болгарского города, за сравнительно короткий срок после освобождения, как мы показали выше, разорилась. Растянувшийся в странах Западной и Центральной Европы на многие и многие десятилетия процесс пролетаризации цеховых ремесленников, когда по словам Ф. Энгельса «цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев»⁹⁸, в болгарских условиях проходил с запоздани-

ем и в несколько преобразованном виде, но в более сжатые сроки и в сконденсированной форме. Разоряющиеся ремесленники составляли в первые десять — пятнадцать лет после освобождения основную часть пролетаризирующейся под натиском развивающихся капиталистических отношений (в частности, под давлением конкуренции со стороны возникающей промышленности) массы населения страны.

Процесс массового и быстрого разорения ремесленников в период после освобождения был настолько масштабным и глубоким, что получил отображение в ряде произведений художественной литературы, созданных болгарскими писателями в конце XIX — начале XX в. Разоряющиеся и разорившиеся ремесленники периода после освобождения стали героями рассказов и повестей Т. Влайкова⁹⁹, М. Георгиева и других писателей; они изображены в романе С. Чилингирова «Хлеб наш насущный» (издан в 1926 г.)¹⁰⁰. Первые пролетарские писатели и поэты Георгий Кирков и Димитр Полянов также посвятили разоряющимся ремесленникам и ремесленным рабочим ряд своих рассказов, фельетонов и стихотворений, опубликованных в социал-демократических изданиях — в журналах «Работнически другар» и «Ново време» и в газете «Работнически вестник»¹⁰¹.

Гибель многих видов болгарского ремесла и появление новых ремесленных предприятий, приспособившихся к изменившимся условиям, определили сложный процесс дифференциации ремесленников, предопределивший образование в их среде нескольких различных социально-классовых группировок.

Часть разорившихся ремесленников и работавших ранее у них подмастерьев и учеников (на первых порах не очень значительную) поглощала возникающая болгарская промышленность, и они становились промышленными рабочими. Иная часть разорившихся ремесленников превращалась фактически в наемных рабочих во вновь создающихся или расширяющихся ремесленных предприятиях; по традиции они именовались подмастерьями (калфа) и учениками (чирак). К ним примыкали и бывшие владельцы ремесленных мастерских, работавшие в качестве «мастеров» у более зажиточных или более ловких и удачливых хозяев ремесленных заведений. Все они составляли категорию ремесленных

рабочих. Под ремесленными рабочими мы понимаем рабочих мелких предприятий (основанных главным образом на ручном труде), на которых было занято сравнительно небольшое число наемных тружеников (своего рода «мануфактурных рабочих» в эпоху сложившегося капиталистического общества). Они составляли своеобразную часть формирующегося болгарского пролетариата.

Близкую к ним по своей социальной природе группу составляли мелкие ремесленники, которые часто находились, по выражению Д. Благоева, уже «одной ногой на положении пролетариата»¹⁰². Этот периодически обновляющийся по законам капиталистической конкуренции слой мелких ремесленников был весьма многочисленным. Некоторые из мелких мастеров-производителей сохраняли в течение довольно длительного времени самостоятельную мастерскую с одним-двумя подмастерьями и учеником; иные работали в одиночку. Многие из них находились в фактической зависимости (или постепенно попадали в нее) от более крупного предпринимателя — хозяйчика или торговца, эксплуатировавшего мастера-ремесленника вместе с его подмастерьем и учеником¹⁰³. Эта категория мелких ремесленников занимала промежуточное и двойственное положение; как указывал Ф. Энгельс, «мелкие мастера — не настоящие пролетарии, ибо они отчасти живут трудом учеников и продают не труд, а готовый продукт, но и не настоящие буржуа, потому что они главным образом живут все-таки своим собственным трудом»¹⁰⁴.

Наряду с этими двумя социальными группами — ремесленными рабочими и мелкими разоряющимися ремесленниками — существовали мелкие и средние ремесленники, владельцы ремесленных мастерских, имевшие наемных рабочих, а также крупные хозяйчики — зажиточные ремесленники, фактически приближавшиеся к буржуа¹⁰⁵. Некоторые из наиболее крупных ремесленников содержали мастерские, в которых работало до 10, а иногда и больше наемных рабочих (мастеров, подмастерьев и учеников)¹⁰⁶. Владелец ремесленного заведения в условиях капиталистического строя при наличии 10 наемных рабочих, как отмечал В. И. Ленин, становился главой небольшого капиталистического предприятия, «маленьким капиталистом»¹⁰⁷.

Положение ремесленных рабочих в Болгарии было тяжелым: многие владельцы маленьких ремесленных мастерских держались главным образом тем, что увеличивали рабочий день в своих заведениях¹⁰⁸. Однако отношения эксплуатации между владельцами мастерских и работавшими у них мастерами, подмастерьями и учениками были большей частью скрыты существовавшими между ними своего рода патриархальными или «личными отношениями» (Ф. Энгельс)¹⁰⁹, а также тем фактом, что владельцы маленьких и средних мастерских сами (часто вместе со своими родственниками) участвовали в труде.

Ремесленные рабочие были, таким образом, психологически близки к владельцу мелкой ремесленной мастерской, тем более что в большинстве своем они надеялись снова вернуться к положению самостоятельных ремесленников. Промежуточное положение мелких ремесленников (между рабочими и буржуа) создавало между ними и эксплуатируемыми ими рабочими феномен социально-психологической близости¹¹⁰.

Сколько-нибудь точную численность ремесленных рабочих в Болгарии в конце XIX в. установить на основе проведенных в этот период переписей (см. обзор источников во «Введении») не представляется возможным. Поэтому попытки некоторых авторов дать точную картину изменения численности ремесленных рабочих в Болгарии в конце XIX в. не представляются нам научно убедительными¹¹¹. Можно лишь присоединиться к мнению, что число ремесленных рабочих в самом конце XIX — начале XX в. несколько выросло¹¹². С еще большей определенностью, на наш взгляд, можно констатировать, что ремесленные рабочие в первые 10—15 лет после освобождения составляли наибольшую часть формирующегося болгарского пролетариата¹¹³; даже в начале XX в. ремесленные рабочие составляли значительную часть рабочего класса Болгарии¹¹⁴.

С конца XIX в. гораздо более быстрыми темпами росла численность промышленных рабочих. Отмеченный выше процесс зарождения с 90-х годов XIX в. ряда отраслей болгарской промышленности (текстильной, пищевой, деревообделочной, кожевенной, табачной, каменноугольной, металлообрабатывающей и др.) означал в то же время и формирование кадров промышленных рабо-

чих. Сколько-нибудь точные данные о числе промышленных рабочих в Болгарии в конце XIX в. отсутствуют, так как переписи конца столетия не дают (как отмечалось в обзоре источников) надежных ориентиров. Поначалу численность промышленных (и тем более фабричных) рабочих в стране была весьма невелика. Однако появление фабричных рабочих (хотя и немногочисленных на ранней стадии) означало, что в Болгарии процесс образования рабочего класса вступил в новую фазу — этап формирования ядра нового класса.

Решающая стадия в конституировании болгарского промышленного (в том числе фабричного) пролетариата, как и ряда других отрядов рабочего класса Болгарии, приходится уже на первое десятилетие XX столетия.

Социальное происхождение большинства промышленных рабочих на заре их появления было, по свидетельству современников, более или менее определенным. Поскольку в первые годы после освобождения основную часть пролетаризирующегося населения страны составляли разоряющиеся ремесленники, именно из их среды главным образом и формировались кадры наемных рабочих для промышленности¹¹⁵. Лишь позднее, с конца XIX в., по мере того как стал нарастать процесс дифференциации крестьянства, в ряды наемных промышленных рабочих вливалась и разорившаяся сельская беднота.

Параллельно с различными группами промышленных рабочих в конце XIX в. в Болгарии начали складываться и иные отряды болгарского рабочего класса. Раньше некоторых других сформирован отряд строительных рабочих: развернувшееся, как было отмечено, после освобождения широкое строительство создавало основу для быстрого роста численности рабочих-строителей.

До освобождения значительная часть строительных работ производилась путем так называемой ангарии — обязательного труда подданных феодальной Османской империи; все более распространялся также труд небольших объединений (тайф) строителей (дюлгеров). Товарищества эти состояли главным образом из родственников или односельчан (в первую очередь из деревень Трынской, Тревненской и Тетевенской околий); они носили вначале черты патриархально-задружных объе-

динений и походили на упоминавшиеся выше (см. § 1 настоящей главы) дружины овощеводов.

После освобождения характер таких объединений строителей изменился: дух патриархальной задруги в них выветривался и члены этих групп фактически превращались в обыкновенных наемных рабочих, руководимых предпринимателями и подрядчиками¹¹⁶. Практика производства строительных работ с помощью предпринимателей-подрядчиков приводила к тому, что число мастеров-ремесленников сокращалось. Зато росло число фактических наемных рабочих, часто по традиции сохранявших еще звание подмастерьев и учеников¹¹⁷.

Наряду со строительными рабочими, но несколько замедленными темпами формировались и другие отряды болгарского пролетариата. Создание в конце XIX — начале XX в. железнодорожной сети привело к образованию отряда железнодорожных рабочих, сложившегося (как и многие другие отряды) в более или менее оформленном виде уже в первое десятилетие нового века. Одним из наиболее многочисленных становится отряд сельскохозяйственных рабочих.

§ 3. Дифференциация крестьянства и формирование отряда сельскохозяйственных рабочих

Развитие капиталистического сельского хозяйства, как показал опыт всемирной истории и как теоретически объяснили это К. Маркс и Ф. Энгельс, отстает от развития капиталистической промышленности. Следствием является и более запоздалое формирование отряда сельскохозяйственных рабочих¹¹⁸. В Болгарии эта закономерность, определяясь особыми обстоятельствами, проявилась в несколько специфических условиях и форме.

В результате глубокого социального переворота в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было ликвидировано феодальное иго и крестьяне освобождены от феодальных и полуфеодальных повинностей по отношению к Османской империи и представителям ее господствующего класса. Открывшийся свободный простор для развития капиталистических отношений быстро привел к разрушению сохранявшейся ранее семейной задруги¹¹⁹.

Крестьяне — основная часть населения страны — превратились в свободных мелких производителей. Число их к тому же выросло. Опираясь на победы русской армии, крестьяне захватили земли бежавших турецких помещиков — чифликчиев, а также часть земель, принадлежавших Оттоманской империи¹²⁰. Таким путем многие малоземельные крестьяне на время частично увеличили свои владения, прихватив дополнительно еще несколько отдельных парцелл (в основном расположенных в разных местах). Безземельные крестьяне, начавшие поставлять до освобождения кадры постепенно формирующихся сезонных и постоянных сельскохозяйственных рабочих, в большинстве своем также сумели явочным порядком завладеть небольшими участками земли¹²¹. Как отмечал Д. Благоев, в период после освобождения «крестьян без земли, за очень редким исключением, не существовало»¹²².

Между тем законы рыночной конкуренции медленно, но неумолимо вели к социальному расслоению крестьянства. Пришедшая к власти буржуазия, провозгласив 67-й статьей Тырновской конституции незыблемый «священный» принцип неприкосновенности частной собственности, заставила крестьян в принудительном порядке платить выкуп за захваченные земли.

Выкуп земель предопределял в конечном итоге существенные перемены в структуре сельского населения. Принуждение к выкупу привело к тому, что значительная часть крестьян, не имевших свободных денежных средств, попадала в зависимость либо к ростовщикам, богатым крестьянам и спекулянтам — перекупщикам земли, либо к государству, у которого крестьяне получили ссуду для выкупа земли турецких землевладельцев. Всего за землю и прочее имущество крестьяне должны были выплатить, по приблизительным подсчетам, около 100 млн. левов¹²³. О величине этой суммы свидетельствует тот факт, что она была в два раза выше всей суммы налогового бремени населения Болгарии за 1887 г. и в два с лишним раза превышала стоимость экспорта Болгарии за тот же 1887 г.¹²⁴. Около 50—60 млн. левов крестьяне заняли у ростовщиков¹²⁵.

Уплата крестьянами долгов вместе с процентами растянулась на многие годы. Ввиду быстрого возрастания общей суммы задолженности из-за высоких процен-

тов правительство было вынуждено давать рассрочки по уплате долга. Через 15 лет после первого закона о выкупе, в 1895 г., Народное собрание было вынуждено снова продлить законом срок выплаты на 20 лет (до 1915 г.), причем отныне проценты начислялись лишь на основную сумму. К этому времени долги крестьян в связи с начислением высоких (да еще и сложных) процентов выросли почти вдвое. Еще через 10 лет в ответ на поступившие в Народное собрание петиции государство было вынуждено освободить от уплаты процентов по долгам отдельных, почти совершенно разорившихся крестьян, обязав их выплатить оставшуюся часть долга в 20-летний срок.

Кроме тяжести выкупных платежей, другим тормозящим прогрессивное развитие фактором в освобожденной болгарской деревне были чересполосица и мелкополосица. Последняя была обусловлена отчасти рельефом местности, отчасти — упомянутыми особенностями перехода от феодализма к капитализму, когда многие крестьяне прикупали землю отдельными небольшими участками по мере того, как доставали деньги у ростовщиков. В результате этого на каждое частное владение приходилось в среднем по 10 парцелл — разбросанных мелких участков¹²⁶.

В числе факторов, тормозивших развитие сельского хозяйства, первостепенную роль играл ростовщический капитал, консервировавший отсталые формы. Ростовщичество пустило глубокие корни в среде болгарского крестьянства, особенно в первые годы после освобождения, ввиду отсутствия налаженного государственного кредита. Получив у ростовщика средства для покупки земли под большие проценты (ростовщический процент ввиду большого спроса на деньги в этот период достигал чудовищных размеров: равнялся 24% в год, а иногда даже доходил до 100—150% в год¹²⁷), крестьянин попадал в долговую кабалу, от которой часто так и не мог освободиться.

Наряду с обычной формой ростовщичества в Болгарии была распространена и специфическая форма — так называемое зеленичарство, или заклад урожая на корню (по-болгарски — «на зелено»). Под угрозой голодной смерти крестьянин (обычно в конце зимы) закладывал свой будущий урожай. Получив немного денег, он брал обязательство вернуть их с процентами после

сбора урожая. Таким образом крестьянин-бедняк попадал в кабальную зависимость, приводившую обычно к тому, что он лишался урожая. По мнению одной болгарской газеты периода после освобождения, ростовщичество и зеленичарство — это «два крестьянских бедствия, даже более страшных, чем орды Сулеймана-паши и плохой урожай...»¹²⁸.

С течением времени многие крестьяне, прибегавшие к «помощи» ростовщиков, попадали в полную зависимость от них, разорялись и теряли свою землю. В результате этого процесса к концу XIX — началу XX в. в стране появилась новая группа крупных земельных собственников. Лишь небольшая часть из них обрабатывала свои участки при помощи батраков и разорившихся крестьян. Большая же часть предпочитала сдавать землю в аренду¹²⁹. Земельные участки фактически снова дробились. Таким образом, в капиталистической Болгарии рассматриваемого времени землевладение вращалось в значительной мере в замкнутом круге — от концентрации земельных участков к их раздроблению и обратно.

Сравнительно небольшой процент городского населения в стране не способствовал созданию благоприятных условий для возникновения большого числа крупнокапиталистических сельских хозяйств, ориентирующихся на надежный и устойчивый внутренний рынок. Наличие в болгарской деревне растущего числа малоземельных бедневших крестьян, не находивших себе применения в городе из-за медленного развития промышленности, приводило к тому, что владельцы крупных земельных участков предпочитали, как показал в своем исследовании Д. Благоев, не заниматься современным земледелием с применением новейшей техники, требовавшей значительных вложений капитала, а сдавали большую часть своих земель в аренду¹³⁰.

В конце XIX в. значительное влияние на сельское хозяйство Болгарии оказал международный аграрный кризис, тянувшийся в течение всей последней четверти столетия. Он сопровождался систематическим понижением цен на сельскохозяйственные продукты (в том числе и в Болгарии)¹³¹; наряду с этим он содействовал, как отмечал В. И. Ленин, вытеснению патриархального земледелия, расширял «торговое производство земледельче-

ских продуктов, втягивая на мировую арену целый ряд новых стран...»¹³².

Болгарские крестьяне, составлявшие подавляющее большинство болгарского народа¹³³, в основной своей массе старательно обрабатывали свои участки, но еле сводили концы с концами. Они страдали, как отмечалось, от долговой кабалы, в которую попали при выкупе земли. По мере того как с проведением железных дорог крестьяне стали мало-помалу втягиваться в орбиту товарно-денежных отношений, положение многих, как правило, ухудшалось. Уместны здесь слова К. Маркса о влиянии железных дорог на положение трудящихся, сказанные применительно к другой стране: «Вообще железные дороги дали, конечно, громадный толчок развитию внешней торговли, но в странах, вывозящих главным образом *сырье*, эта торговля усилила нищету масс, и притом не только потому, что бремя новой задолженности, взятое на себя правительствами из-за железных дорог, увеличило давление *налогового пресса* на народные массы, но еще и потому, что с того момента, как всякий продукт местного производства получил возможность превращаться в космополитическое золото, многие из товаров, *бывшие ранее дешевыми* из-за отсутствия широкого сбыта, как, например, фрукты, вино, рыба, дичь и т. п., стали *дорогими* и были, таким образом, изъяты из потребления народа»¹³⁴.

Крестьянское население было основным плательщиком налогов. Между тем налоговый пресс в стране быстро рос. Расходы на увеличивавшийся государственный аппарат и растущую армию, протекционистская политика, железнодорожное строительство и уплата процентов по внешним займам — все это обеспечивалось за счет рядового налогоплательщика. За 24 года, с 1887 по 1911, величина налогового бремени возросла с 52,5 млн. до 150,2 млн. левов, т. е. приблизительно в 3 раза. По данным К. Попова, при учете только налогов, зафиксированных в официальном государственном бюджете, в среднем на душу населения в 1879 г. приходилось 14 левов, в 1911 г. — 34,4 лева налогового бремени¹³⁵.

Налоговая политика буржуазного государства была такова, что крестьянство платило гораздо больше налогов на душу населения, чем остальные слои. В 1900 г. на

крестьянина-налогоплательщика в среднем приходилось 50 левов прямого налогового обложения, в то время как на торговца — 18—20 левов, на ростовщика и банкира — 12 левов ¹³⁶.

С течением времени буржуазные правительства в целях маскировки роста налогового бремени начали прибегать к увеличению косвенных налогов. В 1887 г. основная масса налоговых поступлений шла за счет прямых налогов. В 1911 г. положение изменилось: значительная часть налоговых поступлений шла теперь с акцизов на соль, табак, сахар, ракию и прочие товары широкого потребления. С 1887 по 1911 г. сумма поступлений от косвенных налогов выросла в 9 с лишним раз ¹³⁷. Кроме государственных налогов, существовали еще различные муниципальные налоги и поборы с крестьян.

Тяжесть налогового гнета становилась год от года все невыносимее для трудового крестьянства. Архив Народного собрания полон прошений болгарских крестьян, посылавших иногда коллективные петиции; однако, хотя положение добивавшихся отмены или отсрочки платежей было до крайности плачевное, их просьбы оставались, как правило, без последствий ¹³⁸. Многие крестьяне попадали в зависимое положение, закладывали земли Болгарскому земельному банку и другим банкам, занимавшимся ипотечными операциями. За период с 1887 по 1911 г. ипотечная задолженность болгарских крестьян выросла с 570 тыс. левов до 38,2 млн. левов, т. е. в 67 раз ¹³⁹. Часть крестьян, заложивших земли в ипотечных банках, не смогла погасить задолженности. Их имущество секвестровалось, а затем продавалось с молотка. Нередко положение крестьян становилось до того тяжелым, что в селах стихийно возникали собрания и митинги протеста против налогов, принимались обращения к князю и правительству с просьбой об облегчении налогового бремени ¹⁴⁰.

Трудности положения массы мелких крестьян усугублялись в начале XX в. проникновением в торговлю сельскохозяйственными продуктами банковского (в том числе иностранного) капитала. Операциями по закупке и экспорту зерна, в частности, начали заниматься через свои филиалы и специальные акционерные общества такие крупные банки, как «Балканска банка», «Българска

генерална банка» и другие, связанные с крупнейшими иностранными банками. В закупках табака у табаководов важную роль в начале XX в. играла крупная будапештская фирма «Герцог и К^о»¹⁴¹. Обладая большим капиталом, крупные торговцы прижимали массу мелких производителей и устанавливали монопольные цены.

Появились и монополистические объединения и соглашения, диктовавшие крестьянам грабительские условия продажи сельскохозяйственных продуктов. Одной из подобных монополий было картельное соглашение 10 крупнейших торговцев яйцами, возникшее еще в 1902 г.¹⁴² Добившись к 1905 г. фактической монополии в экспорте яиц из Болгарии, картель значительно снизил закупочные цены, что чувствительно ударило по крестьянам. Низкие закупочные цены на сельскохозяйственные продукты были установлены также и табачным картелем, сахарозаводчиками, скупавшими свеклу у крестьян, картелем владельцев пивоваренных фабрик и прочими монополистами.

Иногда закупочные оптовые цены были настолько низкими, что даже не возмещали полностью издержек производства. Подобное положение вызывало возмущение крестьянских масс. Так, например, в 1910—1911 гг. в ряде сел Софийской и Ихтиманской околий состоялись собрания свеклопроизводителей, на которых было принято решение сопротивляться грабительским ценам монополистов.

Все сказанное обусловило довольно длительный по времени, охвативший всю страну, крайне мучительный процесс социальной дифференциации, разорения значительной части крестьянства и обогащения небольшой ее верхушки.

Данные переписей земельных владений, проведенных в Болгарии в 1897 и 1908 гг., к сожалению, не дают возможности установить, как далеко зашел процесс дифференциации крестьянства, хотя эти данные неоднократно использовались для этой цели (как и для других целей) некоторыми авторами. В указанных переписях (как и в большинстве переписей того времени в других странах) единицей переписи являлось не конкретное крестьянское хозяйство, а «владение» — участок земли, находившийся на территории данного отдельного населенного пункта. Поскольку многие землевладельцы (в том чи-

сле и крестьяне) являлись, как упоминалось, собственниками нескольких участков, расположенных в разных населенных пунктах, одно и то же лицо выступало в результатах переписи многократно. К тому же в результатах переписей были объединены все частновладельческие земли. Таким образом, как собственники земли фигурировали не только крестьяне, но и жители городов, занимавшиеся земледелием¹⁴³, а также лица, совсем не занимавшиеся сельским хозяйством; в их числе были торговцы, ростовщики, трактирщики в мелких городах и селах (они сдавали свои землевладения в аренду); в составе землевладельцев оказывались и многие сельские жители (ремесленники, сельские учителя, священники и др.), для которых земледелие было побочным занятием. Наконец, в разряд «земледельцев» (причем, формально мелких) таким образом попадали и владельцы небольших земельных участков, на которых были воздвигнуты домовладения (иногда довольно значительные) и построены промышленные предприятия.

Такое смешение землевладений разных, социально неоднородных типов и категорий городского и сельского населения делает итоги земельных переписей настолько далекими от реального положения в деревне, так искажает картину классовых отношений, что полностью исключает возможность их использования для выяснения действительной картины социальной дифференциации крестьянства по размерам земельной собственности.

Болгарская статистика переписей населения рассматриваемого времени, хотя и фиксирует число земельных собственников, которые сами обрабатывали свою землю, не содержит, однако, данных о группировках земледельцев по размерам собственности; на основании анализа ее показателей можно лишь прийти к выводу, что количество самостоятельных земельных собственников в Болгарии за период от 1888 до 1893 г. уменьшилось на 18,6%¹⁴⁴. Это отражало проходивший в конце 80-х — начале 90-х годов процесс разорения крестьян под натиском охарактеризованных выше явлений, сопровождавших капиталистическое развитие деревни¹⁴⁵.

Следует отметить, что в период аграрного переворота в стране, когда крестьянство захватывало, большей частью явочным порядком, турецкие земли, а затем выкупало их, зажиточные крестьяне, обладавшие денеж-

ными резервами, имели гораздо больше возможностей округлить свои владения, чем малоземельные и безземельные крестьяне ¹⁴⁶.

Вслед за периодом обнищания части крестьян-бедняков в 80—90-е годы, связанным в первую очередь с необходимостью уплаты выкупа за приобретенную ранее землю, процесс дифференциации крестьянства проходил, видимо, уже не столь интенсивно и в иных масштабах и формах. Результатом этого процесса было образование в деревне значительного слоя малоземельных полуразорившихся крестьян; для некоторых из них обработка собственного небольшого участка земли начала иногда превращаться, по существу, уже в «подсобный промысел». Однако ввиду того, что процесс складывания в деревне скрытой, резервной армии безработных по своим масштабам опережал спрос развивавшейся болгарской промышленности, болгарское село страдало от так называемого аграрного перенаселения. Последнее было вызвано в первую очередь не столько низкой нормой обеспеченности землей, сколько общей отсталостью сельского хозяйства, его экстенсивностью и малой производительностью ¹⁴⁷. Именно из рядов разорившихся и полуразорившихся крестьянских семей формировалась категория сельскохозяйственных рабочих, о которой пойдет речь ниже.

Немалая часть разорившихся крестьян-бедняков, спасаясь от нужды и голода, занималась отходничеством на сезонные работы в другие районы (прежде всего в Добруджу, где было сосредоточено значительное число капиталистических и фермерских хозяйств) и в соседние страны. Ежегодно из Болгарии от 12 до 18 тыс. крестьян-отходников («гюрбетчиев») уходили на заработки в качестве батраков и огородников в Австро-Венгрию, Румынию, Сербию, Южную Россию, Бессарабию и некоторые иные земли. Так возникла и эмиграция в далекие страны (главным образом в Америку) в поисках «счастья». С 1904 по 1911 г. в Америку эмигрировало около 80 тыс. человек ¹⁴⁸. Часть эмигрировавших крестьян-бедняков Ломской, Плевенской и других околий через 2—3 года возвратилась обратно ¹⁴⁹.

Другая многочисленная группа малоземельных крестьян в поисках выхода прибегала к аренде земли. По некоторым данным, средняя площадь арендовавшейся

малоземельным крестьянством земли колебалась от 1/2 до 3 га на одно хозяйство на срок чаще всего не более года¹⁵⁰. Это была явная «аренда из нужды», как называл подобную форму аренды В. И. Ленин. Наиболее распространенным видом аренды в болгарской деревне была натуральная. Крестьянская беднота соглашалась подчас на любые кабальные формы аренды. Преобладающей формой натуральной аренды была испольтшина: крестьяне должны были за арендуемую землю отдавать, как правило, примерно половину полученного урожая. Встречались также и полуотработочные и отработочные виды аренды, когда формой расплаты служила обработка участка земельного собственника, сдававшего часть земли в аренду¹⁵¹. Подобные хищнические способы эксплуатации крестьянской бедноты свидетельствовали о живучести полуфеодальных пережитков. Они тормозили развитие производительных сил в сельском хозяйстве.

В нашем распоряжении нет статистических данных о распространении арендных отношений в болгарской деревне. В литературе высказано предположение, что в начале XX в. в болгарском селе процесс отделения земли от непосредственных производителей зашел довольно далеко и что в результате этого масса мелких и мельчайших земельных участков эксплуатировалась их собственниками (проживавшими вдалеке от них) путем сдачи в аренду нуждавшимся в них крестьянам, возможно даже бывшим собственникам этих участков¹⁵².

Заключая наш краткий обзор развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве Болгарии периода после освобождения и связанного с ними расслоения, следует прежде всего отметить, что процесс социальной дифференциации болгарского крестьянства указанного времени остается еще не исследованным; это в основном обусловлено отсутствием статистических данных о применении наемного труда, о концентрации капитала и об арендных отношениях в сельском хозяйстве и других материалов, которые позволили бы проследить изменение картины крестьянского землевладения в конце XIX — начале XX в. по социальным типам крестьянских хозяйств.

На основании имеющихся в нашем распоряжении сведений мы можем лишь констатировать, что это рас-

слоение проходило неравномерно. В первые годы после освобождения дифференциация крестьянства была заторможена положительными последствиями аграрного переворота, в результате которого значительная часть малоземельного и отчасти безземельного крестьянства страны приобретала различными путями земельные участки. В результате этого число постоянных сельскохозяйственных рабочих в период непосредственно после аграрного переворота даже сократилось. В то же время сохранилось применение в сельском хозяйстве труда сезонных рабочих и поденщиков ¹⁵³.

Позднее, уже в конце XIX в., в болгарской деревне наступил процесс интенсивного расслоения; малоземельное крестьянство разорялось и пополняло собой ряды пролетаризирующейся массы, поставившей временных и постоянных работников для развивающейся промышленности и для создававшихся сельских хозяйств капиталистического типа.

О глубине и масштабности этого процесса разорения можно судить отчасти и по болгарской художественной литературе рассматриваемого времени. В центре многих произведений конца XIX — начала XX в. как у писателей народнического направления (Т. Влайков, Х. Максимов и др.), так и у писателей — критических реалистов (А. Страшимиров, М. Георгиев, Елин Пелин и др.), а также у Ц. Церковского, Н. Попфилиппова и у многих иных писателей — разоряющийся крестьянин с его нуждами, чаяниями и бедами ¹⁵⁴.

Особенностью процесса дифференциации болгарского крестьянства, пролетаризации беднейшего населения города и деревни было то, что по своим темпам этот процесс явно опережал спрос на постоянных рабочих, предъявлявшийся развивавшейся промышленностью и формирующимся капиталистическим сельским хозяйством. Болгария, как неоднократно подчеркивал Д. Благоев, перефразируя замечание К. Маркса о Германии конца 60-х годов XIX в., страдает не только от капиталистического развития, но и от недостаточных его темпов ¹⁵⁵. Вследствие этого многие разорившиеся крестьяне и ремесленники не находили постоянной работы и вынуждены были сочетать сезонный или поденный и случайный наемный труд с трудом в своем хозяйстве или в ремесленной мастерской. Поэтому пролетаризация

многих полуразорившихся крестьян и ремесленников не получила завершения.

Ускоренная дифференциация болгарского крестьянства и ремесленников обусловила также появление слоя пауперизированных элементов — люмпен-пролетариев. На рубеже XIX—XX вв. они составляли заметный слой городского населения, особенно в крупных центрах (София, Пловдив, Варна, Русе и др.)¹⁵⁶, куда стекались массы разорившихся крестьян и ремесленников из маленьких городков и сел¹⁵⁷. В Софии в начале XX в., по воспоминаниям Д. Казасова, нищие «преследовали проходящих на каждом шагу»¹⁵⁸. В аналогичных выражениях описывает другой автор и положение в Пловдиве¹⁵⁹.

Хотя современники в один голос свидетельствуют о росте пауперизма в городах на рубеже XIX и XX вв., официальные статистические данные показывают за период с 1888 по 1900 г. снижение общего числа лиц с непоказанными занятиями и без занятий¹⁶⁰. В то же время в результате переписи 1900 г. появилась специальная категория — «нищие и бездельники» (класс LX), которых насчитывалось 14 203. Поскольку подобной категории не было в итогах переписи 1888 г., их данные непоставимы; снижение же общего числа лиц с непоказанными занятиями и без занятий в публикации переписи 1900 г. (по сравнению с переписью 1888 г.) можно объяснить тем, что в ходе переписи 1900 г. (как и в ходе последующих переписей) более точно определялась профессиональная принадлежность. Последующие переписи (1905 и 1910 гг.) показывают уже уменьшение числа лиц, отнесенных к категории «нищие и бездельники»¹⁶¹. Это, видимо, отражало тот факт, что с более быстрым развитием промышленности в первом десятилетии XX в. число пауперизированных лиц уменьшилось.

К люмпен-пролетариям, по существу, примыкала прослойка так называемого чиновничьего пролетариата — так именовались в болгарской публицистике рассматриваемого времени разорившиеся мелкобуржуазные элементы, искавшие выход в занятии низших чиновничьих должностей на государственной и муниципальной службах¹⁶².

Мы рассмотрели вкратце основные этапы и тенденции развития капитализма в городе и деревне и связанные с ними изменения в социальной структуре болгарского населения.

Важнейшим итогом развития капитализма в стране было формирование нового класса — пролетариата. «Вчерашние самостоятельные производители превращаются в наемных рабочих»¹⁶³, — прозорливо писал Д. Благоев в 1885 г., когда этот процесс еще был в самой начальной стадии и болгарские буржуазные авторы отрицали возможность появления в Болгарии пролетариата¹⁶⁴.

Пролетаризация беднейших слоев населения проходила, как мы показали, в разных сферах различными путями и темпами. Более равномерно формировались отряды промышленных и строительных рабочих. Отряды сельскохозяйственных и ремесленных рабочих складывались менее равномерно — в первые годы после освобождения число сельскохозяйственных рабочих даже сократилось и лишь с конца XIX в. начало расти; численность и состав ремесленных рабочих менялись скачкообразно. В целом в стране до начала XX в., как отмечал Д. Благоев, резкого выделения рабочего класса не наблюдалось¹⁶⁵.

В течение первого десятилетия нового века складывается ядро рабочего класса в лице небольшого на первых порах (по численности) промышленного пролетариата¹⁶⁶. В этот же период формируются с более или менее сложившейся структурой и с определенной, значительной по масштабам страны численностью и другие основные отряды пролетариата — сельскохозяйственный пролетариат, ремесленные рабочие, транспортные рабочие, рабочие торговли и сферы обслуживания.

Таким образом, болгарские рабочие прошли за сравнительно короткий срок путь от мануфактуры до фабрики, от социальной группы наемных рабочих, занятых преимущественно в ремесленном производстве и в сельском хозяйстве, до консолидирующегося нового класса — пролетариата. Выяснению особенностей и структуры этого класса посвящена следующая глава.

¹ См.: *Гандев Х.* Зараждане на капиталистически отношения в чифлишкото стопанство на северозападна България през XVIII век. С., 1962, с. 84—94; *Димитров С.* Чифлишкото стопанство през 50—70 години на XIX век.— Исторически преглед, 1955, кн. 2, с. 22—30; *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг.— В кн.: Освобождение Болгарии от турецкого ига. 75 лет. М.: Изд-во АН СССР, 1953, с. 155—158; *Тодоров Н.* За наемния труд в българските земи към средата на XIX век.— Исторически преглед, 1959, кн. 2, с. 27—31; *Христов Х.* Аграрният въпрос в българската национална революция. С., 1976, с. 150—151.

² См.: *Димитров С.* За класовото разслоение сред селяните в североизточна България през 70-те години на XIX в.— Известия на института за история, 1960, № 8, с. 240—242; *Христов Х.* Аграрният въпрос..., с. 98—99. По подсчета на С. Димитрова, около 22% крестьянских хозяйств нескольких районов северо-восточной Болгарии в 70-х годах были малоземельными и более 6% — безземельными, что свидетельствовало о наличии значительного числа свободных рабочих рук, искавших себе применения в других районах страны. См.: там же, с. 264—269. Из безземельных крестьянских семей, видимо, рекрутировались в первую очередь и бурлаки, волочившие против течения по рекам Дунай и Марица баржи и суда. См.: *Димитров С.* За аграрните отношения в България през XVIII в.— В кн.: Паисий Хилендарски и неговата епоха. С., 1962, с. 136.

³ См.: Документи за българска история. С., 1940, кн. 3, с. 236—237, 243—244, 309; *Константинов Н.* Селски работници.— Ново време, 1903, № 8/9, с. 689; *Косев Д.* Въстанието на селяните в северозападна България през 1850 г. и неговите причини.— Исторически преглед, 1950, кн. 4/5, с. 477—478.

⁴ См.: Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, Средец (одно из старых названий г. Софии), 1889, кн. 28/30, с. 544; 1890, кн. 32/33, с. 319—325; *Тодоров Н.* За наемния труд..., с. 30—31.

⁵ См.: Икономика на България, т. 1, с. 226—227; *Косев Д., Дикунеску В., Паскалева В.* За положението и стопанската дейност на българската емиграция във Влашко през XIX в. до Руско-турската война 1877—1878 гг.— В кн.: Българо-румънски връзки и отношения през вековете. С., 1965, т. 1, с. 291, 295, 310, 355.

⁶ См.: Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1888, кн. 27, с. 333; 1890, кн. 32/33, с. 315—316; Ново време, 1903, кн. 8/9, с. 689—690; Труд, 1887, кн. 18/19, с. 1188—1196, 1204—1207; кн. 20/21, с. 1315; Икономика на България, т. 1, с. 213; *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения..., с. 172—173.

⁷ См.: *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения..., с. 155—157; *Христов Х.* Аграрният въпрос..., с. 94—95.

⁸ См.: Ново време, 1903, кн. 8/9, с. 687—688.

⁹ См.: Икономика на България, т. 1, с. 227; *Паскалева В.* Българката през Възраждането. С., 1964, с. 27; *Христов Х.* Аграрният въпрос..., с. 99; *Тодоров Н.* За наемния труд..., с. 30. На дорогах Османской империи в то время действовало большое число грабителей, нападавших в первую очередь на угнетенное национальное население.

¹⁰ См.: *Гандев Х.* Априлското въстание 1876. С., 1974, с. 18—19; *Константинов Н.* Ступански форми и техника на индустрията в Бъл-

гария преди освобождението.—Списание на БИКД, 1902, кн. 4, с. 273; кн. 7, с. 464. Примечательно, что по отношению к наемным рабочим, периодически дополнительно нанмававшимся объединениями строителей (как и овощеводов), употреблялся термин «чирак», соответствовавший наименованию учеников в болгарском цеховом ремесле. См.: Ново време, 1903, кн. 8/9, с. 690.

¹¹ См.: *Косев Д., Дикюлеску В., Паскалева В.* За положеннето..., с. 306—314.

¹² См.: *Тодоров Н.* Балканският град. XV—XIX век. С., 1972, с. 198, 217—229; *Цонев С.* Към въпроса за разложеннето на еснафските организации у нас през периода на Възраждането.—Трудове на Висшия институт за народно стопанство. Варна, 1956, кн. 1, с. 13—57.

¹³ См.: *Сакъзов И.* Развитие на градския живот и на запаятите в България през XVIII и XIX век.—В кн.: България. 1000 години. 927—1927. С., 1930, с. 689—690; Списание на БИКД, 1902, кн. 2, с. 448—466.

¹⁴ См.: *Цончев П.* Из стопанското минало на Габрово, с. 90—93; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 16—23, 43—44, 55—57. В частности, уставы ремесленных цехов в XIX в. уже не ограничивали число подмастерьев и учеников у мастера. См.: *Тодоров Н.* Балканският град, с. 227; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 16—18.

¹⁵ См.: *Косев К.* За капиталистическото развитие на българските земи през 60-те и 70-те години на XIX век. С., 1968, с. 125; *Никитин С. А.* Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50—70-е годы XIX в. М.: Наука, 1970, с. 57.

¹⁶ См.: Списание на БИКД, 1901, кн. 6/7, с. 380—381; 1902, кн. 7, с. 459—461; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 120—121, 131. Характерно, однако, что в некоторых подобных мастерских, превратившихся в капиталистическую мануфактуру, рабочие занимались как подмастерья, а владельцы их оставались членами цеховой организации. См.: *Тодоров Н.* Балканският град, с. 259—260.

¹⁷ См.: *Влайков Т.* Съч.: в 8 т. С., 1964, т. 6, с. 227—229.

¹⁸ См.: Списание на БИКД, 1902, кн. 7, с. 455—456, 462; Ново време, 1903, кн. 8/9, с. 689; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 133—135, 185; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 43; *Тодоров Н.* Балканският град, с. 138, 185. Крупнейшей рассеянной мануфактурой в болгарских землях было предприятие семьи Гюмюшгердан, поставлявшее для турецкой армии одежду из сукна, изготовлявшегося значительным числом ремесленников, сведенных фактически до положения наемных рабочих, и домашними рабочими из родопских сел. См.: *Косев К.* За капиталистическото..., с. 74—75; *Тодоров Н.* Балканският град, с. 229, 234—239, 246.

¹⁹ См.: *Косев К.* За капиталистическото..., с. 119, 141, 147—173; *Тодоров Н.* Балканският град, с. 251.

²⁰ *Ленин В. И.* К характеристике экономического романтизма.—Полн. собр. соч., т. 2, с. 183, примеч. Касаясь вопроса о количественной характеристике термина «фабрика», В. И. Ленин для России конца XIX в. предложил считать фабрикой промышленное предприятие с числом рабочих не менее 16 или с наличием парового двигателя (хотя бы и при меньшем числе рабочих). См.: *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.—Полн. собр. соч., т. 3, с. 468—469, 480.

²¹ Мы не останавливаемся на дискуссионных вопросах о характере и числе промышленных предприятий фабричного типа в болгарских землях, о том, следует ли квалифицировать отдельные из них как фабрики или как крупные мануфактуры или их правомернее отнести к категории полумануфактур. Об этом см.: *Гринберг С. С.* Болгарские фабрики в период национального возрождения.— В кн.: *Центральная и Юго-Восточная Европа в новое время.* М.: Наука, 1974, с. 32—42; *Конобеев В. Д.* Българското национално-освободително движение. С., 1972, с. 42—43; *Косев Д.* Лекции по нова българска история. С., 1951, с. 138—139, 145; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 119—121, 128—130; *Натан Ж.* Стопанска история на България. С., 1957, с. 204—205; *Никитин С. А.* Очерки..., с. 45—46, 57; *Младенов Д.* Поява на фабричен пролетариат в България. С., 1961, с. 9—10; *Тодоров Н.* Балканският град, с. 242—244, 250—251, 267—268, 280—281, 288—289. Только специальное исследование, посвященное изучению методов набора рабочей силы и форм труда работников указанных промышленных предприятий, может, на наш взгляд, дать убедительный ответ на вопрос, были ли они в своем большинстве капиталистическими фабриками, а работавшие на них — действительно наемными рабочими.

²² См., например: *Косев К.* За капиталистическото..., с. 129.

²³ В литературе встречаются попытки дать количественную характеристику наемных рабочих, занятых на предприятиях фабричного типа в болгарских землях рассматриваемого периода. Некоторые авторы утверждают, что можно говорить о нескольких сотнях или о тысяче фабричных рабочих. См.: *Ламбрев К.* Наченки..., с. 23; *Тодоров Н.* За наемния труд..., с. 35. К. Косев считает, что на фабриках и мануфактурах Болгарии в 50—70-е годы было около 6500 рабочих, в том числе на фабриках — более 1200 рабочих и в мануфактурах — 5300 рабочих, но оговаривает, что приведенные им показатели «в большой степени условные». См.: *Косев К.* За капиталистическото..., с. 130—131.

²⁴ См.: Списание на БИКД, 1902, кн. 7, с. 455—457; *Косев К.* За капиталистическото..., с. 135—138, 141—142; *Тодоров Н.* Балканският град, с. 387, 435. Эта характерная особенность была свойственна капитализму на ранней стадии, отмечал В. И. Ленин: «...капитализм нигде не в состоянии был — находясь на низких сравнительно ступенях развития — оторвать совершенно рабочего от земли» (*Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 214).

²⁵ См.: *Энгельс Ф.* Принципы коммунизма.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 4, с. 326.

²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 26, с. 64.

²⁷ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 39, с. 399; см. также т. 7, с. 371, 413.

²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17—18. Предпролетариатом в некоторых марксистских работах называют социальную группу феодального общества, порожденную появлением в этом обществе элементов буржуазных отношений, в дальнейшем перерастающих в капиталистический уклад. Предпролетариат связан, как правило, с простой кооперацией и отчасти с мануфактурным периодом развития промышленности; он еще не отделился от ремесленников и крестьян, но существенно отличается от них положением

в производстве, являясь зародышем нового класса, пролетариата. Подробнее об этом см.: *Панкратова А. М.* Формирование пролетариата в России. М.; Изд-во АН СССР, 1963, с. 13, 16, 68, 166, 438.

²⁹ См.: *Тодоров Н.* Балканский град, с. 268—269.

³⁰ См.: *Косев Д.* Лекции..., с. 145; *Натан Ж.* Стопанска история..., с. 225. Исследовательница истории возникновения пролетариата в Турции *О. Сенджер*, характеризуя в своей монографии (*Сенджер О.* Рабочий класс в Турции: Возникновение и утверждение. Стамбул, 1969. На тур. яз.) наемных рабочих в Османской империи в XIX в., также не считает возможным употреблять по отношению к ним термин «рабочий класс». См.: Исторически преглед, 1969, № 6, с. 119—122.

³¹ См.: История Болгарии. М., 1954, т. I, с. 229; *Гандев Х.* Апрельското въстание..., с. 24—25 (Им дана наиболее развернутая из существующих в литературе характеристика болгарской бедноты рассматриваемого времени). См. также: *Косев К.* За капиталистическото..., с. 141, 197.

³² *Маркс К.* Капитал.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 23, с. 748. О социальной близости в тот период между появляющимися рабочими и их работодателями см.: *Тодоров Н.* Бюджетът на българско работническо семейство от средата на XIX в.— В кн.: В чест на академик Димитър Косев: Изследвания по случай 70 години от рождението му. С., 1974, с. 380.

³³ Некоторое число наемных рабочих (среди них ученики и подмастерья ремесленных мастерских) приняло активное участие в национально-освободительной борьбе болгарского народа, в том числе в повстанческом отряде Хр. Ботева. См.: *Сидельников С. И.* О численности и социальном составе болгарских революционных организаций в 1869—1873 гг.— В кн.: Историко-социологические исследования. М.: Наука, 1970, с. 270—279, 281; Апрельското въстание. С., 1966, с. 69.

³⁴ См.: *Стоянов З.* Записки по българските въстания. С., 1948, с. 29—31, 151; *Димитров М.* По-главни моменти из живота на Ботев.— В кн.: *Ботев Х.* Съч. С., 1950, т. 1, с. 112—113; *Чорный В. П.* Экономичне становище трудящихся масс Болгарии в 50—70 pp.— Украинське слов'язознавство, 1970, № 2, с. 116—117.

³⁵ См.: *Семерджиев Х.* Самоков и околността му. С., 1913, с. 213; *Цонев С.* Към въпроса..., с. 22—23.

³⁶ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби на работническата класа в България, с. 26. Аналогичные стихийные стачки начали возникать и в некоторых других городах обширной Оттоманской империи. Следствием этого явился «регламент о полиции» 1845 г., запрещавший рабочие собрания и забастовки. См.: *Новичев А. Д.* Зарождение рабочего и социалистического движения в Турции.— Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук, 1962, № 304, вып. 14, с. 4.

³⁷ См.: *Маринов П.* Един неотбелязан в историята бунт в Родопите през 1865 г.— Исторически преглед, 1952, кн. 4/5, с. 463—469; *Он же.* Още за родопския бунт през 1865 г.— Исторически преглед, 1956, кн. 5, с. 79—83; *Тодоров Н.* Балканский град, с. 249—250.

³⁸ См.: Архив за стопанска и социална политика, 1926, кн. 4, с. 386; *Клинчаров И.* История на работническото движение в България, ч. 1, с. 29.

³⁹ См.: Централен Държавен исторически архив (далее — ЦДИА), С., ф. 526, оп. 1, архивная единица (далее — а. е.) 1252, л. 14.

⁴⁰ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М.: Мысль, 1976, т. 1, с. 40—41.

⁴¹ Маркс К. Капитал.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 727.

⁴² Попов К. Стопанска България..., с. 136.

⁴³ См.: Тотев А. Населението на България.— Год-к на Соф. ун-т. Юр. фак., 1968, т. IX, с. 31.

⁴⁴ Здесь, как и далее, подсчеты автора.

⁴⁵ Статистически годишник. 1911, с. 32—34; Попов К. Стопанска България..., с. 13—14, 314 (см. табл. I настоящей книги).

⁴⁶ Янулов И. Килимената индустрия в Панагюрище и нейните условия на труда.— Списание на БИКД, 1905, кн. 7, с. 437.

⁴⁷ Благоев Д. Съч., т. 6, с. 222.

⁴⁸ См.: Хинков Х. Занаятчийството в България: (Минало, настояще и средства за подпомагането му). С., 1926, с. 124—126.

⁴⁹ Попов К. Стопанска България..., с. 280—282.

⁵⁰ См.: Списание на БИКД, 1921, кн. 1—3, с. 19.

⁵¹ См.: Там же, 1910, кн. 5, с. 356—357.

⁵² См.: Хинков Х. Занаятчийството в България, с. 91.

⁵³ См.: Икономика на България, т. 1, с. 387.

⁵⁴ См.: Попов К. Стопанска България..., с. 15, 302.

⁵⁵ См.: Благоев Д. Социализмът и работническият въпрос в България.— Благоев Д. Съч., т. 6, с. 226—227.

⁵⁶ См.: Дневници (стенографски) на осмо Обикновено Народно Събрание. Първа редовна сесия (далее — Дневници на VIII ОНС, I р. с.), кн. 2, с. 845—848.

⁵⁷ До первой мировой войны лев был равен французскому франку.

⁵⁸ Закон от 1909 г. просуществовал до 1927 г. См.: Яранов А. Стопанска политика на България. С., 1934, с. 198.

⁵⁹ См.: Държавен вестник, 26.III 1905 и 10.III 1909.

⁶⁰ См.: Дневници на XIV ОНС, I р. с., кн. 8, с. 3195—3204.

⁶¹ Подробнее см.: Гринберг С. С. Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века.— Советское славяноведение, 1975, № 3, с. 70—83.

⁶² Здесь, как и на последующих нескольких страницах, речь идет о предприятиях ценовой, т. е. крупной (по масштабам страны), промышленности. В нашем распоряжении, к сожалению, почти нет сведений о всех других промышленных предприятиях, не пользовавшихся льготами закона о поощряемой индустрии и не охваченных ввиду этого ценовой статистикой.

⁶³ См.: Статистически годишник. 1911, с. 207.

⁶⁴ Попов К. Стопанска България..., с. 354.

⁶⁵ Статистически годишник. 1912. С., 1915, с. 189.

⁶⁶ См.: Попов К. Стопанска България..., с. 316—317.

⁶⁷ Статистически годишник. 1913—1922. С., 1924, раздел В, с. 124.

⁶⁸ См.: Попов К. Стопанска България..., с. 315—316, 321.

⁶⁹ Работнически вестник, 23.VI 1910 г.

⁷⁰ Статистически годишник. 1912, с. 182.

⁷¹ Попов К. Стопанска България..., с. 312.

- ⁷² Там же, с. 313, 345.
- ⁷³ Статистически годишник. 1912, с. 181—182, 192—193; *Попов К.* Стопанска България..., с. 337.
- ⁷⁴ См.: *Златанов З.* Очерк върху развитието на текстилната промишленост в България.— Трудове на Висшия институт «Карл Маркс». С., 1954, кн. II, с. 262.
- ⁷⁵ См.: *Попов К.* Стопанска България..., с. 341—343.
- ⁷⁶ *Димитров Г.* Съч., 1952, т. 3, с. 427.
- ⁷⁷ См.: Списание на БИКД, 1915, кн. 9/10, с. 547—558; Ново време, 1912, кн. 12, с. 373—374; кн. 13, с. 384—395; *Попов К.* Стопанска България..., с. 302, 310.
- ⁷⁸ Списание на БИКД, 1910, кн. 3/4, с. 232.
- ⁷⁹ Если за период 1896—1900 г. в Болгарии было основано 18 газет и 10 журналов, то в течение 1909 г. издавались 201 газета и 99 журналов (*Дякович Б.* Българският периодичен печат в цифри.— Препорек, 5.II 1910, № 33; 27.II 1910, № 55).
- ⁸⁰ См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 3/4, с. 237—240.
- ⁸¹ См.: там же, 1901, кн. 6/7, с. 405—406.
- ⁸² Статистически годишник. 1910. С., 1911, с. 258—259.
- ⁸³ См.: *Благов Д.* Съч., т. 15, с. 215.
- ⁸⁴ Статистически годишник. 1910, с. 258—259.
- ⁸⁵ Анкета на насърчаваната от държавата индустрия през 1909 година (далее — Анкета 1909). С., 1912, кн. V, с. 69; Статистически годишник. 1910, с. 258—259. Следует оговориться, что точная степень концентрации в ряде отраслей промышленности может быть установлена, если будут найдены данные о капиталах, вложенных в значительное число мелких промышленных предприятий, не охватывавшихся ценовой статистикой. Например, в мукомольном производстве в 1910 г. насчитывалось 12 004 мелких мельниц, не учтенных ценовой статистикой. См.: *Таджер Ж.* Нова България. С., 1922, с. 484; *Попов К.* Стопанска България..., с. 333—339.
- ⁸⁶ Анкета 1909, кн. V, с. 127; *Попов К.* Стопанска България..., с. 332—333.
- ⁸⁷ *Попов К.* Стопанска България..., с. 345.
- ⁸⁸ См.: *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм в България. С., 1958, с. 93—96; *Йорданов Д.* Принос към промишлената история на град София. С., 1928, с. 21.
- ⁸⁹ Работнически вестник, 28.IX 1909 и 9.IX 1019; *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 93—94; *Йорданов Д.* Принос..., с. 21; *Таджер Ж.* Нова България, с. 488.
- ⁹⁰ См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 8/9, с. 744—745; Работнически вестник, 15.I 1910; *Йорданов Д.* Принос..., с. 21; *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 93—96.
- ⁹¹ См.: Мир, 7.III 1908; *Бакалов Х.* Материали към изучаването на капиталистическите монополи в България.— Известия на икономическия институт, 1955, кн. 1/2, с. 193.
- ⁹² *Попов К.* Стопанска България..., с. 392—394.
- ⁹³ См.: *Райков Р.* Материали по положението, организацията и борбите на строителните работници в България, с. 25; *Попов К.* Стопанска България..., с. 395.
- ⁹⁴ См.: Списание на БИКД, 1901, кн. 2/3, с. 94; 1909, кн. 6, с. 400—428.
- ⁹⁵ Статистически годишник. 1912, с. 305; *Попов К.* Стопанска България..., с. 371.

- ⁹⁶ Попов К. Стопанска България..., с. 371—373, 381.
- ⁹⁷ См.: Списание на БИКД, 1906, кн. 4, с. 242—266; 1921, кн. 1/3, с. 92, 106.
- ⁹⁸ Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 17.
- ⁹⁹ См.: Влайков Т. Съч.: В 8-и т. С., 1963, т. 2, с. 182—222.
- ¹⁰⁰ См.: История на българската литература: В 4-х т. С., 1970, т. III, с. 265, 453—456, 778; Караславов Г. Занаятчийството в произведенията на българските писатели. С., 1940, с. 8; Он же. Занаятчийството в българските народни песни. С., 1938.
- ¹⁰¹ Кирков Г. Избр. произв., т. II, с. 43—52; Полянов Д. Събр. съч.: В 6-ти т. С., 1961, т. 4; Авджиев Ж. Българската литература след освобождението. С., 1970, с. 50, 313—329.
- ¹⁰² Благоев Д. Нашата статистика и нашите фабрики.— Съч., 1957, т. 2, с. 191.
- ¹⁰³ См.: Мавриков В. Из моя живот. С., 1955, с. 5—8; Благоев Д. Съч., 1957, т. 1, с. 504.
- ¹⁰⁴ Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 424.
- ¹⁰⁵ См.: Димитров С. Класовото разслоение..., с. 644—645.
- ¹⁰⁶ Благоев Д. Съч., т. 2, с. 180.
- ¹⁰⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 355—356.
- ¹⁰⁸ См.: Благоев Д. Съч., т. 1, с. 32, 53; 1959, т. 10, с. 474.
- ¹⁰⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 433.
- ¹¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 2, с. 424; т. 8, с. 10.
- ¹¹¹ См.: Икономика на България, т. 1, с. 387; опубликованная здесь таблица базируется на данных переписи 1893 г., которые (как мы указывали) не дают основания для сколько-нибудь точного определения числа ремесленных рабочих. Результаты же переписей 1900, 1905 и 1910 гг., хотя в целом и более удовлетворительны, дают возможность лишь весьма приблизительно отделить ремесленных рабочих от промышленных. Но общую тенденцию изменения численности ремесленных рабочих, отмеченную в упомянутом труде, можно принять как рабочую гипотезу.
- ¹¹² См.: Попов К. Стопанска България..., с. 305—309; Икономика на България, т. 1, с. 387.
- ¹¹³ В литературе встречаются различные суждения об удельном весе ремесленных рабочих. Некоторые авторы утверждают, например, что в течение всего периода от 1878 до 1904 г. «ремесленные рабочие составляли преобладающую часть рабочего класса в Болгарии» (Ламбрев К. Положението..., с. 39). В других работах указывается, что ремесленные рабочие в 90-х годах составляли около 1/4 общего числа болгарского пролетариата. См.: Икономика на България, т. 1, с. 407; однако материалы на с. 342 и 387 этой работы несколько отличаются от приведенных на с. 407. К сожалению в распоряжении исследователя пока нет надежных данных для подобных категорических суждений.
- ¹¹⁴ См.: Благоев Д. Съч., т. 12, с. 232; подробнее об этом см. ниже, § 3 гл. II.
- ¹¹⁵ См.: Благоев Д. Съч., т. 1, с. 514; 1958, т. 8, с. 162—163; 1960, т. 13, с. 519.

¹¹⁶ См.: *Василев Г.* Дюлгерските сдружавания из Трънско.— Списание на БИКД, 1903, кн. 10, с. 694—700; *Гешов И. Е.* Задружното владение и работение в България.— Периодическо списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1889, кн. 28—30, с. 546—547. Гешов отмечал «ветер индивидуализма» среди дюлгероз.

¹¹⁷ См.: *Попов К.* Стопанска България..., с. 307—309.

¹¹⁸ См.: *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 260.

¹¹⁹ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 6, с. 220.

¹²⁰ Тот факт, что болгарские крестьяне получили в свои руки землю в результате победы русского оружия, укрепил в их среде русофильские симпатии, которые оказывали значительное воздействие на последующий ход политического развития страны.

¹²¹ См.: *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения..., с. 193—195; Икономика на България, т. 1, с. 310—311, 323—340.

¹²² *Благоев Д.* Съч., 1959, т. 9, с. 176.

¹²³ Списание на БИКД, 1901, кн. 4/5, с. 209.

¹²⁴ Статистически годишник. 1909. С., 1910, с. 237.

¹²⁵ Списание на БИКД, 1901, кн. 4/5, с. 210.

¹²⁶ Статистически годишник. 1913—1922, отдел VI, с. 10—13.

¹²⁷ Икономика на България, т. 1, с. 331.

¹²⁸ Цитируем по: *Беров Л.* Аграрното движение в Източна Румелия по време на Освобождението.— Исторически преглед, 1956, кн. 1, с. 33.

¹²⁹ См.: Икономика на България, т. 1, с. 334—335.

¹³⁰ См.: *Благоев Д.* Икономическо развитие на България.— Съч., т. 7, с. 624—634.

¹³¹ См.: Икономика на България, т. 1, с. 332.

¹³² *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 327.

¹³³ Процент сельскохозяйственного населения в связи с ростом промышленности несколько снизился: в 1905 г. в сельском хозяйстве было занято 77% населения страны и 82,5% ее активного населения, а в 1910 г. на долю сельского хозяйства приходилось уже 74,8% населения и 80,8% активного населения Болгарии. Таким образом, в сельском хозяйстве было занято накануне войны около 4/5 населения страны (Статистически годишник. 1911, с. 62—63; Статистически годишник. 1942. С., 1942, с. 46—47).

¹³⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 34, с. 292.

¹³⁵ *Попов К.* Стопанска България..., с. 422.

¹³⁶ Списание на БИКД, 1904, кн. 2, с. 151.

¹³⁷ Статистически годишник. 1912, с. 350.

¹³⁸ См.: *Тодорова Цв.* Към историята на Българския земеделски народен съюз в навечерието на войните.— Исторически преглед, 1955, кн. 5, с. 33—34.

¹³⁹ *Попов К.* Стопанска България..., с. 122.

¹⁴⁰ Сообщения об этом проникали даже в буржуазную прессу. См.: Демократически преглед, 1905, № 2, с. 40; България, 22.IV 1905; Мир, 4 и 6.I 1905.

¹⁴¹ См.: Списание на БИКД, кн. 8, с. 512—513.

¹⁴² См.: *Натан Ж., Беров Л.* Монополистическият капитализъм..., с. 91.

¹⁴³ В 1905 г. около 18,4% городского населения страны было занято земледелием. См.: *Попов К.* Стопанска България..., с. 135—136.

- ¹⁴⁴ См.: ОРПН. 1893, с. 80; *Благоев Д.* Съч., т. 7, с. 237—238.
- ¹⁴⁵ Подробнее см.: *Икономика на България*, т. 1, с. 331, 334, 362, 407.
- ¹⁴⁶ Об этом свидетельствуют многочисленные жалобы крестьян-бедняков на засилье сельских кметов-богатеев, на несправедливости при распределении земли и т. д. См.: *Икономика на България*, т. 1, с. 311—312, 315, примеч. 4; 323—324, 330—331. Все эти факты опровергают утверждения некоторых болгарских буржуазных историков о том, что в Болгарии после освобождения земля якобы была распределена «идеальным образом», См., например: *Sakázov I. Bulgarsche Wirtschaftsgeschichte*. Berlin; Leipzig, 1929, S. 269.
- ¹⁴⁷ Тем не менее у многих крестьян ощущался острый недостаток земли, что приводило к тому, что иногда между жителями соседних сел возникали доходившие до кровавых столкновений споры и конфликты из-за пастбищ, лесных угодий и иных земельных участков. См., например: *България*, 16.IX 1905.
- ¹⁴⁸ *Попов К.* Стопанска България..., с. 73.
- ¹⁴⁹ См.: *Списание на БИКД*, 1906, кн. 6/7, с. 471—472.
- ¹⁵⁰ *Моллов Я.* Арендата и арендните отношения у нас. С., 1922, с. 9, 16, 19; *Тимов С.* Экономика Восточной Европы. М.; Л.: Соцэкиз, 1930, т. 1, с. 187—188.
- ¹⁵¹ См.: *Моллов Я.* Арендата..., с. 9, 16, 19; *Тимов С.* Экономика Восточной Европы, с. 187—188.
- ¹⁵² См.: *Киришевская А. Н.* Некоторые особенности..., с. 253.
- ¹⁵³ См.: Периодическое списание на Българското книжовно дружество в Средец, 1890, кн. 28—30, с. 544—545; кн. 32—33, с. 319—326; *Икономика на България*, т. 1, с. 323, 416.
- ¹⁵⁴ См.: *Авджиев Ж.* Българската литература след освобождението, с. 16, 20, 27, 49—50; *Очерки истории болгарской литературы XIX—XX веков*. М.: Наука, 1964, с. 128—129, 188—191; *История на българската литература*, т. III, с. 778; *Цанев Г.* Страници от историята на българската литература. С., 1967, т. 1, с. 521; 1971, т. 2, с. 272, 277.
- ¹⁵⁵ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 10, с. 436—437; т. 12, с. 203, 335, 551.
- ¹⁵⁶ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 6, с. 72; т. 7, с. 238, 253, 353.
- ¹⁵⁷ См.: *Ново време*, 1902, кн. 5/6, с. 394; *Благоев Д.* Съч., т. 7, с. 238—240, 253.
- ¹⁵⁸ *Казасов Д.* Улицы. Хора. Събития. София през първите години на 20-ия век. С., 1963, с. 102, 110. По свидетельству автора, в Софии существовала корпорация нищих, которые делились на передвигающихся и сидящих на одном месте.
- ¹⁵⁹ См.: *Алваджиев Н.* Пловдивска хроника. Пловдив, 1971, с. 61.
- ¹⁶⁰ С. 32 277 лиц (класса XXXX, включая «самостоятельных» и «помощников») в 1888 г. до 24 576 лиц (класса LVII, LVIII, LX и LXII) в 1900 г. См.: ОРПН. 1888, с. 64; 1900, кн. II, с. 80—84.
- ¹⁶¹ См.: ОРПН. 1905, кн. II, с. 56—57; 1910, кн. II, с. 64—65.
- ¹⁶² См.: *Благоев Д.* Съч., т. 6, с. 132, 250. Как отмечал Д. Благоев, этот слой составлял социальную опору оппозиционных болгарских буржуазных партий, рвавшихся к власти.
- ¹⁶³ *Благоев Д.* Съч., т. 1, с. 514.
- ¹⁶⁴ См.: Там же, с. 137; т. 2, с. 2—3.
- ¹⁶⁵ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 8, с. 530; 1958, т. 5, с. 162—164, 336; т. 6, с. 199.
- ¹⁶⁶ См.: Там же, т. 13, с. 519,

ЧИСЛЕННОСТЬ И СТРУКТУРА БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В НАЧАЛЕ XX в.

Вопрос о численности болгарского пролетариата периода интенсивного его формирования — первого десятилетия XX в. — затрагивается во многих работах. Однако для большинства авторов этот вопрос обычно возникал как попутный. В этой связи, а также в силу сложностей источниковедческого характера в одних трудах численность болгарского рабочего класса в 1910 г. определяется в 296 157 рабочих, в других — в 329 684, в третьих — в 363 796, в четвертых она достигает четырехсот тысяч, а в пятых — даже полумиллиона¹. Довольно разноречивы сведения и о численности отдельных отрядов болгарского пролетариата.

Эти различия вызваны еще и тем, что в литературе часто отсутствует разграничение между: 1) пролетариями, чей основной (или единственный) источник существования — продажа рабочей силы; к ним относятся постоянные рабочие, большинство безработных и часть поденщиков, являющихся фактически постоянными рабочими; 2) полупролетариями, имевшими небольшую мелкую собственность, которые часть года (иногда значительную) эксплуатировались капиталом в качестве сезонных рабочих или поденщиков; 3) совокупностью категорий работников наемного труда, в которую входили как пролетарии, так и полупролетарские слои, а также иные промежуточные слои (большинство служащих, часть интеллигенции и др.).

Некоторые авторы трудов по истории рабочего движения в Болгарии при освещении вопроса о численности пролетариата исходят главным образом из данных рабочей печати и, в сущности, игнорируют показатели переписей населения страны. Болгарская марксистская печать первого десятилетия XX в. уделяла много внимания проблемам формирования рабочего класса. Возглав-

ляемые Д. Благоевым революционные социал-демократы Болгарии — тесняки вели самоотверженную борьбу с буржуазным лагерем, пытавшимся в начале века игнорировать существование пролетариата, доказать его количественную ничтожность и под этим предлогом — нецелесообразность введения рабочего законодательства. В этой борьбе Д. Благоев и болгарские марксисты показывали существование пролетариата в стране, его растущую численность, значимость и перспективы. Д. Благоев при этом отмечал, что задача болгарских марксистов на данном этапе заключается не в детальном исследовании экономических процессов, а в выявлении перспектив рабочего класса и что в будущем скрупулезное изучение статистики и других источников неизбежно внесет уточнения в представления о численности болгарского пролетариата².

В основу изысканий по вопросу о численности и структуре пролетариата следует, по нашему мнению, положить данные болгарской статистики переписей населения; их необходимо сопоставить с показателями обследований ценовой промышленности и с материалами болгарской рабочей печати.

Руководствуясь указанными соображениями, мы скорректировали, согласно сформулированным выше (см. обзор источников во «Введении») девяти поправкам методологического характера показатели переписей населения и пришли к следующим выводам о численности болгарского рабочего класса (табл. 4).

Заключенные в табл. 4 сведения требуют некоторых дополнительных пояснений. Полученные скорректированные показатели о численности пролетариата являются лишь приближением к действительной численности постоянных рабочих и не охватывают многочисленных сезонников, часть которых была фактически на положении полупостоянных рабочих. Сведения о численности пролетариев в таких производственных сферах, как промышленность, строительство и ремесло, более точны. Данные о численности рабочих в непроизводственных сферах охватывают не только рабочих физического труда, но и часть низкооплачиваемых служащих и других наемных лиц.

Итак, содержащиеся в таблице показатели свидетельствуют, что за одно десятилетие — с 1900 по 1910 г. —

Таблица 4

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И УДЕЛЬНОГО ВЕСА ПРОЛЕТАРИАТА
В БОЛГАРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

	1900 г.	1905 г.	1910 г.
Численность самодеятельного населения страны—(а); в скобках — все население	1 893 081 (3 744 283)	2 106 786 (4 035 575)	2 244 083 (4 337 513)
Общее число рабочих, показанное в официальных результатах переписи населения	217 583	298 457	363 796
Скорректированное число рабочих — (б)	188 000	268 000	332 000
Удельный вес рабочих, в % к самодеятельному населению (б/а)	9,9%	12,7%	14,7%

численность рабочего класса Болгарии выросла на 75%, в то время как численность всего самодеятельного населения страны увеличилась лишь на 17,5%. В результате удельный вес пролетариата в составе самодеятельного населения вырос приблизительно с 10 до 15%.

§ 1. Промышленные рабочие

Точную численность постоянных промышленных рабочих, занятых в рассматриваемое время, установить не представляется возможным: в результатах переписей населения промышленные рабочие объединены с ремесленными, а материалы промышленных анкет содержат сведения лишь о рабочих цензовой промышленности. Анализ материалов переписей населения дает все же некоторые ориентиры: путем сопоставления показателей численности владельцев заведений (по каждой отдельной категории производства и по каждой отдельной профессии) с показателями числа рабочих соответствующей профессии и с данными из других источников можно прийти к определенным рабочим гипотезам. При этом мы исходим из того, что промышленным предприятием в Болгарии рассматриваемого времени следует считать

предприятие с применением машин и механической тяги с числом рабочих более 10. К ремесленным же мы, разделяя господствующее в болгарской литературе мнение, относим предприятия в основном с ручным трудом и числом рабочих до 10³. На первый план по необходимости у нас выступает именно критерий количества рабочих на предприятии, хотя при решении вопроса о характере конкретного заведения следует исходить из совокупности критериев.

При анализе материалов переписей населения мы сочли необходимым (как отмечалось во «Введении») внести в них некоторые поправки, условно названные нами коррективами методического характера. На наш взгляд, целесообразно перевести дровоколов (в таблицах — профессия № 154а) из категории рабочих-древобделочников в разряд рабочих сферы обслуживания; из класса 14 (производство одежды и обуви) мы переведем также в разряд рабочих сферы обслуживания работников, занятых в банях, парикмахерских, стиркой белья, чисткой одежды и обуви и т. п. (профессий № 301—303а); из классов 16, 19 и 20 (по отделу «индустрия») переводим опять-таки в разряд рабочих сферы обслуживания трубочистов (№ 318а), расклейщиков афиш (№ 325а), рабочих сцены (№ 363) и ассенизаторов (№ 356—356а). В то же время мы полагаем уместным перевести из отдела XI («неточно определенные профессии») в отдел III («индустрия») категорию «поденщики и чернорабочие» (№ 489), ибо в эту категорию фактически попали городские чернорабочие и разнорабочие, добывавшие средства к существованию в основном трудом в промышленности и в строительстве, но не имевшие постоянной работы и зарегистрированные как «поденщики и разнорабочие» вообще⁴ (кроме того, в результатах переписей населения отдельно были зафиксированы еще поденщики в сельском хозяйстве). Дополнительные уточнения получены также сопоставлением материалов переписей населения с показателями промышленных анкет о рабочих ценовой промышленности и данными других источников.

Указанная методика выделения промышленных рабочих является в создавшихся условиях, на наш взгляд, видимо, наиболее надежным способом приблизительно установления численности постоянных рабочих в про-

мышленности. Мы приходим к заключению, что численность постоянных промышленных рабочих в Болгарии составляла в 1900 г. приблизительно 4 тыс.⁵, в 1910—20 тыс. рабочих⁶.

Переходя к характеристике особенностей отдельных отрядов промышленных рабочих, остановимся прежде всего на текстильщиках, которые составляли по показателям анкеты 1909—1910 гг. от 30 до 40% (в зависимости от сезона) общего числа рабочих ценовой промышленности⁷. Численность постоянных рабочих-текстильщиков в 1910 г. достигала примерно 4,5 тыс.⁸.

Широкое проникновение с конца XIX в. в шерстепрядильную и иную текстильную промышленность машинной техники обусловило наиболее высокий уровень концентрации производства и рабочих именно в текстильных отраслях. Центрами сосредоточения значительной массы текстильных рабочих были в 1910 г. Сливен, Габрово и Варна. Здесь на крупных шерстепрядильных и хлопчаткацкой фабриках трудились многие десятки, а иногда и сотни рабочих⁹. Вместе с тем в ряде текстильных отраслей (производство одеял, гайтана, ковров, веревок и т. д.) господствовали мелкие заведения мануфактурного, а чаще ремесленного типа. Внедрение машинной техники в текстильное производство создало базу для массового применения труда женщин и несовершеннолетних, что, разумеется, накладывало отпечаток на процесс формирования классового сознания текстильных рабочих.

Другим быстро растущим отрядом болгарских промышленных рабочих были рудокопы — рабочие каменноугольных шахт, рудников по добыче меди и некоторых других цветных металлов¹⁰. В состав этого отряда включались по традиции рабочие карьеров по добыче камня, мрамора и других строительных материалов.

Установление точной численности шахтеров наталкивается на непреодолимые объективные трудности: переписи населения показывают лишь приблизительное число постоянных рабочих на шахтах¹¹. Как свидетельствуют источники и как зафиксировали авторы, изучавшие вопрос о формировании рабочих каменноугольной промышленности, подавляющее большинство рабочих на шахтах — это земледельцы или почти разорившиеся крестьяне окрестных сел¹². Они периодически нанима-

лись на короткое время (часто на несколько дней), а затем снова возвращались к своим земельным участкам¹³. Со временем многие деревни, прилегавшие к крупнейшим из разработок каменного угля в районе бывшего с. Перник, потеряли свой прежний облик и превратились, по словам Г. М. Димитрова, в «рабочие села»¹⁴.

Таким образом, болгарский шахтер начала XX в. — это по большей части временный рабочий, сезонник, наполовину шахтер и наполовину крестьянин¹⁵; в то же время число постоянных рабочих-шахтеров, порвавших или почти совсем порвавших с земледелием, хотя и медленно, но неуклонно росло¹⁶. Положив для ориентировки в вопросе о численности рудокопов в основу материалы промышленной анкеты 1909—1910 гг., мы приходим к предположению, что в добывающей промышленности в 1910 г. было в течение года занято в среднем, вероятно, от 2,5 до 3,5 тыс. рабочих.

Преобладающая часть горняков была сконцентрирована в Пернике. Большая степень концентрации шахтеров и их однородный состав (мужчины среднего и молодого возрастов) содействовали сравнительно быстрому созреванию классового сознания у постоянных рабочих добывающей промышленности¹⁷.

Подавляющее большинство предприятий пищевого производства (мукомолие, пивоварение, спиртоварение и пр.) были мелкими и мельчайшими, и занятых в них рабочих явно следует отнести к разряду ремесленных; однако часть пищевых предприятий (например, в сахароварении и др.) носила характер промышленных и эксплуатировавшиеся в них рабочие составляли довольно большой отряд промышленного пролетариата страны¹⁸. Поскольку большинство отраслей пищевого производства были сезонными, число рабочих в них резко менялось. Сопоставляя сведения анкеты 1909—1910 гг. с показателями переписи населения и учитывая, что значительное число пишевиков было занято на небольших промышленных предприятиях, не охваченных цензовой статистикой, мы приходим к предположению, что в пищевой промышленности в 1910 г. было занято в среднем в течение года от 2 до 3,5 тыс. рабочих.

Рабочие пищевой промышленности (исключая сахарную) были рассредоточены на мелких предприятиях,

разбросанных по всей стране. По данным анкеты 1909—1910 гг., пищевая промышленность по степени производственной концентрации среди отраслей ценовой промышленности находилась на одном из последних мест¹⁹. Большая территориальная распыленность и сравнительно слабый рост концентрации обуславливали замедленные темпы созревания классового сознания у отряда рабочих-пищевиков.

Менее значительный по численности, но растущий отряд промышленных рабочих представляли табачники. Одну группу составляли рабочие предприятий по выработке резаного табака и папирос; они были заняты круглый год (после введения с начала века машин для резки табачных листьев эти предприятия стали табачными фабриками). Другую группу составляли рабочие табачных складов, где происходила так называемая манипуляция табаком (приготовление табака-сырца на экспорт); производство это фактически стало разворачиваться в стране лишь с начала века. Наиболее интенсивный сезон деятельности табачных складов приходился на лето, а в зимние месяцы производство обычно прекращалось; соответственно резко изменялось и число занятых рабочих.

Установление численности рабочих-табачников наталкивается на значительные трудности, поскольку переписи населения фиксировали лишь постоянных рабочих, а ценовой статистикой табачные предприятия не охватывались. В литературе существует попытка определения численности табачников; автор специального исследования путем сопоставления данных рабочей печати и сведений об объеме выпускаемой продукции пришел к заключению, что в 1910 г. в стране было 1520 рабочих на фабриках и 2 тыс. рабочих на табачных складах²⁰. Мы полагаем, что указанную попытку можно принять как рабочую гипотезу с одной оговоркой: точнее будет утверждать, что в табачном производстве Болгарии в 1910 г. было занято более 1,5 тыс. постоянных рабочих и свыше 2 тыс. сезонных.

В табачной промышленности быстрее, чем в большинстве других отраслей, проходил процесс концентрации производства. Рабочие-табачники были сосредоточены в основном в Пловдиве, а также в Варне, Русе, Шумене, Хасково, Дупнице²¹. Быстро растущая концен-

трация, несомненно, содействовала созреванию классового сознания рабочих-табачников.

Преобладающая часть рабочих-металлистов Болгарии была занята в мелких и мельчайших металлообрабатывающих мастерских ремесленного типа и, безусловно, должна быть отнесена к ремесленным рабочим. Промышленные рабочие в металлообрабатывающем производстве составляли в 1910 г. около 15% зафиксированного переписью населения числа постоянных рабочих-металлистов (11251)²²; их численность, видимо, приближалась к 2 тыс. Отряд промышленных рабочих-металлистов был в стране одним из самых молодых по времени формирования; он фактически сложился в начале XX в. За короткий срок — с 1900 по 1911 г. — число рабочих на ценовых металлообрабатывающих предприятиях выросло в 23 раза (со 101 до 2314), в том числе с 1907 по 1911 г. — в 8 раз²³.

В отношении возрастно-половой структуры состав металлистов был довольно однороден: как правило, мужчины молодого и среднего возрастов. Значительная часть металлистов, промышленных рабочих, была занята в крупнейших по масштабам страны предприятиях — арсенале, железнодорожных и вагоноремонтных депо, а также частных металлообрабатывающих и машиноремонтных предприятиях, расположенных главным образом в Софии, Русе, Варне и Бургасе²⁴. Это оказало, разумеется, благоприятное воздействие на пробуждение классового сознания у складывающегося отряда пролетариев-металлистов.

В деревообделочном производстве, как и в металлообрабатывающем, было много мелких и мельчайших предприятий и заведений; таким образом, значительная часть деревообделочников (видимо, более $\frac{3}{4}$) должна быть отнесена к ремесленным рабочим. Путем сопоставления показателей переписи 1910 г. с данными промышленной анкеты 1909—1910 гг. мы приходим к предположению, что в промышленных деревообделочных предприятиях в течение 1910 г. было занято в среднем около 1,5 тыс. рабочих²⁵. Большая часть деревообделочников была распылена по всей стране, в значительной мере — в сельской местности (даже из 18 ценовых деревообделочных предприятий 7 были расположены в селах²⁶).

Остальные группы промышленного пролетариата были по своему удельному весу и численности еще менее значительными. В кожевенно-обувном, в частности, производстве промышленные рабочие в 1910 г. составляли незначительную долю: вероятно, около 5% общего числа рабочих-кожевников, которых в своем подавляющем большинстве следует причислить к разряду ремесленных²⁷. В целом рабочие керамической, кожевенно-обувной, химической, бумажной и электроэнергетической отраслей промышленности все вместе насчитывали в 1910 г., видимо, около 2,5 тыс. человек.

Отдельно следует упомянуть группу рабочих-полиграфистов; иногда их причисляют целиком к ремесленным рабочим. По нашему мнению, дело обстоит значительно сложнее. Подавляющее большинство типографий, основанных в значительном количестве в конце XIX — начале XX в., были мелкими, и их рабочих, безусловно, следует отнести к ремесленным. Однако к 1910 г. масштабы и характер немалого числа типографий в крупнейших городах (прежде всего в Софии) изменились. На основании изучения проведенной в 1910 г. частной анкеты болгарских типографий (в том числе показателей о рабочих и данных о количестве и характере используемых машин и моторов и т. п.)²⁸ мы пришли к выводу: поскольку в большинстве софийских и в ряде типографий других важнейших центров страны применялись новейшие печатные машины и использовались моторы, а число рабочих в каждом из подобных заведений превышало 10, такие типографии можно отнести к разряду промышленных предприятий.

Из имевшихся в 1910 г. в стране 164 типографий (33 в Софии) с 1549 рабочими в 34 типографиях (из них 25 в Софии) с количеством рабочих не менее 10 в каждой работало более тысячи рабочих, которых следует рассматривать как промышленных рабочих²⁹; они составляли около 50% всех рабочих полиграфическо-издательского производства³⁰. Следует учесть, что все рабочие-полиграфисты были грамотными; 70% их состава имели начальное и низшее гимназическое образование³¹. Около 90% рабочих типографий составляли мужчины, преимущественно молодежь (3/4 не старше 30 лет)³². Все это создавало условия для быстрого пробуждения у печатников элементов классового сознания.

Рассмотренные нами отдельные группы промышленных рабочих отличались друг от друга некоторыми чертами; тем не менее они составляли в своей совокупности единый социальный организм — отряд промышленных пролетариев с его особым обликом, складывающееся основное ядро болгарского рабочего класса.

Национальный состав промышленных рабочих был более или менее однородным: 86,4 числа цензовых рабочих составляли в 1910 г. болгары³³. Сравнительно более пестрым был национальный состав среди рабочих-кожевников (доля болгар достигала лишь 64,3%, и около 20% приходилось на турок)³⁴, отчасти у табачников.

В ряде отраслей промышленности широко применялся труд женщин и несовершеннолетних. В частности, среди рабочих цензовой текстильной промышленности в 1910 г. лица женского пола всех возрастов составляли 60%, дети до 16 лет — 27, юноши и девушки от 16 до 20 лет — 31%³⁵. Большой процент женщин и несовершеннолетних был и среди табачников, отчасти среди рабочих химической и бумажной, керамической, сахароваренной и консервной промышленности³⁶. В целом, хотя, по свидетельству Д. Благоева³⁷, удельный вес женщин и несовершеннолетних среди промышленных пролетариев за рассматриваемый период несколько снизился, в 1910 г. женщины составляли 22,5%, несовершеннолетние (в возрасте до 20 лет) — около 1/3 рабочих крупной промышленности³⁸.

Втягивание женщин в производство имело серьезные последствия. На первых порах, как отмечал Д. Благоев³⁹, это осложняло деятельность революционных социал-демократов, ибо многие работницы (среди которых процент неграмотных был более значительным) с трудом поддавались агитации и организации. С другой стороны, постепенно вступали в действие долговременные факторы; эксплуатация капиталом женщин и несовершеннолетних создавала предпосылки для втягивания их в рабочее движение. С течением времени происходил перелом в психологии и умах работающих женщин и пролетариев-мужчин, в понимании роли и положения женщины в обществе, что, несомненно, имело положительное значение.

Довольно пестрым было социальное происхождение промышленных рабочих. Свыше половины (52%) рабо-

чих цензовой промышленности, по данным анкеты 1909 — 1910 гг., родилось в деревне. Более 1/3 цензовых рабочих (34,1%) вышли из крестьянских семей, свыше 40% — из семей ремесленников и прочих⁴⁰. Названная статистика не содержит показателей о числе лиц пролетарского происхождения. И все же по косвенным данным можно предположить, что к концу рассматриваемого периода в стране стала формироваться на первых порах малочисленная прослойка потомственных рабочих.

Около 1/3 цензовых рабочих до поступления на работу были заняты в сельском хозяйстве, остальные — в других промышленных или ремесленных предприятиях или имели другие занятия⁴¹. Таким образом, хотя удельный вес рабочих крестьянского происхождения и с сельскохозяйственным опытом предыдущей деятельности был значительным, все же большинство цензовых рабочих по происхождению и предыдущей деятельности были выходцами из других, главным образом городских, слоев пролетаризирующейся или полупролетаризованной бедноты; в общественно-политическом и культурном отношении они находились на более высоком уровне, чем выходцы из села, хотя психология их и была мелкобуржуазной, что затрудняло созревание классового пролетарского сознания.

Важным для социальной характеристики болгарского пролетариата показателем было его имущественное состояние. Около 50% цензовых рабочих старше 20 лет (или около 2/3 общей их численности) не имели никакого недвижимого имущества⁴². К ним приближалась другая группа рабочих (они составляли 15% от числа цензовых рабочих старше 20 лет), имевших только дом для жилья. Около 35% цензовых рабочих старше 20 лет были обладателями не только дома, но и другого недвижимого имущества (главным образом земельного участка)⁴³. Таким образом, приведенные данные об имущественном состоянии в целом еще раз доказывают, что в рассматриваемое время процесс отрыва рабочих от земледелия зашел в целом довольно далеко и в стране сложился отряд промышленных рабочих, полностью лишенных средств производства и недвижимого имущества.

С указанным выводом могут быть соотнесены и показатели о стаже производственной деятельности: 35%

рабочих цензовых предприятий имели стаж работы в данной отрасли 5 и более лет, в том числе 22% проработали 5 и более лет в одном заведении⁴⁴.

Более 3/4 цензовых рабочих были грамотными. Рабочие с неоконченным начальным образованием составляли 25,6%, с окончанным — около 25, с незаконченным и законченным прогимназиальным образованием — 18% общего состава. Наиболее высокий образовательный уровень был у печатников; среди остальных групп промышленных рабочих наименьший процент неграмотных был у металлистов и рабочих электроэнергетической промышленности. В целом уровень грамотности у промышленных рабочих был гораздо более высоким, чем у крестьян, и выше средней грамотности всего городского населения⁴⁵.

Как ни малы были размеры большинства болгарских промышленных предприятий в сравнении с крупными индустриальными предприятиями западноевропейских стран, США и России, все же и в Болгарии мы наблюдаем тенденцию к концентрации производства, обусловившую рост количества и удельного веса предприятий со значительным (по масштабам страны) числом рабочих, а также тенденцию к сосредоточению рабочих в крупнейших городах. Важность проходившего в стране с конца XIX в. процесса производственной и территориальной концентрации пролетариата, создание больших фабрик (в Пловдиве, Софии, Варне, Сливене, Русе, Габрово и других городах) со значительным числом рабочих отмечал в ряде своих статей, опубликованных в начале XX в., Д. Благоев⁴⁶.

Эта концентрация развивалась параллельно с ростом числа больших городов, которые, по словам Ф. Энгельса, были «очагами рабочего движения»⁴⁷. Если в 1884 г. в стране имелся лишь один город с населением свыше 30 тыс. жителей, то в 1910 г. — уже 4 (в Софии — 102,8 тыс., в Пловдиве — 48 тыс., в Варне — 41,4 тыс. и в Русе — 36,3 тыс.); кроме того, насчитывалось еще 4 города с населением от 20 до 30 тыс. жителей (Сливен, Плевен, Стара Загора и Шумен)⁴⁸. В восьми названных городах вместе с двумя менее значительными по числу жителей промышленными городами (Бургас и Габрово) в 1910 г. сосредоточивалось 43,2% городских рабочих и 52,6% рабочих индустриальной сферы (про-

мышленности, ремёсла и транспорта), находившихся в болгарских городах⁴⁹.

Наряду с городами, в которых концентрировались рабочие разных отраслей и категорий, начали возникать и города с локализацией отдельных отрядов пролетариата, обусловленной промышленной специализацией (в Сливене и Габрово, например, — текстильщики, в Пернике — шахтеры, в Хасково — табачники, в Бургасе — портовики). В городах, где (по данным промышленной анкеты 1909—1910 гг.) было сосредоточено наибольшее количество ценовых промышленных предприятий (Пловдив, София, Сливен, Габрово, Варна, Русе, Хасково и др.), на долю пролетариев, как правило, приходился и наибольший процент самодеятельного населения⁵⁰.

Промышленный пролетариат рос и абсолютно и относительно сравнительно быстрыми темпами. Общая численность рабочего класса страны увеличилась за период с 1900 по 1910 г. на 75%; рабочих горняков — на 140, текстильщиков — на 160, металлистов — на 175, деревообделочников — на 550%⁵¹.

Рост численности и удельного веса промышленных рабочих, намечавшиеся тенденции производственной и территориальной концентрации и территориально-отраслевой локализации отдельных отрядов, а также другие отмеченные факторы, характеризующие процесс формирования промышленных рабочих, создавали в целом благоприятные условия для организации рабочих, пробуждения и роста их классового сознания, содействовали превращению промышленного пролетариата в ядро болгарского рабочего класса.

§ 2. Рабочие-строители

Строительные рабочие были своеобразной группой пролетариата, представляли собой, по словам В. И. Ленина, «образующийся промышленный пролетариат»⁵². Техника и машины в строительстве в изучаемое время почти не применялись; там господствовал тяжелый ручной труд. Численность строительных рабочих была весьма непостоянной величиной, удельный вес сезонников в строительстве был особенно велик⁵³. В то же время наблюдался быстрый рост числа постоянных квалифицированных рабочих-строителей. Если общее число посто-

янных рабочих так называемой индустриальной сферы (промышленность, включая горнодобывающую, ремесло и строительное дело) выросло с 1900 по 1910 г. приблизительно в 2,5 раза, то число постоянных рабочих-строителей увеличилось в 4,75, а число рабочих в производстве строительных материалов за тот же период — в 5,76 раза⁵⁴. К 1910 г. численность постоянных рабочих-строителей равнялась 24 тыс., достигая 1/4 числа рабочих индустриальной сферы. Фактически (если учесть сезонников) численность строительных рабочих, видимо, была более значительной и абсолютно и относительно.

Концентрация строительных рабочих в среднем была более слабой, чем промышленных. Строители были распылены на множестве объектов — промышленных, административных, жилых и пр.; в первую очередь строительство велось в крупнейших центрах. В десяти крупнейших городах страны (Софии, Пловдиве, Варне, Русе, Бургасе, Сливене, Плевене, Шумене, Стара Загоре, Хасково) в 1910 г. было сосредоточено 20% всех строительных рабочих и 54,5% городских строителей страны⁵⁵. В названных и некоторых других больших городах число строительных рабочих (как свидетельствуют данные статистических публикаций переписей населения 1900, 1905 и 1910 г.) нарастало более или менее равномерно: там в разных местах периодически возникали различные строительные объекты.

Иначе дело обстояло в малых и средних (а иногда и в некоторых более крупных) городах; здесь статистика лишь изредка фиксирует существенное скопление числа рабочих-строителей (например, в Казанлыке, Пазарджике и Пештере в 1900 г. и в Самокове и Добриче в 1910 г.)⁵⁶; это было, видимо, связано с сооружением там отдельных больших строительных объектов.

В городах, где разворачивалось значительное строительство, сосредоточивались постоянные рабочие-строители и сезонники не только из близлежащих сел одноименных и соседних околий. Сюда прибывали на заработки, как правило, на весь строительный сезон и из отдаленных районов — традиционных мест отхода рабочих-строителей (из Трынской околии, Тревненского района Дряновской околии, отчасти из Габровской, Тетевенской и других околий). Как свидетельствуют показатели статистики, только в селах Трынской, Дрянов-

ской и Габровской околий в 1900, 1905 и 1910 гг. было сосредоточено в среднем около половины всех постоянных рабочих-строителей, зафиксированных в сельской местности⁵⁷. Пребывание строительных рабочих, выходцев из села, в больших городах содействовало поднятию их культурного уровня и общего развития.

Вместе с тем большие массы строителей были сосредоточены на стройках железнодорожных линий и шоссе. В рассматриваемое время в стране проходило широкое строительство шоссейных дорог и мостов, особенно в Пловдивском, Софийском, Тырновском, Вратчанском, Старозагорском и Плевенском административных округах, а также расширение, модернизация и сооружение гаваней в черноморских и придунайских портах (Бургас, Варна, Видин, Русе, Свиштов)⁵⁸. Там было занято немалое число рабочих.

Во второй половине рассматриваемого десятилетия заметные массы строителей были сосредоточены на построении железных дорог Радомир—Кюстендил, Борушница—Стара Загора, Царева ливада (Вырбаново)—Габрово, Пловдив—Чирпан—Нова Загора, Тырново—Борушница, Девня—Добрич, Левски—Свиштов и др.⁵⁹ Отдельно следует упомянуть значительную массу рабочих, сконцентрированных на сооружении большой железнодорожной линии Мездра—Видин на северо-западе Болгарии, во Вратчанском и Видинском округах (начато в 1908, окончено в 1923 г.)⁶⁰.

Превосходящую часть строителей дорог составляли полупролетарские и бедняцкие слои населения близлежащих к указанным линиям деревень⁶¹. Это создавало предпосылки для проникновения в их среду элементов пролетарской идеологии. Большую часть постоянных рабочих-строителей (в период 1900—1910 гг. — от $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$) составляли мужчины преимущественно молодых возрастов (до 40 лет)⁶². Преобладали среди них квалифицированные рабочие (каменщики, плотники, маляры и т. п.).

Сезонные неквалифицированные рабочие вносили большую пестроту в структуру строителей; а главное — они создавали текучесть рабочей силы. Да и сам характер производственных циклов строительной деятельности обуславливал столь частые передвижения рабочих с места на место, что препятствовал быстрой консоли-

Дации строителей в коллективы и таким образом оказывал тормозящее влияние на рост сознания и организованности рабочих. Как отмечал Г. Димитров, среди строительных рабочих был распространен тип полусобственников-полупролетариев, которые рассматривали свое занятие не «как постоянный способ пропитания, а как временное *отходничество*, с помощью которого они надеялись закрепить свое подорванное положение самостоятельных сельских хозяев»⁶³. Они, замечал Г. Димитров, «с очень большим трудом могут понять значение организации и организованной борьбы против бесчеловечной капиталистической эксплуатации, которая именно в строительстве достигла чудовищных размеров»⁶⁴.

§ 3. Ремесленные рабочие

Ремесленные рабочие в Болгарии, как и во многих других (в том числе в соседних балканских)⁶⁵ странах, где крупная промышленность не получила достаточного развития, были значительным — в абсолютном и в относительном смысле — отрядом рабочего класса⁶⁶. Они состояли из двух основных групп: 1) подмастерья («калфа») и 2) ученики («чираки»). Ученики должны были несколько лет (в среднем около пяти) работать без оплаты; овладев основами профессии, они переходили в разряд подмастерьев. Последние, в течение длительного времени (около 10 лет) изучая искусство и секреты мастерства, готовились к получению диплома и звания мастера, что создавало возможность при наличии у них соответствующих средств основать самостоятельную ремесленную мастерскую. Численность учеников иногда несколько превышала численность подмастерьев, но значительной разницы в целом, видимо, не было. На положении фактических наемных рабочих находились и мастера, бывшие владельцы самостоятельных мастерских, разорившиеся и работавшие в мастерской у другого хозяина, а также так называемые общие рабочие (разнорабочие)⁶⁷.

Точное число ремесленных рабочих установить не представляется возможным, поскольку в переписях населения они смешаны с промышленными⁶⁸. Все же, приблизительно выделив последних, можно попытаться ус-

тановить и ориентировочное число ремесленных рабочих. Проще всего это сделать в отношении швейников — одного из самых многочисленных отрядов ремесленных рабочих. В исследуемый период все так называемое конфекционное производство (изготовление одежды, головных уборов и всего им сопутствующего) базировалось на ручном труде и оставалось на уровне ремесла⁶⁹. Таким образом, рабочих, зафиксированных в переписях населения за швейным производством, можно отнести к разряду ремесленных. За период с 1900 по 1910 г. число их выросло с 5,3 тыс. до 11 тыс., т. е. в 2 раза⁷⁰. В те же годы увеличился удельный вес женщин в составе рабочих-швейников (с 17 до 26%). Подавляющее большинство рабочих-швейников (в первую очередь это относится к городским рабочим) были грамотными. По имеющимся сведениям, 50% швейников Габрово в течение своей работы в качестве учеников или подмастерьев только один раз меняли своих хозяев⁷¹.

Большое число ремесленных рабочих было занято и в небольших мастерских по производству и ремонту обуви: сапожно-обувное дело в рассматриваемый период сохраняло в Болгарии ремесленный характер⁷². Некоторое исключение представляли лишь цензовые предприятия по обработке и выделке кожи. За период с 1900 по 1910 г. число рабочих кожевенно-обувного и шорного производства выросло более чем на 70% (с 7,4 тыс. до 12,9 тыс.; в то же время число владельцев мастерских сократилось на 20%)⁷³. Удельный вес среди них несовершеннолетних (до 20 лет) хотя несколько и снизился, но продолжал оставаться очень большим (с 67% в 1900 г. до 50% в 1910 г.).

Значительное число ремесленных рабочих было также в мелких предприятиях различных отраслей пищевого и металлообрабатывающего производства. Ориентировочно в 1910 г. их насчитывалось свыше 10 тыс. в пищевых и менее 10 тыс. в металлообрабатывающих заведениях. Меньше их было в текстильных и деревообделочных мастерских: приблизительно около 4 тыс. в первых и свыше 3 тыс. во вторых. Еще меньше ремесленных рабочих было в химических и некоторых других производствах.

Ввиду отсутствия прямых статистических показателей о ремесленных рабочих указанных производств (где

ремесло существовало параллельно с промышленностью) трудно дать точную характеристику их возрастно-полового состава. Все же из сопоставления данных о структуре рабочих по переписям населения (охватывающих всех постоянных рабочих в ремесле и промышленности вместе) с соответствующими показателями о рабочих цензовой промышленности можно предположить, что особенно большой удельный вес женщин и несовершеннолетних был (как и в соответствующей отрасли цензовой промышленности) у ремесленных рабочих-текстильщиков. Среди других групп ремесленных рабочих процент женщин был, как правило, незначительным.

Вместе с тем труд несовершеннолетних рабочих широко применялся в ремесленных мастерских большинства производств (видимо, в большей степени, чем в промышленных предприятиях соответствующих отраслей), особенно в заведениях металлообрабатывающих, пищевых, деревообделочных и некоторых иных производств (в таком, например, типично ремесленном производстве, как переплетное дело, несовершеннолетние до 20 лет составляли в 1910 г. 50%)⁷⁴. Да это и неудивительно — существовавший традиционный институт учеников создавал для этого все «законные» основания.

Характерной особенностью рабочих ремесленных производств была большая стабильность, чем в промышленности, где текучесть рабочей силы была наиболее заметной в отраслях со значительным удельным весом сезонников и поденщиков. В то время как в 1910 г. в цензовой промышленности (как отмечалось выше) только 35% рабочих имели стаж работы в данной отрасли более 5 лет, в ремесленных заведениях (по мнению К. Попова) в среднем за 10 лет, вероятно, лишь около 10% учеников и около 5% подмастерьев оставляли ремесло⁷⁵.

Уровень грамотности среди совершеннолетних ремесленных рабочих был, видимо, выше, чем у промышленных. Поскольку среди взрослых ремесленных рабочих подавляющее большинство составляли постоянные и грамотные рабочие со значительным стажем работы, это создавало некоторые условия для проникновения в их среду социалистических идей. Существовали, однако, и противодействующие факторы — к ним относятся производственная и территориальная распыленность ре-

месленных рабочих, рассредоточенных в мелких и мельчайших мастерских по всей Болгарии. Имелось, правда, известное число ремесленных мастерских с применением машин и моторов, в которых было занято иногда около 10 (очень редко и более) рабочих⁷⁶; занятые здесь рабочие приближались, по существу, к промышленным.

В подавляющем, однако, большинстве ремесленные заведения базировались на ручном труде, являлись мануфактурной формой общественного труда. Занятым в них рабочим (подмастерьям, ученикам и др.) были свойственны иллюзии «о возможности (посредством крайнего напряжения работы, посредством бережливости и изворотливости) превратиться в самостоятельного хозяина»⁷⁷. Строй жизни и быта ремесленных рабочих характеризовался наличием патриархальных отношений; прежде всего следует иметь в виду феномен социально-психологической близости наемных рабочих с владельцем ремесленной мастерской, который часто трудился рядом со своими рабочими⁷⁸. Этот важный социально-психологический фактор тормозил пробуждение и рост классового сознания у ремесленных рабочих, составляющих противоречивую по своей социальной сущности, в определенной степени промежуточную группу болгарского рабочего класса.

§ 4. Сельскохозяйственные рабочие

Сельскохозяйственные рабочие в рассматриваемое время по численности были наиболее значительным отрядом болгарского рабочего класса — это было характерным для всего региона Восточной и Юго-Восточной Европы на определенной ступени его социально-экономического развития⁷⁹.

Специфика сельскохозяйственного производства, требовавшего применения труда в одних областях в течение целого года, в других — главным образом в определенные сезоны, обусловила наличие основных типов сельскохозяйственных рабочих — постоянных и временных. К категории постоянных принадлежала фактически большая часть специализированных рабочих (так называемые ратаи—батраки). Постоянные сельскохозяйственные рабочие комплектовались в первую очередь

из числа разорившихся безземельных крестьян; среди них встречались и члены семей обедневших крестьян, сохранивших небольшие участки земли ⁸⁰.

Наиболее однородной в социальном отношении была группа ратаев — постоянных общих сельскохозяйственных рабочих; как правило, это были лица, лишенные средств производства и земли и жившие лишь продажей своей рабочей силы. К ним приближались по социальной сущности рабочие в области животноводства (скотники) и часть пастухов. Постоянные сельскохозяйственные рабочие нанимались на год или на сезон (на летнее или на зимнее полугодие); многие из них, проработав до истечения срока, меняли своих хозяев. Как правило, прием на работу сельскохозяйственных рабочих производился в георгиев день (23 апреля по юлианскому календарю, т. е. по старому стилю) и в димитров день (26 октября по старому стилю), что было связано с традиционным делением сельскохозяйственного года на два полугодия — зимнее и летнее ⁸¹.

Временные сельскохозяйственные рабочие (в статистических публикациях они были объединены в так называемую группу поденщиков — надничар, другое их наименование — гюнлюкчи) фактически делились на несколько различных категорий; они использовались для всевозможных сельскохозяйственных работ в разные времена года. Одни из них нанимались на несколько месяцев (месечари); другие — на более короткий срок, в период интенсивных сельскохозяйственных работ; третьи поступали на работу иногда на несколько дней, а затем возвращались в свои хозяйства (это были поденщики — надничари — в прямом смысле слова). Временные рабочие всяких видов рекрутировались в основном из рядов беднейшего и разоряющегося крестьянства, сельского полупролетариата ⁸²; «...тип сельского рабочего с наделом, — отмечал В. И. Ленин, — свойственен всем капиталистическим странам» ⁸³.

В источниках и в литературе встречаются упоминания о различных типах и группах временных сельскохозяйственных рабочих; многие из лиц этих групп шли внаем эпизодически, и официальная статистика не учитывала их как рабочих. К числу временных относятся так называемые странствующие, или кочующие, сельскохозяйственные рабочие. Немало молодых крестьян,

в первую очередь из беднейших семей горных подбалканских и отчасти природопских селений, нанимались на непродолжительное время (до месяца) на уборку урожая — жнитву, косьбу, сбор винограда и т. п. и на период других интенсивных работ в равнинные районы Северной и Южной Болгарии и в Добруджу, а затем возвращались к себе в села. Вербовались на работу группами в 10—15, 20—30, 50, редко в 100—200 человек; большая часть групп была смешанной (с преобладанием мужчин). Число их было, видимо, довольно значительным⁸⁴.

Перекочевывание наемных сельскохозяйственных рабочих (в России сходное явление именовалось «земледельческим отходом») В. И. Ленин оценивал как прогрессивное явление, поскольку оно давало людям знакомство с различными отношениями и порядками, существовавшими в иных областях и землях, обогащало их опыт. «...Перекочевыванья означают создание подвижности населения... являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам «обрастать мхом», которого слишком достаточно накопила на них история»⁸⁵. Существовали и другие типы временных сельскохозяйственных рабочих⁸⁶.

Часть временных сельскохозяйственных рабочих комплектовалась из членов семей крестьян-середняков, что было обусловлено ростом аграрного перенаселения в болгарской деревне с конца XIX в. и особенно в начале XX в. Далеко зашедший в начале XX в. процесс дифференциации болгарского крестьянства, как отмечалось выше (см. § 3 гл. I), обусловил наличие в деревне значительного числа свободных рабочих рук⁸⁷. Мужская часть населения искала заработок преимущественно на сезонной работе в промышленности и строительстве, отчасти занималась ремеслом; женщины шли главным образом в поденщицы на сельскохозяйственные работы и в домашние работницы в большие города.

Численность и структура сельскохозяйственных рабочих в течение исследуемого времени претерпели существенные изменения. Общее число их, согласно показателям переписей населения, выросло в 2,75 раза — с 57 570 в 1900 г. до 159 543 в 1910 г., в том числе за период с 1900 по 1905 г. — в 2,25 раза. При общем росте абсолютной численности постоянных рабочих их

удельный вес значительно уменьшился за счет резкого снижения доли ратаев: в 1900 г. на их долю приходилось 42%, а в 1910 г. — только 17,6% всей массы сельскохозяйственных рабочих, зарегистрированных статистикой⁸⁸. В то же время сильно выросла доля поденщиков — с 26,7% в 1900 г. до 59,6% в 1910 г. Действительный удельный вес временных сельскохозяйственных рабочих был, видимо, еще более значительным, если судить по некоторым косвенным показателям и учесть, что официальная статистика переписей населения фиксировала в первую очередь постоянных сельскохозяйственных рабочих⁸⁹.

Резко вырос удельный вес женщин (с 8,8% в 1900 г. до 34,4% в 1910 г.), особенно сильно в составе группы поденщиков — с 23,5 до 63,6%; абсолютное же число женщин-поденщиц выросло в 14 раз. В то же время удельный вес женщин в группе рабочих-овощеводов составил в 1910 г. только 23%, а среди групп общих постоянных сельскохозяйственных рабочих и среди «скотников» и пастухов он был и оставался ничтожным. В целом доля женщин среди сельскохозяйственных рабочих была в 1910 г. выше, чем среди промышленных. Удельный вес несовершеннолетних несколько уменьшился (с 33,4 до 25%), хотя абсолютная их величина удвоилась.

Изменилось до некоторой степени и социальное положение большинства лиц, пополнявших собою ряды сельскохозяйственных рабочих: В конце XIX в. это были главным образом разорившиеся крестьяне, главы семей; с начала века сельскохозяйственные рабочие все более комплектовались за счет молодого поколения (прежде всего женского пола), членов семей беднеющих крестьян. Как справедливо отмечалось в литературе, это косвенно подтверждается резким снижением числа членов семей сельскохозяйственных рабочих⁹⁰.

Подавляющее большинство сельскохозяйственных рабочих в отличие от промышленных и ремесленных было неграмотно: по некоторым косвенным данным, видимо, свыше $\frac{2}{3}$ (среди женщин-работниц процент был еще выше)⁹¹.

Производственная концентрация сельскохозяйственных рабочих была ничтожной. Они были расплелены по отдельным хозяйствам у зажиточных крестьян, где ра-

ботало по 1—2—3 батрака. Большое число рабочих встречалось в относительно крупных хозяйствах фермерского типа (их в Болгарии насчитывалось в 1905 г. 160) и в государственных и некоторых частных опытных и образцовых сельскохозяйственных (семеноводческих, животноводческих и иных) станциях и имениях, конных заводах и племенных фермах, которых в начале XX в. было около 40⁹². В части фермерских хозяйств и государственных имений число сельскохозяйственных рабочих доходило до 15—20, а иногда и более. В период интенсивных работ их численность увеличивалась за счет сезонников и поденщиков и достигала в отдельных хозяйствах 50 и больше рабочих⁹³.

Сельскохозяйственные рабочие были рассеяны по всей стране. Все же в ряде околій наблюдалась относительно более значительная их территориальная концентрация. В 1910 г. из существовавших в стране 67 сельских околій выделялись в этом отношении в первую очередь такие зернопроизводящие добруджанские и придунайские околии, как Балчикская (где батраки составляли 27,8% сельскохозяйственного самостоятельного населения околии), Добричская (17,2%), Свиштовская (15,6%), Тутраканская (14,8%), Русенская сельская (13,6%), Никопольская (12,5%), а также и околии иного профиля — Сливенская (19,4%), Бургасская (17,2%), Еленская (14,8%), Станимакская (14,2%), Пештерская (14%), Горнооряховская (13%), Варненская сельская (12,5%) и некоторые другие⁹⁴. Доля зарегистрированных статистикой сельскохозяйственных рабочих в составе самостоятельного (активного и полупассивного) сельскохозяйственного населения равнялась в 1910 г. 8,8%.

Подводя итоги краткой характеристики структуры сельскохозяйственных рабочих, следует еще раз подчеркнуть, что значительная их часть (временные или полупостоянные, сезонные рабочие и поденщики) имела собственные карликовые земельные участки и хозяйства. Весь строй их быта, привычек, традиций продолжал до поры до времени сближать их не только с пролетариатом, но и с крестьянством. Обширный слой болгарских сельскохозяйственных рабочих с наделом занимал, как и в других капиталистических странах на соответствующем этапе их развития, отмеченное В. И. Лениным

своеобразное положение, составлял промежуточную социальную группу переходного типа, тяготеющую до поры по традиции к крестьянству, но входившую малопомалу в ряды рабочего класса. «Классовое положение сельскохозяйственных наемных рабочих с наделом, — писал В. И. Ленин, — ставит их между мелкой буржуазией и пролетариатом, но ближе к последнему»⁹⁵.

Еще одно обстоятельство оказывало влияние на изменение облика сельского населения страны в целом. Из среды пролетарских и полупролетарских слоев деревни, как мы упоминали, выходило значительное число временных и сезонных рабочих в промышленности (на шахты и другие горнорудные предприятия и т. д.), а также в строительстве. В России аналогичное явление получило наименование «неземледельческого отхода»; о нем В. И. Ленин писал: «...неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное. Он отрывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни. Он повышает грамотность населения и сознательность его, прививает ему культурные привычки и потребности»⁹⁶.

Наконец, во многих селах были непосредственно расположены промышленные (в том числе ценовые) предприятия, в первую очередь связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья, — пищевые, деревообделочные и иные. По данным промышленной анкеты 1909—1910 гг., из 266 ценовых предприятий 75 (т. е. 29%) были расположены в селах или на железнодорожных станциях в сельской местности⁹⁷. Этот фактор должен был, несомненно, оказать с течением времени влияние на социально-психологический климат в деревне в целом, содействовать постепенному пробуждению пролетарских и полупролетарских элементов сельского населения, в том числе и сельскохозяйственных рабочих.

§ 5. Рабочие и мелкие служащие непроизводственной сферы

Некоторые категории рабочих были заняты в непроизводственной сфере — в реализации произведенных товаров, — на транспорте, а также в торговле и других отраслях так называемой сферы обслуживания,

Группу, весьма близкую к промышленному пролетариату, составляли железнодорожные рабочие, в первую очередь рабочие железнодорожных депо и вагоноремонтных мастерских, которых не без основания нередко относят и к рабочим металлообрабатывающего производства (так поступили, в частности, руководители болгарской статистики при публикации результатов переписей населения). Как отмечалось во «Введении», среди железнодорожников (как и во всей непромышленной сфере) отделение рабочих от мелких служащих весьма затруднительно⁹⁸. Кроме постоянных работников, на железнодорожном транспорте в рассматриваемый период было занято значительное число временных рабочих и поденщиков. Средний состав семьи у работников железнодорожного транспорта превосходил более чем в 2 раза состав семьи промышленных рабочих. Железнодорожники были наиболее многочисленным и быстро растущим отрядом работников транспорта и связи: за рассматриваемое десятилетие численность их выросла в 2 раза и достигла к 1910 г. около 5 тыс. рабочих и мелких служащих⁹⁹.

Другую значительную группу работников транспорта составляли рабочие-портовики (грузчики, носильщики и т. д.); среди них значительный процент составляли представители национальных меньшинств: турки, армяне-беженцы, цыгане. Численность портовиков выросла за десятилетие на 63% и достигла в 1910 г. около 7 тыс.; из них около половины (48%) приходилось на мужчин молодых возрастов — от 20 до 40 лет. Больше половины всех портовых рабочих было сосредоточено в нескольких крупнейших портах (Варна, Бургас, Русе, Балчик, Видин, Лом). Остальные группы работников транспорта (морского и речного флота, городского транспорта, включая трамвай, наемные рабочие, занимавшиеся ломовым извозом и т. д.) были относительно немногочисленны. В целом работники транспорта и связи составляли довольно значительный отряд болгарского рабочего класса.

Одну из групп непромышленной сферы составляли наемные работники торгово-трактирных заведений. В нее входили рабочие и низший обслуживающий персонал (продавцы, официанты, уборщицы, сторожа и т. д.) в магазинах и лавках, ресторанах, кафе, столовых и

трактирах, гостиницах, постоянных дворах и тому подобных заведениях. Особенностью состава работников этой группы был значительный процент (около 50%) несовершеннолетних. Подавляющее большинство их было распылено по мелким заведениям (главным образом в городах).

Работники сферы обслуживания в прямом значении этого слова (парикмахеры, дровоколы, работники прачечных, заведений по чистке одежды и обуви и т. п.) составляли группу в численном отношении меньшую; наиболее многочисленной категорией этой группы рабочих являлись прачки, что определило значительный удельный вес женщин (более 40% в 1910 г.) в составе работников указанной группы; около $\frac{1}{3}$ числа работников группы приходилось на долю несовершеннолетних. Одной из групп, входивших в разряд работников непродуцированной сферы, являлись рабочие и мелкие служащие государственных, муниципальных учреждений, школ, больниц и т. п. (уборщицы, истопники, сторожа и т. п.).

Особое место занимала довольно многочисленная группа наемных работников, занятых в сфере так называемой домашней работы. Как известно, В. И. Ленин относил домашних работниц («прислугу в городах») и чернорабочих к «наиболее неразвитым слоям и элементам пролетариата и полупролетариата...»¹⁰⁰. Большинство среди домашних работниц составляли девушки до 20 лет (в 1910 г. — $\frac{4}{5}$) главным образом из бедных крестьянских семей, нанимавшиеся на работу в качестве прислуги на несколько лет (иногда они договаривались о работе только на зимний сезон — от димитрова до георгиева дня, а на лето возвращались домой, чтобы помогать семье в сельском хозяйстве)¹⁰¹. Общее число домашних работниц было значительным (в 1910 г. — 17 тыс., или 5% самостоятельного населения и 13% численности рабочих в городах)¹⁰². Фактически численность их была, видимо, несколько большей, поскольку многие из тех, кто нанимался на полугодие, не фиксировались в ходе переписей населения¹⁰³. Материалы переписей населения показывают, что за четверть века (с 1900 по 1926 г.) абсолютное число домашних работниц почти не менялось.

Вряд ли можно без оговорок включать в состав про-

летариата такие категории лиц наемного труда, как домашние работницы и некоторые другие упоминавшиеся группы и профессии. Однако, поскольку значительная часть лиц, зафиксированных статистикой в разряде рабочих в области непроемственной сферы (особенно в мелких торгово-трактирно-гостиничных заведениях), приближалась к положению разнорабочих и эту часть невозможно выделить, будет более или менее оправданным включить названные категории в границы рабочего класса, не забывая о промежуточной, полупролетарской сущности большинства этой массы.

Следует учитывать также и еще одно обстоятельство методологического характера, исключительно важное для понимания сущности некоторых групп и отрядов рабочего класса и границ пролетариата в целом, отмеченное К. Марксом, Ф. Энгельсом и В. И. Лениным: социальные границы между пролетарскими и полупролетарскими слоями часто трудноуловимы. «Чистый» пролетариат, подчеркивал В. И. Ленин, «окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов»¹⁰⁴.

Конкретный рабочий класс каждой отдельной страны состоит (как мы в этом убедились на болгарском примере) из групп и отрядов разного характера, и вряд ли можно представлять себе всю социальную структуру рабочего класса «чисто пролетарской»¹⁰⁵. Задача исследователя численности и структуры рабочего класса конкретной страны заключается, на наш взгляд, в том, чтобы, руководствуясь методологическими указаниями основоположников марксизма-ленинизма, на основе анализа первоисточников попытаться установить такую модель рабочего класса изучаемого периода, в границы которого входили бы, как все «чисто» пролетарские отряды и группы, так и все группы, чья пролетарская сущность не столь безусловно и четко выражена.

При этом следует, по нашему мнению, попытаться (насколько это позволяют данные источников) отдельно уяснить как численность рабочего класса, так и численность тех слоев и групп, чья полупролетарская сущность ясно выражена¹⁰⁶. В особенности это относится к таким аграрно-крестьянским странам, как Болгария, где полупролетарские слои в деревне (беднейшее крестьянство) составляли значительную долю самостоятельного населения страны в целом.

Особое место занимали безработные, в большинстве являвшиеся фактически частью пролетариата. Появившиеся в конце XIX—начале XX в. в результате действия экономических законов капитализма, лишенные средств к существованию и полностью пролетаризированные элементы, оказываясь без работы, составляли резервную армию труда, использовавшуюся буржуазией при расширении производства. Официально болгарская статистика зарегистрировала в 1900 г. 3567 безработных, в 1905 г. — 4091, в 1910 г. — 1003 безработных¹⁰⁷; подавляющее большинство зарегистрированных переписью безработных (в 1900 и 1910 г. — около 90%) находилось в городах¹⁰⁸.

Кроме безработных, зафиксированных в ходе переписей, в городах было значительное число фактических безработных и полубезработных, находившихся, по выражению К. Маркса, «в сфере пауперизма» и не выявленных во время переписей. Число их с каждым годом увеличивалось, как писал в своей брошюре «Синдикальное движение в Болгарии» Г. Димитров, за счет притока пролетаризирующихся элементов из села¹⁰⁹. «В настоящее время, — отмечалось в 1915 г. в журнале «Тесняков», — безработица у нас стала жгучим вопросом»¹¹⁰.

В болгарской деревне в связи с нарастанием отмеченного выше процесса аграрного перенаселения наблюдалась большая скрытая безработица. По свидетельству современника, на место рассыльного в сельском муниципальном органе с минимальным денежным вознаграждением являлись сотни кандидатов из числа обедневших крестьян и сельских ремесленников¹¹¹. Другой современник отмечал, что при возникновении слухов о расширении персонала на железной дороге «в самый кратчайший срок собираются сотни молодых крестьян и обращаются к инженеру отделения с просьбой взять их на постоянную работу»¹¹². Сотни и тысячи молодых девушек (особенно из подбалканских сел) готовы были поступить на любую работу в открывавшиеся новые текстильные предприятия¹¹³. Аналогичных фактов было много.

Существование безработных использовалось болгарской буржуазией для усиления эксплуатации рабочего

класса. Безработица создавала неустойчивое положение и для рабочих, занятых в производстве, приводила к снижению их заработной платы и жизненного уровня всего болгарского пролетариата в целом.

§ 6. Некоторые важнейшие особенности структуры болгарского пролетариата рассматриваемого времени

Отдельные отряды и группы болгарского рабочего класса, как вытекает из сказанного, различались между собой по ряду важных моментов: имущественному положению, возрастной и половой структуре, связям с другими социальными группами и классами болгарского общества и т. д. Недооценка реальных социально-экономических различий между ними, прежде всего между промышленными рабочими и большинством сельскохозяйственных и ремесленных рабочих и работников непроизводственной сферы, может привести к упрощенному пониманию сложного процесса складывания болгарского пролетариата как особой исторической силы, призванной в дальнейшем сыграть роль класса-гегемона в борьбе за революционное преобразование капиталистического общества в социалистическое.

Вместе с тем было бы серьезной ошибкой забывать о классовой природе сельскохозяйственных, ремесленных и иных рабочих, совершенно отрывая их от промышленного ядра. В конечном счете все отряды и группы рабочего класса находились (правда, в разной мере) в антагонистических противоречиях с буржуазией и пришли с течением времени, хотя и различными темпами и в разной степени, к пониманию этих противоречий — основных противоречий капиталистического общества.

Рассмотренные выше краткие характеристики численности и структуры отдельных отрядов рабочего класса позволяют сделать некоторые заключения обобщающего свойства. Остановимся прежде всего на динамике количественного роста болгарского пролетариата и его структурных изменений.

Таблица 5

ДИНАМИКА ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ
БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА В НАЧАЛЕ XX в *

Группы рабочего класса	Абсолютная численность		1910 г. в % к 1900 г.
	1900 г.	1910 г.	
Общее число рабочих по официальным результатам переписи	217589	363796	—
Скорректированное общее число рабочих **	188000	332000	176,4
В том числе:			
1. Промышленные рабочие	4000	20000	500
2. Строительные рабочие	5000	24000	480
3. Ремесленные рабочие	27000	50000	185
4. Сельскохозяйственные рабочие	58000	160000	276
5. Транспортные работники	9000	12000	133
6. Рабочие и мелкие служащие государственных учреждений и сферы обслуживания ***	52000	53000	104

* Источник: ОРПН. 1900, -кн. II, с. 10—80; 1910, кн. III, с. 7—63; см. также: *Беров Л. Положенето...*, с. 5.

** Согласно предлагаемым поправкам (без солдат, полицейских, членов семей, занятых исключительно домашним трудом, и некоторых иных категорий наемного труда, с включением безработных и всех машинистов и кочегаров.

*** Группы 1 и 3 устанавливаются приблизительно; группа 4 — с включением рабочих лесного дела и рыболовства; группа 6 — с включением нескольких категорий из разряда индустрии и с исключением ряда категорий.

Как видно из табл. 5, среди отрядов рабочего класса преобладали сельскохозяйственные рабочие; промышленные рабочие составляли в 1910 г. лишь 5,7%, что отражало преимущественно аграрный характер экономики, сравнительно низкий уровень развития капиталистической промышленности в стране.

Заслуживает особого внимания и то обстоятельство, что по темпам роста промышленные пролетарии обгоняли все остальные категории рабочего класса. В Болгарии начинает складываться, хотя и немногочисленный, но относительно устойчивый слой постоянных промышленных рабочих. Лишенные средств производства, поте-

рванные связи с землей и сельским хозяйством, они превратились в истинных пролетариев, единственным источником к существованию которых оставалась продажа своей рабочей силы. Концентрация в относительно крупных предприятиях и в важнейших городах страны придавала отряду промышленных рабочих более значительный удельный вес, еще более способствовала формированию из него социально устойчивого организма.

Наряду с постоянными промышленными рабочими существовал и многочисленный слой полупостоянных, временных или сезонных рабочих и поденщиков. «Чистый тип наемного рабочего, квалифицированного пролетария действительно уже существует у нас, — отмечал перед первой мировой войной К. Попов, — однако в более внушительном числе эти рабочие создаются только в настоящее время. Громадное большинство рабочих представляет собой самую разнообразную смесь, более близкую или более далекую от чистого типа»¹¹⁴. Среди рабочих, занятых несколько месяцев в году, преобладали сельские полупролетарии — члены семей разорившихся или обедневших крестьян, которые прибегали к полупостоянному (или эпизодическому), периодически возобновлявшемуся наемному труду на промышленных предприятиях, связанных с сезонным расширением, на стройках и т. п.

По свидетельствам источников, именно в таких отраслях промышленности, как горнодобывающая, гончарная, пищевая, табачная, деревообделочная, а также в строительстве численно росла категория вовлекавшихся в процесс эксплуатации промышленным капиталом временных рабочих из рядов полукрестьян-полупролетариев, не порывавших со своим хозяйством и собственным клочком земли¹¹⁵. Болгарская буржуазия, не обладавшая свободными капиталами, необходимыми для расширения технической базы производства, избегала привлекать и расширять слой квалифицированных рабочих (это зафиксировано многими авторами), старалась сэкономить на заработной плате, пользуясь более дешевым трудом временных полурбочих-полукрестьян и поденщиков¹¹⁶.

Наличие в составе промышленных рабочих значительного контингента полурбочих-полукрестьян не было явлением исключительным, присущим только болгар-

ской действительности. На определенном этапе капиталистического развития оно было свойственно и многим другим странам, в том числе некоторым западноевропейским, США и России¹¹⁷. В Болгарии в отличие от названных стран окончательная пролетаризация полурбочих-полукрестьян шла очень медленно, растянулась на десятки лет, что наложило сильный отпечаток на облик формирующегося рабочего класса. Для него были характерны смены притоков и оттоков сельских полупролетариев, движение сезонных рабочих из города в село и обратно (не говоря уже о переменах места работы в поисках более высокой заработной платы), что создавало большую текучесть. Связь сезонных рабочих — полупролетариев — с сельским хозяйством, мелкобуржуазные традиции в их сознании и психологии были факторами большой важности.

Сложность и пестроту картины усиливали другие отряды болгарского рабочего класса; среди сельскохозяйственных и ремесленных рабочих и работников непроизводственной сферы сила влияния и живучесть мелкобуржуазных предрассудков были еще более глубокими. Они усугублялись общим мелкобуржуазным характером страны. Упомянутые особенности структуры и облика болгарского рабочего класса определяли трудности, которые предстояло преодолеть передовым его элементам — революционным, социал-демократам — в процессе его организации, обусловили задержки и зигзаги в процессе пробуждения и созревания классового сознания у отдельных его отрядов. Как отмечал в 1910 г. Г. М. Димитров, рабочий класс Болгарии еще молод, «недавно вышедший из утробы мелкой буржуазии, он имеет множество недостатков, предрассудков и опасных заблуждений и иллюзий, унаследованных от последней»¹¹⁸.

Вместе с тем отмеченные черты недостаточной социально-экономической зрелости пролетариата компенсировались в известной мере (как будет показано ниже) быстрым развитием и ростом революционного авангарда — пролетарской партии.

Существовали и объективные благоприятствующие факторы. Среди них следует прежде всего отметить относительно более высокие по сравнению с соседними балканскими странами темпы социально-экономического

прогресса Болгарии в рассматриваемое время. Вступив на путь свободного капиталистического развития позже других стран Юго-Восточной Европы, где, однако, сохранились еще серьезные остатки феодализма, Болгария начала продвигаться после освобождения от турецкого ига быстрее своих балканских соседей¹¹⁹. Об этом свидетельствует, например, такой важный показатель уровня экономики, как длина железнодорожной сети. По темпам роста длины железнодорожных линий на единицу площади за период с 1890 по 1910 г. Болгария обогнала всех своих соседей — прирост ее железнодорожной сети на 100 кв. км за указанные годы был равен 125%, в то время как у Греции — 100, у Сербии — 45 и у Румынии 42%¹²⁰.

Относительно ускоренное развитие Болгарии по капиталистическому пути обусловило сравнительно более высокие темпы роста некоторых отраслей промышленности и образование отряда промышленных рабочих, складывание рабочего класса в более сжатые сроки и в более значительных масштабах, чем в соседних странах. Своеобразная конденсация исторического процесса в Болгарии предопределила и более быстрые темпы формирования и консолидации классов, более быстрый процесс дифференциации классовых сил, движений и организаций.

Положительное влияние оказывало и то обстоятельство, что с начала XX в. приток новых контингентов в ряды рабочего класса (как уже отмечалось выше) происходил главным образом из числа молодых членов семей разоряющихся и беднеющих крестьян, менее подверженных влиянию мелкобуржуазных традиций и предрассудков. Как это ни кажется парадоксальным, с течением времени начал оказывать некоторое положительное влияние такой фактор, как большой удельный вес сезонных рабочих. Благодаря стремлению части членов разоряющихся крестьянских семей сочетать свою работу в промышленности и на стройках с сельским хозяйством, в орбиту влияния рабочего класса, в сферу рабочих коллективов постепенно вовлекались все более широкие массы беднеющих крестьян.

Психология многих из них (особенно жителей сел, расположенных вблизи от больших городов) мало-помалу изменялась. После неоднократного пребывания в го-

роде в качестве временных, полупостоянных или сезонных рабочих некоторые из них оказывались уже носителями отдельных элементов городской культуры и зачатков пролетарского сознания, что в конечном счете содействовало изменению социально-психологического климата среди трудящихся крестьян в целом.

Грамотность пролетариата Болгарии (как и всего населения страны) была в начале XX в. более высокой, чем в соседних странах, и она быстро росла, особенно среди подрастающего поколения¹²¹. Таким образом, новое пополнение рабочего класса из среды крестьянской молодежи имело более высокий процент грамотности и образовательного уровня¹²².

Влияние церкви и религии среди болгарских рабочих, как и вообще в болгарском народе, было относительно неглубоким (в особенности в сравнении с католическими странами), болгарский рабочий был малорелигиозен¹²³.

Имело значение и отсутствие в стране сколько-нибудь значительного слоя высокооплачиваемых рабочих¹²⁴, так называемой «рабочей аристократии», всюду являвшейся социальной базой оппортунизма, опорой буржуазии в ее борьбе с революционным рабочим движением. Буржуазия Болгарии (в отличие от западноевропейской) не обладала ни соответствующими экономическими ресурсами, ни опытом и умением лавировать для создания специального широкого слоя «рабочей аристократии» в целях проведения более гибкой, но и более «дорогой» политики по отношению к пролетариату. Да и сам уровень технической вооруженности промышленности и наличие большой резервной армии труда позволяли болгарской буржуазии обходиться минимумом квалифицированных рабочих; численность высокооплачиваемых квалифицированных рабочих, специалистов, а также мастеров и техников была в Болгарии невелика¹²⁵. К тому же среди высокооплачиваемых рабочих весьма существенным был удельный вес мастеров-надсмотрщиков и иных работников, выполнявших административные функции, что было характерным для стран, где преобладали особенно грубые формы эксплуатации рабочих. В этом смысле Болгария приближалась (и по типу, и по удельному весу «рабочей аристократии») к царской России¹²⁶.

Наряду с очерченными выше факторами, органически связанными с особенностями самого болгарского рабочего класса и его структуры, действовали и некоторые иные благоприятствовавшие факторы, порожденные специфическими свойствами других классовых сил и всего болгарского общества в целом.

На первое место следует поставить революционно-демократический дух и традиции болгарского народа, прежде всего крестьянства, из рядов которого в значительной мере формировался пролетариат; влияние демократических традиций, свободолюбивого духа широких крестьянских масс подчеркивали не только исследователи-марксисты — их без особого удовольствия отмечали и некоторые буржуазные авторы¹²⁷.

Неглубокое влияние в массах имела болгарская буржуазия, в значительной мере ростовщическая, как это неоднократно подчеркивали в своих выступлениях виднейшие болгарские марксисты Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Димитров и др.¹²⁸ В отличие от буржуазии западноевропейских стран болгарская буржуазия не проявила в сколько-нибудь серьезных масштабах ни революционности в борьбе против феодального османского ига, ни оригинальной предпринимательской деятельности и энергии в развитии производительных сил страны, техники и промышленности. Получение прибыли, обеспечение своих позиций в конкурентной борьбе на внутреннем и отчасти внешних рынках она стремилась обеспечить за счет более высокого уровня эксплуатации дешевой рабочей силы¹²⁹. Хищническая эксплуатация рабочих, которая осуществлялась болгарской буржуазией, обусловила пробуждение классового сознания у различных групп пролетариата, понимание ими общности своих интересов и антагонистических противоречий с буржуазией.

¹ См., например: История на България, т. II, с. 228; Беров Л. Положеннето..., с. 5; Коджейков Д., Хаджиниколов В., Йоцов Я. Революционното профсъюзно движение в България, с. 40; Икономика на България, т. I, с. 407—408; Ламбрев К. Положеннето..., с. 73. В рецензии П. Т. Рущенко на названную книгу К. Ламбрева (См.: Вопросы истории, 1956, № 4, с. 192) отмечалось, что автор неправоммерно включает в состав болгарского рабочего класса всех лиц наемного труда. Подобный подход встречается и в других работах.

² См.: *Благоев Д.* Съч., т. 6, 232, 251; т. 12, с. 510, 532.

³ См.: Списание на БИКД, 1923, кн. 1/3, с. 67; 1933, кн. 6, с. 341—342. Примечательно, что в 1922 г. при обсуждении в Верховном Совете труда было решено считать ремесленными предприятия с числом рабочих не более 10, с двигателями мощностью не более 4 л. с. Вместе с тем все типографии и предприятия по обработке табака были отнесены к категории промышленных. См.: Списание на БИКД, 1923, кн. 1/3, с. 67. Существуют и иные мнения — в промышленной анкете 1926 г. к ремесленным были отнесены заведения с числом рабочих до 19 (критику этой точки зрения см.: *Стефанов И.* Методика на промишлените преброявания в България. С., 1939, с. 70).

⁴ Об этом свидетельствуют материалы переписей населения: подавляющее большинство лиц этой категории (например, в 1905 г. — 95%, в 1910 г. — 98%) зафиксированы именно как городские жители. Абсолютные данные взяты из: ОРПН. 1905, кн. II, с. 54—55, 110—111; 1910, кн. III, с. 62—63, 124—125.

⁵ Встречаются в литературе и иные выводы: в частности, по данным полуофициальной анкеты Д. Ябланского, в 1900 г. на ценовых предприятиях работало 4,7 тыс., в то время как на всех промышленных предприятиях — 7,4 тыс. рабочих. См.: Списание на БИКД, 1901, кн. 4/5, с. 213, 222—223, 234. Мы полагаем, что эти сведения охватывали не только постоянных, но и значительную часть временных и сезонных рабочих; к тому же и сам Д. Ябланский, и его оппоненты и критики не считали эти сведения в достаточной мере убедительными. См.: Там же, кн. 4/5, с. 213, кн. 6/7, с. 404.

⁶ Поскольку интенсивный сезон в отдельных отраслях болгарской промышленности по времени не совпадал, происходил частичный переход рабочих из одной отрасли в другую (в особенности это, видимо, касается категории «поденщиков и разнорабочих»). Таким образом, общая численность промышленного пролетариата в течение года изменялась меньше, чем это может показаться при первом знакомстве с нижеприводимыми предположениями о величине отдельных отрядов промышленных рабочих. Подробнее о предлагаемой методике исчисления промышленных рабочих см.: *Бурман М. А.* Промышленный пролетариат Болгарии в начале XX в. — Советское славяноведение, 1977, № 3, с. 34—36.

⁷ См.: Анкета на насърчаваната от държавата индустрия през 1909: Общ. преглед (далее — Анкета 1909. Общ. преглед). С., 1912, с. 72.

⁸ С помощью указанной выше методики проанализировав показатели переписей населения, мы пришли к выводу, что из зарегистрированных статистикой в 1910 г. 8226 постоянных рабочих по классу 7 («текстильное производство»), очевидно, свыше половины составляли рабочие промышленных предприятий (шерстепрядильных, хлопкопрядильных и др.) и менее половины приходилось на рабочих, трудившихся в ремесленных и отчасти мануфактурных мастерских (по изготовлению ковров, гайтана — национального украшения для одежды, веревок, трикотажа и т. д.). В литературе приводятся другие данные о численности текстильщиков; в работе В. Василеза, М. Червендиновой и др. (*Василез В., Червендинова М., Ерейлиска М., Цанев П.* Текстилни..., с. 44) отмечается, что в 1910 г. было 6084 текстищика. Г. Георгиев (*Георгиев Г.* Формирането на текстилния пролетариат. — Годишник на музея на революционното движение в България. С., 1966, с. 157) фиксирует на 1910 г. 4614 фабричных

и 1465 мануфактурных (всего 6079) текстильных рабочих. Указанные количественные характеристики фактически игнорируют сезонные изменения в численности рабочих — между тем в текстильном производстве, даже по данным анкеты 1909—1910 гг., разница в численности рабочих ценовых предприятий в 1910 г. составляла более 1 тыс. человек (в интенсивный сезон на них было занято 4829 рабочих, в период затишья — 3596). См.: Анкета 1909. Общ. преглед, с. 136.

⁹ В Сливене в 1910 г. насчитывалось около 1000 постоянных текстильных рабочих, в Габрово и Варне — около 500 в каждом городе (среди них были отчасти и рабочие мелких ремесленных предприятий). См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 157, 237, 261, 294.

¹⁰ По сравнению со среднегодовой добычей в период 1879—1892 гг. вырубка угля в Болгарии в 1910 г. выросла в 22 раза. Более 90% угля было получено в шахтах Перника. См.: Попов К. Стопанска България..., с. 317.

¹¹ В 1900 г. было зарегистрировано в каменноугольных шахтах 300 постоянных шахтеров, в 1910 г. — 516. См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 8—9; 1910, кн. III, с. 8—9.

¹² См.: Списание на БИКД, 1911, кн. 10, с. 903—911, 928; 1901, кн. 1, с. 26; Георгиев Г., Великов С. и др. Организации и борби на българските рудничари, с. 17—20.

¹³ По свидетельству современников, текучесть рабочих на шахтах была огромная; в частности, И. Загралов фиксирует: «В течение года на шахту, вероятно, приходит более 3—4 тыс. человек; однако только известное число из них были постоянными рабочими, а большинство — временными» (Загралов И. Държавни мини Перник. — Списание на БИКД, 1911, кн. 10, с. 908—909); автор в течение многих лет был главным промышленным инспектором.

¹⁴ Димитров Г. Съч., 1951, т. 1, с. 85.

¹⁵ Подобное явление имело место и в других странах, в частности, в России: В. И. Ленин отмечал, что каменноугольная промышленность превращает занятого в ней крестьянина в фабричного рабочего. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 529. Французская исследовательница Роланд Трампэ, характеризуя процесс формирования отряда горняков в одном из районов Франции, озаглавила вторую часть своей основательной монографии «Пролетаризация шахтеров». См.: *Trempe R. Les Mineurs de Carmaux. 1848—1914. Paris, 1971, t. I, p. 105.*

¹⁶ См.: Списание на БИКД, 1911, кн. 10, с. 911—913.

¹⁷ См.: Работнишко дело, 1904, кн. 4, с. 240.

¹⁸ По сведениям промышленной анкеты 1909—1910 гг., рабочие пищевой промышленности составляли около 20% (2647 из 12 943 в обычный сезон) численности всех рабочих ценовой промышленности; при этом в день обследования на пищевых предприятиях было занято 1598 рабочих и в интенсивный сезон — 3543. См.: Анкета 1909. Общ. преглед, с. 73, 136.

¹⁹ См.: Анкета 1909. Общ. преглед, с. 74, 137; ср. также Георгиев Г. Формирането на промишления пролетариат от индустрията за храни и питиета (1878—1912). — Годишник на Музея на революционното движение в България. С., 1967, с. 500—510.

²⁰ Георгиев Г. Формирането на тютюноработническия пролетариат в България (1878—1912). — Годишник на Музея на революционното движение в България. С., 1965, с. 152. По данным переписи

населения, которые автор указанной статьи считает не заслуживающими внимания, в 1910 г. в стране было занято на табачных фабриках 1382 постоянных рабочих. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 26—27. Довоенные переписи (в отличие от послевоенных) не зарегистрировали рабочих на табачных складах (там кадры постоянных работников лишь начинали складываться).

²¹ В 1910 г. на 7 крупнейших табачных фабриках (из существовавших в стране 69) было занято более $\frac{3}{4}$ рабочих табачных фабрик. См.: *Георгиев Г.* Формирането на тютюноработническия пролетариат..., с. 154—155.

²² ОРПН. 1910, кн. III, с. 16—21. Мы исходим из сравнения с данными промышленной анкеты 1909—1910 гг., когда в ценовых предприятиях было зарегистрировано от 1549 до 1774 металлистов в зависимости от сезона. См.: Анкета 1909. Общ преглед, с. 73. Металлообрабатывающее производство было мало подвержено колебаниям сезона, и временные или сезонные рабочие привлекались в сравнительно небольшом объеме. Следует учесть, что декабрь, когда проходила перепись населения, считался в этой отрасли месяцем интенсивного сезона.

²³ *Попов К.* Стопанска България..., с. 324.

²⁴ См.: *Георгиев А., Попов Г.* 50 години металороботнически съюз, с. 24, 37; *Попов К.* Стопанска България..., с. 324 и табл. 106.

²⁵ Перепись 1910 г. зафиксировала 4,2 тыс. постоянных рабочих в деревообделочных производствах (класс 9 с поправкой, классы 15 и 17. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 14—17, 28—35, профессии № 154—164, 305—309, 328—331). Фактически в течение года в деревообделочном производстве было занято, видимо, несколько большее число рабочих, к тому же день переписи — 31.XII — приходился на так называемый слабый для данной отрасли сезон. Число рабочих в ценовых деревообделочных предприятиях, по данным анкеты 1909—1910 гг., колебалось от 650 до 1257 человек. См.: Анкета 1909. Общ преглед, с. 73.

²⁶ *Попов К.* Стопанска България..., с. 347; *Данков П.* Развитие и борби..., с. 7 (сведения о числе рабочих в 1910 г. приведены завышенные). Единственным городом, в котором сосредоточивались деревообделочные и мебельные предприятия, была София, но и там в 1910 г. насчитывалось около 400 рабочих. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 202.

²⁷ Примерно такое же количество постоянных промышленных рабочих (как в кожевенно-обувном производстве) было, видимо, и в керамическом производстве, хотя в интенсивный сезон число рабочих в ценовых керамических предприятиях значительно увеличилось. См.: Анкета 1909. Общ преглед, с. 73, 136.

²⁸ См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 3/4, с. 231—254; кн. 6, с. 412—432.

²⁹ В том числе в трех крупнейших типографиях (2 в Софии и 1 в Пловдиве) было занято 485 рабочих, т. е. почти половина состава промышленных рабочих-полиграфистов. См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 3/4, с. 235, 241—247 (все подсчеты наши.— М. Б).

³⁰ По данным переписи населения 1910 г., во всем полиграфическо-издательском деле (включая и переплетчиков) было занято более 2 тыс. рабочих. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 34—37.

³¹ См.: Списание на БИКД, 1910, кн. 6, с. 413. Образовательный уровень у печатников, особенно в Софии, быстро повышался. См.;

Списание на БИКД, 1914, кн. 8, с. 483—484; Ново време, 1915, кн. 4/5 и 6).

³² ОРПН. 1910, кн. III, с. 34—37; Списание на БИКД, 1910, кн. 6, с. 414, 419.

³³ Анкета на насърчаваната от държавата индустрия през 1909 г. Работнишки персонал през време на анкетата — май — септември 1910 година (далее — Анкета 1909. Работнишки персонал 1910), С., 1912, с. 12—13.

³⁴ Там же.

³⁵ Анкета 1909. Общ преглед, с. 73, 76—77; Анкета 1909. Работнишки персонал 1910, с. 8—9.

³⁶ Ново време, 1905, кн. 10, с. 712—714; Списание на БИКД, 1910, кн. 9/10, с. 685; *Попов К.* Стопанска България..., с. 294—296.

³⁷ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 12, с. 300.

³⁸ Анкета 1909. Работнишки персонал 1910, с. 8—9. Обычно в литературе при характеристике удельного веса женщин в составе рабочих приводится иной показатель — 28,6% числа цензовых рабочих. См., например: *Попов К.* Стопанска България..., с. 294. Этот показатель фиксирует удельный вес женщин в составе рабочих частных цензовых предприятий и фактически игнорирует зарегистрированных промышленной анкетой 1909—1910 гг. рабочих крупных государственных предприятий, где женщин почти не было. Мы считаем целесообразным фиксировать долю женщин в составе рабочих всей крупной промышленности, включая и рабочих государственных предприятий.

³⁹ См.: *Благоев Д.* Съч. т. 12, с. 299.

⁴⁰ Анкета 1909. Работнишки персонал 1910, с. 10, 18—19.

⁴¹ Там же с. 18—19.

⁴² Там же, с. 26—27.

⁴³ Там же, с. 26—27. Следует учесть, что табл. 14 (как и другие публикации промышленной анкеты 1909—1910 гг.), содержащая показатели об имущественном состоянии, охватывала лишь рабочих цензовых предприятий в период так называемого нормального сезона, т. е. характеризовала в основном постоянных рабочих. Между тем среди сезонных рабочих преобладали, видимо, полупролетарские категории, владевшие небольшими участками земли, или члены их семей. Незначительные усадьбы (в первую очередь виноградники), которые возделывались в свободное от работы время, имели и некоторые городские рабочие. Исходя из этого удельный вес промышленных рабочих, связанных в той или иной степени с земледелием, был, вероятно, более значительным.

⁴⁴ Анкета 1909. Работнишки персонал 1910, с. 16—17.

⁴⁵ См.: Там же, с. 20—21; *Попов К.* Стопанска България..., с. 27—29, 298. В целом в 1910 г. грамотные составляли 33,7% населения страны, в том числе среди сельского населения — 28,7, городского — 54,9%. Среди населения Болгарии старше семи лет грамотные составляли 42%.

⁴⁶ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 7, с. 462; т. 9, с. 391; т. 12, с. 514—516, 527.

⁴⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-изд., т. 2, с. 354.

⁴⁸ Статистически годишник. 1911, с. 32—34; Статистически годишник, 1913—1922, раздел А, с. 36—37.

⁴⁹ Абсолютные данные взяты из статистики переписи населения 1910 г. (подсчеты наши. — М. Б.).

⁵⁰ Наибольший удельный вес рабочих в составе самостоятельного населения был в рассматриваемое время, видимо, в Пернике. К сожалению, в нашем распоряжении нет конкретных данных для подтверждения этого предположения, ибо (как отмечалось) Перник в эти годы официально числился не городом, а селом.

⁵¹ Здесь и ранее абсолютные данные взяты из публикаций переписей населения 1900 и 1910 гг., где промышленные рабочие были объединены с ремесленными (подсчеты наши.— М. Б.). Поскольку в рассматриваемое время ремесленное производство развивалось медленнее промышленного, отмеченные темпы роста численности рабочих отражают в первую очередь темпы роста промышленных рабочих. Общая численность рабочих в промышленности и ремесле за рассматриваемое десятилетие увеличилась на 150%.

⁵² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 533.

⁵³ Часть сезонных рабочих-строителей рекрутировалась из городских поденщиков-разнорабочих; значительную массу составляли сельские полупролетарии, стекавшиеся из близлежащих сел. См.: Райков Р. Материали..., с. 25—27.

⁵⁴ Абсолютные данные для подсчетов взяты из публикаций переписей населения 1900 и 1910 гг. В число рабочих производства строительных материалов мы включили не только рабочих предприятий по изготовлению бетона, кирпича, черепицы и иных керамических изделий, но и занятых добычей камня, гранита и других так называемых инертных материалов, а также и рабочих лесопильных предприятий деревообделочного производства.

⁵⁵ При этом в четырех крупнейших из названных городов (Софии, Пловдиве, Варне и Русе) в 1910 г. было зарегистрировано 14,5% всех строителей и 39% городских строителей (абсолютные данные взяты: ОРПН. 1910, кн. III, с. 157, 181, 194, 202, 231, 236, 268, 289, 291, 309). Фактически концентрация строителей была более значительной, ибо в названные города, как показывает статистика (в 1910 г. это относилось в первую очередь к таким городам, как Хасково, Стара Загора, Плевен, Шумен, Сливен и др.), устремлялась, вероятно, также часть строителей, зафиксированных в селах одноименных околий. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 210, 212, 227. Аналогичный приток был и в такие города, как Габрово, Станимака и др.: в селах Габровской и Станимакской околий было зафиксировано в 1910 г. соответственно более 2400 и свыше 1400 строителей. См.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 184, 208, 215.

⁵⁶ См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 733, 867; 1910, кн. III, с. 240, 283.

⁵⁷ В 1910 г. в названных трех околиях было зафиксировано 30% всех рабочих-строителей. Абсолютные данные взяты: ОРПН. 1900, кн. I, с. 410, 455, 465; 1905, кн. II, с. 297, 323, 329; 1910, кн. III, с. 204, 215, 217.

⁵⁸ См.: Списание на БИКД, 1909, кн. 9/10, с. 668—669; 1921, кн. 1/3, с. 92, 106.

⁵⁹ См.: Работническа България, 13.V 1909 г.; Списание на БИКД, 1909, кн. 6, с. 401, 419—420, 422, 433—435; 1921, кн. 1/3, с. 105; Дойнов Н. Железниците в България. С., 1952, с. 19—20; Доросиев И. История на железниците. С., 1935, с. 133; Райков Р. Материали..., с. 25; Попов К. Стопанска България..., с. 376.

⁶⁰ Доросиев И. История на железниците, с. 135, 138—139; Списание на БИКД, 1909, кн. 6, с. 435.

⁶¹ См.: Работнически вестник, 20.VII 1911; Райков Р. Материали..., с. 25.

⁶² Абсолютные данные взяты из публикаций переписей населения 1900, 1905 и 1910 г. (подсчеты наши.— М. Б.).

⁶³ Димитров Г. Съч., 1952, т. 2, с. 268—269.

⁶⁴ Там же, с. 268.

⁶⁵ См.: Виноградов В. Н., Писарев Ю. А. 1905—1907 годы в России и революционные процессы на Балканах.— Вопросы истории, 1976, № 6, с. 65; Вукомановић М. Радничка класа у Србији у другој половини XIX в. Београд, 1972, с. 64.

⁶⁶ Трудно, по нашему мнению, согласиться с недавно высказанным в одной из работ по истории пролетариата России мнением о том, что традиционное деление предприятий на фабрично-заводские и ремесленные (с этим логически связано выделение ремесленных рабочих в отдельный отряд) является якобы искусственным. См.: Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905—1907 гг. Л.: Наука, 1976, с. 8.

⁶⁷ См.: Димитров С. Класовото разслоение в занаятчийството у нас.— Звезда, 28.II 1933, с. 645—648; Попов К. Стопанска България..., с. 304.

⁶⁸ Большинство авторов специальных работ о ремесленном производстве в Болгарии склонны преувеличивать стойкость ремесла, его значение и масштабы; в связи с этим они игнорируют такую «мелочь», что в статистике данные о ремесленном и промышленном производствах объединены, и приводят общие показатели о рабочих всей индустриальной среды как показатели о числе ремесленных рабочих. См.: Батоев Т. Нашите занаяти. С., 1932, с. 26—27; Хинков. Належаше анкетиране на нашето занаятчийство.— Списание на БИКД, 1911, кн. 7, с. 470; Обрешков Т. Занаятчийството в България.— Архив за стопанска и социална политика, 1926, кн. 4, с. 383. Лишь в отдельных трудах сделаны попытки отделить ремесленных рабочих от промышленных. См.: Беров Л. Положението..., с. 256; Икономика на България, кн. 1, с. 342, 387, 407—408).

⁶⁹ См.: Цончев П. Шивашкият занаят в Габрово.— Списание на БИКД, 1910, кн. 5, с. 356—357.

⁷⁰ ОРПН. 1900, кн. II, с. 32—35; 1910, кн. III, с. 26—29. Из сравнения имеющихся данных видно, что если в 1900 г. один ремесленный рабочий приходился в среднем на двух владельцев, то в 1910 г. на каждого владельца мастерской приходилось уже более одного наемного рабочего. Фактически концентрация в городе была более значительной, если учесть, что многие портные, жившие в больших селах, не имели учеников. По данным опроса, проведенного доктором П. Цончевым, в Габрово в 1908 г. половина мастеров-портных держала лишь по одному ученику; остальные владельцы швейных мастерских имели от двух до десяти рабочих (подмастерьев и учеников). См.: Цончев П. Шивашкият занаят в Габрово, с. 353.

⁷¹ Цончев П. Шивашкият занаят в Габрово, с. 357.

⁷² См.: Цончев П. Из стопанското минало на Габрово, с. 124—178; Исторически преглед, 1975, № 3, с. 141.

⁷³ ОРПН. 1900, кн. II, с. 32—35, 38—39; 1910, кн. III, с. 26—29, 34—35.

⁷⁴ ОРПН. 1910, кн. III, с. 36—37. В швейном производстве на их долю приходилось в 1900—1910 гг. 2/3 общей массы рабочих. См.: ОРПН. 1900, кн. II, с. 32—35; 1910, кн. III, с. 26—29.

⁷⁵ Попов К. Стопанска България..., с. 304.

⁷⁶ Списание на БИКД, 1907, кн. 4/5, с. 255; 1909, кн. 1. В источниках и литературе встречается немало упоминаний о подобных мастерских. Например, в небольшом городе Пирдопе в начале века существовала мастерская Г. Манолова, где работали с применением машин и моторов 5 постоянных рабочих, занимавшихся изготовлением и ремонтом сельскохозяйственных орудий и приспособлений для чесания шерсти. Мастерская, по словам автора, изучавшего развитие металлообрабатывающего производства в Болгарии, являла собой пример «перехода от ремесленной мастерской к современной фабрике» (Данаилов Г. Стъпки към едра железарска индустрия по нашенско.— Списание на БИКД, 1903, кн. 7, с. 549).

⁷⁷ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 436.

⁷⁸ По мнению К. Попова, лишь 10—15% владельцев мелких ремесленных заведений не работали в своих мастерских, поскольку эти предприятия имели уже масштабы, позволяющие их хозяевам не работать. См.: Попов К. Стопанска България..., с. 303.

⁷⁹ Berend J. T., Ranki G. Peculiarities of Industrial Progress in Eastern Europe and the Development of the Working Class.— In: Troisième Conférence internationale d'histoire économique. Munich. 1965. Paris; La Haye, 1968; I, p. 193—213.

⁸⁰ См.: Моллов Я. Работниците в земеделието у нас, с. 19.

⁸¹ См.: Там же, с. 15. В России болгарскому георгиеву дню до некоторой степени соответствовал так называемый юрьев день. Юлианский календарь действовал в Болгарии до 31 марта 1916 г.

⁸² См.: Ново време, I, IX 1914, кн. 17, с. 530—531; Моллов Я. Работниците в земеделието у нас, с. 34.

⁸³ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 171.

⁸⁴ Работнишко дело, 1904, № 2, с. 72; Моллов Я. Работниците в земеделието у нас, с. 37—38, 46.

⁸⁵ Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 246.

⁸⁶ Причудливое сплетение разных вариантов и видов сельскохозяйственных работников встречалось, например, во многих селах Тырновского и отчасти Шуменского округов. Здесь часть мужчин уходила в качестве отходников-огородников (гурбетчиев) в другие районы Болгарии и иные земли; члены указанных семей, женщины, остававшиеся в деревнях, часто не могли сами обработать свои участки и нанимали батраков, которые обслуживали порой все село. См.: Труд, XI. 1887, кн. 18/19, с. 1196; Ново време, 5.VIII 1914, кн. 16, с. 499—506. В табакководческих районах иногда временных рабочих нанимали не только владельцы табачных плантаций, но и вдовы, которые не могли своими силами обработать землю.— См.: Списание на БИКД, 1903, кн. 1, с. 90—93; кн. 7, с. 465—473; 1907, кн. 8/9, с. 509—510; Работнишко дело, 1904, № 2, с. 74—75.

⁸⁷ См.: Ново време, 1914, кн. 17, с. 529—538; 1915, кн. 1, с. 16—23; кн. 2, с. 82—87; Икономика на България, т. I, с. 362—363, 366—369, 409—411; Списание на БИКД, 1928, кн. 14, с. 179—182.

⁸⁸ Абсолютные данные здесь и далее взяты из публикаций переписей населения на 1900, 1905 и 1910 гг. (подсчеты наши.— М. Б.).

⁸⁹ Правда, Я. Моллов на основании близкого знакомства с деятельностью Главной дирекции статистики утверждал, что в публи-

кациях переписей населения якобы плохо учтены отдельные категории постоянных сельскохозяйственных рабочих, имея, вероятно, в виду фактических полупостоянных рабочих, нанимавшихся на летний или зимний периоды. См.: *Моллов Я.* Работниците в земеделието у нас, с. 25—27.

⁹⁰ Если в 1900 г. на 100 сельскохозяйственных рабочих (как свидетельствуют переписи 1900 и 1910 г.) приходилось 105 членов семей, то в 1910 г.—только 67. См.: *Беров Л.* По някои въпроси на нашата стопанска история.—Икономическа мисъл, 1969, кн. 5, с. 71—82.

⁹¹ Мы исходим здесь из показателей о грамотности всего сельского населения в целом и из сведений о грамотности батраков более позднего времени. См.: *Моллов Я.* Работниците в земеделието у нас, с. 24, 29; *Попов К.* Стопанска България..., с. 28.

⁹² Работнишко дело, 1904, кн. 2, с. 71; *Попов К.* Стопанска България..., с. 134—137. Некоторые из крупнейших сельскохозяйственных имений и станций были расположены вблизи от наиболее значительных городов: например, сельскохозяйственная школа и имение в Садово недалеко от Пловдива, «образцовый чифлик» у Русе и т. д.; шесть государственных конных заводов, имевшихся в стране 1911 г., находились неподалеку от Софии (Божуриште), Шумена (ферма «Кабюк» с хозяйством), Плевена, Пловдива, Ямбола, Стара Загора. См.: *Попов К.* Стопанска България..., с. 225; *Селски вестник*, 15.III, 24.VI, 29.VII, 2.XII 1921 и 14.IX 1922.

⁹³ Работнически вестник, 17.XI 1900 г.; *Селски вестник*, 13.I и 15.III 1922.

⁹⁴ Абсолютные данные для расчетов см.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 144, 153—159, 180—187, 193—197, 216—219 и др.

⁹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 130.

⁹⁶ *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России.—Полн. собр. соч., т. 3, с. 576—577.

⁹⁷ См.: Анкета 1909. Общ преглед, с. 3—8.

⁹⁸ Один из современников высказал заслуживающее внимание мнение, что подавляющая часть железнодорожников Болгарии того времени (исключая чиновников из управления и инженеров), в том числе и мелкие служащие на маленьких станциях, которым часто приходилось фактически совмещать различные должности, должна быть отнесена к числу рабочих. См.: Работнишко дело, 15.XI 1904, кн. II, с. 104.

⁹⁹ В это число мы включили также значительную часть машинистов и кочегаров, зафиксированных статистикой по разделу «Индустрия». В литературе упоминается о 7 тыс. железнодорожников в 1910 г. (См.: *Коджейков Д., Христов Х. и др.* Организация и борба на транспортните работници в България, с. 11)—видимо, с учетом временных рабочих, зафиксированных железнодорожным ведомством в качестве штатных, и практикантов, не получавших заработной платы.

¹⁰⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 404.

¹⁰¹ Большая часть домашних работниц Софии комплектовалась девушками из сел Вакарелского района, для жительниц которого это было традиционным занятием еще с давних времен. По обследованию Г. Гунчева, 70% женского населения сел Вакарелского района в возрасте от 14 до 20 лет проработали в качестве прислуги в Софии; нанимались также и девушки из крестьянских семей сел Пирдопской,

Софийской, Трынской, Радомирской и других околий. См.: *Гунчев Г.* Слугинството в Вакарелско: Принос към географията на труда в България.— Списание на БИКД, 1933, кн. 2, с. 93—95, 99—101.

¹⁰² Здесь, как и ранее, абсолютные данные взяты из публикации переписей населения (подсчеты наши.— *М. Б.*).

¹⁰³ О распространенности найма прислуги на полугодие свидетельствует и отрывок из незаконченного рассказа жены и соратника Д. Благоева — Велы Благоевой-Живковой; рассказ имел заглавие «От димитрова дня до георгиева дня». См.: Централен партиен архив при ЦК на БКП (далее — ЦПА (София)), ф. 197 («Вела Благоева-Живкова»), оп. 1, а.е. 53, л. 1.

¹⁰⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 58.

¹⁰⁵ Как заметил на конференции социологов-марксистов в Берлине в 1970 г. польский социолог С. Видершпиль, многослойность и сложность структуры рабочего класса капиталистической страны можно графически изобразить в виде концентрических кругов, в центре которых — ядро (промышленный пролетариат), состоящее из чисто пролетарских элементов, а вокруг ядра — группы и отряды рабочего класса, чья пролетарская сущность не столь четко и безусловно выражена. Это позволит отразить в какой-то мере различную степень близости отдельных слоев и групп рабочего класса к пролетарскому ядру. См.: *Widerszpil S.* Die Definition, Kriterien und der Umfang der Arbeiterklasse.— In: *Tage der marxistischen-leninistischen Soziologie in der DDR.* Berlin, 1970, S. 409—411.

¹⁰⁶ Наличие в Болгарии (как и в большинстве других капиталистических стран) массы чрезвычайно пестрых переходных полупролетарских групп и слоев, окружавших пролетариат (факт чрезвычайно важный для понимания социально-классовой структуры общества, в рамках которого формировался и действовал болгарский пролетариат), не означает, на наш взгляд, что изучение рабочего класса и его структуры следует подменить изучением всей массы пролетарского и полупролетарского населения в совокупности.

¹⁰⁷ ОРПН. 1900, кн. II, с. 80—81, 592—593; 1905, кн. II, с. 54—55, 110—111; 1910, кн. III, с. 62, 124.

¹⁰⁸ Снижение официального числа безработных с 1905 по 1910 г. можно объяснить тем, что как раз в эти годы (как отмечалось) происходила усиленная эмиграция безработных за границу.

¹⁰⁹ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 305.

¹¹⁰ Ново време, 1915, кн. 6, с. 227. По данным отчета революционного профсоюзного объединения (ОРСС), в 1914 г. в стране насчитывалось около 30 тыс. фактических безработных. См.: ЦПА (София), ф. 36 («Общий рабочий синдикальный союз»), оп. 1, а.е. 37, л. 2.

¹¹¹ См.: Списание на БИКД, 1901, кн. 4/5, с. 240.

¹¹² *Янулов И.* Инспекция на труда.— Списание на БИКД, 1906, кн. 6, с. 511—512.

¹¹³ См.: Там же.

¹¹⁴ *Попов К.* Стопанска България..., с. 288. Другой современник — П. Цончев несколько раньше свидетельствовал: «Настоящий рабочий класс уже на пути к формированию» (Списание на БИКД, 1906, кн. 2/3, с. 118).

¹¹⁵ См.: Борба, 1914, кн. 7, с. 411; Списание на БИКД, 1903, кн. 3, с. 180—181; 1908, кн. 7/8, с. 458; 1915, кн. 3/4, с. 137—138.

¹¹⁶ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 7, с. 495; Работнически вестник, 24.I 1902; Работническа борба, 26.X 1905; Списание на БИКД, 1906,

кн. 2/3, с. 114; 1915, кн. 3/4, с. 142, 144; *Вълев Г.* Заплатите на работниците в България. С., 1937, с. 15; *Беров Л.* Положението..., с. 22.

¹¹⁷ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 1, с. 118—119.

¹¹⁸ *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 304.

¹¹⁹ См.: Списание на БИКД, 1907, кн. 4/5, с. 231.

¹²⁰ Абсолютные данные см.: Статистически годишник. 1911, с. 582.

¹²¹ См.: Списание на БИКД, 1925, кн. 5, с. 200—201; *Попов К.* Стопанска България..., с. 27—30; Статистика, С., 1968, № 6, с. 25.

¹²² Значение введенного в Болгарии после освобождения обязательного начального образования на формирование облика складывающегося болгарского пролетариата неоднократно отмечал Д. Благоев. См.: *Благоев Д.* Съч., т. 7, с. 352—353; 441—442; т. 8, с. 50.

¹²³ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 9, с. 333; т. 10, с. 454; *Драганов М.* Религиозната психика на българите. С., 1968, с. 77—83, 158—159, 168—169. Известный исследователь психологии и мышления труженников болгарского села И. Хаджийский отмечал: «Христианство со своими идеями и догматами очень мало проникло в мышление крестьянина» (*Хаджийски И.* Съч., 1974, т. 2, с. 481).

¹²⁴ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 300.

¹²⁵ Вопрос этот нуждается в специальном исследовании. В литературе существует единственная попытка дать краткие ориентировочные сведения о «рабочей аристократии» в Болгарии. См.: *Беров Л.* Положението..., с. 24—25, 33—35. Следует иметь к тому же в виду, что границы «рабочей аристократии» в достаточной мере условны.

¹²⁶ В России перед первой мировой войной удельный вес рабочей аристократии, по мнению специально исследовавшего этот вопрос автора, равнялся 4% общего числа рабочих. См.: *Нетесин Ю. И.* К вопросу о социально-экономических корнях и особенностях «рабочей аристократии» России.— В кн.: Большевицкая печать и рабочий класс России в годы революционного подъема 1910—1914 гг. М.: Наука, 1965, с. 209. В Германии в тот же период он достигал 12%, в Англии — около 15% числа рабочих. См.: *Михалевский Б. Н.* О рабочей аристократии в Германии накануне первой мировой войны.— Вопросы истории, 1965, № 1, с. 107—108; *Мортон А. Л., Тейт Дж.* История английского рабочего движения. 1770—1920. М.: Изд-во иностр. лит., 1959, с. 199—200. Названные цифры следует оценивать, по-видимому, как весьма приблизительные.

¹²⁷ В частности, буржуазный экономист С. Бочев, с горечью констатирующий в одной из своих работ, что «капитализм не симпатичен болгарину», вместе с тем фиксировал: «...наша народная психика эгалитарна» (Списание на БИКД, 1931, кн. 2, с. 75).

¹²⁸ См., например: *Благоев Д.* Съч., т. 10, с. 454; *Кирков Г.* Избр. произв., т. 1, с. 195—198; Г. Димитров в меморандуме руководства революционного профобъединения (ОРСС) от 5.V 1925 г. отмечал: «Главный слой буржуазии происходит из старых ростовщиков и торговцев, которые во время турецкого владычества являлись агентами и посредниками турецкой власти в эксплуатации и угнетении болгарского трудящегося населения» (ЦГАОР, ф. 5451, оп. 9, д. 17в., л. 165—166; см. также: *Димитров Г.* Съч., 1953, т. 8, с. 75—77).

¹²⁹ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 295—296; *Беров Л.* Положението..., с. 22—23.

**ЗАРОЖДЕНИЕ И РОСТ КЛАССОВОГО
СОЗНАНИЯ
И ОРГАНИЗОВАННОСТИ ПРОЛЕТАРИАТА.
РАЗВЕРТЫВАНИЕ ЕГО БОРЬБЫ
ПРОТИВ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКСПЛУАТАЦИИ.
ПОЯВЛЕНИЕ АВАНГАРДА**

**§ 1. Зачатки самосознания и социальной
активности
у болгарских рабочих в конце XIX в.**

В начальный период развития капиталистической Болгарии зарождающийся пролетариат представлял собой немногочисленный и пассивный слой эксплуатируемых, не связанных еще классовыми узами, распыленных наемных рабочих. Этот социальный слой состоял в основном (как было отмечено выше, в гл. I) из ремесленных и сельскохозяйственных рабочих. Недавно разорившиеся мелкие собственники (или члены их семей), превратившиеся в наемных работников, по своему жизненному опыту, психическому складу, взглядам и настроениям были мелкобуржуазны. Они считали свое пролетарское положение временным и надеялись, что при удачном случае смогут вновь стать мелкими хозяевами.

Число промышленных пролетариев было на том этапе незначительно, что типично для периода перехода от мануфактуры к фабричной промышленности.

Рабочие были далеки от понимания истинной сущности своего пролетарского положения. Подавляющему большинству их в течение длительного времени было присуще патриархальное или полупатриархальное отношение к работодателю — «кормильцу». Некоторые владельцы предприятий, стремясь завуалировать эксплуа-

тацию, устраивали для рабочих по праздникам гулянья, дарили отдельным рабочим одежду; те в свою очередь помогали работодателям в домашней работе, приглашали их в кумовья и крестные отцы. Прикрывавшие эксплуатацию полупатриархальные отношения способствовали искаженному в сознании рабочих отражению фактических отношений. Большинству рабочих того периода были свойственны покорность и политическая индифферентность; до поры до времени они не осознавали своих классовых интересов.

Такое положение, разумеется, не могло долго продолжаться. Тяжелые условия жизни и быта: практически ничем не ограниченный рабочий день, нищенская зарплата, грубое обращение с рабочими мастеров и владельцев предприятий¹ — все это обуславливало нарастание недовольства и толкало к отпору, вначале неорганизованному. Социально-психологическим фактором, побуждавшим рабочих выступать с протестом, являлся стихийно возникавший классовый инстинкт, присущий пролетариату со времени его зарождения².

На первых порах самой распространенной формой социального протеста был внезапный уход недовольных с работы. К этой форме прибегали рабочие ремесленных и немногочисленных промышленных предприятий, а также сельскохозяйственные батраки. Источники содержат сведения о сетованиях владельцев предприятий на то, что рабочие без предупреждения часто оставляют работу³.

Наиболее крупным проявлением недовольства ремесленных рабочих раннего этапа было стихийное выступление домашних работниц-прядельщиц (среди них значительный процент составляли вдовы) в 1883 г. в Сопоте, Карлово и Калофере и в 1884 г. в Габрово⁴. Волнения, охватившие несколько тысяч прядельщиц, были порождены резким снижением их и без того мизерного заработка, вызванным ввозом из ряда европейских стран пряжи; у габровцев к этому присоединилось еще и возмущение в связи со строительством прядельной фабрики, грозившей ремесленным рабочим и мелким ремесленникам новыми осложнениями. Как и другие, более поздние проявления ненависти болгарских рабочих к «дьявольским машинам» и «дьявольским фабрикам»⁵, выступление прядельщиц 1883—1884 гг. было

по существу близко движению разрушителей машин («луддитов»); оно было формой протеста ремесленно-мануфактурных рабочих, специфической для периода незрелости рабочего класса⁶.

Другой характерной формой проявления недовольства пролетариата на ранней ступени его развития были коллективные обращения рабочих («прошения», «петиции») к властям и к парламенту (Народному собранию) с жалобами на невыносимые условия труда, низкую заработную плату и с просьбами об улучшении их положения. В 1881, 1883, 1884 и 1887 гг. с подобными прошениями обращались, например, железнодорожники и телеграфно-почтовые работники Русе, Пловдива, Варны, Ямбола, Тырново и других городов⁷, в 1884 г. — печатники Пловдива⁸ и др.

Наряду с названными формами протеста имели место и отдельные стихийные стачки. Одними из первых стачек начального периода существования болгарского буржуазного государства были забастовки печатников Софии и Пловдива в 1879, 1881 и 1883 гг. и стачки текстильщиков Сливена в 1880 и 1884 гг.⁹ Продолжительность и точное число участников этих стачек, как и конкретные требования забастовщиков, нам неизвестны — рабочая печать в тот период отсутствовала, а буржуазная пресса игнорировала эти события. Имеющиеся в нашем распоряжении отрывочные сведения свидетельствуют, что первые стачки были стихийными, спорадическими и непродолжительными и носили оборонительный и экономический характер. Оканчивались они, как правило, неудачей, либо небольшой уступкой со стороны предпринимателей. Рабочие еще не умели по-настоящему пользоваться стачкой как пролетарским методом борьбы; при первом же обещании работодателя они спешили прекратить стачку (так было, например, во время забастовки печатников типографии Данова в Пловдиве в 1881 г.).

Но даже первые стихийные стачки и некоторые другие формы социального протеста, соответствовавшие начальной стадии конституирования рабочего класса, предполагали определенный минимум согласованных действий и свидетельствовали уже о начальных шагах социальной активности отдельных групп рождающегося нового класса.

Появление элементов сознания общности интересов, проявившееся в коллективных актах социального протеста, обусловило и возникновение первых рабочих организаций. Раньше других возникли организации у печатников: в 1883 г. было создано «Болгарское типографское общество», соединившее квалифицированных печатников Софии, и культурно-просветительное объединение печатников Пловдива «Ежевика», вскоре преобразованное в общество «Единство»; члены его разделяли иллюзии, что с помощью рабочих производственных кооперативов они смогут избавиться от эксплуатации¹⁰. Несколько позднее возникли и малочисленные товарищества рабочих-табачников, переплетчиков, портовых грузчиков, сапожников, кожевников, слесарей, плотников, столяров, а также общества поваров, рассыльных и других работников сферы обслуживания¹¹.

Организации эти были малочисленными и неустойчивыми; они часто охватывали лишь узкий круг квалифицированных рабочих, иногда вместе с ремесленниками (владельцами мелких предприятий). Действовали они, как правило, недолго и в большинстве своем не оставили сколько-нибудь заметных следов. Следует, однако, оговориться, что наши оценки характера и масштабов этих организаций приблизительны — болгарские историки (К. Ламбрев, Г. Георгиев и др.), тщательно изучавшие ранний период истории рабочего движения Болгарии, отмечают крайнюю скудость сведений в источниках об этих организациях и о начальном этапе развития пролетариата¹².

Как и в других странах в период формирования промышленного пролетариата¹³, создавались названные организации рабочих в большинстве по профессиям (подобно товариществам ремесленных подмастерьев), а нередко и по узким специальностям и имели характер обществ взаимопомощи, ссудно-сберегательных касс, кооперативных и просветительных ассоциаций. Деятельность их лишь изредка доходила до оказания противодействия предпринимателям; преимущественно она ограничивалась сферами взаимопомощи и отчасти просвещения.

Организаторы и участники этих объединений сохраняли иллюзии о возможности возвращения к положению мелких собственников и пытались осуществить эти свои

чаяния с помощью касс и производственных кооперативов.

В политической жизни страны рабочие в этот период не проявляли самостоятельности, отдавая свои голоса соперничающим буржуазным и мелкобуржуазным партиям. Положение могло измениться лишь в результате вооружения рабочих идеями научного социализма и создания политической партии пролетариата.

Условия для распространения в Болгарии идей марксизма были не очень благоприятными: в общественной мысли страны господствовали различные мелкобуржуазные течения — в том числе народничество с его разновидностями; часть прогрессивной интеллигенции была увлечена «сиромасомилством» (своеобразным ответвлением болгарских народников, проповедовавших любовь к беднякам и увлекавшихся конспирацией)¹⁴.

Необходимо было обладать интеллектуальной мощью и большой прозорливостью, знанием законов исторического развития и огромной убежденностью, чтобы поверить в потенциальную силу и возможности зарождавшегося в стране пролетариата и начать пропаганду марксизма в Болгарии. Этими качествами обладал Д. Благоев, ставший первым пропагандистом идей научного социализма в стране¹⁵.

С марксистскими идеями Д. Благоев познакомился еще в период учения в Петербургском университете. Когда, прочитав «Капитал» К. Маркса, он начал вместе с другими студентами вести пропаганду среди рабочих Петербурга. Высланный за это из России, он обосновался в марте 1885 г. в Софии и начал издавать (вместе со своей женой и соратницей Велой Живковой) в том же году журнал «Современный указатель». Выход в свет журнала положил начало пропаганде марксистских идей в стране. Вокруг журнала сложился кружок прогрессивной интеллигенции, явившийся первой ячейкой болгарских социалистов. Благоев установил связь с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение труда», а также с возникшей в Цюрихе группой болгарских студентов-социалистов под названием «Рало» («Соха»).

Летом 1886 г. пропаганду социализма в Габрово начал Е. Дабев. Он выпускал газету «Росица», где опубликовал работу К. Маркса «Наемный труд и капитал» — первое произведение К. Маркса, переведенное

на болгарский язык. Несколько позднее с пропагандой идеей социализма (не вполне выдержанных, правда, с точки зрения марксизма) выступил Н. Габровский. В конце 80-х годов Д. Благоев и Н. Габровский начали вести пропагандистско-просветительную деятельность непосредственно среди рабочих¹⁶. В это же время (в особенности в 1890—1891 гг.) в ряде городов — Сливене, Габрово, Казанлыке, Тырново, Дряново, Севлиево и др. — возникли кружки социалистов¹⁷.

2 августа 1891 г. у горы Бузлуджи¹⁸ состоялся нелегальный съезд представителей социалистических групп и кружков страны. Несмотря на возражения некоторых участников, выступавших против создания партии (они мотивировали свою позицию возможным усилением полицейских преследований), большинство делегатов постановило основать Болгарскую социал-демократическую партию. Основание на съезде у Бузлуджи социал-демократической партии как бы символизировало тот факт, что зарождающийся болгарский пролетариат является наследником революционно-демократических традиций предшествующих поколений, эпохи борьбы против феодального османского ига¹⁹. Объединение первых социалистов в партию создавало более прочные основы для развертывания марксистской пропаганды среди рабочих.

На съезде были приняты устав и программа партии и избрано руководство — Общий совет партии²⁰. Съезд постановил приступить к изданию серии книг под названием «Болгарская социал-демократическая библиотека» с целью распространения социалистических идей. Открыла серию изданная в том же 1891 г. книга Д. Благоева «Что такое социализм и имеет ли он почву у нас?». В этой первой оригинальной марксистской болгарской работе излагались основы научного социализма и был дан марксистский анализ болгарской действительности: Благоев показал, что в Болгарии происходит развитие капитализма и формируется пролетариат и это создает базу для социалистического движения в стране²¹. Теоретическими аргументами и выводами Благоева широко пользовались болгарские социалисты в борьбе с многочисленными идейными противниками марксизма (прежде всего народниками), развернувшейся в Болгарии в 90-х годах²².

В этот же период Д. Благоев написал и другие работы, в которых критиковал, в частности, мелкобуржуазных и буржуазных публицистов, считавших интеллигенцию решающим фактором общественного развития страны. Высоко оценивая роль революционной интеллигенции (составлявшей на заре социалистического движения Болгарии основной его костяк) в общественном развитии, Благоев тем не менее свои надежды на прогресс в Болгарии связывал с формирующимся пролетариатом; считая рабочих (он иногда, называл их, согласно терминологии того времени, «четвертым сословием») растущей революционной силой, он призывал интеллигенцию соединиться с ними²³. Творческое применение Д. Благоевым марксизма для анализа процессов социально-экономического развития страны содействовало уяснению представителями болгарской прогрессивной интеллигенции роли рабочего класса и места интеллигенции, помогало им правильно ориентироваться. Это имело большое значение для распространения идей марксизма в рабочем и социалистическом движении Болгарии, для соединения социалистического и рабочего движения и для создания и укрепления марксистской партии в стране²⁴.

Противники партии из рядов социалистов, сгруппировавшись вокруг журнала «Социал-демократ», подчеркивали, что, поскольку в Болгарии пролетариат находится в стадии формирования и лишен классового сознания, создание партии якобы преждевременно. В 1892 г. они основали Болгарский социал-демократический союз; его сторонники получили наименование «союзистов». «Союзисты» проповедовали, что деятельность социалистов в Болгарии должна быть сосредоточена на организации рабочих товариществ в целях защиты экономических интересов пролетариата. В дальнейшем, в ходе экономической борьбы, утверждали «союзисты», рабочие сами придут к политической борьбе и идеям социализма²⁵. Это было, по существу, проповедью стихийности в рабочем движении, одним из проявлений широко распространенных тогда в международном рабочем движении вульгарно-социологических представлений о ходе общественного развития²⁶. Между «союзистами» и сторонниками партии («партистами») выявились существенные различия как в оценке темпов и

перспектив созревания болгарского рабочего класса, так и в подходах к вопросу о формах и путях борьбы рабочего класса.

Д. Благоев, Г. Георгиев и их сторонники — «партисты» в отличие от «союзистов» (С. Мутафов, К. Раковский, Я. Сакизов и др.) доказывали, что пролетариат в Болгарии (как и во всех капиталистических странах) является растущей силой, призванной произвести коренное переустройство общества, «силой, которая понесет знамя прогресса»²⁷.

В принятой на III съезде Болгарской социал-демократической партии в 1893 г. новой программе (в основу ее была положена утвержденная в 1891 г. на съезде Социал-демократической партии Германии Эрфуртская программа, которую положительно оценивали Ф. Энгельс и В. И. Ленин) подчеркивалась необходимость классовой политической борьбы пролетариата. В программе говорилось, что «Болгарская социал-демократическая партия объявляет себя частью всемирной социал-демократии и солидаризируется с рабочими всех других стран, имеющими классовое сознание»²⁸. Считая себя частью международного рабочего движения, Болгарская социал-демократическая партия установила связи со II Интернационалом и начиная с 1893 г. направляла делегатов на его конгрессы. Съезд принял решение участвовать в парламентских выборах, не вступая в блоки с буржуазными партиями.

Д. Благоев, Г. Георгиев и другие руководители Болгарской социал-демократической партии подвергли решительной критике взгляды «союзистов». Д. Благоев подчеркивал, что марксисты не отрицают значения и полезности экономических организаций и экономической борьбы. Однако история международного рабочего движения (в частности, опыт английского рабочего движения), отмечал Д. Благоев, свидетельствует, что сама по себе экономическая борьба не подводит автоматически рабочих к осознанию ими своих особых классовых задач, не формирует у них классового сознания. Последнее складывается преимущественно в результате систематической политической борьбы, и с этой целью необходима самостоятельная политическая партия пролетариата — социал-демократическая партия²⁹.

Борьба «союзистов» и «партистов» была конфликтом между сторонниками стихийного развития болгарского рабочего движения и приверженцами внесения в него сознательного и организующего начала в лице социал-демократической партии. В ходе этой борьбы проявились в зародыше две основные тенденции рабочего движения — реформистская и революционная. Отстаивая революционно-марксистское понимание значения партии как передового отряда рабочего класса, Д. Благоев и его сторонники подчеркивали, что партия должна участвовать в любой борьбе труда против капитала, имея в виду в конечном счете реализацию великой исторической задачи пролетариата³⁰.

Осуществление исторической миссии рабочего класса зависит в первую очередь от того, насколько его передовые представители усвоят научные взгляды на общественно-историческое развитие и сумеют воплотить их в массовое движение. В этом плане и рассматривали К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин соотношение элементов сознательного и стихийного в борьбе пролетариата и всех трудящихся³¹, роль революционного авангарда — пролетарской партии — в рабочем движении.

Проблема соединения освободительного движения пролетарских масс с революционной научной теорией, стихийного протеста трудящихся с научным осознанием путей и задач борьбы являлась и является одной из важнейших и сложнейших проблем революционного движения рабочего класса во всякой стране. Не случайно по этому поводу в международном рабочем движении и в прошлом, и в настоящем велось и ведется немало споров и дискуссий³².

Болгарские революционные социал-демократы во главе с Д. Благоевым заняли в этом важнейшем вопросе уже при зарождении рабочего и социалистического движения в стране марксистскую позицию. Тем самым они заложили благоприятные предпосылки для постепенного успешного преодоления стихийности в движении, для решения проблемы организации рабочего класса, для формирования в дальнейшем классового сознания пролетариата, для развития и укрепления революционной тенденции в болгарском движении.

В условиях Болгарии, где рабочее движение и социалистические организации зарождались более или менее одновременно, этот фактор сыграл особенно большую роль. В. И. Ленин подчеркивал, что «начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его»³³. Д. Благоеву и его соратникам, руководителям молодой болгарской социал-демократической партии, было присуще творческое отношение к опыту международного рабочего движения, умение выбрать подходящие для страны пути и формы борьбы и организации формирующегося пролетариата.

Главная задача возникшей социал-демократической партии, утверждали деятели революционной болгарской социал-демократии, — пробуждать классовое сознание у зарождающегося пролетариата³⁴. В условиях, когда пролетариат в Болгарии находился еще в стадии формирования, не могло быть и речи, отмечал Д. Благоев, чтобы он сразу же осознал свои классовые интересы; цели и средства борьбы. Первейшей заботой революционных социал-демократов в этот период является скорейшее создание авангарда в виде социал-демократической партии, воспитание ядра класса в лице сознательных рабочих, организованных и сплоченных вокруг партии; ядро это, считал Д. Благоев, должно соответствовать численности народа и пролетариата, и в малой стране может на определенном этапе развития достигать нескольких тысяч сознательных пролетариев³⁵.

Необходимость борьбы с усилившимися полицейскими преследованиями в условиях реакционного диктаторского режима С. Стамбулова заставила «партистов» и «союзистов» объединиться в рамках созданной в 1894 г. Болгарской рабочей социал-демократической партии (БРСДП). Признав принципиальную необходимость создания социал-демократической партии и политической борьбы пролетариата, многие бывшие «союзисты» и после объединительного съезда в январе 1894 г. продолжали в своей пропаганде и агитации уклоняться от проведения последовательно социалистической, классов-

во-пролетарской линии, нарушали положения устава и программы партии³⁶.

В ходе состоявшихся в 1894 г., уже после краха режима Стамбулова, выборов в Народное собрание VIII созыва (или иначе: VIII Народное собрание) бывшие союзисты, заключив соглашение с оппозиционными буржуазными партиями и приспособив предвыборную платформу к интересам крестьян и ремесленников, добились избрания в VIII Народное собрание двух депутатов от социал-демократии (Н. Габровского и Я. Сакызова). Этот успех имел и теневую сторону, ибо фактически во многом содействовал укреплению оппортунистических настроений у части членов партии³⁷.

Склонные к реформизму, многие бывшие союзисты, в сущности, не верили в перспективы и возможности болгарского пролетариата и фактически стремились перенести центр деятельности партии в мелкобуржуазные слои (ремесленники, крестьяне и т. д.). Тенденция эта встретила отпор со стороны последовательных марксистов, составлявших революционное крыло партии, возглавлявшееся Д. Благоевым; им, однако, не сразу удалось добиться решительного перелома в курсе партии.

Значительным достижением на заре развития болгарской социал-демократии, потребовавшим огромных усилий немногочисленных ее сил, было издание и распространение марксистской литературы. В то время как Д. Благоев сосредоточился на подготовке оригинальных работ, освещавших с марксистских позиций насущные проблемы болгарского рабочего и социалистического движения, Г. Бакалов, Н. Габровский и другие деятели партии занимались главным образом переводами и изданием марксистской литературы. По словам Г. Бакалова, заслуги которого в области переводов, издания и популяризации марксистской литературы в Болгарии трудно переоценить, болгарские социал-демократы предприняли максимум возможного (в условиях малой страны, не богатой тогда интеллектуальными кадрами), чтобы «сделать доступными рождающемуся пролетариату произведения марксистской мысли»³⁸.

Переводились и издавались в первую очередь труды К. Маркса и Ф. Энгельса и их виднейших последователей (прежде всего Г. В. Плеханова, а также В. Либк-

нехта, П. Лафарга, Ж. Гедда, К. Каутского, А. Бебеля и др.)³⁹. За десятилетие со времени основания социал-демократической партии болгарскими марксистами были переведены и изданы такие классические работы, как «Манифест Коммунистической партии» (2 издания — в 1891 и 1900 гг.), труды К. Маркса «Гражданская война во Франции» (издан в 1894), «Наемный труд и капитал» (2 издания в 1895 г.), «18-е брюмера Луи Бонапарта» (1897), «Нищета философии» (1898) и ряд других; работы Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (2 издания — в 1890 и 1896 гг.), «Людвиг Фейербах» (1892), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (1892), «Революция и контрреволюция в Германии» (1901) и ряд других. Публиковались также многочисленные книги и брошюры, популяризовавшие идеи марксизма, раскрывавшие значение и опыт революционной борьбы рабочего класса и трудящихся разных стран и всего международного рабочего движения в целом, деятельность социал-демократии Германии, России, Франции, Польши, Англии и других стран⁴⁰.

Большое значение имело издание в конце XIX в. болгарских переводов многих философско-теоретических и иных произведений Г. В. Плеханова. Роль их была высоко оценена Ф. Энгельсом, который писал: «Я очень рад был видеть перевод работ Плеханова на болгарский язык»⁴¹. И когда молодая болгарская социал-демократическая партия столкнулась в теоретической борьбе с народниками и другими мелкобуржуазными течениями, свое идейное оружие она черпала также и из богатой сокровищницы марксизма в России. Труды, доклады и выступления русских марксистов (прежде всего Г. В. Плеханова) против народничества помогли болгарским социал-демократам раскрыть консервативную сущность концепций болгарских народников, являвшихся в значительной мере эпигонами народников России. «Русские марксисты, — отмечал В. Коларов, — стали идейными учителями и болгарской социал-демократии»⁴².

Результаты деятельности болгарских социал-демократов по изданию марксистской литературы были столь значительными, что это признавали и их идейные противники. Например, один из болгарских народников (Минцес), свидетельствуя об энтузиазме маленькой

группы социал-демократов, отмечал, что они «систематически, последовательно издают переводные книги, брошюры и статьи, и эта работа делает им честь»⁴³.

Издававшаяся марксистская литература шла не только в библиотеки крупнейших центров страны. При содействии активной, прогрессивно настроенной интеллигенции (прежде всего учителей, сочувствовавших идеям социализма) социалистическую литературу комплектовали также библиотеки и читальни небольших городов и даже деревень⁴⁴. Сеть библиотек и читален в стране быстро росла, и тем самым марксистская литература становилась доступной широкому кругу передовой интеллигенции. Таким образом создавались возможности для дальнейшего проникновения в будущем идей научного социализма в пролетарскую среду. Опираясь на издававшуюся в стране марксистскую литературу, болгарские революционные социал-демократы (число их было на раннем этапе крайне невелико — недаром их называли тогда «ласточками» и «жаворонками»⁴⁵) с неукротимой энергией и последовательностью повели пропаганду идей марксизма среди болгарских рабочих. Им предстояло преодолеть на этом пути немалые трудности.

Проникновению в рабочую среду идей научного социализма препятствовали устойчивость консервативных и конформистских черт массового сознания, присущих вчерашним мелкобуржуазным элементам, ставшим пролетариями⁴⁶, а также то обстоятельство, что в любом капиталистическом обществе «наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология... — отмечал В. И. Ленин, — стихийно всего более навязывается рабочему»⁴⁷. Немалую тормозящую роль играло и активное противодействие со стороны правящих буржуазных кругов, опиравшихся на государственный аппарат и церковь.

Принятая в 1879 г. Тырновская конституция болгарского буржуазного государства, будучи демократической для своего времени, провозглашала различные буржуазно-демократические свободы (в том числе свободу слова и печати, собраний и организаций и т. д.). Социал-демократы использовали существовавшие в стране свободы для работы среди пролетариата. Фактически, однако, буржуазия (в особенности, в периоды пре-

бывания у власти наиболее реакционных ее фракций) нередко нарушала установления конституции, ограничивала ее или приостанавливала ее действие. «Жандармская палка и солдатский штык, как отмечалось в газете того времени, очень часто оказывались у избирательного ящика»⁴⁸. Правящие буржуазные круги часто прибегали к грубой силе (например, во время диктатуры Стамболова в начале 90-х годов). С помощью полиции и властей буржуазия добивалась закрытия первых рабочих клубов, подавляла проявления недовольства и стихийные выступления формирующегося пролетариата⁴⁹. Для батраков, разнорабочих-поденщиков и прислуги вводились специальные «служебные книжки», с помощью которых намеревались воспрепятствовать неожиданному для хозяев уходу недовольных с работы⁵⁰. Даже в более позднее время, уже в начале XX в., телеграфистам и почтовым работникам запрещалось подписывать прошения об увеличении заработной платы; их иногда лишали работы за участие в деятельности социал-демократической партии⁵¹. Владельцы частных предприятий также прибегали к экономическим средствам давления, беспощадно увольняя работников при малейшем намеке на интерес к социалистической литературе⁵². Не гнушались они и натравливать рабочих друг на друга, сея национальную рознь и используя конкуренцию при найме на работу.

Тормозящим фактором, особенно на раннем этапе, когда в составе пролетариата преобладали рабочие ремесленных предприятий и выходцы из разорившихся ремесленников, являлись религия и церковь. Как утверждает И. Хаджийский, исследовавший психологию различных слоев болгарского народа, ремесленники отличались в XIX в. большей, чем крестьяне, религиозностью⁵³. По этой причине до поры до времени немалое влияние на рабочих оказывали открытые выступления духовенства против социалистов. Священники в своих проповедях внушали верующим, что социалисты — «сеятели разврата», враги общества и государства⁵⁴.

И все же, несмотря на противодействие консервативных сил буржуазно-монархического государства, в 90-е годы происходят медленные сдвиги в рабочей среде. С начала 90-х годов ширилось движение в форме прошений и петиций за введение рабочего законодательст-

ва. Осенью 1893 г., поддержанное социал-демократами, оно приняло более значительные размеры. В адрес Народного собрания VII созыва в октябре—ноябре 1893 г. были посланы прошения из ряда городов; в некоторых петициях (из Габрово, Шумена, Тырново и др.) по инициативе социал-демократов наряду с запросами экономического характера выдвигались и отдельные политические требования (обеспечение свободы собраний и организаций и т. д.). В большинстве прошений рабочие добивались введения законов об охране труда и об улучшении условий труда (из Софии, Пловдива, Кюстендила, Русе, Казанлыка и др.). Общее число подписавших прошения составляло от 3 до 5 тыс. рабочих⁵⁵. Движение за подачу петиций в адрес Народного собрания продолжалось и в 1894—1895 гг.⁵⁶ Позднее оно пошло на убыль.

В середине 90-х годов имели место и стихийные выступления и волнения среди грузчиков Варны и строителей железной дороги София—Роман⁵⁷. Стали чаще возникать экономические стачки, но они, как правило, носили стихийный характер. По мере накопления опыта стачечное движение постепенно поднималось на более высокую ступень — забастовки охватывали большее число участников, становились более продолжительными и упорными; в борьбу втягивались новые коллективы и новые отряды пролетариев. Социал-демократия небезуспешно воспитывала в массах чувство пролетарской солидарности — бастующим рабочим в ходе стачек начали оказывать помощь.

Одной из самых памятных забастовок середины 90-х годов XIX в. была общая стачка печатников Софии. Она проходила с 24.II по 7.III 1895 г. под руководством возникшего в 1894 г. Центрального рабочего синдиката печатников, возглавлявшегося социал-демократами. В ходе стачки проявилась солидарность болгарских рабочих. На помощь бастующим пришли рабочие значительного числа городов: через газету «Социалист» (орган социал-демократической партии того времени) был открыт сбор пожертвований в поддержку борющихся типографских рабочих; наряду с этим выразили солидарность с бастующими и оказали им материальную помощь и зарубежные социал-демократы ряда стран (Швейцарии, Бельгии, Австрии и др.)⁵⁸. Другой значи-

тельной стачкой этого периода была всеобщая забастовка текстильщиков Сливена с мая до конца июля 1896 г. В стачке, которой руководила социал-демократическая организация Сливена, участвовало более 800 фабричных рабочих. Эта была первая забастовка крупнейшего отряда промышленных пролетариев страны⁵⁹. Названные стачки впервые в Болгарии охватывали рабочих одной категории в масштабах целого города.

Пример поднимавшихся на борьбу пролетариев вдохновлял не только рабочих других отрядов; он действовал и на иные слои трудящихся: например, в 1895 г. произошли забастовки артистов Софийского театра и учителей Трояна, добивавшихся регулярной выплаты заработной платы и улучшения условий труда⁶⁰.

В эти же годы сознательные болгарские рабочие начали отмечать праздник 1 Мая как день международной пролетарской солидарности; собрания социал-демократов в Софии, Габрово и Тырново прошли в день 1 Мая еще в 1892 г. В 1893 г. по инициативе социал-демократов в ряде городов (София, Пловдив, Хасково, Тырново и др.) состоялись уже собрания с участием передовых рабочих; кое-где, вопреки полицейским преследованиям, состоялись даже шествия по городу. В последующие годы собрания и манифестации рабочих в этот день становились в болгарских городах более многочисленными⁶¹.

Росло число рабочих организаций. Как и в 80-е годы, наиболее распространенным их типом были взаимовспомогательные объединения и ссудно-сберегательные кассы; они не ставили своей целью борьбу за улучшение положения рабочих, а ограничивались задачами просветительства и оказания взаимопомощи. В их состав наряду с рабочими входили и ремесленники — собственники мелких мастерских. Возникали также (не без влияния лассальянских идей) производственные кооперативы, создававшиеся на средства рабочих. Большинство рабочих (как свидетельствуют современники) разделяли характерные для того периода иллюзии, что достижение благополучия возможно при условии, если каждый из них станет мелким собственником, и полагали, что «они встанут на ноги с помощью обществ взаимопомощи и при содействии кооперативных предприятий»⁶². Производственные кооперативы возникали в растущих

пролетарских центрах (Пловдиве, Сливене, Варне и Габрово) ⁶³.

Революционные социал-демократы не отрицали некоторой полезности потребительских кооперативов при условии подчинения их деятельности задачам пробуждения классового сознания, борьбы за освобождение рабочего класса. Приняв участие в деятельности отдельных потребительских кооперативов, созданных рабочими в конце 90-х годов ⁶⁴, они в то же время критиковали идеи так называемого «кооперативного социализма», распространявшиеся во многих странах Европы в конце XIX в. (его сторонники пытались представить кооперацию при капитализме как путь к социализму). Болгарские революционные социал-демократы рекомендовали не увлекаться созданием кооперативов, чтобы, не распывая сил, сосредоточить основное внимание на объединении рабочих, пробуждении их классового сознания. Они предупреждали, что в условиях капиталистической конкуренции рабочие кооперативы не имеют значительной перспективы и, как правило, обречены на гибель ⁶⁵.

Новым типом рабочих объединений были возникавшие в эти годы по инициативе социал-демократов рабочие общества (например, рабочее общество «Братство» в Софии и в других городах) и так называемые рабочие клубы, основанные в Сливене, Казанлыке, Варне, Видине, Тырново, Габрово, Попово, Плевене, Ямболе и др. Некоторые из них были фактически организациями, близкими к социал-демократической партии; в их создании и деятельности наряду с беспартийными часто участвовали рабочие — члены партии ⁶⁶.

Другим новым типом рабочих объединений были синдикаты — чисто профессиональные организации рабочих; вначале они охватывали главным образом ремесленных рабочих, объединяя их по узкой специальности в масштабах одного или нескольких предприятий, иногда в пределах целого города; возникли, например, синдикаты швейников Софии, Габрово, Тырново, Шумена, Разграда, печатников, сапожников, кожевников Софии и Разграда, слесарей и деревообделочников в Софии и т. д. ⁶⁷ Выделялся среди них упоминавшийся выше Центральный рабочий синдикат печатников — «первая профессиональная организация, поставленная на классовую основу» ⁶⁸. Возглавлял его энергичный организа-

тор и вдохновенный оратор печатник Д. Сумпуров (1873—1903)⁶⁹. Благодаря неутомимой деятельности Д. Сумпунова в 1895 г. в ряде городов страны (Пловдиве, Ямболе, Казанлыке, Варне, Шумене, Русе, Тырново, Разграде) были созданы организации печатников—филиалы синдиката; однако после трехмесячной изнурительной стачки печатников Русе, опустошившей к июню 1895 г. кассу синдиката, филиалы синдиката фактически перестали действовать⁷⁰.

В подавляющем большинстве синдикаты, как и прочие рабочие организации (общества взаимопомощи, кассы и т. д.), возникавшие в 90-е годы, были немногочисленными и непрочными и действовали непродолжительное время. Это объяснялось в первую очередь их социальным составом, а также преследованиями полиции и давлением предпринимателей. Характерным для ранней стадии развития рабочего движения страны было переплетение старых и новых форм организации, а иногда и несоответствие между формой и содержанием: в некоторые синдикаты, например в синдикат кожевников (основанный в Габрово в 1894 г.)⁷¹, входили не только рабочие, но и мастера, собственники заведений. Еще более сложный в социальном отношении состав был в создавшихся в 80-е годы и существовавших и в 90-е годы упомянутых объединениях ремесленно-цехового типа, близких по своей форме к товариществам ремесленных подмастерьев мануфактурного периода. Разнородность социального состава предопределяла внутренние противоречия и борьбу, разъедавшие рабочие организации раннего периода, а также их недолговечность.

Почти все названные рабочие ассоциации объединяли ремесленных рабочих. Идеи организации в этот период быстрее проникали именно в их среду; быстрее они поднимались в этот период и на стачечную борьбу (таким же образом дело обстоит и во многих других странах)⁷². Ремесленные рабочие были более развиты и грамотны, чем промышленные и сельскохозяйственные; у них были свои традиции.

Зарождающийся промышленный пролетариат, тогда крайне немногочисленный, состоявший главным образом из недавно разорившихся мелких собственников, был на первых порах далек от идеи организации и с трудом поднимался на борьбу. Стачки среди них возни-

кали стихийно, рабочие легко поддавались обману и выходили на работу при малейших уступках и даже только обещаниях предпринимателей. Некоторые из промышленных рабочих прибегали к таким устарелым формам социального отпора, как уход с работы или даже стихийные «бунты» (например, «бунт» шахтеров Перника в 1900 г.)⁷³.

Еще труднее поддавались организации строительные рабочие (численно — один из наиболее растущих отрядов болгарского рабочего класса); они рекрутировались главным образом из полуразорившихся и обедневших крестьянских семей, что наложило глубокий отпечаток на их социальную психологию и обусловило пассивные формы организации и социального отпора. Стачки возникали у них крайне редко. Строители прибегали иногда к таким формам протеста, как уход с работы, «бунты» и волнения со стычками и личной расправой с угнетателями; наиболее крупным выступлением строительных рабочих были волнения на строительстве железной дороги София — Роман в 1895 и 1896 гг.⁷⁴. Объединения рабочих-строителей были исключительно редкостным явлением; они охватывали лишь немногих квалифицированных рабочих-строителей, входивших вместе с мастерами-подрядчиками в организации старого типа, приближавшиеся к ремесленно-цеховым обществам (как, например, объединение столяров и плотников Казанлыка в 1893 г.)⁷⁵.

У железнодорожников и почтово-телеграфных работников до конца XIX в. профессиональных организаций не возникало. Недовольство ухудшившимся положением проявлялось в их среде в форме подачи упоминавшихся выше прошений, направленных властям (в 1883—1884, 1887—1888, 1892 и 1897 гг.), и в единичных стихийных стачках⁷⁶.

Сельскохозяйственные рабочие (как и работники сферы обслуживания, в том числе домашние работницы) также пока еще не поднялись до создания своих профессиональных организаций. Недовольство их проявлялось главным образом в форме частых переходов от одного хозяина к другому, что приводило к новым изменениям в правилах найма, устанавливавшихся местными властями⁷⁷.

В целом широкие массы рабочего класса Болгарии были в конце XIX в. еще далеки от идей научного социализма⁷⁸. «Мещанская психология, — свидетельствовал один из ветеранов рабочего движения Сливена, — господствовала в сознании наемных рабочих в начале промышленного развития страны»⁷⁹.

К началу XX в. (как отмечалось выше) процесс формирования болгарского пролетариата как самостоятельного класса капиталистического общества вступил в важную стадию — фазу его кристаллизации.

Темпы пробуждения рабочего класса, роста его самосознания зависели от обстоятельств как объективного, так и субъективного порядка. Усиливавшаяся эксплуатация, с одной стороны, и растущая численность (в абсолютном и относительном выражении) самого рабочего класса; увеличивавшаяся с конца XIX в. (по мере роста промышленности) концентрация пролетариев, с другой стороны, создавали объективные предпосылки для втягивания их в движение. Наступивший с начала XX в. подъем в ходе очередного экономического цикла (после нескольких лет кризиса) создал условия, благоприятные для экономической борьбы пролетариата.

На заре века последовал подъем стачечного движения. Число забастовок выросло; в движение стали втягиваться не только ремесленные рабочие (швейники и др.), но и печатники, текстильщики Сливена и Варны, табачники Пловдива, Хасково и Дупницы, рабочие сахарного завода Софии и некоторые иные коллективы промышленных, фабричных рабочих, а также и другие отряды рабочего класса — портовые грузчики Варны и Бургаса, железнодорожники Русе и Горна Оряховицы и даже сельскохозяйственные рабочие в имении «Кабьюк» близ Шумена, строительные рабочие (на постройке железных дорог Чирпан—Стара Загора и София—Своге).

Среди забастовок начала столетия выделялась общественным резонансом стачка трамвайных работников Софии в августе 1901 г. (трамвайное движение в городе было открыто в январе 1901 г.). Бастующие трамвайщики, поддержанные софийскими социал-демократами, требовали повышения зарплаты и сокращения рабочего дня. Против стачечников ополчилась администрация

бельгийской компании (владевшей софийским трамваем), желтая буржуазная печать и полиция. Часть забастовавших рабочих была уволена, активисты были арестованы, и стачка закончилась без успеха для трамвайщиков. Другой значительной стачкой этого периода была забастовка рабочих сахарной фабрики Софии в декабре 1901 г. Ею руководил рабочий синдикат «Подкрепа» («Поддержка»). При помощи полиции и других правительственных органов администрация фабрики путем маневров и обмана рабочих добилась прекращения стачки без уступок со своей стороны. Крупнейшей стачкой была забастовка рабочих хлопчатобумажной фабрики в Варне с 5 по 16 июня 1902 г. В ней участвовало более 600 рабочих. При поддержке ЦК социал-демократической партии и рабочих ряда городов, оказавших бастующим денежную помощь, стачечники одержали победу. Они добились некоторого увеличения зарплаты и сокращения на 1 час рабочего дня. В результате стачки на фабрике возникли классовая профессиональная организация рабочих и просветительный социалистический кружок⁸⁰.

Стачки были незаменимой «школой», в которой рабочие подготавливаются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной»⁸¹.

Некоторые забастовки принимали более упорный и продолжительный характер, классовый антагонизм проявлялся в них более четко и определенно. «...Систематические стачки,— говорил В. И. Ленин,— выражали уже собой зачатки классовой борьбы...»⁸².

Возникавшие стачки были большей частью стихийными, лишеными организации; выдвигавшиеся требования носили по-прежнему исключительно экономический характер. Процесс вовлечения рабочих в движение проходил неравномерно — некоторые отряды втягивались быстрее, в особенности в крупных городах, где была относительно большая (отраслевая и локальная) концентрация пролетариата и где, таким образом, сказывалась совокупность особенностей структуры рабочего класса. Отдельные категории и группы рабочих не поднялись еще даже до уровня стихийной стачечной борьбы. Да и участвовавшие в забастовках выступали, как правило, не против системы эксплуатации, не против существующего строя, а пока лишь только против

конкретных, наиболее варварских форм эксплуатации, против конкретного эксплуататора.

Вместе с тем в ходе стачек, как удачно сформулировано в неоднократно упоминавшемся выше фундаментальном труде советских историков по истории и теории международного рабочего движения, «классовый инстинкт перерастал в классовую позицию»⁸³. Переход к стачке как к главному методу сопротивления капиталу, находившийся, как и всюду, в непосредственной связи с перерастанием ремесла и мануфактуры в фабричную промышленность⁸⁴, был проявлением начала нового этапа в развитии пролетариата, стадии кристаллизации его в качестве самостоятельного класса.

Начавшееся постепенное пробуждение широких масс пролетариата обусловило особую ответственность болгарской социал-демократии. «История всех стран свидетельствует, — отмечал В. И. Ленин, — что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.»⁸⁵. Проникновение идей научного социализма в рабочую среду, воспитание пролетариата в духе марксизма, пробуждение его классового сознания становится неотложной задачей, выполнить которую могла только революционная социал-демократическая партия.

Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев и другие болгарские революционные социал-демократы, как отмечалось, с самого начала своей деятельности отстаивали необходимость утверждения пролетарского характера партии и неизменно руководствовались идеей, что главная задача партии — пробуждать и развивать классовое сознание пролетариата, содействовать его организации, превращению его в сознательную, организованную, сплоченную вокруг авангарда (в лице самой партии) силу⁸⁶. Они неустанно и систематически пропагандировали эти идеи любыми средствами.

По инициативе Г. Киркова, приложившего для достижения поставленной цели присущие ему энергию и организаторский талант, в 1897 г. была основана специально для пропаганды социалистических идей среди пролетарских масс газета «Работнически вестник»,

ставшая органом Болгарской рабочей социал-демократической партии и сыгравшая большую роль в деле формирования классового сознания болгарских рабочих. Вложив всю силу своего литературного мастерства в издание газеты; Г. Кирков долго оставался ее редактором⁸⁷. В том же 1897 г. стал выходить в качестве научно-теоретического и общественно-политического органа партии журнал «Ново време», сыгравший большую роль в развитии марксистской теории в Болгарии и ее популяризации среди передовых рабочих. Основателем и бессменным редактором журнала (вплоть до прекращения его издания в сентябре 1923 г.) был Д. Благоев.

По мере своих сил и возможностей революционные социал-демократы стремились подчинить выполнению названной главной задачи деятельность различных рабочих ассоциаций (поскольку им удавалось охватить их своим влиянием). Неутомимая, активная и настойчивая работа болгарских революционных социал-демократов привела к тому, что в отдельные слои и организации рабочих постепенно стали проникать идеи научного социализма. Сами рабочие объединения, их характер и направленность мало-помалу начинают меняться. Раньше, в 90-е годы, среди рабочих организаций преобладали взаимовспомогательные товарищества, кассы и кооперативные ассоциации. С начала XX в. стали чаще возникать синдикаты — профессиональные организации рабочих более высокого уровня, чем кассы и взаимовспомогательные товарищества. Они отражали более осознанное тяготение рабочих к защите своих интересов. Отдельные синдикаты, обладавшие соответствующими возможностями, прежде всего кадрами передовых рабочих, приобщавшихся к журналистике (типографы, телеграфисты), приступили к выпуску своих печатных изданий⁸⁸. В 1902 г. в различных городах страны (София, Пловдив, Русе, Габрово, Сливен и др.) действовало уже более 25 синдикатов (из них 10 — среди швейников, 6 — у сапожников и кожевников), охватывавших рабочих одного, а иногда и нескольких предприятий.

Появление значительного числа синдикатов свидетельствовало о складывании у части рабочих устойчивых и последовательных стремлений к объединению в целях борьбы за улучшение своего положения и о формировании у некоторых передовых рабочих, проявляв-

ших интерес к идеям социализма, классовых позиций⁸⁹. Наряду с синдикатами создавались и общие рабочие ассоциации — смешанные организации, объединявшие рабочих разных специальностей и предприятий в пределах одного города (в 1902 г. их насчитывалось 6)⁹⁰. Большинство членов синдикатов и иных рабочих ассоциаций составляли молодые рабочие (до 30 лет)⁹¹.

Пропаганда идей марксизма среди рабочих проводилась социал-демократами прежде всего с помощью рабочих клубов и библиотек-читален, действовавших в 90-х годах. В 1897—1899 гг. появилась новая форма социалистического просвещения пролетариата: по инициативе социал-демократов в Софии и Пловдиве были открыты специальные вечерние школы для рабочих. В 1902 г. таких школ (курсов) было уже 7 с общим числом учащихся в них более 400 (около половины — члены социал-демократической партии, более 75% — молодежь до 30 лет). Действовали они в основном в больших городах (София, Пловдив, Русе, Шумен и др.). Преподавали в них как общеобразовательные дисциплины (грамматику, географию, математику и др.), так и обществоведческие (историю и историю социализма, основы социализма и политической экономии и т. д.). Цель курсов была подготовить сознательных социал-демократов. Занятия на курсах вели виднейшие деятели партии (Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Бакалов, Н. Харлаков, Е. Дабев и др.), а также молодые студенты социал-демократы (Х. Кабакчиев, Д. Димитров, И. Орманов, И. Янулов и пр.)⁹².

В этот же период немалую часть времени и сил революционные социал-демократы вынуждены были уделить борьбе с оппортунистами, не оставлявшими своих замыслов изменить характер партии, приспособив ее к мелкобуржуазной среде. В конце XIX в. оппортунисты активизировали свою деятельность. Их вдохновили ревизионистские выступления Эд. Бернштейна и его последователей в других странах, а также временный переход мелкобуржуазных избирателей болгарской деревни на выборах в 1899 г. на сторону социал-демократии. Это определялось ростом недовольства крестьян в условиях стихийных бедствий (засухи, наводнений), затянувшегося аграрного кризиса и отсутствием в тот момент отдельной крестьянской партии.

В 1900 г. Я. Сакизов в нарушение решений партийного съезда о централизации партийных изданий начал выпускать журнал «Общо дело», ставший рупором болгарских оппортунистов. В нем открыто проповедовались (в противовес линии партии, проводимой в газете «Работнически вестник» и в журнале «Ново време») идеи примирения классовых противоречий и сотрудничества всех «производительных классов и слоев». Фактически «общедельцы» (другое их название — «широкие социалисты») ⁹³ относились отрицательно к пропаганде идей марксизма среди рабочих; иногда они прямо призывали сместить центр деятельности партии в мелкобуржуазные слои, поскольку не верили в потенциальную силу и возможности болгарского пролетариата ⁹⁴.

Я. Сакизов, Д. Димитров, Г. Чешмеджиев, К. Пастухов и другие представители общедельцев заявляли, что в условиях отсталой Болгарии классы (в первую очередь пролетариат) являются якобы не живой реальностью, а лишь абстрактной научной категорией, не имеют специфических конкретных интересов. Смешивая пролетариат с мелкобуржуазными трудящимися элементами (крестьянами, ремесленниками), они относили к рабочим каждого «трудящегося болгарина»; в то же время они заявляли, что не видят в болгарском пролетариате перспективной силы ⁹⁵. В своей полемике общедельцы фактически дошли до открытого разрыва с марксизмом.

Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев и их соратники В. Коларов, Т. Петров, Е. Марковски, Б. Хаджисотиров и другие революционные социал-демократы (тесные социалисты) в борьбе с широкими социалистами отстаивали пролетарский характер партии ⁹⁶; они считали важнейшей задачей партии превращение «борющихся за улучшение своего экономического положения пролетариев в сознательную и организованную силу» ⁹⁷. Тесные социалисты отмечали, что партия в последние годы «развивалась больше вширь, чем вглубь» ⁹⁸, что пробуждению классового сознания у рабочих (через профсоюзы и иные рабочие организации) уделяется недостаточно внимания, и критиковали членов партии — общедельцев за увлечение парламентаризмом, предвыборной агитацией среди ремесленников и крестьян ⁹⁹.

Правомерно выступая против стремления общедельцев повернуть партию лицом к мелкой буржуазии (к крестьянству в первую очередь), превратить её в мелкобуржуазную партию, тесняки не видели, однако, революционных возможностей крестьян — мелких собственников¹⁰⁰. После горячих споров с общедельцами на VII, VIII и IX съездах партии (в 1900—1902 гг.) были приняты решения, отвергавшие идеи о классовом сотрудничестве и подчеркивавшие пролетарский характер партии¹⁰¹.

Углублению идейной борьбы тесняков против ревизионизма широких социалистов способствовало знакомство тесняков с ленинской «Искрой». Идейная борьба в среде русских социал-демократов находила живой отклик в болгарской социал-демократии, давала аргументы и окраску спорам в Болгарии. Это определялось отчасти известным типологическим сходством социально-экономических условий и задач демократических движений обеих стран. Материалы многих номеров «Искры», которую болгарские революционные социал-демократы называли «светильником революционного марксизма», были переведены и опубликованы в печатных изданиях Болгарской рабочей социал-демократической партии — газете «Работнически вестник» и в журнале «Ново време». Одновременно в отдельных номерах «Искры» были опубликованы статьи тесняков (в том числе, две статьи Д. Благоева).

Тесняков восхищала принципиальность и революционная последовательность «Искры». Борьба «Искры» против оппортунизма, подчеркивал в 1903 г. Г. Бакалов, «является достоинством, заслугой, величием „Искры“ — этого в истинном и полном смысле слова боевого органа, редкой, чудесной, неподражаемой газеты»¹⁰². «Искра», по словам Г. Бакалова, помогла теснякам «рассеять многие туманы „широких“»¹⁰³. В своей полемике с широкими, в борьбе в защиту основ марксизма тесняки неоднократно переводили и публиковали в газете «Работнически вестник» отрывки из работы В. И. Ленина «Что делать?», направленные против международного оппортунизма¹⁰⁴. По воспоминаниям Г. Бакалова, идеи из работы «Что делать?» «несомненно, оказали влияние на болгарских рабочих»¹⁰⁵. Сыграло свою роль и сотрудничество между тесняками и искровцами, в частно-

сти на почве нелегальной транспортировки изданий «Искры» через балканские страны в Россию. Искровцев и тесняков объединяла глубокая идейная основа: борьба против оппортунизма в международном рабочем движении и его национальных разновидностей.

В конце 1902—начале 1903 г. оба течения в партии постепенно фактически обособились. В феврале 1903 г. раскололась софийская организация. Затем произошло самоопределение других местных организаций; большая их часть исключила из своих рядов отдельных общедельцев, а остальные организации разделились¹⁰⁶.

Состоявшийся в июле 1903 г. X съезд поставил вне рядов партии все организации и всех лиц, придерживавшихся платформы общедельцев (они объединились на состоявшемся несколько позже, в том же 1903 г., съезде в рамках Болгарской рабочей социал-демократической партии широких социалистов). Новый устав и резолюция о тактике утвердили принципы демократического централизма и пролетарский характер партии; она отныне фактически стала именоваться Болгарской рабочей социал-демократической партией (тесных социалистов). Съезд обязал все организации развернуть систематическую пропаганду и агитацию среди рабочих с целью «пробуждения и укрепления их классового самосознания»¹⁰⁷, рекомендовал им приложить все усилия для организации пролетариата в профсоюзах на классовой основе¹⁰⁸. В изданном в августе 1903 г. в связи с разрывом с общедельцами «Манифесте к болгарским рабочим» ЦК партии тесных социалистов заявлял: «Мы верим в будущую мощь болгарского пролетариата, мы верим в торжество социализма в Болгарии»¹⁰⁹.

Удар, нанесенный по болгарским оппортунистам X съездом, был положительно оценен международной революционной социал-демократией; в большой статье о X съезде ленинская «Искра» отметила решительность и принципиальность тесных социалистов — «благоевцев» — в их борьбе с оппортунистами-общедельцами¹¹⁰. Так, на X съезде в 1903 г. были закреплены теоретические и организационные основы марксистской партии болгарского пролетариата.

В условиях отсталой крестьянской страны, какой была Болгария в начале XX в., отстоять партию как авангард рабочего класса было чрезвычайно трудно.

«...Нелегко поднять пролетариат до положения мощной общественной силы, — писал в 1903 г. Д. Благоев. — Требуется глубокая вера в развитие нашей страны, в развитие пролетариата, требуются постоянство, терпение, преданность и энтузиазм»¹¹¹. Теснякам была присуща непоколебимая вера в перспективы болгарского пролетариата, основанная на понимании законов развития капиталистического общества, преданность делу освобождения рабочего класса, энергия и последовательность в отстаивании своих позиций, и им удалось сохранить и укрепить пролетарскую партию, в чем и состояла их историческая заслуга перед рабочим классом и страной. Благодаря этому формирование пролетарского авангарда в Болгарии поднялось на новую ступень. Перемены в авангарде создавали благоприятные предпосылки для последующих изменений в самом рабочем классе.

§ 2. Рост стачечной борьбы и организованности пролетариата.

Роль революционной социал-демократии

Разрыв революционных социал-демократов с оппортунистами, утверждение революционной марксистской партии тесных социалистов были значительной вехой в становлении и развитии авангарда болгарского пролетариата, в его деятельности, направленной на пробуждение классового сознания широких рабочих масс. Отныне революционные социал-демократы, тесняки, могли уделить гораздо больше внимания конкретным вопросам организации и классового воспитания болгарского пролетариата. Они сосредоточили свои усилия прежде всего на укреплении и объединении профсоюзов, тесно связанных с партией и работавших под ее идейным руководством. Раскритиковав в решениях X и XI съездов (в 1903—1904 гг.) и в печати оппортунистические идеи широких социалистов о «свободном синдикализме», тесняки осудили теорию нейтральности профсоюзов в политической борьбе¹¹², ибо она толкала «профсоюзы на путь профессиональной ограниченности и под влияние буржуазных фракций»¹¹³. «Свободный синдика-

лизм», — подчеркивал Д. Благоев, — это не что иное, как рабочее движение, свободное от социализма»¹¹⁴.

Борьба тесняков против теории «нейтралитета профсоюзов» сближала их с большевиками и другими левыми социал-демократами во II Интернационале.

По инициативе партии тесняков в июле 1904 г. все профессиональные организации — синдикаты, секции и ассоциации, находившиеся под ее руководством (в первую очередь в таких промышленных центрах, как Пловдив, Сливен, Габрово, Варна, Русе и др.), — объединились в одну организацию — Общий рабочий синдикальный союз (ОРСС).

Объединение классовых профессиональных ассоциаций рабочих в рамках ОРСС, организационно связанного с революционно-марксистской партией тесняков и действовавшего под ее идейным руководством, отражало серьезные перемены в рабочем и профсоюзном движении страны: членство в рядах классовых профсоюзов предполагало более высокий уровень сознания, чем членство в недавно еще господствовавших в рабочем движении кассах взаимопомощи. Вместе с тем создание ОРСС явилось важным этапом в развитии профсоюзного движения страны, содействовавшим дальнейшему формированию классового сознания пролетариата. В противовес ОРСС общедельцы на платформе «нейтралитета профсоюзов» создали в августе 1904 г. так называемый свободный ОРСС, состоявший из реформистских синдикатов (Софии и некоторых других городов) и фактически примыкавший к Болгарской рабочей социал-демократической партии широких социалистов¹¹⁵.

В этот же период тесняки активизировали свою деятельность, непосредственно направленную на формирование и углубление классового сознания рабочих. Эта задача была конкретизирована в специальных решениях X, XI, XII, XIV и XVI съездов партии, состоявшихся в 1903, 1904, 1905, 1907 и 1909 гг.¹¹⁶ С целью пропаганды научного социализма и поднятия общего образовательного и культурного уровня пролетариев, согласно решениям съездов, постепенно под руководством местных партийных комитетов создавалась и расширялась сеть разнообразных организаций. Формировались прежде всего культурно-просветительные комиссии, задачей которых было руководство деятельностью партийных клу-

бов и читален, марксистских рабочих кружков и товариществ по самообразованию, вечерних рабочих курсов и школ и т. п.¹¹⁷

Наиболее распространенным типом организаций, учреждавшихся для пропаганды социалистических идей среди беспартийных рабочих и отчасти молодых членов партии из рабочих, были просветительные объединения и группы. Они появились в таких городах, как София, Пловдив, Русе, Варна, Сливен, Бургас, Видин, Кюстендил, Ески Джумая (ныне — Тырговиште), Стара Загора, Ямбол, Станимака, Перник, Дупница, Самоков, Свиштов, Шумен и др., и в отдельных крупных селах (Шипка и др.); большинство членов этих организаций составляла молодежь¹¹⁸. Образцом послужило созданное еще 25.II 1903 г. по инициативе Г. Киркова софийское просветительное общество «Класово съзнание». Оно охватило вначале свыше 100 человек (почти исключительно молодые рабочие); секретарем общества был избран молодой печатник Г. Димитров (тогда ему не исполнилось и 21 года, но он имел уже опыт участия в рабочем движении)¹¹⁹.

В рамках софийского общества «Класово съзнание» в рабочем клубе Софии в 1903 г. действовала вечерняя школа для рабочих. В ней читали лекции руководители партии (Д. Благоев, Г. Кирков, Г. Георгиев, Х. Кабаchieв, Г. Бакалов, Т. Петров и др.). Как и в ранее существовавших вечерних рабочих школах, в ней преподавались общеобразовательные и обществоведческие дисциплины¹²⁰. По ряду предметов в школе практиковалось обсуждение прочитанных лекций. С течением времени к ведению занятий стали привлекаться и отдельные, наиболее подготовленные слушатели, выступавшие с самостоятельными рефератами. Первым из состава слушателей начал вести занятия в школе Г. Димитров; избранный в 1904 г. членом и делопроизводителем руководящего комитета ОРСС, он вел беседы по практике профсоюзной работы¹²¹. Аналогичные вечерние курсы для рабочих действовали в 1904 г. также в Пловдиве, Варне и Стара Загоре¹²²; позже они были созданы в Русе и некоторых других, наиболее крупных городах¹²³.

В небольших городах местные организации тесняков не имели сил и возможностей для создания вечерних

рабочих курсов-школ. Политико-воспитательная работа среди пролетариев проводилась там в рамках марксистских рабочих кружков по самообразованию. Названные кружки, действовавшие под руководством энтузиастов — членов партии тесняков, много сделали в области воспитания передовых рабочих. Как свидетельствуют современники, кружки отвлекали рабочих от бесцельной траты времени, пьянства, азартных игр и безделья. «Маркс, Энгельс и Плеханов, — вспоминает один из ветеранов рабочего движения, участник одного из кружков, — давали нам оптимистическое мироощущение. Мы привыкли анализировать явления и события более углубленно, становились стойкими в преодолении жизненных трудностей... Поднимаясь над окружающей нас нищетой, мы не страдали от нее, так как борьба приносила нам счастье... Кружок научил нас быть преданными делу пролетариата и марксизма. Каждый из нас твердо и непоколебимо верил в торжество наших идей. Дело, которому мы себя отдали, было возвышенным. Оно заслуживало, чтобы человек посвятил ему свою жизнь».¹²⁴

Другой распространенной формой просвещения были лекции и беседы на базе партийных (или, как их еще называли, «рабочих») клубов и библиотек-читален, чаще всего в рамках упомянутых просветительных объединений и групп. О характере деятельности этих клубов имеется свидетельство габровского врача П. Цончева, далекого от революционного рабочего движения. Он, констатируя целенаправленность «духовной пищи» в рабочих клубах, отмечал, что эта «духовная пища» «...имеет единственную цель — подвести рабочих к классовому сознанию, объединить их»¹²⁵. Планомерно поощряя самообразование пролетариев, тесняки прилагали большие усилия для развертывания широкой сети просветительных точек и добились в этом направлении немалых результатов: уже в 1905 г. в стране насчитывалось 29 руководимых партией рабочих библиотек-читален и клубов¹²⁶.

Тематика лекций, рефератов и бесед (с последующими обсуждениями) была разнообразной; чаще всего слушателей интересовали насущные проблемы болгарского и международного рабочего и социалистического движения, а также вопросы исторического материализ-

ма; иногда читались и лекции общекультурного профиля. В лекциях и беседах, проводившихся тесняками (как и в ходе занятий в воскресных и вечерних рабочих школах и в кружках самообразования) пропагандировались принципы революционного социализма и пролетарского интернационализма, идеи последовательной классовой борьбы с буржуазией, непримиримость к оппортунизму. Для освещения сложных и специальных тем местные организации небольших городов нередко приглашали лекторов из Софии или близлежащих крупных городов. Руководители партии тесняков (в первую очередь Г. Кирков, а позднее Г. Димитров) не только вели преподавание в софийской вечерней школе, но и часто выезжали в отдаленные места и выступали перед рабочей аудиторией¹²⁷. Они придавали огромное значение делу классового воспитания болгарского пролетариата. «Наши партийные руководители, — вспоминает один из ветеранов, — умели ценить деятелей из среды интеллигенции, которые верно служили рабочему классу. Но самые прочные гарантии они видели в воспитании борцов из среды рабочего класса»¹²⁸.

Пропаганду идей социализма тесняки вели и непосредственно в рамках профсоюзных организаций, считая, что «классовое воспитание пролетариев», как заявил в выступлении перед рабочими Софии 13.III 1905 г. Г. Кирков, «является одной из важнейших сторон деятельности профсоюзов»¹²⁹. К примеру, созданный в апреле 1904 г. синдикат швейников Софии периодически организовывал беседы и рефераты на темы о рабочей солидарности, о целях, формах и методах борьбы пролетариата и т. п.¹³⁰ Аналогичные темы обсуждались и в других профсоюзных организациях, а также и в существовавших во многих городах кружках или товариществах по самообразованию рабочих, действовавших под руководством местных партийных организаций¹³¹. В частности, в кружке по самообразованию пролетариев в Ески Джумая за период с июня по декабрь 1904 г. было проведено 18 собраний с обсуждением рефератов¹³².

Много внимания уделяли тесняки вопросам интернационального, а также атеистического воспитания пролетариата: «Освобождение рабочего класса, — указывалось в принятой на XI съезде в 1904 г. программе

партии, — есть дело, в котором принимают участие соответственно своим силам рабочие всех цивилизованных стран. Сознывая это, Болгарская рабочая социал-демократическая партия чувствует и заявляет о своей солидарности с классово сознательными рабочими во всех других странах»¹³³. В газете «Рабочий вестник» и в журнале «Ново време» систематически публиковались статьи и заметки, разоблачавшие религиозное мракобесие и шовинизм, популяризовавшие классовую борьбу рабочих зарубежных стран, пропагандировавшие идеи пролетарского интернационализма¹³⁴.

Большой интерес у болгарских рабочих вызывали события в России. Сюда в связи с нараставшей на рубеже XIX—XX вв. революционной борьбой российского пролетариата и всех трудящихся и эксплуатируемых перемещался центр мирового революционного движения¹³⁵.

С огромной радостью и энтузиазмом встретила партия тесняков и сознательные болгарские рабочие весть о начале революции в России. Еще в январе 1905 г. ЦК БРСДП тесняков через газету «Рабочий вестник» открыл подписку в поддержку революции в России. В том же номере газеты ее редактор Г. Георгиев писал: «Дело русского пролетариата есть дело рабочих всех стран... Международный пролетариат радуется и торжествует по поводу любого успеха своих русских братьев»¹³⁶. Состоявшийся в августе 1905 г. XII съезд тесняков принял специальную резолюцию, в которой приветствовались участники российской революции¹³⁷. По всей стране — в Софии и Тырново, Панагюриште и Татар Пазарджике, Ямболе и Бургасе, Станимаке и Плевене и во многих других городах — на собраниях и митингах рабочие с жадностью слушали докладчиков о революционных событиях в России¹³⁸. В газете «Рабочий вестник» тесняки отмечали огромное международное значение революции в России и подчеркивали роль пролетариата в ней¹³⁹.

Революционная борьба в России, в первую очередь героическое вооруженное восстание в декабре 1905 г. в Москве и других городах, оказала большое влияние на болгарский пролетариат. Она содействовала пробуждению классового сознания широких рабочих масс Болгарии, их борьбе против эксплуатации. Именно на

1905—1906 гг. приходится значительные выступления болгарского пролетариата в различных формах. Этим выступлениям предшествовало происшедшее в 1904—1905 гг. снижение реальной заработной платы, также послужившее определенным импульсом к борьбе¹⁴⁰. В течение 1905 г. забастовки объявляли рабочие различных предприятий: печатники Софии и булочники Пловдива, табачники Хасково и Варны, текстильщики Габрово, швейники Пазарджика и столяры Свиштова, кожевники Софии и слесари Плевена и т. д. В событиях революционной борьбы пролетариев и всех трудящихся России, отмечал в воспоминаниях Ю. Милев, один из ветеранов болгарского рабочего движения, «черпали мы энтузиазм и веру в правое дело пролетариата и марксизма»¹⁴¹.

Кульминационным моментом этого периода борьбы болгарских рабочих явилась массовая стачка пролетариев Софии 12(25).XII 1905 г. с демонстрацией протеста против реакционного антирабочего закона и с призывами к солидарности с революцией в России. Двадцать дней спустя вспыхнула длившаяся неделю стачка рабочих железнодорожных депо и мастерских ряда городов Болгарии. В ходе многих стачек рабочие выступали с политическими требованиями — «Да здравствует русская революция!», «Требуем рабочего законодательства!» и др.¹⁴² По поводу стачки рабочих железнодорожных депо в январе 1906 г. даже реакционная газета «Мир» писала, что болгарские железнодорожники начали действовать «русскими методами», и отмечала, что рабочие поднялись на борьбу, имея перед собой пример революции в России¹⁴³.

В 1906 г. и в течение первой половины 1907 г. стачечное движение болгарского пролетариата не затихало. На борьбу поднимались рабочие Станимака и Ямбола, кожевники Габрово, портовые рабочие Бургаса и Варны, деревообделочники Пловдива, Шумена и Балчика, металлисты и трамвайные рабочие Софии, рабочие на стройке железных дорог Сливен—Кашлякой и Борушница—Стара Загора и т. д. Крупнейшими стачками этого периода были забастовки шахтеров Перника в 1906 и 1907 гг. и общая стачка железнодорожников в 1906 г.

В ходе стачек, проходивших в годы революции в России, росла организованность и моральная стойкость

бастующих, солидарность всего пролетариата. Особенно это проявилось во время первой забастовки шахтеров Перника летом 1906 г. Стачка шахтеров была протестом против невыносимых условий труда (11-часовой рабочий день при низкой и нерегулярной зарплате и частых штрафах). Поднявшийся на борьбу тысячный коллектив неорганизованных шахтеров был немедленно поддержан тесняками. На помощь им была направлена большая группа опытных партийных организаторов и агитаторов (В. Мулетаров, Т. Луканов, И. Орманов, Л. Дюгмеджиев, Р. Крайчев и др.) во главе с Г. Кирковым и Г. Димитровым. В поддержку бастующим были переведены значительные средства, собранные партией среди пролетариев страны. По инициативе тесняков по всей Болгарии были проведены демонстрации, собрания и митинги солидарности с шахтерами. Три такие встречи солидарности, на которые прибыли большие группы софийских рабочих, состоялись в самом Пернике. Под давлением администрации и полиции, активно ей помогавшей, рабочие были вынуждены отступить. Их завоеванием был созданный в ходе забастовки синдикат шахтеров, положивший начало их более организованной борьбе¹⁴⁴.

Революционные события в России, непосредственные контакты с российскими революционерами, а также широко проникавшая в Болгарию из России марксистская литература — все это играло большую роль в формировании классового сознания болгарского пролетариата. «Самые лучшие кадры рабочей интеллигенции, — отмечал Г. Димитров, — воспитывались под влиянием русской марксистской литературы, с одной стороны, и героической борьбы русских революционеров против царизма, буржуазии и оппортунизма — с другой»¹⁴⁵.

В эти же годы активизировалась деятельность партии тесняков по воспитанию рабочих масс. Регулярно и повсеместно отмечали тесняки праздник Первое мая как день международной пролетарской солидарности¹⁴⁶. Число рабочих, принимавших участие в годы революции в России в первомайских собраниях, митингах и манифестациях, возросло¹⁴⁷; в последующие годы численность пролетариев — участников первомайских празднеств продолжала нарастать¹⁴⁸.

Одной из получивших в этот период широкое распространение форм просветительной и пропагандистской

деятельности тесняков были своеобразные «вечеринки», имевшие большой успех у рабочих; обычно они устраивались в субботу, иногда — в воскресенье и в праздничные дни. Их подготовкой и проведением занимались комиссии, специально созданные для этой цели при местных партийных и профсоюзных организациях¹⁴⁹.

Открывались вечера обычно лекцией или докладом на темы общественно-политического или общекультурного содержания; к примеру, вечер рабочих в софийском партийном клубе в декабре 1904 г. начался лекцией Д. Благоева на тему «Пролетариат и искусство»¹⁵⁰. За лекцией следовали выступления артистов-любителей; как правило, концерт состоял из драматических композиций по произведениям классиков болгарской и мировой художественной литературы: инсценировались (часто в сокращенном виде) рассказы и пьесы И. Вазова, А. Константинова («Бай Ганю производит выборы»), А. П. Чехова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Андреева, Ф. Шиллера («Разбойники») и других писателей.

Большим успехом пользовались декламации произведений с революционно-демократическими и социалистическими идеями — Хр. Ботева, П. Яворова, Г. Гейне («Ткачи»); С. М. Степняка-Кравчинского и др.¹⁵¹ Особенно популярными у рабочих Болгарии (как и многих других стран) были в это время произведения М. Горького («Песня о Буревестнике», сцены из пьесы «На дне», «Мать» и др.)¹⁵², театрализованные представления на темы русской революции (в том числе о Декабрьском вооруженном восстании), а также и драма Г. Гауптмана «Ткачи» (вместе с песней силезских ткачей «Кровавый суд», получившей название «Марсельезы ткачей»)¹⁵³. Написанная в 1891 г., переведенная Г. Георгиевым на болгарский язык и изданная в Варне в 1899 г. тиражом в 3 тыс. экземпляров¹⁵⁴ драма Г. Гауптмана инсценировалась (в сокращении) с большим успехом на рабочих вечерах в Софии, Варне, Сливене и других городах¹⁵⁵. Из декламировавшихся на вечерах произведений болгарских авторов особенно популярными были сатирические рассказы-фельетоны Г. Киркова и стихотворение Д. Полянова (одного из основоположников болгарской пролетарской литературы) «Низвергнутые кумиры»¹⁵⁶. Возникшие в этой связи в Софии, Пловдиве, Варне, Сливене, Русе, Ломе, Кюстендиле, Стара Загоре, Айтосе

и в ряде других городов периодически выступавшие в клубах самодеятельные рабочие театральные труппы сыграли, по свидетельству современников, важную роль в воспитании передовых и сознательных пролетариев¹⁵⁷.

Наряду с инсценировками пьес и рассказов, декламацией стихов и чтением фельетонов неизменным элементом художественной части рабочих вечеров были музыкальные номера. Открывались вечера исполнением струнным оркестром или хором болгарских пролетарских песен «Дружная песня» и «Рабочий марш» (обе написаны Г. Кирковым и положены на музыку Г. Горановым и Э. Маноловым)¹⁵⁸ и международного пролетарского гимна «Интернационал». Звучали также народные и революционные песни и гимны: «Марсельеза» (и один из наиболее известных ее русских вариантов — «Рабочая Марсельеза»), «Варшавянка», «Красное знамя», итальянский «Рабочий марш», «Смело, товарищи, в ногу!», «Дубинушка» (позднее стали петь ее новый вариант под названием «Машинушка» с подчеркнuto пролетарским характером текста). Все зарубежные песни (включая французские, итальянские и польские) и гимны исполнялись до Октябрьской революции, за отсутствием болгарских переводов, на русском языке¹⁵⁹.

На вечеринках царила непринужденная и товарищеская обстановка. Здесь (как и вообще в обращении передовых рабочих между собой) звучало не «господин», а «товарищ» (по-болгарски «другар»). Вечера, свидетельствовал один из ветеранов, «создавали теплую сердечную атмосферу для посещавших их рабочих и рабочих, укрепляли пролетарскую солидарность. Здесь все: болгары, русские, бежавшие от лап царской полиции и жандармов, евреи, армяне, греки, турки — чувствовали себя равноправными товарищами, братьями...»¹⁶⁰. Оканчивались вечеринки танцами и лотереей (в качестве призов были книги на революционные темы и издания классиков художественной литературы). Иногда на вечерах выступали и члены молодежных спортивных групп, исполнявшие гимнастические упражнения¹⁶¹. Некоторые вечера устраивались за небольшую плату — собранные средства шли в пользу бастующих рабочих¹⁶². «Вечеринки, — писал Г. Ковачев, один из ветеранов, активных деятелей рабочего движения Болгарии того времени, — удовлетворяли наши духовно-культурные

потребности. Партия использовала их для воспитания рабочих, для предохранения их от шовинистической и религиозной отравы и от широкосоциалистического „эрзац“-социализма. С помощью вечеринок мы привлекали рабочую молодежь, отрывая ее от зловредного влияния буржуазных танцевальных, спортивных, культурных и прочих объединений»¹⁶³. Летом вместо вечеринок партийные организации часто устраивали загородные экскурсии.

Особое внимание, как уже отмечалось, тесняки обращали на классовое воспитание молодых рабочих, на необходимость чего специально обращалось внимание XIII съездом БРСДП в 1906 г.¹⁶⁴ С этой целью начали создаваться в Софии, Русе, Варне и в других городах отдельные молодежные спортивно-гимнастические кружки и объединения («Младеж», «Сокол», «Борец» и др.); в них занятия спортом сочетались с социалистическим просвещением¹⁶⁵. Наиболее значительные пролетарские молодежные спортивные объединения возникли в рабочих кварталах Софии (Юч Бунар, Коньовица, Лозенец, Подуене и др.)¹⁶⁶. Позднее, в 1912 г., на базе названных молодежных кружков и объединений была создана болгарская пролетарская молодежная организация — действовавший под руководством партии тесняков Союз рабочей социал-демократической молодежи во главе с Л. Кандевым (1879—1925) и В. Ленковым (1884—1925)¹⁶⁷.

В конце первого десятилетия XX в. тесняки, стремясь к разнообразию в формах организации и сплочения рабочих, стали устраивать встречи пролетариев соседних или близлежащих городов (Хасково и Харманли, Габрово и Севлиево, Берковица и Враца и т. д.)¹⁶⁸.

Поставив перед собою задачу способствовать пробуждению классового сознания пролетариата, его духовному развитию, тесняки в процессе своей деятельности стремились решить эту задачу как можно более широко. Они не только пропагандировали среди рабочих идеи марксизма, обучали их грамоте, но и старались познакомить пролетариев с культурными ценностями, содействовали, как отмечалось, созданию рабочих театраль-но-драматических трупп, музыкально-хоровых коллективов и т. п.

Практическая культурно-просветительная работа партии тесняков велась в органической связи с активностью на культурно-теоретическом фронте крупнейших ее интеллектуальных представителей. Руководители тесняков хорошо понимали важность и значение теории. Опираясь на труды Ф. Энгельса и работу В. И. Ленина «Что делать?», Д. Благоев еще в 1902 г. в полемике с общедельцами сформулировал, что борьба пролетариата только там приведет к прочным завоеваниям и победе, где она планомерно ведется в трех согласованных между собой направлениях — теоретическом, политическом и экономическом¹⁶⁹. Вдохновленные историческими перспективами пролетариата, его социально преобразующей ролью идеологи и публицисты партии в борьбе с буржуазными апологетами неокантианства и «чистого искусства», а также в полемике с проповедниками реформистских концепций решительно отстаивали (прежде всего через журнал «Ново време» и газету «Работнически вестник») теоретические основы марксизма, марксистские принципы и взгляды в различных областях теории и общественнознания¹⁷⁰.

Осмысливая с позиций научного социализма насущные проблемы болгарской действительности в своих оригинальных историко-экономических, литературно-критических, философско-эстетических, педагогических и иных произведениях, болгарские марксисты Д. Благоев, Г. Кирков (1867—1919), Г. Георгиев (1870—1917), Г. Бакалов (1873—1939) и их (в большинстве своем молодые) соратники Х. Кабакчиев (1878—1940), В. Коларов (1877—1950), Г. Димитров (1882—1949), Т. Петров (1879—1924), Е. Марковский (1873—1923), Б. Илиев (1881—1936), В. Благоева (1858—1921), Л. Кандев (1879—1925), Т. Стоилов (1879—1925), Б. Хаджисотиров (1872—1923) и др. давали ответ на многие злободневные вопросы и тем самым поднимали авторитет марксизма и рабочего класса, их роль в духовной жизни страны.

Особое значение в этом отношении имело создание Г. Кирковым, Д. Поляновым и другими деятелями рабочего движения произведений художественной литературы (фельетонов, басен, стихов, поэм и т. д.), музыкальной и иной культуры, появление рабочего театра. В процессе классовой борьбы параллельно и в тесной связи с изме-

нениями в социальной психологии и сознании нового класса (пролетариата) в результате активной деятельности главным образом руководителей партии тесняков и ее представителей складывалась идеология болгарского пролетариата, рождались элементы молодой социалистической культуры, интернационалистской по своей сущности¹⁷¹. Таким образом проявлялась созидательная роль рабочего класса в духовной жизни общества, в развитии и укреплении демократической культуры.

Широкие социалисты также вели пропагандистско-просветительную работу среди пролетариев¹⁷², хотя и не столь целеустремленно и систематически, как тесняки. Их различало и другое: пропагандистско-просветительная деятельность широких социалистов по своей сущности была социал-реформистской, протекала с позиций абстрактно-социалистических (фактических, общедемократических) идей, в отрыве от политической борьбы; одна из брошюр, изданных общедельцами в этой связи, называлась, к примеру, «Через просвещение к свободе»¹⁷³.

Партия тесняков, как и революционные социал-демократы других стран, стремилась связать свою культурно-просветительную работу с революционной агитацией и пропагандой, с задачами пробуждения и развития классового сознания пролетариата, с борьбой за его освобождение. «Рабочий класс крайне заинтересован в просвещении, — отмечалось в статье Т. Петрова, одного из видных партийных публицистов рассматриваемого времени, — чтобы иметь возможность осуществить те задачи, которые на него возлагает история»¹⁷⁴.

Как известно, В. И. Ленин разоблачал порочность реформистских тезисов о том, что необходимо дожидаться, пока рабочий класс поднимет свой образовательный уровень, прежде чем вести среди него революционную пропаганду, и подчеркивал, что подлинного просвещения и подлинной сознательности масс нельзя добиться без их активного участия в борьбе за свое освобождение¹⁷⁵. «Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, — подчеркивал В. И. Ленин, — только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю»¹⁷⁶.

Тесняки были близки к ленинскому пониманию этой проблемы. «Рабочий класс, — отмечал Д. Благоев, — может расти и стать силой только в борьбе»¹⁷⁷. Один из ветеранов партии тесняков вспоминал: «Основная задача социалистической партии — таково было кредо Д. Благоева — пробуждать классовое сознание у рабочих, организовывать и просвещать их, чтобы они были готовы в решительный момент на выступления против классового врага...»¹⁷⁸. Будучи приверженцами беспромиссной классовой борьбы, сторонниками революционной тактики, тесняки исходили из представления, что перед болгарским пролетариатом в перспективе стоит историческая задача совершения социальной революции¹⁷⁹, и не ограничивались просветительством, агитацией и пропагандой. Они хорошо понимали, что повышение образовательного и культурного уровня рабочих и пропаганду среди них марксизма необходимо сочетать с решительной и непримиримой политической борьбой, в ходе которой в первую очередь и решается проблема настоящего классового воспитания рабочих. Огромное внимание они уделяли практически-организаторской работе среди пролетариата (прежде всего в профсоюзах), руководству стачечной борьбой и другими формами классовой борьбы (митингами, демонстрациями и т. д.). В цитированном выше документе «Манифест к болгарским рабочим» ЦК Болгарской рабочей социал-демократической партии тесных социалистов 1903 г. утверждалось, что «непримиримая классовая борьба есть единственная атмосфера, в которой он (пролетариат. — М. Б.) должен быть воспитан и организован»¹⁸⁰.

По инициативе партии тесняков в конце первого десятилетия вместо преобладавших в начале века локальных синдикатов и смешанных профсоюзных ассоциаций были созданы централизованные производственно-отраслевые профсоюзы.

На протяжении 1907—1909 гг. были сформированы: профсоюз печатников (создан в 1907 г., руководители профсоюза в предвоенные годы Г. Димитров, К. Данев, А. Захариев и др.), профсоюз швейников (1907 г., руководители Л. Ивошевич-Димитрова, А. Гогов и др.), кожевников (1907 г., Р. Димитров, центр находился в Пловдиве), металлороботников (конец 1907 г., А. Иванов), торговых служащих (с 1908 г., Я. Нисимов), тек-

стильщиков (с 1908 г., руководители А. Каварджиков, И. Куюмджиев, С. Армянов, центр находился в Сливене), табачников (в 1908 г., Н. Господинов, центр в Пловдиве), деревообделочников (с 1909 г., М. Хлебаров), портовых рабочих (с 1909 г.), рудокопов и шахтеров (с 1909 г., руководители Тодор Димитров, позднее Г. Димитров). В создании названных профсоюзов самое активное участие приняли руководители партии тесняков и ее виднейшие представители: Г. Кирков — в образовании союза текстильщиков, Г. Димитров — в создании союзов печатников и рудокопов и шахтеров, В. Коларов — в формировании союза табачников и т. д. Синдикаты наемных рабочих пищевых, химических, бумажных промышленных предприятий вместе с некоторыми другими малочисленными группами фабричных рабочих (объединенных ранее главным образом в смешанных синдикатах) основали в 1910 г. Союз фабричных и иных рабочих (руководители В. Падин, Ж. Димитров)¹⁸¹. В 1911 г. на базе названного союза портовиков и существовавших ранее отдельно двух синдикатов (железнодорожников и почтово-телеграфных работников) возник Союз транспортных работников (руководитель Др. Коджейков)¹⁸². Создание централизованных производственных профсоюзов означало новую, более высокую ступень организации пролетариата.

Все названные профессиональные союзы рабочих вместе с Союзом торговых служащих и продолжавшими существовать некоторыми отдельными синдикатами объединялись в рамках ОРСС, товарищества революционных профсоюзов, тесно связанного с партией тесняков и находившегося под ее идейным руководством. Кроме того, под непосредственным руководством партии действовали две самостоятельные социал-демократические организации (учителей и служащих государственных и муниципальных учреждений), не входившие в ОРСС. Каждый из профсоюзов издавал свою газету, выходившую, как правило, раз в месяц (изредка — дважды в месяц) тиражом от 800 до 1500 экземпляров.

В 1910 г. выходило 13 следующих газет, органов революционных отраслевых профсоюзов (все они, исключая оговоренные, издавались в Софии): «Печатарски работник» (издавалась с 1906 г. под названием «Печатар», в предвоенные годы ее редактор — Г. Димитров),

«Телеграфно-пощенски работник» (с 1903 г., Д. Коджейков), «Железничар» (с 1905 г., Я. Иванов), «Текстилен работник» (с 1908 г., в Сливене, Ю. Данчев), «Рудничар» (с 1909 г., Г. Димитров, Я. Иванов), «Кожаро-обушар» (с 1908 г., вначале в Габрово и Плевене, с 1910 г. в Пловдиве; Т. Луканов, с 1910 г. — Н. Господинов), «Тютюнороботник» (с 1908 г., в Пловдиве, Н. Господинов), «Шивашки работник» (с 1909 г., Л. Ивошевич-Димитрова, Б. Гогов, И. Тутмаников), «Металороботник» (с 1910 г., А. Иванов), «Дърводелски работник» (с 1910 г., М. Хлебаров), «Пристанищен работник» (с 1910 г., в Варне, С. Бочваров, Д. Попов), «Търговски служащ» (с 1910 г., И. Ботушаров), «Фабричен работник» (с 1910 г., В. Падин, Ж. Димитров). Наряду с ними названные социал-демократические организации учителей и служащих государственных и муниципальных учреждений издавали газеты «Учителски глас» (с 1905 г., Т. Стоилов, Л. Кандев) и «Служащ» (с 1909 г., сначала в Шумене, с № 13 в Софии, А. Шишков, Бр. Илиев)¹⁸³.

На первых порах в подготовке наиболее ответственных материалов для профсоюзных газет принимали участие руководители партии тесняков: например, программную статью для первого номера газеты «Рудничар» написал Г. Кирков. Своей главной задачей редакции газет поставили формирование классового сознания рабочих, чтобы «превратить их в достойных борцов за свои интересы и за окончательное освобождение от эксплуатации и рабства...»¹⁸⁴. Постепенно в издании газет, в особенности в освещении таких тем, как положение и условия труда пролетариев и деятельность профсоюзов, все большую роль стали играть заметки и письма рабочих с мест. Вместе с газетой «Работнически вестник» (с 1911 г. она стала ежедневной и превратилась в наиболее популярную среди пролетариата и одну из самых распространенных в стране газет) профсоюзная печать играла значительную роль в деле классового воспитания рабочих.

Задачам пропаганды социалистических идей среди трудящихся, формирования у пролетариата классового сознания была подчинена вся издательская деятельность партии тесняков. Кроме рабочей печати, с помощью специального, принадлежавшего партии книжного мага-

зина («книжарницы»), имевшего и издательские функции, публиковалась разнообразная переводная (прежде всего труды К. Маркса, Ф. Энгельса и их соратников, последователей и учеников из разных стран) и оригинальная, написанная партийными публицистами литература. Книги выпускались сериями, так называемыми библиотеками — Рабочая библиотека, Синдикальная библиотека, Научная библиотека, Малая библиотека для мыслящих рабочих «Классовая борьба пролетариата», Рабочая библиотека «Отдых», Парламентская библиотека, Женская рабочая библиотека и т. п. Издавались также ежегодный «Красный народный календарь» и отдельные специализированные календари, иллюстрированные (почтовые и иные) карточки с репродукциями картин на социально-революционные темы или с портретами выдающихся деятелей международного и болгарского рабочего движения и мировой культуры.

Все это содействовало росту рядов ОРСС. Общая численность членов ОРСС увеличилась с 1850 в 1904 г. до 5,4 тыс. в 1910 г.; при этом доля промышленных рабочих в составе членов ОРСС выросла с 28% в 1904 г. до 52,7% в 1910 г. Доля же ремесленных рабочих среди членов ОРСС за те же годы снизилась с 66 до 23,5%.¹⁸⁵ Изменения эти происходили на фоне охарактеризованного (в гл. II настоящей книги) процесса роста общей численности и удельного веса рабочего класса (в первую очередь промышленного пролетариата), наметившихся тенденций производственной и территориальной концентрации и территориально-отраслевой локализации отдельных категорий и групп промышленных рабочих.

Общедельцы пытались противопоставить революционным профсоюзам так называемые «свободные» реформистские профсоюзы, фактически действовавшие под руководством партии широких социалистов. В 1908—1909 гг. в ряды «свободных» профсоюзов влились члены профсоюзов из центристских групп анархо-либералов и прогрессистов, вышедших соответственно в 1905 и 1907 гг. из партии тесняков и из революционных профсоюзов и затем присоединившихся к общедельцам (в связи с этим партия широких стала претендовать на наименование партии «объединенных» социал-демократов). Число членов свободного ОРСС за этот период

несколько выросло (с 1602 в июне 1908 г. до 4 тыс. в 1910 г.)¹⁸⁶, но затем начало снижаться. С помощью созданных в 1909—1910 гг. 5 централизованных профсоюзов (швейников, типографов, деревообделочников, кожевников и сапожников, металлистов), охвативших некоторую часть ремесленных рабочих, реформисты сеяли тред-юнионистские иллюзии в их рядах.

Среди текстильщиков, табачников, горняков — важнейших отрядов промышленных рабочих страны — реформистам не только не удалось создать централизованные отраслевые профсоюзы, но даже и отдельные синдикаты. С этим было связано и то обстоятельство, что они не смогли основать сколько-нибудь значительные профорганизации в ряде промышленных городов (в том числе в таких центрах, как Сливен, Перник, Плевен, Габрово, Самоков, Бургас, Русе, Шумен, Станимака, Горна Оряховица); в некоторых из них реформистские рабочие профсоюзы фактически отсутствовали¹⁸⁷. Лишь в городах, где доля ремесленных рабочих (швейников, сапожников и кожевников, отчасти печатников и деревообделочников) в составе пролетариата была значительной или преобладающей, реформисты создали рабочие профорганизации (Тырново, София, Варна, Хасково, Видин, Провадия, Ямбол, Пазарджик и др.)¹⁸⁸.

Пытаясь компенсировать свои неудачи в среде промышленных рабочих, реформисты устремили свои взоры в сторону служащих, работников государственных учреждений. Охватив своим влиянием узкопрофессиональные чиновничье-бюрократические союзы учителей (БУС), государственных служащих, фельдшеров, железнодорожников («Железничарский союз») и телеграфно-почтовых работников, они содействовали объединению в 1909 г. названных профсоюзов государственных служащих в официально автономную федерацию под названием «Союз союзов»¹⁸⁹. Хотя создание «Союза союзов» несколько повысило настроение реформистских лидеров, некоторые центристские деятели партии широких социалистов все же признавали, что среди рабочих растет влияние партии тесняков и руководимых ею революционных профсоюзов¹⁹⁰.

Усиление влияния партии тесняков и революционных профсоюзов и одновременное уменьшение авторитета реформистов среди болгарского пролетариата подтвер-

ждается сравнением показателей динамики социального состава двух партий. В конце XIX в. болгарская социал-демократическая партия состояла в основном из передовых представителей интеллигенции и мелких ремесленников¹⁹¹. В 1901 и 1902 г. на долю наемных рабочих приходилось уже соответственно 27 и 39% членского состава партии. После разрыва тесняков с общедельцами удельный вес рабочих среди членов партии тесняков продолжал расти: в 1903 г. он был равен 41%, в 1904 г. — 51, в 1906 г. — 60,6, а в 1909 г. он достиг даже 76%¹⁹². В то же время в партии широких социалистов (или объединенных социал-демократов, как она стала именоваться с 1909 г., после объединения с центристскими группами «анархо-либералов» и «прогрессистов», вышедшими из партии тесняков) в 1909 г. на долю наемных рабочих приходилось лишь 35%¹⁹³. Таким образом, удельный вес рабочих в составе партии широких в 1909 г. был даже ниже, чем в БРСДП в 1902 г. (до раскола). Неуклонный рост удельного веса пролетариев в составе партии тесняков свидетельствовал, что в глазах передовых рабочих она стала выразительницей коренных интересов пролетариата.

Немалые сдвиги произошли при участии тесняков и в различных формах борьбы пролетариата. Забастовки, констатировал в 1907 г. буржуазный экономист, чиновник банка А. Цанков (будущий глава фашистского правительства), «стали у нас обыкновенным явлением»¹⁹⁴. Если в первом пятилетии XX в. преобладали стачки на мелких предприятиях ремесленного типа, то в следующем пятилетии на борьбу поднялись значительные отряды промышленных рабочих. В истории борьбы болгарского пролетариата навсегда памятными останутся отчасти упоминавшиеся уже крупные массовые стачки шахтеров Перника в 1906, 1907 гг. и в феврале 1908 г., забастовки железнодорожников в январе и в конце 1906 г., забастовки табачников Пловдива, Варны, Шумена и Русе в 1909—1910 гг., четырехмесячная стачка (с 26.VII по 6.XII 1909 г.) рабочих спичечной фабрики в Костенец-баня и др.

Одной из характерных стачек этого периода была забастовка 2,5 тыс. текстильщиков Сливена. Стачка вспыхнула 17.IX 1908 г. в ответ на объявленный текстильным картелем локаут, в условиях наметившейся

в стране в 1908 г. снова тенденции к снижению реальной заработной платы рабочих¹⁹⁵. Против бастующих текстильщиков были мобилизованы не только полиция Сливена и близлежащих городов. На стачечников обрушились также и священники с амвонов. На помощь текстильщикам прибыла группа деятелей партии тесняков во главе с Г. Кирковым (уделяя постоянное внимание сливенским пролетариям, он пробыл в городе в течение всей двухмесячной стачки). По всей Болгарии прошли рабочие собрания солидарности; в поддержку бастующим было собрано 5,4 тыс. левов. Денежные пожертвования и телеграммы солидарности были присланы также текстильщиками Германии, Франции, Бельгии, редакцией газеты сербских социал-демократов «Радничке новине». Хотя стачка окончилась организованным отступлением рабочих, классовое сознание текстильщиков выросло; окрепла их вера в свои силы, в солидарность болгарского и международного пролетариата¹⁹⁶.

Каждая из названных крупных стачек оставляла глубокий след в сердцах не только непосредственно участвовавших в ней рабочих и членов их семей, но и в душах пролетариев, поддержавших стачечников забастовками солидарности, в памяти рабочих, оказывавших по призыву партии и профсоюзов помощь пожертвованиями поднявшимся на борьбу против эксплуатации. Об этом свидетельствовал хотя бы тот факт, что некоторые передовые рабочие подписывали свои статьи и заметки в профсоюзной печати псевдонимами «Забастовщик», «Grevist» (от франц. слова la grève — «стачка»)¹⁹⁷.

Стачки становятся систематическими, более упорными и наступательными и часто оканчиваются победой рабочих. Изменение характера стачечной борьбы сказывается также и в повышении уровня требований бастующих: рабочие начинают выдвигать в ходе забастовок и требования политического характера — в первую очередь они добиваются введения рабочего законодательства, выступают в защиту своих прав на стачку, на свободу собраний, коалиций и т. д.

В ходе стачек растет классовое сознание всего пролетариата, проявлявшееся в крепнувшей солидарности с бастующими. Частым явлением становятся забастовки

солидарности. Под руководством профсоюзов организу-ются общие стачки рабочих одного производства в мас-штабах города с целью добиться заключения с предпри-нимателями тарифа — коллективного договора об условиях найма; подобные общие стачки швейнников прошли в конце 1909 г. в Плевене, Ямболе, Габрово, Враце, общие стачки сапожников и кожевников — в 1909 г. в Самокове и Видине, общие стачки печатников — в 1909—1911 гг. в Тырново и Софии и т. д.¹⁹⁸ Денежные пожертвования в пользу бастующих вырастают в специально созданный при ОРСС стачечный фонд «Защита и борьба», складывавшийся из ежемесячных взносов всех членов революционных профсоюзов и из экстрен-ных сборов в ходе самих стачек.

Передовые болгарские рабочие проявляли также свою интернациональную классовую солидарность. Каж-дому более или менее заметному выступлению проле-тариев зарубежных стран в предвоенный период (напри-мер, забастовкам рабочих Англии, Бельгии, Германии, Норвегии, Румынии, Сербии, Швеции и других госу-дарств) ОРСС оказывал свою материальную и мораль-ную поддержку¹⁹⁹. В предвоенные годы некоторые отраслевые профсоюзы из ОРСС (союзы табачников, текстильщиков, металлороботников, деревообделочни-ков, шахтеров, транспортников, фабричных рабочих и др.) установили контакты с соответствующими меж-дународными отраслевыми секретариатами профсою-зов²⁰⁰.

Ежегодно отмечали болгарские рабочие Первомай как праздник международной пролетарской солидарно-сти и 18 марта — День Парижской коммуны. Неизменно проявлялась солидарность болгарского пролетариата с борющимся пролетариатом России. В передовой статье «Против деспотизма, за русскую революцию!» по поводу расстрела рабочих на Лене в газете «Рабочнически вест-ник» ее редактор Хр. Кабакчиев писал: «Революционное движение русского пролетариата имеет громадное зна-чение и для освободительного движения болгарского пролетариата»²⁰¹. В рабочей печати, в просветительных кружках и вечерних рабочих школах систематически пропагандировались идеи международной пролетарской солидарности. Принципы пролетарского интернациона-лизма были краеугольным камнем всей деятельности

партии тесняков, работавших под ее руководством профсоюзов и других пролетарских организаций²⁰².

Тесняки активно стремились использовать стачечную борьбу как средство классового воспитания рабочих. Еще XIII съезд партии (в 1906 г.) специально обсудил вопрос об организации забастовок и принял резолюцию, обязавшую членов партии стремиться к осуществлению практического руководства стачками²⁰³. Различные злободневные проблемы классовой борьбы болгарского пролетариата (забастовочное движение, борьба за рабочее законодательство и др.) обсуждались на каждом из последующих съездов партии²⁰⁴. В целях борьбы со стихийностью в стачечном движении тесняки старались осуществлять оперативное и действенное руководство забастовками. Борющимся рабочим, особенно из тех коллективов, где пока еще не хватало подготовленных вожakov, они оказывали специальное внимание и конкретное содействие. В помощь бастующим (как отмечалось) направлялись группы партийных организаторов и агитаторов; в поддержку бастующим переводились деньги из партийных и профсоюзных касс, средства, собранные среди рабочих страны, а также и присланные из-за рубежа²⁰⁵. Кроме того, по инициативе партии проводились по стране демонстрации, собрания и митинги солидарности с бастующими. В результате забастовок росла организованность пролетариев, возникали новые и укреплялись старые профессиональные организации.

В ходе большинства стачек активную организующую роль играли партия тесняков и революционное профобъединение. По приблизительным подсчетам, около $\frac{4}{5}$ бастующих за период 1908—1911 гг. участвовали в забастовках, руководимых тесняками, а остальные $\frac{1}{5}$ — в стачках, проведенных реформистскими профсоюзами²⁰⁶.

В отличие от тесняков широкие социалисты не имели последовательной программы деятельности среди рабочих; по существу, они придерживались оппортунистической тактики классового сотрудничества. В городе они приспособлялись к тред-юнионистским взглядам отсталых и консервативно настроенных рабочих, а в селах — к мелкобуржуазной идеологии мелких собственников²⁰⁷. Правда, после присоединения к партии центристских групп анархо-либералов и прогрессистов так-

тика классового сотрудничества стала подвергаться критике, но это не изменило в целом общей линии партии и направленности действий ее руководства. Присоединение центристов усилило лишь идейную разногласию в рядах партии и ее противоречивость. На съезде 1909 г., на котором произошло объединение с центристами, выявилось 5—6 конфликтующих фракций²⁰⁸, между которыми шла непрерывная борьба; платформа партии стала еще более пестрой, расплывчатой и эклектичной; партия переживала перманентный идейный кризис²⁰⁹. Иногда рядовые члены партии из рабочих открыто выражали свое недовольство положением в партии, линией ее вождей и высказывали пожелание о введении в состав руководства пролетариев²¹⁰. Но это не приводило к сколько-нибудь существенным переменам. Определяющим влиянием в партии, в ее верхах пользовались реформисты; многие из них являлись, в сущности, мелкобуржуазными демократами, исходившими из идей абстрактного гуманизма, закамуфлированных социалистической фразеологией²¹¹.

Господствовавший в партии широких реформистский дух определял и ее отношение к классовой борьбе пролетариата. Стаечные бои, как правило, не вызывали у реформистских лидеров энтузиазма — более того, в ряде случаев, когда забастовки проходили под руководством тесняков, некоторые реформисты становились на путь интриг, клеветы, а иногда даже и фактического штрейкбрехерства²¹². В то же время быстро растущее влияние Болгарского земледельского народного союза (БЗНС) среди крестьянства во втором пятилетии века²¹³ не оставляло больших надежд на успех первоначальной тактики ориентации на «производительные» (фактически мелкобуржуазные) силы деревни и города в целом, толкало на поиски социальной базы среди отсталых, реформистски настроенных слоев пролетариата, служащих и городской мелкой буржуазии (ремесленников).

Чтобы сохранить контакты с рабочими, реформисты вынуждены были принимать участие в забастовках, но они часто и охотно шли на компромиссы с буржуазным лагерем²¹⁴. Предпочитали они выступать от имени рабочих с петициями. «Петиция — ваше боевое оружие!» — такой лозунг был сформулирован общедельцами в одном из документов, обращенных к рабочим в 1904 г.²¹⁵. Не

чурались лидеры широких социалистов и прямых коалиций с буржуазными партиями; они участвовали, например, в конце 1906 и в 1907 г. в так называемом «патриотическом блоке» (коалиции оппозиционных буржуазных и мелкобуржуазных партий), пытаясь таким образом приобрести депутатские кресла в Народном собрании, а при удаче, эвентуально — и министерские портфели.

Некоторые представители болгарской буржуазии начали приходить к пониманию необходимости перехода от прежнего игнорирования рабочего класса и его интересов к тактике социальной демагогии и к мелким уступкам²¹⁶. В частности, одним из пунктов программы «патриотического блока» было введение рабочего законодательства²¹⁷. Это являлось очевидным свидетельством растущего общественного веса пролетариата. Еще в 1905—1906 гг. были изданы законы об охране труда женщин и детей, о создании вспомогательных касс для строителей государственных сооружений, о помощи рабочим государственных предприятий в случае болезни и инвалидности и др.²¹⁸ Названные законы положили формальное начало рабочего законодательства в стране. Однако фактическое их применение всячески затягивалось. Это вызывало возмущение рабочих, добивавшихся в течение длительного времени на специальных митингах и собраниях практического исполнения изданных законов и расширения рабочего законодательства²¹⁹.

Буржуазные круги пытались затормозить разными способами рост классового сознания пролетариев. С этой целью создавались различные буржуазные спортивные, культурно-просветительные и религиозные объединения, привлекавшие в свои ряды рабочую и учащуюся молодежь. Христианская молодежная организация с 1910 г. выпускала даже специальную газету «Младечки вестител». Для борьбы с проникновением идей марксизма в среду трудящихся синод устраивал «народные чтения»; учреждены были вечерние и воскресные школы и курсы для рабочей молодежи²²⁰. По-прежнему пропагандировался и поощрялся нейтраллизм профсоюзов в политической борьбе²²¹. Наиболее активно проявили себя в этом отношении представители мелкобуржуазной партии радикалов, пропагандировавшие идеи «независимых», «надклассовых» профсоюзов и имевшие некоторое влияние среди профсоюзов государственных слу-

жащих, объединившихся в «Союз союзов» (объективно в этом вопросе радикалы осуществляли социальный заказ болгарской буржуазии). Предпринимались также и попытки создания желтых или «казенных» профсоюзов (например, среди текстильщиков Сливена), однако они, как правило, оканчивались провалом. Лишь среди квалифицированных печатников и железнодорожных машинистов действовали «Типографское дружество» и «Локомотивная организация», представлявшие интересы узкого слоя рабочей аристократии, считавшей, что между рабочими и предпринимателями «существует гармония интересов, которая нарушается в отдельных случаях»²²².

Большей части болгарской буржуазии рассматриваемого периода была присуща скорее недооценка растущей роли пролетариата, значения рабочего вопроса. Многие ведущие буржуазные газеты («Мир», «Утро», «Нов век», отчасти «Препорец» и др.) фактически игнорировали интересы и чаяния рабочих, пренебрегали правами трудящихся²²³. Некоторые буржуазные деятели были в то же время не лишены страха перед нарастающим забастовочным движением²²⁴. С этим было связано усиление репрессий, применявшихся правительством «стамбуловистов» (особенно к концу его пребывания у власти). В 1905—1907 гг. был издан ряд новых законов, направленных на подавление растущих выступлений пролетариата и прогрессивной интеллигенции (в первую очередь студентов): так называемый закон против «анархистов»²²⁵; закон об увольнении работников государственных ведомств, принявших участие в оппозиционном к правительству движении или в стачках²²⁶; закон об объединениях чиновников и служащих²²⁷; закон об изменении закона о наказаниях, предусматривавший усиление санкций против «подстрекателей» массовых собраний и выступлений, фактически направленный против стачечников²²⁸; законы о печати, о просвещении, об университете и др.²²⁹ В 1907 г. была создана для охраны общественной безопасности специальная тайная полиция²³⁰. Влиятельные круги буржуазии (в частности, организации фабрикантов и торговцев) обсуждали вопрос об издании дополнительных законов, специально направленных против забастовок и профсоюзов²³¹; в секретном рапорте царю Фердинанду от 27.XII 1908 г.

градоначальник Софии называл профсоюзы «язвами в государственном организме» и считал необходимым нанести удар по «гидре революции»²³². Объединению сил буржуазии и отчасти интересам ее борьбы с рабочим классом служили и возникавшие со второго пятилетия века упоминавшиеся выше монополистические объединения табачных и других фабрикантов²³³.

Хотя пришедшее к власти в 1908 г. правительство демократической партии А. Малинова было склонно к социальной демагогии и к более гибким методам управления, по отношению к рабочему классу оно продолжало, по существу, линию предшествующего правительства — затягивание с принятием мер по фактической реализации изданных ранее законов (об охране женского и детского труда и др.²³⁴) и преследование бастующих рабочих. Все эти обстоятельства, а также отмечавшиеся снижения реальной заработной платы в 1905 и 1908 г. вызвали в 1908—1910 гг. (как говорилось выше) прокатившуюся по всей стране волну стачек, рабочих собраний и митингов с требованиями фактического введения и расширения трудового законодательства и с протестами против антирабочей политики правительства, против законов, ограничивавших свободу слова, печати, собраний, право на объединение и стачку; принятые на многочисленных собраниях резолюции были направлены в адрес Народного собрания²³⁵.

Особенно бурными были рабочие выступления в 1910 г. Число стачек превысило уровень 1906 г. почти в два раза, масштаб 1908 г. — почти в три раза и уровень 1909 г. — более чем на одну треть. В ходе проведенных в 1910 г. тесняками пяти значительных кампаний с выдвижением классовых требований пролетариата участвовали многие десятки тысяч рабочих. Наиболее массовые из них были в октябре и декабре 1910 г. Одна из них (в октябре 1910 г.) была вызвана отчасти выступлением министра торговли и земледелия Т. Крыстева. 20 октября он заявил в Народном собрании, что в стране якобы нет настоящего рабочего класса и в силу этого нет необходимости в социальном страховании²³⁶. Пренебрежительная фраза министра вызвала бурю возмущения в среде пролетариата. В резолюциях, принятых на массовых собраниях и посланных в адрес Народного собрания, рабочие не только утверждали свое существ-

вание, но и заявляли о своей решимости бороться за улучшение условий труда²³⁷. Руководителями большинства выступлений (стачек, собраний, митингов и демонстраций) пролетариев были тесняки.

К концу десятилетия в практическо-политической деятельности тесняков и в их пропаганде среди рабочих приобретали все большее значение борьба с национализмом и милитаризмом. Будучи подлинными патриотами и интернационалистами, тесняки разоблачали вмешательство империалистических держав на Балканах и недалекую и своекорыстную реакционную внешнюю политику балканских буржуазных монархий. Они доказывали, что правильно поняты интересы болгарского народа совпадают с интересами болгарского и международного рабочего движения, и систематически и настойчиво популяризировали идеи пролетарского интернационализма, и прежде всего идеи солидарности рабочих балканских стран²³⁸. Все это становилось очень актуальным в связи с ростом национализма и военной угрозы на Балканах; последняя стала особенно острой после Боснийского кризиса 1908—1909 гг.

Вместе с революционными социал-демократами других балканских стран тесняки неустанно пропагандировали лозунг создания федерации демократических республик на Балканах, провозглашенный на 1-й конференции социал-демократов Балкан в январе 1910 г. (в ней приняла активное участие делегация тесняков во главе с Д. Благоевым). Лозунг этот балканские социал-демократы (вместе с революционной социал-демократией всего мира)²³⁹ рассматривали как наилучшую перспективу для демократического решения национально-территориальных проблем в Юго-Восточной Европе, как призыв к борьбе с милитаризмом и шовинизмом на Балканах.

В предвоенные годы тесняки и руководимые ими профсоюзы устанавливали непосредственные контакты с профсоюзами и социал-демократами балканских государств, южнославянских земель Австро-Венгрии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно тесные и плодотворные связи были установлены с рабочими организациями Сербии и Румынии. В частности, в течение 1909—1911 гг. между рядом отраслевых профсоюзов ОРСС и соответствующими

сербскими профсоюзами (союзами табачников, рудокопов, металлистов, деревообделочников, кожевников, транспортников и др.) были заключены соглашения о взаимодействии, о координации совместной борьбы со штрейкбрехерством и т. д.²⁴⁰

В этот же период руководства партии тесняков и ОРСС решительно отвергли давление центристских и оппортунистических элементов Международного бюро II Интернационала и Международного секретариата профсоюзов, пытавшихся склонить тесняков к объединению с болгарскими реформистами. Позицию революционного социализма отстаивали представители тесняков и ОРСС и на международных форумах — во II Интернационале (в частности, на Копенгагенском его конгрессе в 1910 г., на Базельском конгрессе 1912 г. и позднее — в рамках Циммервальдского движения в период первой мировой войны), а также на некоторых международных профсоюзных конференциях, в которых им довелось участвовать²⁴¹. Все это свидетельствовало о принадлежности партии и ОРСС к левому крылу в международном рабочем и социалистическом движении.

§ 3. Изменения в рядах пролетариата, формирование классового сознания и появление слоя передовых рабочих

Обострение классовых противоречий в Болгарии между пролетариатом и буржуазией, выразившееся в нарастании к концу десятилетия стачечной борьбы, обусловило заметные сдвиги в настроениях и сознании рабочего класса. Как отметил Г. Димитров в одном из циркуляров руководства ОРСС от 20.XII 1910 г., болгарский пролетариат вступил в стадию «быстрого пробуждения»²⁴²; это подтверждается также показателями роста числа членов ОРСС²⁴³ и данными об увеличении численности подписчиков газеты «Работнически вестник»²⁴⁴.

В социальном облике болгарского рабочего класса происходили изменения: процесс формирования нового класса сопровождался не только увеличением его численности (в абсолютном и относительном выражении),

но и ростом его организованности и сознательности, его активности и воли к борьбе, повышением его грамотности и культурного уровня. Менялась и психология пролетариата. Постепенно создавались также (не без влияния революционной социал-демократии) в повседневной жизни (раньше всего у передовых рабочих) новые идеалы, этические нормы и ценности²⁴⁵; они в свою очередь сыграли большую роль в деле пробуждения классового сознания широких слоев пролетариата. Рабочий класс превращался в потенциально значительную общественную силу²⁴⁶.

Наиболее заметные перемены происходили в среде промышленных рабочих. Выросший численно за предвоенное десятилетие промышленный пролетариат становился (в первую очередь благодаря целенаправленным усилиям партии тесняков), по существу, наиболее организованным отрядом болгарского рабочего класса: в 1910 г. более 10% промышленных рабочих состояли членами профсоюзов, исключительно в рядах ОРСС. Выход этого отряда на арену общественной жизни ознаменовал отмеченные выше смены форм и методов борьбы и организации всего пролетариата (создание централизованных производственных профсоюзов, рост элементов организации в стачечном движении). Промышленный пролетариат стал задавать тон в борьбе.

Следует отметить, что процесс духовного развития затронул различные слои пролетариата не в равной степени: городские рабочие (в особенности в крупных городах и в промышленных центрах) приобщались к чтению и культуре гораздо быстрее сельских. Как было показано в гл. II нашей книги, металлисты, печатники и железнодорожники по своему среднему образовательному уровню превосходили текстильщиков, табачников, шахтеров²⁴⁷. Мужчины-рабочие имели гораздо более высокие показатели грамотности, чем работницы.

Усилилась и организованность ремесленных и транспортных рабочих. Хотя доля ремесленных рабочих в составе членов ОРСС снижалась (за счет быстрого роста удельного веса промышленных рабочих), абсолютное число ремесленных рабочих — членов ОРСС выросло. В 1910 г. организованные в рядах ОРСС ремесленные рабочие составляли 2,5% от численности ремесленных рабочих; некоторые отраслевые профсоюзы ОРСС со-

стояли целиком или почти целиком из ремесленных рабочих (союзы печатников, металлистов, деревообделочников), рекрутировали своих членов в значительной мере или главным образом из рабочих мелких ремесленных предприятий. Среди ремесленных рабочих, как уже отмечалось, некоторым влиянием пользовались реформисты — в рядах реформистских профсоюзов в 1910 г. состояло около 4% рабочих ремесленных предприятий. У железнодорожников и почтовиков процент организованных работников был значительно выше, но при этом реформистские профсоюзы железнодорожников и почтовиков численно превосходили союз транспортных работников, входивший в ОРСС²⁴⁸.

Меньше других изменения коснулись строительных рабочих, рабочих непроизводственной сферы и сферы обслуживания и особенно сельскохозяйственных пролетариев. Правда, в их среде начинают появляться отдельные лица и группы рабочих, вступавшие в ряды профсоюзов и поднимавшиеся на борьбу. Свидетельством тому были отдельные стачки строительных и сельскохозяйственных рабочих. В 1912 г. в рамках ОРСС было положено начало союза строительных рабочих²⁴⁹. В этот же период в рядах руководства партии тесняков и ОРСС обсуждался вопрос о создании отдельного профсоюза сельскохозяйственных рабочих²⁵⁰; предложение это, однако, не было осуществлено, поскольку руководство сочло, что условия для его реализации еще не созрели. Фактически же, однако, это было обусловлено в значительной мере неправильными взглядами тесняков по крестьянскому вопросу²⁵¹. Отмеченные в гл. II большая распыленность и малограмотность значительной массы сельскохозяйственных рабочих определили то обстоятельство, что они (за редким исключением) в рассматриваемое время не приняли участия в рабочем движении.

Медленно, но все же происходило постепенное вовлечение женщин-работниц в движение; доля женщин в составе членов ОРСС выросла с 3,7% в 1905 г. до 6% в 1910 г.²⁵² Активная интернационалистская пропаганда тесняков и некоторые специальные меры (в газете профсоюза табачников «Тютюноработник», к примеру, начали печатать приложение на турецком языке²⁵³) содействовали втягиванию в борьбу и организованное рабочее движение пролетариев из рядов национальных мень-

шинств (турок и др.); их доля в общем числе членов ОРСС выросла с 8% в 1905 г. до 13% в 1910 г.²⁵⁴

Таким образом, сдвиги в той или иной мере затронули почти все основные отряды и слои рабочего класса страны. «Социал-демократия медленно, но верно и систематически отрывает все больше рабочих от политического влияния буржуазных партий, — констатировал этот процесс в 1912 г. Д. Благоев, — объединяет их под знаменем социализма»²⁵⁵. Правда, действительно организованные рабочие были в рассматриваемое время в количественном отношении немногочисленным отрядом²⁵⁶. Но они обладали большим идейным и организационным потенциалом. Он определялся увеличением численности рабочего класса в стране и во всем мире (в первую очередь промышленного пролетариата — одного из наиболее организованных его отрядов), ростом влияния революционного крыла рабочего и социалистического движения в Болгарии и на Балканах в целом, чему благоприятствовали революция в России и последовавшие за нею и под ее воздействием революционные процессы в Иране, Турции и др., а также ростом авторитета международного рабочего движения.

Перемены в социальном и духовном облике рабочего класса касались главным образом и в первую очередь передовых его слоев. Широкие массы же болгарского рабочего класса были затронуты ими в рассматриваемый период в меньшей мере; к тому же подавляющая часть пролетариата (в том числе почти все сельскохозяйственные рабочие) продолжала оставаться неорганизованной²⁵⁷. Будучи несознательной и непросвещенной, как неоднократно отмечал перед войной Д. Благоев²⁵⁸, она все еще находилась под сильным влиянием мелкобуржуазной идеологии. «... Действительно сознательные рабочие, — указывал В. И. Ленин, — во всяком капиталистическом обществе составляют лишь меньшинство всех рабочих»²⁵⁹.

Политическая отсталость и индифферентность широких масс болгарского пролетариата в начале века проявлялась в ходе состоявшихся тогда парламентских и муниципальных выборов. Большая часть рабочих не принимала участия в голосовании — право голоса имели лишь мужчины, достигшие 21 года. К тому же многие рабочие (в том числе члены ОРСС) по разным причинам

не регистрировались в избирательных списках²⁶⁰. Значительная часть из участвовавших в выборах пролетариев отдавала свои голоса буржуазным и мелкобуржуазным партиям²⁶¹. Перед самой войной систематическая деятельность тесняков в рабочей среде начинала давать результаты: на состоявшихся 5.VI и 4.IX 1911 г. выборах в V Великое и XV обыкновенное Народные собрания (ОНС) тесняки получили 12—13 тыс. голосов — 2,2 и 2,56% от участвовавших в голосовании (в том числе 7 и 9% от участников голосования в городах) — и один их представитель — рабочий Вл. Власковский — был избран в V Великое Народное собрание²⁶². Примерно такие же цифровые результаты были и у широких социалистов; но тесняки неизменно получали гораздо больше голосов, чем широкие, в городах (особенно в промышленных центрах²⁶³).

Кроме того, в ходе состоявшихся в 1910—1912 гг. выборов в окружные и местные муниципальные органы представители тесняков были избраны в муниципалитеты почти всех крупных городов (в Софии, Русе, Шумене, Габрово, Пловдиве, Плевене, Сливене, Варне, Бургасе и др. — всего в 20 городах); в двух пролетарских центрах (в 1910 г. в Самокове и в 1911 г. в Сливене) фракция тесняков получила даже большинство в городских муниципалитетах и возглавила их²⁶⁴. Во время названных муниципальных выборов в Софии и ряде других городов при поддержке рабочих ремесленных предприятий, а также мелких служащих и иных промежуточных категорий были избраны и депутаты от партии широких социалистов.

Важнейшим проявлением процесса пробуждения рабочего класса было формирование вначале сравнительно немногочисленного слоя передовых и сознательных рабочих, рабочих-интеллигентов, воспитанных партией тесняков²⁶⁵. Ряды рабочих-интеллигентов, как правило, рекрутировались из пролетариев, в детстве получивших в школе некоторое образование (иногда весьма небольшое) и затем расширявших свои знания и кругозор путем самообразования, а также в рабочих кружках и школах. Изредка они пополнялись и за счет представителей прогрессивной трудовой интеллигенции, которые под влиянием жизненных обстоятельств либо по велению революционного долга (число таких росло

в Болгарии, особенно в период послевоенного революционного подъема) переходили на положение пролетариев, поступали на фабрики и превращались в наемных рабочих. О возникновении такого круга рабочих свидетельствовали и показатели значительного роста (в предвоенные годы) числа членов революционных профсоюзов и наряду с этим существенного увеличения партийной прослойки в составе членов ОРСС (что было одновременно следствием вступления передовых пролетариев в партию тесняков). Если в 1905 г. лишь 20% членов ОРСС являлись членами партии тесняков (304 из 1500), то в конце 1911 г. доля членов партии тесняков в составе ОРСС равнялась уже 41% (2500 из 6165 членов ОРСС)²⁶⁶. Из этого круга постепенно в ходе классовой борьбы выделились сотни активистов — функционеров революционных профсоюзов и партии тесняков. Приобретая необходимый опыт и знания, они вырастали в пропагандистов идей марксизма и организаторов широких масс, руководителей и идеологов болгарского пролетариата. Таким образом, в Болгарии в предвоенные годы уже сложился (в лице нескольких тысяч передовых пролетариев) тот передовой авангард, сознательное ядро рабочего класса, о котором мечтал Д. Благоев на заре рабочего и социалистического движения в стране²⁶⁷.

В конце XIX в. такие передовые рабочие, как упоминавшийся наборщик, организатор синдиката печатников, рано умерший от туберкулеза Д. Сумпуров (1873—1903), как текстильщик депутат XII Народного собрания от социал-демократов Г. Василев Тилчев (1871—1913) или русенский рабочий И. Троянский (1876—1900), были одиночками.

Спустя 10—15 лет (через сравнительно короткий срок) перед Балканскими войнами 1912—1913 гг. в рядах революционных профсоюзов и в партии тесняков уже завоевало признание немалое число рабочих, ставших партийными и профсоюзными функционерами, руководителями отраслевых профсоюзов и пролетарскими журналистами, сотрудниками и даже редакторами профсоюзных газет.

Из рабочих-печатников вышел Г. Димитров, вступивший в 1902 г. в социал-демократическую партию и избранный в 1904 г. в руководство ОРСС, а в 1909 г. — в состав ЦК партии тесных социалистов. Талантливый

организатор, отдавший всю свою огромную энергию, волю и энтузиазм борьбе за освобождение рабочего класса, самоотверженно преданный партии и пролетариату борец, обладавший колоссальной работоспособностью и настойчивостью в самообразовании, обеспечившими ему широкие познания, Г. Димитров быстро вырос из профсоюзного активиста в пламенного трибуна, зажигавшего массы своим огненным словом, в пролетарского руководителя, которым болгарское рабочее движение «могло гордиться»²⁶⁸. Начиная с 1913 г., с XVI Народного собрания и до установления фашистского режима в 1923 г., Г. Димитров с блеском представлял болгарский пролетариат в буржуазном парламенте.

В XVI Народном собрании, кроме Г. Димитрова, в числе депутатов от партии тесняков были и другие рабочие — берковицкий портной Камен Тошев (1876—1946), Власи Власковский (из Трояна) и Александр Дунчев (1897—1921) из Плевена²⁶⁹. Немалое число рабочих было избрано в 1910—1912 гг. депутатами городских муниципалитетов; среди них были текстильщики Атанас Каварджиков, Г. Василев Тилчев, Димитр Русов, Стефан Царев и Стефан Армянов (1872—1913) в Сливене, рабочий-деревообделочник Вичо Папазов (1875—1940) в Шумене, кожевник Пенчо Плачков в Габрово, Иван Парушев (1872—1946) в Бургасе, Мате Кербел (1872—1946) в Варне, Георги Токушев (1881—1953) в Русе, Христов Грошев в Котеле, Коста Халваджийский в Самокове и т. д. и т. п.

Печатники дали болгарскому рабочему движению не только Г. Димитрова, но и Тодора Да̀наилова (1887—1959), избранного накануне войны секретарем Софийского комитета партии, и других деятелей; металлисты — Стояна Стойкова (1875—1921) и Петко Напетова (1880—1933); шахтеры Перника — Тодора Димитрова (1870—1915) и Георги Кирова; пловдивские табачники — Николу Господинова (1881—1915); пловдивские кожевники — Рангела Димитрова (1886—1923); портные — Камена Тошева, М. Божкова и Любу Ивошевич-Димитрову (1882—1933), швею, ставшую журналисткой и поэтессой, а с 1909 г. — редактором органа профсоюза швейников газеты «Шивашки работник»; деревообделочники — Михаила Хлебарова (1885—1962) и др.

К числу выросших в этот период из рабочей среды пролетарских вожakov относился хасковский табачник Жеко Димитров (1886—1925). Вступив в 17 лет в партию тесняков и став активным рабочим корреспондентом в газете «Работнически вестник», он вскоре проявил себя хорошим организатором хасковских рабочих. Через несколько лет он был избран руководителем профсоюза фабричных рабочих, стал редактором его газеты, членом руководящего комитета ОРСС (после войны он был одним из вождей болгарских революционных профсоюзов, заместителем Г. Димитрова в руководстве ОРСС).

Одним из наиболее талантливых пролетарских организаторов, выдвинувшихся из передовых рабочих в довоенные годы, был металлист Антон Иванов (1884—1942). Пройдя, как и подавляющее большинство других пролетарских вожakov, суровую жизненную школу, он в 20 лет вступил в партию тесняков. Очень быстро, через 3—4 года, он стал опытным организатором рабочих — руководителем профсоюза металлистов и редактором его газеты, а затем и одним из руководителей софийской организации партии. Беззаветно преданный делу освобождения рабочего класса, он поражал всех сталкивавшихся с ним людей своей огромной энергией, целеустремленностью, знанием многих и многих рядовых участников рабочего движения (связанным с его большой общительностью), умением развивать социалистическое сознание рабочих и организовывать их на борьбу. После мировой войны он стал руководителем софийской организации БКП и был избран членом ЦК БКП, оставаясь им вплоть до своей героической гибели (он был расстрелян в 1942 г., как организатор подпольной вооруженной борьбы болгарского народа против фашизма).

Многие из передовых рабочих (начиная с Г. Димитрова) своим духовным ростом были в немалой степени обязаны Г. Киркову: он проявлял, по словам Г. Димитрова, поистине «отцовскую заботу» о воспитании и развитии молодых революционеров из рабочей среды. Г. Кирков был человеком творческим, одаренным множеством талантов. В нем удачно сочетались качества выдающегося партийного руководителя — организатора, эрудированного и высокообразованного марксиста, яркого публициста и великолепного оратора, остроумного,

веселого и внимательного к людям собеседника. Наряду с этим он был большим мастером слова, поэтом и сатириком, «художником и творцом по натуре», как его охарактеризовал Д. Благоев²⁷⁰. Будучи в рассматриваемое время секретарем ЦК партии и руководителем профсоюзов, он много разъезжал по стране и постоянно находился в рабочей среде (особенно интенсивные связи были у него с текстильщиками Сливена). Тесное общение с ним помогало молодым революционерам быстрее усвоить опыт болгарского и европейского рабочего движения, точнее ориентироваться в практике классовой борьбы, содействовало быстрейшему выявлению их способностей и талантов²⁷¹.

Передовые и сознательные рабочие появились в эти годы не только в столице и значительных центрах, но почти в каждом городе и рабочем поселке. Названных пролетарских активистов (как и многих не названных) отличали развитое классовое чувство, глубокая идейная убежденность, горячий энтузиазм, готовность к жертвам во имя достижения социалистических идеалов. Вместе с членами партии тесняков из рядов интеллигенции (учителями, студентами и т. д.), беднейших крестьян и других социальных слоев и классов они неутомимо руководили забастовочным движением и иными формами классовой борьбы пролетариата. С неиссякаемой энергией они вели агитацию и пропаганду среди неорганизованных рабочих, воспитывая в них классовое сознание, привлекая их к рабочему движению.

Многие из них, например слесарь С. Стойков, рожденный агитатор, умевший в доходчивой и остроумной манере разъяснять рабочим сложные явления, или металлист П. Напетов, организатор молодежных и профессиональных рабочих ассоциаций в Софии, полностью подчинили свою жизнь интересам борьбы и по поручению партии переходили с одного предприятия на другое, чтобы руководить стачками, создавать и укреплять революционные профорганизации²⁷².

Самоотверженная деятельность передовиков, людей кристальной нравственной чистоты, бескорыстно посвятивших себя делу борьбы с капиталистической эксплуатацией и проявлявших подчас благородную жертвенность, определяла их высокий морально-нравственный авторитет, покоряла сердца людей, служила примером

и образцом для окружающих, обеспечивала их быстро растущее влияние в рабочей среде.

Активистов рабочего класса отличало, как правило (по свидетельству знавших их лиц), и упорное стремление к знаниям и культуре, к изучению марксистской литературы²⁷³. Овладев в результате настойчивого и систематического самообразования основами марксистской теории и знаниями в различных областях, они становились рабочими-интеллигентами с разнообразными социальными и духовными интересами и широким кругозором. Уровень интеллектуального развития некоторых из них поражал окружающих.

О духовном росте передовых пролетариев свидетельствовало и появление в их среде поэтов и рабочих корреспондентов, сотрудничавших в рабочей печати²⁷⁴. Если ранее, на рубеже XIX—XX вв. зарождение пролетариата в результате разорения крестьян и ремесленников было объектом внимания писателей-профессионалов, то в начале XX в. уже среди самих рабочих проявляется стремление к литературному творчеству. И хотя их произведения были в большинстве своем в художественном отношении слабыми, они показывали духовное пробуждение нового класса, свидетельствовали, как отмечал Г. Бакалов в 1904 г. в статье «Рабочий пишет», что «рабочие начинают приобретать веру в свои силы, в силы своего класса»²⁷⁵.

В органической связи с отмеченными выше становлением и развитием революционной рабочей печати появляются в Болгарии в предвоенные годы кадры пролетарских журналистов, воспитанных партией, ее крупнейшими публицистами, принадлежавшими к числу выдающихся представителей революционной интеллигенции, явившихся первыми пропагандистами — апостолами марксизма в стране. Одним из наиболее видных пролетарских журналистов, выдвинувшихся из рабочей среды раньше других, был Янко Иванов (1881—1927). С юных лет он вынужден был зарабатывать на жизнь наемным трудом на железной дороге. Обладая большой настойчивостью, путем самообразования он приобрел большие знания; познакомившись с марксистской литературой, он вступил в рабочее движение. Обнаружив склонности к журналистике, он выдвинулся вначале в качестве редактора газеты «Железничар», а позднее

стал одним из наиболее опытных пролетарских журналистов, строителей печати революционных профсоюзов Болгарии.

Другим авторитетным, активно и плодотворно работавшим в эти годы пролетарским журналистом был Н. Пенев (1879—1955), также железнодорожник. Вступив в социал-демократическую партию еще в 1896 г., он (как и большинство передовых рабочих) с помощью самообразования приобрел большую эрудицию (он не уступал в этом отношении своему брату, известному профессору-литературоведу Б. Пеневу); славился он и знанием рабочей среды и рабочего быта. Н. Пенев был не только журналистом, но и одним из руководителей и организаторов революционных болгарских профсоюзов. Из числа рабочих корреспондентов выросли в пролетарских журналистов и профсоюзных функционеров также Др. Коджейков (1881—1979), Б. Баров, М. Божков, С. Бочваров, С. Георгиев, А. Гогов, Б. Гогов, А. Захариев, А. Киров, Г. Лулчев, Ю. Милев и др. На их плечи постепенно легла тяжесть подготовки и издания названных выше газет отраслевых профсоюзов, которые выходили в предвоенные годы в стране²⁷⁶. Материалы рабкоров составляли иногда до 50% содержания номеров рабочих газет, особенно для таких их разделов, как «С полей труда», «О рабочем движении» и т. п. Поставив с помощью партийной интеллигенции ежедневную рабочую газету (как отмечалось, газета «Рабочнически вестник» с 1911 г. выходила каждый день), наладив выпуск газет отраслевых профсоюзов, болгарские пролетарские журналисты продемонстрировали свои творческие потенции, энергию и действенность.

Формирование в Болгарии в самый канун Балканских войн слоя сознательных рабочих было показателем развития и роста болгарского пролетариата в социальном и культурном отношении, достижения им определенного этапа на пути превращения из «класса в себе» в «класс для себя». Это было в значительной мере результатом неутомимой и самоотверженной деятельности партии тесняков, являвшейся в предвоенное десятилетие фактически авангардом болгарского пролетариата. В то же время появление слоя передовых рабочих упрочило связи тесняков с широкими пролетарскими массами.

Правильно определив главную задачу революционной рабочей партии — отстаивать самостоятельность пролетариата, пробудить путем пропаганды марксизма, методами активной и решительной классовой борьбы его самосознание, тесняки систематически и настойчиво осуществляли ее. Основным содержанием деятельности партии в связи с этим была организация пролетариата с помощью революционных профсоюзов, руководство забастовками и другими формами борьбы пролетариата, воспитание рабочих в духе идей научного социализма, пролетарского интернационализма. Будучи революционными социал-демократами (как их квалифицировал еще в 1908 г. В. И. Ленин²⁷⁷), убежденными в необходимости и неизбежности замены капиталистического строя социализмом и в том, что завоевание пролетариатом власти может произойти только на путях острой классовой борьбы, завершающейся революцией, тесняки решительно отстаивали тактику самостоятельной борьбы, без компромиссов с буржуазией. Лозунг «Класс против класса!» был основным девизом тесняков, боровшихся с оппортунизмом болгарских и отчасти зарубежных реформистов.

Защищая коренные интересы рабочего класса, окруженного мелкобуржуазной стихией и составлявшего тогда хотя и растущую, но небольшую часть населения страны, тесняки создали партию, основанную на строгой и сознательной дисциплине. «...Рабочая социал-демократическая партия, — писал еще в 1909 г. Д. Благоев, — есть и должна быть боевым отрядом единоедействующих и единомыслящих по основным партийным принципам»²⁷⁸.

Нерушимым правилом для тесняков было подчинение личных интересов интересам класса и партии. Как вспоминал один из ветеранов, важнейшими и неизменными требованиями, которые партия предъявляла к своим членам, были: «...скромность, железная дисциплина, высокая принципиальность, преданность революционному марксизму, теснейшая связь с массами, неутомимая борьба за каждого рабочего, острая ненависть к политическому врагу»²⁷⁹.

Образцы беззаветного, самоотверженного служения делу пролетариата показывали вожди партии Д. Благоев и Г. Кирков, члены ЦК — Х. Кабакчиев, В. Кола-

ров, Г. Димитров и другие руководители и активисты партии и революционных профсоюзов.

Личный пример играл большую роль в воспитании борцов. В каждом значительном городе и большинстве околийских центров выросли авторитетные руководители, пользовавшиеся всеобщим уважением и доверием. Среди рабочих Софии имели большое влияние вожди партии Д. Благоев и Г. Кирков и остальные члены ЦК партии, также жившие (исключая В. Коларова) тогда в столице, — Г. Георгиев, Г. Димитров, Х. Кабакчиев, видные ее партийные деятели В. Мулетаров (1881—1925), Н. Исаков (1874—1932), Д. Монов и др.; в Пловдиве — В. Коларов, Н. Господинов, Ст. Шахбазян (1883—1923), П. Савов (1883—1923), В. Димчев (1887—1954) и др.; в Варне — Д. Кондов (1881—1923), Д. Ст. Попов (1878—1924); в Русе — А. Атанасов (1879—1925), Н. Киров (1880—1925), Г. Токушев (1881—1953), Д. Атанасов (1873—1945); в Плевене — Т. Луканов (1874—1946), А. Халачев (1889—1923), В. Табачкин; в Самокове — Б. Хаджисотиров, М. Дашин (1882—1924), Г. Зуйбаров (1885—1925); в Стара Загоре — М. Станев (1877—1939), Т. Стойлов, К. Ципоранов; в Тырново — В. Мавриков (1876—1959), Б. Илиев; в Видине — Т. Петров; в Шумене — Е. Марковски, В. Папазов; в Дупнице — Ст. Димитров (1889—1944), К. Петров (1888—1923); в Сливене — Ю. Данчев (1878—1958); в Пазарджике — А. Попов (1887—1923); в Нова Загоре — П. Енев (1889—1925); в Айтосе — П. Житаров (1876—1938); в Панагюриште — А. Шишков (1888—1923); в Карлово — П. Дворянов (1881—1941); в Берковице — К. Тошев; в Бургасе — А. Яков (1884—1924); в Трояне — В. Власковски и многие другие.

Характеризуя значительные достоинства партии тесняков как партии революционной социал-демократии, следует отметить вместе с тем, что ей не хватало политической гибкости и маневренности. Проводившаяся тесняками тактика бескомпромиссной самостоятельной классовой борьбы была не лишена недостатков догматическо-сектантского характера²⁸⁰. Игнорирование революционных возможностей крестьянства, поиски в деревне не союзников пролетариата в борьбе против буржуазно-монархического строя, а убежденных борцов

за социализм обрекали в перспективе тесняков на самоизоляцию. Недаром В. И. Ленин в 1914 г. в беседе с одним из членов партии тесняков отметил: «Ваше самоотделение от крестьянства не соответствует вашей революционности»²⁸¹. Таковы были важнейшие достоинства и слабости партии тесняков, присущие ей как своеобразному революционно-марксистскому течению в рядах II Интернационала, близкому и родственному большевизму, но отличавшемуся от него рядом свойств²⁸².

Недовольство болгарского крестьянства в предвоенные годы отразил БЗНС, возглавлявшийся А. Стамболийским. Влияние тесняков в деревне (в том числе и среди широких масс сельскохозяйственного пролетариата, не говоря уже о полупролетарских слоях крестьянства) было в предвоенные годы незначительным.

Однако, поскольку в рассматриваемый период первоочередные задачи партии тесняков состояли в расширении и укреплении ее связей с пролетариатом, их непосредственная политическая практика не заостряла постановку крестьянского вопроса; ввиду этого недостатки и слабости тесняков тогда практически мало ощущались.

Во время Балканских войн 1912—1913 гг. руководимые тесняками передовые болгарские рабочие не поддались националистическому угару. Несмотря на репрессии, тесняки занимали антивоенную позицию и решительно осуждали нарастающую на Балканах в ходе войны шовинистическую волну; они протестовали против губительной политики буржуазно-монархических правительств балканских союзников, в тайне готовивших «братоубийственную истребительную войну»²⁸³ из-за дележа освобожденных от османского ига территорий, и отстаивали лозунг Балканской федерации. Их антивоенная пропаганда находила отклики не только среди передовых рабочих, но и среди трудового люда города и деревни вообще, в том числе и среди мобилизованных. В армии росло брожение на почве недовольства затянувшейся войной. В апреле — июне 1913 г. в ряде полков произошли солдатские выступления; более решительный характер они носили в 22, 28, 29- и 32-м полках, где сказалась агитация тесняков²⁸⁴.

Вызванные тяжелыми потерями и поражением во второй балканской войне большие социальные потрясения в болгарском обществе обусловили политический кризис в стране и ускорение социально-психологических изменений в народных массах. Влияние партии тесняков среди пролетариата (отчасти и среди полупролетарских элементов) выросло. На состоявшихся 24.XI 1913 г. и 23.II 1914 г. выборах в XVI и XVII Народные собрания тесняки собрали соответственно 54,22 тыс. и 43,25 тыс. голосов (что составляло 10 и 5,6% общего числа поданных голосов²⁸⁵) и получили 18 и 12 мандатов. Наиболее значительные успехи тесняки одержали в пролетарских городах и поселках (Пловдив, Сливен, Габрово, Русе, Перник и др.) и в расположенных вокруг промышленных районов сельских населенных пунктах, местах сосредоточения промышленных рабочих (Костенец-баня, Плакалица и др.)²⁸⁶. Немалый прирост голосов был также и у широких социалистов, радикалов и БЗНС, не скомпрометировавших себя в период войны в глазах недовольных трудящихся масс²⁸⁷.

Опыт социально-политического кризиса на исходе Балканских войн обогатил болгарский пролетариат, поднял его классовое сознание, укрепил интернационалистские традиции пролетарского ядра, воспитанного тесняками²⁸⁸. Передовые болгарские рабочие остались верны интернационалистскому знамени и не поддались волне шовинизма, вновь вспыхнувшего в связи с началом первой мировой империалистической войны. Известный большевик, соратник В. И. Ленина С. Г. Буачидзе («Ной»), находившийся в 1915 г. в Болгарии, отмечал в письмах В. И. Ленину, что «здравый классовый инстинкт не покинул болгарских рабочих» и что сознательный болгарский пролетариат «высоко и незапятнанно держит свое революционно-социалистическое знамя»²⁸⁹.

Осуществленные в связи со вступлением Болгарии в октябре 1915 г. в войну мобилизация в армию подавляющей части рабочих-мужчин, милитаризация в 1916 г. промышленности и фактическая военизация оставшихся немобилизованными рабочих внесли значительные изменения в состав пролетариата, перемены в судьбах, настроениях и психологии рабочих²⁹⁰. Численность рабочего класса (особенно в непроемких сферах) уменьшилась. Хотя специальным постановлением прави-

тельства квалифицированные промышленные и транспортные рабочие освобождались от мобилизации, всех сознательных пролетариев, активно выражавших возмущение ухудшившимися условиями труда, передавали военным властям и отправляли на фронт²⁹¹. На смену части мобилизованных в армию кадровых рабочих пришли женщины и подростки из разных слоев населения²⁹².

Состав членов ОРСС резко сократился. Сказывались последствия Балканских войн (от 8 тыс. членов ОРСС в 1912 г. уже к лету 1915 г. осталось лишь 5 тыс.) и мобилизаций в 1915—1916 гг.; к концу 1916 г. в ОРСС насчитывалось только 2,3 тыс. членов²⁹³. Более половины профсоюзных организаций фактически распалось.

Хотя положение рабочих во время войны резко ухудшилось, скованный условиями военно-полицейского режима, цензурой и фактической ликвидацией конституционных свобод, лишенный на время значительной части авангарда болгарский пролетариат был ограничен в возможностях выражения своего недовольства. Его социальная активность резко снизилась: в 1916—1917 гг. произошли лишь редкие стачки, в основном на мелких предприятиях полуремесленного типа²⁹⁴. Однако авангард рабочего класса (прежде всего некоторые, оставшиеся не мобилизованными в армию тесняки) не прекратил свою деятельность.

Мировая война, вызвавшая «глубокий кризис всего международного социализма»²⁹⁵, оказала хотя и существенное, но различное влияние на идейное развитие обеих социал-демократических партий, претендовавших на представительство интересов болгарского пролетариата. Широкие социалисты (в лице их официального руководства) фактически примкнули с начала войны к буржуазно-националистическому лагерю: как образно выразились буржуазные депутаты, они «взяли отпуск от социализма» и превратились в «смиранных социалистов»²⁹⁶. Это усилило недовольство и критику в отдельных организациях партии (и в особенности в профсоюзах) со стороны центристских и интернационалистских элементов и обусловило переход в конце 1914 г. в партию тесняков Н. Габровского и выход в 1915 г. из партии широких депутата Народного собрания Н. Харлакова, одного из представителей руководства реформистских

профсоюзов, осуждавших социал-патриотический курс лидеров партии²⁹⁷.

В то же время интернационалистская позиция тесняков в годы войны еще более утвердилась. Этому содействовали как собственный опыт и интернационалистские традиции передовых болгарских рабочих, так и опыт всего международного рабочего движения. антивоенная позиция зарубежных революционных социал-демократов (в первую очередь левых из германской социал-демократии)²⁹⁸. Особое значение имела мужественная, последовательно революционная позиция большевиков во главе с В. И. Лениным; выдвинув смелые лозунги борьбы против войны, за превращение войны империалистической в войну гражданскую, они снискали симпатии и уважение сознательных рабочих-интернационалистов всех стран, в том числе и на Балканах. Как отмечал Г. Димитров, «в начале империалистической войны В. И. Ленин овладел сердцем борющихся балканских рабочих»²⁹⁹.

Непосредственные контакты, установленные с начала войны между руководствами тесняков и большевиков, переписка Д. Благоева с В. И. Лениным, в ходе которой обсуждалась тактика пролетарских партий в связи с войной, способствовали углублению интернационалистской платформы тесняков, пониманию ими необходимости создания нового, революционного Интернационала, что было проявлением начавшегося процесса идейного обновления партии³⁰⁰.

В этот же период тесняки вели (в Народном собрании, в муниципальных органах, в печати, насколько позволяла цензура) неутомимую борьбу в защиту интересов рабочего класса и всех эксплуатируемых (включая и военнопленных), выступали против шовинизма и захватнических планов болгарских буржуазно-монархических кругов³⁰¹. Тем самым они содействовали постепенному пробуждению революционного сознания среди передовых пролетариев, а затем и более широких кругов рабочего класса и других слоев трудящихся, подготовке их к революционной борьбе, разгоревшейся на исходе войны.

В целом события первой мировой войны и ее итоги оказали большое влияние на болгарский пролетариат: обусловили изменения в его структуре, перемены его

социально-политического облика на исходе войны (что будет предметом рассмотрения в следующей главе). Перелом в идейно-политическом развитии болгарского пролетариата и его авангарда был связан с восприятием опыта международного рабочего и социалистического движения, в первую очередь опыта Великой Октябрьской социалистической революции, идей ленинизма, осмыслением практики руководимой В. И. Лениным и большевиками революционной борьбы трудящихся России.

* * *

Формирование в Болгарии в предвоенные годы отряда передовых рабочих было показателем развития и роста болгарского пролетариата в социальном и культурном отношении, достижения им определенного этапа на пути превращения из «класса в себе» в «класс для себя». Являясь активными и сознательными борцами за освобождение пролетариата, передовые рабочие, рабочие-интеллигенты воплощали в себе лучшие черты нового класса: чувство собственного достоинства, готовность к жертвам во имя достижения социалистических идеалов, выдержку и стойкость, демократизм и интернационализм, чувство солидарности с угнетенными и эксплуатируемыми во всем мире. Став носителями революционных традиций, они заложили прочную основу для дальнейшего прогрессивно-поступательного развития болгарского рабочего и социалистического движения. Именно передовые и сознательные рабочие, выдержавшие испытания в годы балканских войн и первой мировой империалистической войны, обогащенные опытом революционной борьбы в Болгарии и за рубежом, в первую очередь опытом Великого Октября, явились прочной опорой обновления болгарского рабочего движения, важнейшим этапом которого было преобразование в 1919 г. Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в Болгарскую коммунистическую партию.

¹ См. *Благоев Д. Съч.*, т. 2, с. 186; *Ламбрев К. Положението...*, с. 80—210. В нашей книге мы сознательно ограничиваем освещение положения пролетариата необходимыми минимальными сведениями, учитывая, что эта тема обстоятельно исследована в названных трудах.

Л. Борова и К. Ламбрева, а также в ряде других работ болгарских авторов (Б. Андонова, Г. Георгиева, В. Жекова, Ю. Златинчева, И. Филиппова, С. Цанковой, В. Чолакова, К. Шаровой и др.), на выводы которых мы опираемся.

² См.: *Благоев Д.* Съч., т. 14, с. 202—203; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 12, с. 86; т. 31, с. 399. Об общих закономерностях формирования классового сознания пролетариата см.: *Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории*, т. 1, с. 10—11, 206, 644—645.

³ См.: *Ламбрев К.* Наченки..., с. 123, 125, 130, 160—161.

⁴ См.: Рапорт на комиссията по изучаването на икономическото положение на населението в градовете Карлово и Сопот. Пловдив, 1883, с. 16; *Ламбрев К.* Наченки..., с. 90—117; Профсъюзни летописи, 1963, № 2, с. 273; 1968, № 7, с. 259—282.

⁵ Об этом см.: ЦДИА, ф. 173, оп. 2, д. 1301, л. 202; *Благоев Д.* Съч., т. 12, с. 202; *Георгиев Г.* Формиране на тютюноработнически..., с. 174.

⁶ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 298—299; *Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории*, т. 1, с. 190—194.

⁷ ЦДИА, ф. 20, оп. 1, д. 182, л. 33—35, 74—172; д. 187, л. 140—142; *Ламбрев К.* Наченки..., с. 67—68.

⁸ ЦДИА, ф. 20, оп. 1, д. 187, л. 135—137.

⁹ *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 28—31; *Клинчаров И.* История..., ч. 1, с. 30—34.

¹⁰ См.: *Съвременник*, 1908, кн. 3, с. 158—164; *Димитров Г.* Съч. С., 1953, т. 7, с. 113—114.

¹¹ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. История на профсъюзното движение..., с. 27—30; *Георгиев Г.* Поява..., с. 74—75; *Ламбрев К.* Наченки..., с. 73—78, 89—90, 131—159, 161—164, 190—191.

¹² См.: *Ламбрев К.* Наченки..., с. 52; Профсъюзни летописи, № 2, 1963, с. 270.

В то же время детальное исследование характера рабочих организаций периода зарождения и формирования пролетариата представляет собой важную задачу, которую предстоит еще решать. Здесь уместно будет процитировать справедливые слова историка Германской Демократической Республики, академика Э. Энгельберга, сказанные им по аналогичному поводу: «Мы сможем правильно понять превращение класса в себе в класс для себя лишь тогда, когда мы будем фактически знать класс в себе» (*Engelberg E.* Quellen und Methoden zur Erforschung der Herausbildung und Strukturwandlung des deutschen Industrie — Proletariats im letzten Drittel des 19. Jahrhunderts. — In: *Die Volksmassen Gestalter der Geschichte.* Berlin, 1962, S. 233).

¹³ См.: *Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории*, т. 1, с. 217—221, 234—235.

¹⁴ *Бужашки Е. Д.* Благоев и победата..., с. 97, 159—161.

¹⁵ См.: Там же, с. 97—248; *Валев Л. Б.* Жизнь и деятельность Д. Н. Благоева. — Учен. зап. Ин-та славяноведения АН СССР (далее — УЗИС), 1950, т. 2, с. 71—73.

¹⁶ См.: *Ламбрев К.* Наченки..., с. 45—46; *Георгиев Г.* Поява..., с. 74.

¹⁷ См.: *Боршук Г.* Данни за някои ранни социалистически групи. — Известия на Института за история, 1956, т. 6, с. 247—258;

1957, т. 7, с. 271—287; Шарова К. Създаването на БСДП.— Известия на Института по история на БКП, 1961, т. 8, с. 33—34, 42—43.

¹⁸ Священное для болгарского народа место, где в 1868 г. в сражении с султанскими карателями погибли руководимые воеводой Хаджи Димитром борцы за освобождение Болгарии от османского ига.

¹⁹ Среди первых социалистов были и непосредственные участники национально-освободительной борьбы против султанского режима, в их числе — сам Д. Благоев, П. Драганов (бывший четник из отряда Бачо Киро и Попа Харитона периода Апрельского восстания 1876 г.), М. Бойчинов и др.

²⁰ См.: Българската комунистическа партия в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК (далее — БКП в резолюции). С., 1957, т. 1, с. 10—25; Шарова К. Създаване на българската социал-демократическа партия.— Известия на Института по история на БКП, 1961, № 8, с. 42—54.

²¹ См.: Благоев Д. Съч. С., 1957, т. 1, с. 448—532.

²² См.: Бужашки Е. Д. Благоев и победата..., с. 218. По словам Г. Димитрова, книга Д. Благоева сыграла для Болгарии такую же роль, какую направленная против народников работа Г. В. Плеханова «Наши разногласия» — для России. См.: Димитров Г. Съч., т. 8, с. 337—338.

²³ См.: Благоев Д. Съч., т. 1, с. 74—75, 135—137, 154, 269, 359, 361—363, 411—412, 419, 431—432; т. 2, с. 19—20, 28—31, 228—229, 247—248.

²⁴ Подробнее см.: Тодоров А. Д. Благоев за обществената роля на интеллигенцията в периода на борбата за създаване на марксистка партия в България.— Годишник на катедрите по научен комунизъм и история на БКП при ВУЗ (далее: Год-к на кат. науч. ком. и ист. БКП), 1971, т. 1/2, с. 17—22, 42.

²⁵ См.: История на Българската комунистическа партия. С. (здесь и далее ссылки даются на второе, дополненное издание книги в 1979 г.), с. 60.

²⁶ Сходные в некотором отношении идеи фактического преклонения перед стихийностью в рабочем движении и отрицания необходимости политической партии пролетариата пропагандировали в России в конце XIX в. сторонники так называемого экономизма, оппортунистического течения в Российской социал-демократии, против которого решительно выступил В. И. Ленин.

²⁷ Благоев Д. Съч., т. 2, с. 200; 1957, т. 4, с. 470—471; подробнее о взглядах Д. Благоева и Г. Георгиева на исторические задачи и роль пролетариата см.: Боев Б., Радулов С. Д. Благоев..., с. 9—42; Дуков В. Гаврил Георгиев за историческата роля на пролетариата.— Годишник на висшия педагогически институт — Шумен, 1976, № 1, с. 229—230, 236—238, 243—245.

²⁸ БКП в резолюции, т. 1, с. 38.

²⁹ См.: Благоев Д. Съч., 1957, т. 3, с. 1—23. «Убежденный в революционных возможностях и роли пролетариата, в обреченности капиталистического общества, Благоев понимал, что социализм может победить не на основе стихийных процессов, а в результате сознательной деятельности пролетариата. Последняя возможна, однако, лишь при условии, когда пролетариат организован в самостоятельную политическую партию» (Димитър Благоев. Биография. С., 1979).

³⁰ См.: История на Българската комунистическа партия, с. 61.
³¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 140. Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 2, с. 19—20, 566; Тимофеев Т. Т. Рабочий класс в центре идейно-теоретического противоборства, с. 23.

³² См.: Рабочий класс и современный мир, 1978, № 5, с. 16—17.
³³ Ленин В. И. Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 24—25.
³⁴ См.: Благоев Д. Съч., т. 1, с. 227, 435, 527; т. 2, с. 12, 25—26, 53—54, 116, 227—229, 247, 362, 364—367, 407, 428, 461, 496—497, 506, 512 и др.; БКП в резолюции, т. 1, с. 10.

³⁵ См.: Благоев Д. Съч., т. 2, с. 248—249; т. 3, с. 12, 22—23.
³⁶ См.: История на Българската комунистическа партия, с. 62—67.

³⁷ В этот период усилился приток в партию случайных элементов, среди них попадались даже и такие, которые выражали желание, чтобы партия издавала бюллетень о котировке товаров в разных районах страны. См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, д. 682, л. 1.

³⁸ Бакалов Г. Избр. произв. С., 1953, с. 50.

³⁹ См.: Цанев П. Издаването на социалистическата книга през легалния период на БКП. С., 1962, с. 52—173. Ф. Энгельс в 1893 г. в письме в редакцию болгарского журнала «Социал-демократ» горячо приветствовал первые успехи социал-демократов балканских стран: «Мы на Западе от души радуемся этим нашим юго-восточным форпостам на границе Азии, которые несут к берегам Черного и Эгейского морей развернутое Марксом знамя современного пролетариата...»; он отмечал также, что на старости лет изучает болгарский язык, чтобы следить за продвижением идей социализма на Юго-Восток Европы (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 424).

⁴⁰ См.: Михов Н. В. Какво е чела българската социалистическа и прогресивна интеллигенция през първите двадесет години след Освобождението.—Годишник на Българския библиографски институт, 1948, т. 1, с. 425—464; Цанев П. Издаването..., с. 79—82, 144—172.

⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 124.

⁴² Коларов В. Избр. произв. С., 1955, т. 2, с. 126.

Среди переведенных на болгарский язык трудов Г. В. Плеханова были: «Первое мая — праздник рабочих всего мира», «Русский рабочий в революционном движении», «Рабочее движение в России», «Из истории рабочего движения» и др., которые оказали существенную помощь в классовом воспитании болгарских рабочих. Немалую роль в этой связи сыграли и прямые выступления Г. В. Плеханова (письма и заметки), непосредственно обращенные к социал-демократии и пролетариату Болгарии. В их числе были опубликованные в первомых номерах болгарских социал-демократических изданий — в газетах «Другар» («Товариш») 15.IV 1894 г. и «Работнически другар» 26.IV 1895 г. — специальные обращения Г. В. Плеханова к болгарским рабочим (напечатанное в газете «Другар» письмо прямо называлось «Привет болгарским рабочим»). В них Г. В. Плеханов, отмечая, что он с величайшим интересом и глубочайшей симпатией следит за болгарским рабочим и социалистическим движением, раскрыл суть марксистского представления о международной пролетарской солидарности и рекомендо-

вал болгарским социал-демократам проявлять стойкость в отстаивании интересов пролетариата. См.: *Бакалов Г. Г. В. Плеханов.—* Летописи марксизма, 1928, № 5, с. 48—50; *Он же.* Избранные исторически произведения. С., 1960, с. 426—434; *Веков А. Г. В. Плеханов и социалистическое...*, с. 62—63.

⁴³ Списание на БИКД, 1897, кн. 2, с. 918—919.

⁴⁴ Произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова и иная социалистическая и общественно-политическая литература имелись не только в учительских библиотеках, но даже в библиотеках для школьников старших классов гимназий. См.: *Кирова Е.* Учителските библиотеки в България през периода 1878—1917 гг.— Год-к на Соф. ун-т. Филос.-ист. фак., 1967, т. 60/3, с. 289, 290, 297—298; 1968, т. 62/3, с. 423—426, 431.

⁴⁵ См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, д. 446, л. 1.

⁴⁶ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 8, с. 581; т. 11, с. 569; т. 12, с. 99.

⁴⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 6, с. 41.

⁴⁸ Селски вестник, 4.IX 1894. Цит. по: *Димов Д.* Началото на историческия път. С., 1976, с. 21.

⁴⁹ См.: *Работник*, 11.XII 1893; 29.I и 12.II 1894; *Социалист*, 14.III и 13.V 1897; *-Власковски В.* Из историята на Троянската партийна организация: Спомени и бележки. С., 1955, с. 10; *Ламбрев К.* Работническото..., с. 64, 66—69, 77, 105, 131—132. Решително выступали предприниматели против любого проявления самостоятельных действий со стороны рабочих; например, в январе 1895 г. с помощью полиции и местных органов власти были аннулированы выборы старшины портовых грузчиков в Варне. Кандидата рабочих, за которого проголосовали 330 грузчиков, отстранили и утвердили ставленника властей, получившего всего 27 голосов. См.: ЦДИА, ф. 173, оп. 1, д. 616, л. 63.

⁵⁰ См.: *Ламбрев К.* Наченки..., с. 122—129, 161—164.

⁵¹ См.: *Коджейков Д.* Рождение и съзидане. С., 1966, с. 14—15, 26, 33.

⁵² См.: *Работник*, 6.II 1893; *Ламбрев К.* Работническото..., с. 69, 120—121.

⁵³ См.: *Хаджийски И.* Съч., т. 2, с. 481.

⁵⁴ См.: ЦПА, ф. 1 оп. 2, д. 8, л. 1—2; ф. 143, оп. 1, д. 183, л. 2; *Социалист*, 30.XII 1894, 23.IX 1896; *Българска комунистическа партия: Документи на централните ръководни органи (далее — БКП. Документи ЦРО).* С., 1972, т. 1, с. 266, 307, 379.

⁵⁵ См.: ЦДИА, ф. 173, оп. 2, д. 1301, л. 37—40, 61—82, 130—133; *Работник* 18.XII 1893, 16, 23 и 30.X 1893; *Работническото движение в България: Материали. 1878—1904.* С., 1954, т. II, с. 18—45; *Ламбрев К.* Работническото..., с. 54—59.

⁵⁶ См.: ЦПА, ф. 36, оп. 1, д. 2, л. 1; ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 80, л. 32; *Социалист*, 6, 16.XII 1894, 9.V., 13.VI, 3 и 6.X 1895.

⁵⁷ См.: *Социалист*, 9.V, 13.VI 1895, 14.VII 1896; *Благоев Д.* Съч., т. 11, с. 436; *Работническото движение в България*, т. II, с. 124—125.

⁵⁸ В ходе стачки печатников 1895 г. получил первое боевое крещение 13-летний типографский ученик Г. Димитров. См.: *Георги Димитров. Биография*, с. 17; *Димитров Г.* Съч., 1954, т. 11, с. 363.

⁵⁹ См.: ЦПА, ф. 36, оп. 1, д. 4, л. 1; *Социалист*, 24.II, 2, 7, 10 и 31.III, 2, 17.IV 1895; 25, 29.V, 15.VI 1896; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 34—46.

- ⁶⁰ См.: ЦДИА, ф. 195, оп. 1, д. 5, л. 49—50; Работнически другар, 11 и 17. II 1895; Социалист, 7. II 1895. В этот же период возникает и профессиональная организация учителей (Болгарский учительский союз — БУС). В ее рядах длительное время боролись два течения: одно из них ориентировало учителей на союз с рабочим классом под руководством социал-демократии, другое, мелкобуржуазное, стремилось превратить БУС в чисто профессиональную, аполитичную организацию. К 1899 г. победило мелкобуржуазное крыло. См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. История на профъюзното движение..., с. 44—5, 63.
- ⁶¹ См.: *Благовоев Д.* Съч., т. 3, с. 367; *Цанев П.* Първомайските чествувания..., с. 10; *Коджейков Д., Хаджиниколов В., Йоцов Я.* Революционното профъюзно движение..., с. 22—26.
- ⁶² *Кънев Ю.* Из историята на социалистическото и работническо движение в Сливен до 1903 г. Спомени.— Известия на Института по история на БКП, 1958, кн. 3/4, с. 468.
- ⁶³ См.: Социалист, 28. XI 1895, 13. X 1896; *Кънев Ю.* Из историята..., с. 468.
- ⁶⁴ Д. Благовоев, например, активно участвовал в созданном в 1899 г. в Пловдиве потребительском кооперативном обществе «Рабочий», организовавшем на кооперативных началах выпечку и продажу дешевого хлеба; общество занималось также просвещением среди рабочих. См.: *Летопис за живота и дейността на Димитър Благовоев С.*, 1974, т. 1, с. 319, 332, 334—400.
- ⁶⁵ См.: *Благовоев Д.* Съч., т. 6, с. 418, 427—429; т. 7, с. 125, 244, 304, 401, 551; т. 8, с. 178; БКП в резолюции, т. 1, с. 75, 93, 123.
- ⁶⁶ См.: БКП. Документи ЦРО, т. 1, с. 91, 127—128, 169, 174, 337—338, 432; Работническото движение в България. С., 1955, т. III, с. 71—75, 92—95, 103—105, 113—119, 127—128, 135—138, 141—149.
- ⁶⁷ См.: Социалист, 3. X 1895; Работническото движение в България, т. III, с. 132—133, 138, 141—146, 150—151, 631—636.
- ⁶⁸ *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 301; см. также т. 7, с. 115.
- ⁶⁹ См.: *Благовоев Д.* Съч., т. 11, с. 435.
- ⁷⁰ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 37—43; *Младенов Д.* Първите работнически печатарски синдикати в България. С., 1959, с. 45.
- ⁷¹ См.: *Клинчаров И.* История..., ч. 1, с. 35—36.
- ⁷² См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 1, с. 205, 219.
- ⁷³ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 51; Работническото движение в България, т. II, с. 163—166.
- ⁷⁴ См.: Социалист, 9. V, 13. VI, 5. VII 1895 и 14. VII 1896; *Благовоев Д.* Съч., т. 11, с. 436; *Райков Р.* Материали..., с. 38—40, 61—73.
- ⁷⁵ См.: Работническото движение в България, т. III, с. 96; *Райков Р.* Материали..., с. 62, 72.
- ⁷⁶ См.: ЦДИА, ф. 20, оп. 1, д. 182, л. 33—35, 74—172; д. 187, л. 140—142; ф. 178, оп. 1, д. 135, л. 1—382; *Пенев Н.* Развой..., с. 13; *Коджейков Д., Христов Х.* и др. Организации..., с. 28—30; *Коджейков Д.* Страници из борбите на телеграфоощенци, с. 23—25.
- ⁷⁷ См.: *Ламбрев К.* Работническото..., с. 60—62, 109, 132—134.
- ⁷⁸ См.: *Благовоев Д.* Съч., т. 2, с. 362; т. 7, с. 28; т. 8, с. 581; т. 10, с. 340; т. 11, с. 179, 569; т. 12, с. 99, 231, 459, 479, 600.
- ⁷⁹ *Кънев Ю.* Из историята..., с. 368.

⁸⁰ См.: Работническото движение в България, т. II, с. 191—202, 205—207, 211—237, 245—260, 269—270, 302—304, 313—325, 331—332, 567—573; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 50—63.

⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 2, с. 448.

⁸² *Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

⁸³ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 2, с. 206.

⁸⁴ См.: Стачки: история и современность. М.: Наука, 1978, с. 61—62.

⁸⁵ *Ленин В. И.* Что делать? — Полн. собр. соч., т. 6, с. 30.

⁸⁶ См.: *Исусов М.* За дейността на Гаврил Георгиев до 1903 г. — Известия на Института по история на БКП, С., 1957, № 1/2, с. 370—376, 384—389; *Йотов И.* Възгледите на българските марксиста за характера на партията и нейната роля и място в революционния процес. — Известия на Института по история на БКП, 1971, № 25, с. 11—30; *Симеонова Л.* Георги Кирков за историческата роля на пролетариата, неговото възпитание и задачи. — Научни трудове на Висшия лесотехнически институт, С., 1959, т. VII, с. 328—334.

⁸⁷ См.: Спомени за Георги Кирков — Майстора. С., 1965, с. 111—112, 120—124; *Боршков Г.* Георги Кирков: Принос към биографията му за годините 1897—1899. С., 1949. В газете «Работнически вестник» Г. Кирков публикувал свои талантливые художественные произведения — рассказы из жизни трудящихся и фельетоны (в них в остроумной форме были изображены различные социальные типы, представители разных классовых и политических групп страны). Эти произведения обеспечили газете большую популярность в пролетарской среде. Самому Г. Киркову, подписывавшему часть своих фельетонов псевдонимом «Майстора Гочо Зулям», они принесли любовь и доверие болгарских пролетариев. В этой связи у него и появилась партийная кличка «Майстора» («Мастер»).

⁸⁸ См.: *Георгиев А., Коджейков Д., Хаджиниколов В., Исусов М.* и др. Профсъюзният печат..., с. 81—84, 107—115; *Коджейков Д.* Страници..., с. 26—31.

⁸⁹ Несмотря на предпринятые поиски, в нашем распоряжении оказалось, к сожалению, очень мало прямых свидетельств из источников об этапах формирования классового сознания болгарских рабочих. Уместно заметить, что аналогичные трудности, вытекающие прежде всего из пробелов в источниках, возникают у любого исследователя, пытающегося проследить изменения и механизм формирования классового сознания в прошлом. Справедливо подчеркнула польский историк Ц. Бобиньска: «Из всех форм и проявлений общественной жизни наименее равномерно отражена в источниках история общественного сознания и общественной психологии... Поэтому изучение сознания трудящихся в прошлом особенно затруднено» (Вопросы истории, 1965, № 6, с. 80—81). Сходные мысли высказывали и другие ученые. См.: Новая и новейшая история, 1967, № 2, с. 38; Источниковедение отечественной истории. 1975, с. 356; Вопросы истории, 1977, № 9, с. 164.

Мы вынуждены использовать в этой связи материалы об изменении типов рабочих организаций, эволюции форм и методов их социального протеста и борьбы и т. д., косвенно характеризующие перемены в сознании пролетариата.

⁹⁰ БКП. Документи ЦРО. С., 1974, т. 2, с. 408, 421—422; бoльшая часть их возникла в 1902 г.

⁹¹ БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 422.

⁹² См.: Работнически вестник, 29.XI 1901; 31.X, 1902; БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 409, 424; С., 1976, т. 3, с. 34—36. Попытки создания аналогичных курсов были предприняты и в некоторых других городах. В 1901—1902 гг. в пролетарском квартале Софии Юч-Бунаре начал действовать филиал курсов. См.: Общо дело, 1905, кн. 5, с. 562—567.

⁹³ Я. Сакызов и его сторонники утверждали, что их идеи являются «широким толкованием» марксизма, и нападали на Д. Благоева и его соратников, обвиняя последних в ортодоксальном, якобы «узком» (по-болгарски — «тесном») понимании марксизма. Так, за сакызовцами закрепилось название «широкие социалисты» (или общедельци), а за благоевцами — «тесные социалисты» (тесняки).

⁹⁴ См.: БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 398, 505, 511; Благоев Д. Съч., т. 11, с. 383, 500—501, 542—544; Шарова К. Разцеплението на БРСДП през 1903 г. С., 1955, с. 22—31; Тодоров А. Борбата на революционните марксисты против българския ревизионизъм — общоделството. С., 1959, с. 49—53, 95—96, 106.

⁹⁵ См.: Общо дело, 1900, № 4, с. 49; № 5, с. 65; Сакъзов Я. Тревога за призраци. С., 1903, с. 39; Димитров Д. Разпрата в работнишката партия. С., 1901, с. 32.

⁹⁶ См.: Благоев Д. Съч., т. 7, с. 40—59; т. 8, с. 81, 87—93, 102—103, 127—131; Кирков Г. Избр. произв., т. 1, с. 88—94, 101—112; Георгиев Г. Избр. произв. С., 1953, с. 118—122, 127—202; Петров Т. Избр. произв., с. 8—9, 63—69, 157—159.

⁹⁷ Благоев Д. Съч., т. 7, с. 169.

⁹⁸ Из отчета секретаря ЦК Болгарской рабочей социал-демократической партии Г. Киркова на IX съезде партии в 1902 г.—БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 392.

⁹⁹ БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 267, 271—272, 392, 395—401.

¹⁰⁰ С этим и была связана принятая VII съездом партии резолюция, в которой крестьянское движение в Болгарии 1900 г. было охарактеризовано как «нереволуционное» и по отношению к нему было решено занять выжидательную позицию. См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 123—125; История на Българската комунистическа партия, с. 73.

¹⁰¹ БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 267, 271—275, 392—402; БКП в резолюции, т. 1, с. 119—124, 129—132, 140.

¹⁰² Работнически вестник, 3.VII 1903.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Влияние ленинских идей сказалось в аргументации, с которой Д. Благоев, Г. Георгиев, Т. Петров и другие публицисты-тесняки осуждали и разоблачали оппортунистические взгляды общедельцев по вопросам важнейших задач пролетарской партии, ее теоретических основ, ее организационного строительства и др. См.: Благоев Д. Съч., т. 8, с. 88, 91—92; Георгиев Г. Избр. произв., с. 129; Петров Д. Избр. произв., с. 180—181. В частности, Д. Благоев в своей статье «Оппортунизм или социализм» использовал ленинскую критику оппортунистического лозунга «свободы критики» из работы «Что делать?» См.: Благоев Д. Съч., т. 8, с. 511.

¹⁰⁵ Пролетарская революция, 1929, № 10, с. 112.

- ¹⁰⁶ См.: БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 495—550, 573; *Шарова К.* Разцеплението..., с. 116—120; *Самоковлиев Н.* Разцеплението през 1903 г.—Известия на Института по история на БКП, 1964, т. 12, с. 273—284.
- ¹⁰⁷ БКП в резолюции, т. 1, с. 153—154.
- ¹⁰⁸ См.: Там же, с. 154—157.
- ¹⁰⁹ См.: Там же, с. 408.
- ¹¹⁰ См.: Искра, 22.X 1903, с. 7.
- ¹¹¹ *Благоев Д.* Съч., т. 9, с. 145.
- ¹¹² См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 154—157, 168—169.
- ¹¹³ Там же, с. 169. Опортунистическите концепции общедельцев об идейном и политическом нейтралитете профсоюзов, направленные на ограничение влияния революционной социал-демократической партии в массовом рабочем движении, были немедленно подхвачены печатью буржуазных и мелкобуржуазных партий Болгарии. См.: *Исусов М.* Революционното профсъюзно движение в България, с. 66—68.
- ¹¹⁴ *Благоев Д.* Съч., т. 11, с. 578—579.
- ¹¹⁵ См.: *Хаджисиниолов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. История на профсъюзното движение..., с. 74—79, 88—92.
- ¹¹⁶ См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 153—156, 168, 174, 189—190, 206—207, 234—238, 248—251.
- ¹¹⁷ См.: БКП. Документи ЦРО. т. 3, с. 167—170, 271, 291, 297, 315, 336—338, 368—369, 412—414, 419, 460—471, 493; *Чолов П.* Отношението на партията към читалищата и библиотеките (1891—1912).—Известия на Института по история на БКП, 1970, т. 24, с. 127—128, 131.
- ¹¹⁸ См.: Работнически вестник, 25.VIII 1904, 14.VII 1910; БКП. Документи ЦРО, т. 3, с. 412—413, 486; *Цанев П.* За ролята на работническите просветни дружества.—Исторически преглед, 1955, № 6, с. 74—76; История на младежкото революционно движение..., с. 41—42.
- ¹¹⁹ См.: Работнически вестник, 25.VIII 1904; Спомени за Георги Кирков—Майстора, с. 198; Спомени за Георги Димитров. С., 1971, т. 1, с. 44.
- ¹²⁰ См.: Работнически вестник, 25.IX 1903; Спомени за Георги Кирков—Майстора, с. 204, 253, 277; Бележити българи. С., 1971, т. IV, с. 87. Как свидетелствувал член партии широких И. Янулов, «вечерняя школа тесняков хорошо посещалась» (Общо дело, 1905, кн. 5, с. 569).
- ¹²¹ Спомени за Георги Димитров, т. 1, с. 78—80, 82—83; Борба и победа. С., 1974, с. 24, 42—43.
- ¹²² Работнически вестник, 10.IX 1904; БКП. Документи ЦРО. т. 3, с. 418, 502.
- ¹²³ См.: *Ангелов В.* Живот за партията. С., 1972, с. 160—161.
- ¹²⁴ *Лазаров К.* Незабравими дни. С., 1975, с. 28—29.
- ¹²⁵ Списание на БИКД, 1910, кн. 5, с. 358.
- ¹²⁶ БКП. Документи ЦРО, т. 3, с. 418; *Чолов П.* Отношението..., с. 127—130.
- ¹²⁷ См.: История на Българската комунистическа партия, с. 118—119; Георги Димитров. Биография, с. 53; *Цанев П.* Георги Кирков—Майстора. С., 1964, с. 137—139.
- ¹²⁸ Георги Димитров в спомени на журналисти. С., 1971, с. 101.
- ¹²⁹ ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 33, л. 16 об.

¹³⁰ С докладами на собраниях софийских швейников неоднократно выступали Г. Кирков, Г. Димитров и другие видные деятели партии. См.: ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 33, л. 16—18, 23—25, 26 об, 27 об, 31, 34, 40, 44—45, 55, 75—76, 86 об—87.

¹³¹ См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, д. 6, л. 842; Известия на държавните архиви, 1970, кн. 20, с. 91—102.

¹³² См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 3, д. 188, л. 22 об.

¹³³ БКП в резолюции, т. 1, с. 174

¹³⁴ Подробнее см.: *Баръмов С.* Отношението на тесните социалисти към религията и борбата им за атеистично възпитание на трудещите се.— Известия на ВПШ при ЦК на БКП, 1961, кн. 12, с. 177—194; *Хаджиниколов В.* Интернационалистическите традиции..., с. 72—89, 115—117.

¹³⁵ «Читал с восхищением „Зарю“» (речь идет о журнале, издававшемся в 1901—1902 гг. при активном участии В. И. Ленина и других «искровцев».— М. Б.),— писал 30.V 1901 г. Д. Благоев Г. Бакалову, отражая настроения передовых рабочих.— Я живу сейчас ожиданием революции в России, которая может начаться каждый день» (*Благоев Д.* Съч., т. 20, с. 240).

¹³⁶ Работнически вестник, 15.I 1905. Собранные среди болгарского пролетариата средства были переведены в фонд русской социал-демократии.

¹³⁷ См.: БКП. Документи ЦРО, т. 3, с. 408, 430—434. Аналогичные резолюции были приняты на последующих XIII и XIV съездах партии тесняков в 1906 и 1907 г. См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 186, 202.

¹³⁸ См.: Работнически вестник, 9 и 12.II, 2.IV, 14.V, 12 и 18. XI 1905; 15.XI 1906; 21.II 1907. Подробнее об откликах в Болгарии на революцию 1905 г. см.: *Хаджиниколов В.* Отражението...; *Он же.* Проблеми относно влиянието на първата руска революция в България.— Исторически преглед, 1975, № 4, с. 19—30; *Атанасов Г.* Към въпроса... *Панцуктилова О. В.* Рабочее движение в Болгарии в 1905—1907 гг. и др.

¹³⁹ См.: Работнически вестник 28.X 1905; *Петров Т.* Избр. произв., с. 307; *Кабакчиев Х.* Избр. произв., с. 176, 180.

¹⁴⁰ Подробнее об изменениях в положений болгарского пролетариата в отмеченный период см.: *Беров Л.* Положението..., с. 288.

¹⁴¹ Ново време, 1969, № 9, с. 43.

¹⁴² См.: *Хаджиниколов В.* Отражението..., с. 117—127, 164—166; *Атанасов Г.* Към въпроса..., с. 49—84, 149—152, 157—270.

¹⁴³ См.: Мир, 14.I 1906.

¹⁴⁴ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 83—122; Документи ЦРО, т. 4, 1979, с. 396—397.

¹⁴⁵ *Димитров Г.* Съч., т. 7, с. 341; См. также: *Веков А.* Българо-руски революционни връзки; *Самуилов И.* С болшевиките против самодържавието. С., 1963; *Хаджиниколов В.* Димитър Благоев и връзките на българската работническа класа с руското революционно движение.— В кн.: 100 години Димитър Благоев. С., 1956, с. 267—313.

¹⁴⁶ См.: *Цанев П.* Първомайските чествувания..., с. 28—51.

¹⁴⁷ См.: *Хаджиниколов В.* Отражението..., с. 81—85.

¹⁴⁸ См.: Работнически вестник, 30.IV 1910; *Димитров Г.* Съч. С., 1952, т. 2, с. 489.

¹⁴⁹ См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 3, д. 158, л. 1; д. 175, л. 1, ф. 184, оп. 1; д. 2, л. 45, 53—55, 192, 199; ф. 184, оп. 1, д. 4, л. 16; ЦДИА, ф. 105, оп. 1, д. 503, л. 1; ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 93—94; Работнически вестник, 18.VI 1905, 16.XI и 4.XII 1907; 3, 12.I, 21 и 26.II, 14.III 1908; 3.IV и 12.X 1909.

¹⁵⁰ См.: Работнически вестник, 25.XII 1904; с лекцией на сходную тему — об отношении социал-демократии к вопросам культуры — выступал на вечеринке рабочих в Плевене Г. Кирков. БКП. Документи ЦРО, т. 2, с. 261.

¹⁵¹ См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 120, 179, 179а, 190, 203; Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спomenи, д. 66, л. 2—6; № 682, л. 2. Для декламации чаще всего использовались стихи из изданных в 1901—1902 гг. Г. Бакаловым в Варне антологий «Лучи поэзии» и «К свободе»; Бакалов же издал и сборники пролетарских песен (в них были опубликованы и переведенные им песни рабочих разных стран), также использовавшиеся на вечерах. Деятельность Г. Бакалова в качестве издателя, переводчика и пропагандиста произведений марксистской мысли и мировой художественной литературы среди рабочих масс была оценена Д. Благоевым в 1901 г. как «чрезвычайно полезная» для социал-демократии, как «гордость» партии. См.: *Благоев Д.* Стч., т. 20, с. 206. Подробнее о роли Г. Бакалова в формировании элементов социалистической литературы и культуры в Болгарии в целом и в популяризации классиков зарубежной (в том числе русской) литературы в Болгарии см.: *Авджиев Ж.* Георги Бакалов. С., 1959, с. 20—38, 48—49, 144—146, 149; *Злыднев В. И.* Русско-болгарские литературные связи XX века. М., Наука, 1964, с. 64—69, 80—83.

¹⁵² См.: Известия на Народния музей — Варна, 1967, кн. III (XVIII), с. 174—180; 1971, кн. VII (XXII), с. 209—210. В жилищах передовых рабочих начала века часто встречался портрет М. Горького. Как вспоминал Г. Бакалов, «рядом с марксизмом, прокладывая дорогу его еще более широкому влиянию, шли художественные произведения М. Горького». См.: *Бакалов Г.* Максим Горький в Болгарии. — Октябрь, 1931, № 4/5, с. 26.

¹⁵³ К. Маркс дал высокую оценку песне ткачей, назвав ее «смелым кличем борьбы». См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 1, с. 443. На русский язык пьеса Г. Гауптмана была переведена А. И. Елизаровой-Ульяновой в 1895 г. при участии В. И. Ленина, высоко ценившего это произведение. См.: Ленин. Революция. Театр: Документы и воспоминания. Л.: Искусство, 1970, с. 182, 195—196.

¹⁵⁴ См.: *Цанев П.* Издаването..., с. 127, 153.

¹⁵⁵ Революционная драма Г. Гауптмана была созвучна настроениям сознательных рабочих всего мира. Драма и ее многочисленные инсценировки пользовались значительным успехом у пролетариев многих стран. Брошюра с переводом драмы «Ткачи» на русский язык, пропагандировавшаяся ленинским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», была встречена с горячим интересом рабочими России. Ею зачитывались передовые пролетарии, читали вслух в нелегальных рабочих кружках. См.: *Трофимов А. С.* Пролетариат России и его борьба против царизма. 1861—1904 г. М.: Мысль, 1979, с. 180. Первый в России спектакль по пьесе Г. Гауптмана был поставлен в Нижнем Новгороде в декабре 1905 г. См.: *Мандель Е. М.* Гауптман. Саратов, 1962, с. 58—62..

¹⁵⁶ См.: Архив на секцията по история на проф. движение

НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 2; Революционна София. 1894—1944. Спомени. С., 1969, с. 50; *Ковачев Г.* Кратки спомени. С., 1974, с. 29—30, 87—88.

¹⁵⁷ См.: ЦДИА, ф. 105, оп. 1, д. 503, л. 1; ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 120; Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 3—7. *Ковачев Г.* Кратки спомени, с. 30; Известия на Народния музей.— Варна, 1968, кн. IV (XX), с. 188, *Кънев Ю.* Из историята..., с. 463; Революция и изкуство. С., 1970, с. 209—215.

¹⁵⁸ См.: *Крыстев К.* Очерки истории болгарской музыки. М.: Музыка, 1973, с. 97—98.

¹⁵⁹ См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 120, 179, 190, 203; *Метева Е.* Руската революционна песен в България (1876—1944).— Год-к на Соф. ун-т, фак. по слав. фил. С., 1972, т. 64/2, с. 167, 188—190, 192—193, 196—197.

В рабочей среде и в прогрессивных кругах Болгарии в целом русские революционные песни были очень популярны. Как отмечает исследователь истории болгарской музыки, «русская революционная песня была верной спутницей болгарских рабочих, начиная с их первых революционных выступлений» (*Крыстев К.* Очерки по истории болгарской музыки, с. 99).

¹⁶⁰ Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 66, л. 3.

¹⁶¹ См.: Там же, № 67, л. 3—4; Год-к на Музея на рев. движ., 1974, кн. 6, с. 144—145; Революционна София..., с. 51.

¹⁶² См.: Известия на Народния музей.— Варна, кн. IV (XX), с. 188—189, 197.

¹⁶³ Спомени за Георги Кирков-Майстора, с. 165.

¹⁶⁴ См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 190; Ново време, 1906, кн. 4, с. 221—227.

¹⁶⁵ Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 67, л. 1—4; № 691, л. 2; Работнически вестник, 18.VIII 1904; 28.VIII 1907; БКП. Документи ЦРО, т. 3, с. 131, 146, 270—271, 483, 494.

¹⁶⁶ См.: *Василев Бл.* Развитието и дейността на Софийската партийна организация в периода 1909—1912 г.— Трудове на Висшия институт за физическа култура «Г. Димитров», С., 1968, т. XI, кн. 2, с. 97—98.

¹⁶⁷ См.: История на младежкото революционно движение..., с. 51—59.

¹⁶⁸ Работнически вестник, 24.VIII, 1907, 20, 22.V 1909, 23.VIII 1910.

¹⁶⁹ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 8, с. 87—89; т. 12, с. 403—404.

¹⁷⁰ См.: *Андреев К.* Вестител на новото време. История и теоретическите борби на списание «Ново време». С., 1972, с. 10—92; *Василев К.* Към въпроса за теоретическото наследство на партията от нейния тесносоциалистически период.— Философска мисъл, 1953, № 3, с. 46—69; Светилник на марксистическата мисъл. 70 г. «Ново време» и «Работнически вестник». С., 1968.

¹⁷¹ В ряде содержательных работ советских и болгарских ученых (в первую очередь здесь следует назвать труды Ж. Авджиева, В. И. Злыднева, С. Каролева, Д. Ф. Маркова, Л. Павлова, Т. Павлова, Д. Паскалева, Г. Цанева и др.) исследован вклад Д. Благоева (отчасти и его соратников) в становлении в Болгарии марксистской

эстетики, критики, литературоведения и некоторых иных сфер духовной культуры; в исследованиях других ученых (К. Андреева, К. Василева, К. Григорова, Р. Караколова, Д. Косева, Ж. Натана, Х. Христова, А. С. Бейлиса, П. М. Шестакова и др.) освещен вклад Д. Благоева и его соратников в разработку экономической, философской и исторической науки. Недостает, однако, обобщающих синтетических трудов, посвященных изучению формирования идеологии пролетариата; процесса зарождения и развития элементов социалистической культуры в капиталистической Болгарии в целом.

¹⁷² Особую активность проявил в этом один из деятелей партии широких социалистов И. Янулов. См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 972, № 1, 7—10; Общо дело, 1905, кн. 7/8, с. 566—567.

¹⁷³ См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 972, л. 10.

¹⁷⁴ См.: Петров Т. Избр. произв., с. 375.

¹⁷⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 312; т. 10, с. 356—357; т. 25, с. 351; т. 30, с. 314; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 2, с. 438—439. Аналогичную постановку вопроса находим мы и у Р. Люксембург. См.: Люксембург Р. Избр. соч. М.: Моск. рабочий, 1928, т. 1, ч. 1, с. 177.

¹⁷⁶ Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года.— Полн. собр. соч., т. 30, с. 314.

¹⁷⁷ Благоев Д. Съч., т. 14, с. 431.

¹⁷⁸ Дюгмеджиев Л. Спомени и размисли. С., 1974, с. 29.

¹⁷⁹ См.: Благоев Д. Съч., т. 14, с. 291. Подробнее об этом см.: Йотов Й. Димитър Благоев — основател и строител на революционно-марксистката партия на българската работническа класа.— В кн.: Димитър Благоев — бележит теоретик и революционер. С., 1976, с. 160—171; Колева Т. Димитър Благоев за историческата роля на работническата класа в България.— Там же, с. 198—207, 224—225.

¹⁸⁰ БКП в резолюции, т. 1, с. 407.

¹⁸¹ См.: Исусов М. Революционното профсъюзно движение..., с. 114—138.

¹⁸² См.: Железничар, I, II и 4, III 1911.

¹⁸³ См.: Иванчов Д. Български периодичен печат. 1844—1944. С., 1962, т. 1, с. 268, 286, 403, 475; 1966, т. II, с. 43, 128, 180, 251, 317, 429, 458, 504; Георгиев А. Юбилейни години за профсъюзните отрасли вестници.— Профсъюзни летописи, № 9, 1970, с. 122—139.

¹⁸⁴ Металороботник, 9, I 1910, № 1.

¹⁸⁵ См.: Димитров Г. Съч., т. 2, с. 76; С., 1952, т. 4, с. 126.

¹⁸⁶ Списание на БИКД, 1909, кн. 4/5, с. 305—309; 1910, кн. 3/4, с. 290—291; 1911, кн. 5/6, с. 392—405 (в журнале болгарских буржуазных экономистов о реформистских профсоюзах публиковалась гораздо более богатая информация, чем о революционных).

¹⁸⁷ Димитров Г. Съч., т. 2, с. 165—166; 194, 380.

¹⁸⁸ См.: Димитров Г. Съч., т. 2, с. 40—41, 54—56, 380—381.

¹⁸⁹ Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М. и др. История на профсъюзното движение..., с. 191—192; Димитров Г. Съч., т. 2, с. 266.

¹⁹⁰ См.: Борба, 1913, кн. II, с. 123; 1914, кн. V, с. 303.

¹⁹¹ См.: Благоев Д. Съч., 1963, т. 19, с. 232.

¹⁹² БКП. Документи ЦРО, т. 3, с. 593; БКП в резолюции, т. 1, с. 137, 163, 230.

¹⁹³ Абсолютные данные для подсчета взяты из официального отчета, посланного руководством Болгарской рабочей социал-демократической партии широких социалистов в Международное социалистическое бюро II Интернационала. См.: Bericht der Bulgarischen vereinigten Sozial-Demokratischen Arbeiter-Partei. Sofia, 1910, S. 10.

¹⁹⁴ Списание на БИКД, 1907, кн. 4/5, с. 249, 258

¹⁹⁵ См.: *Беров Л.* Положенieto..., с. 288.

¹⁹⁶ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 95—149.

¹⁹⁷ См.: *Железничар*, 16.VIII 1910, 4.III 1911.

¹⁹⁸ См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 149—150, 160—162.

¹⁹⁹ См.: ЦПА, ф. 8, оп. 1, д. 139, л. 109; ф. 146, оп. 2, д. 469; л. 1; ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 136; *Работнически вестник*, 31.VII 1909, 7.III 1912.

²⁰⁰ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 428.

²⁰¹ *Работнически вестник*, 29.IV 1912.

²⁰² См.: *Интернационализмът на БКП: Документи и материали. 1892—1944.* С., 1974. Тему эту осветили болгарские историки (С. Арабаджиев, Е. Атанасова, П. Боев, С. Вылков, М. Иванов, К. Йотов, Д. Митев, З. Мичева, М. Мюсюмов, Ц. Тодорова, В. Хаджиниколов и др.) в ряде специальных, частично упоминавшихся выше работ.

²⁰³ См.: БКП в резолюции, т. 1, с. 191—194.

²⁰⁴ См.: Там же, с. 203—207, 221—223, 232—233, 236—239, 253—254, 284—286.

²⁰⁵ См.: ЦПА, ф. 18, оп. 1, д. 86, л. 1; д. 36, д. 93, л. 1; д. 94, л. 1; д. 161, л. 1; д. 169, л. 1; ф. 38, оп. 1, д. 117, л. 1; ф. 166, оп. 1, д. 1, л. 1.

²⁰⁶ Абсолютные данные взяты: *Статистически годишник. 1909*, с. 484; 1910; с. 542; 1911, с. 530. По другим подсчетам, около $\frac{3}{4}$ всех участников стачек за период 1904—1912 гг. приходилось на забастовки, организованные тесняками. См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 107; *Икономика на България*, т. 1, с. 421.

²⁰⁷ См.: *Петров Т.* Избр. произв., с. 183.

²⁰⁸ См.: ЦПА, ф. 1; оп. 5а, д. 18, л. 11—12; *Йотов И.* Центризъмът в българското социалистическо движение. 1905—1920. С., 1969, с. 199.

²⁰⁹ См.: ЦПА, ф. 1, оп. 5а, д. 15, л. 72; *Борба*, 1914, кн. 4, с. 304; кн. 8, с. 504; кн. 10, с. 614; *Йотов И.* Центризъмът..., с. 199—206 208—215, 258.

²¹⁰ См.: *Казасов Д.* Видяно и преживяно. С., 1969, с. 153.

²¹¹ См., например: *Пролетна заря*, 1905, кн. 4, с. 416—417.

²¹² См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 99, 110; ф. 996, оп. 2, д. 545, л. 1; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 91—92, 119, 137.

²¹³ См.: *Димов Д.* Началото на историческия път, с. 213—242.

²¹⁴ См.: ЦПА, ф. 168, оп. 1, д. 99, л. 206, 6; ф. 996, оп. 2, д. 545, л. 1; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 97, 113, 128, 130, 132, 133, 149, 167, 170. В декларации стачечного комитета железнодорожников в январе 1907 г. (в нем задавали тон деятели реформистских профсоюзов) содержались заявления, что стачка (в отличие от забастовок в России) не направлена

против существующего строя; имелись в ней также советы правительству пойти на уступки и реформы во избежание апархии в стране: «Постепенное приспособление к новым требованиям — такова была одна из сентенций, содержащихся в декларации, — есть высшая мудрость государственного деятеля в нынешнее время» (ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 211).

²¹⁵ ЦДИА, ф. 11, оп. 1, д. 734, л. 1; ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 108, 112 об.

²¹⁶ См.: Шарова К. Из борбите..., с. 4—6, 27, 35—36.

²¹⁷ Позднее деятели буржуазных и мелкобуржуазных партий (В. Моллов, И. Фаденхет и др.) вместе с представителями широких социалистов (И. Янулов) создали «Комитет социальных реформ»; последний в 1911 г. обратился к Народному собранию и к министру торговли и земледелия с письмом, в котором между прочим призывал и к введению в действие законов об охране труда рабочих. См.: ЦДИА, ф. 865, оп. 1, д. 236, л. 1.

²¹⁸ См.: Дневники на XIII ОНС, II р.с. С., 1906, с. 2097—2100, 2631; Дневники на XIII ОНС, III р.с. кн. 7, с. 2454—2456; Работнически вестник, 5.VIII и 16.XII 1911 г.; Златинчев И. Борбата..., с. 40—75.

²¹⁹ См.: ЦПА, ф. 1, оп. 2, д. 106, л. 1; д. 36, оп. 1, л. 1; ЦДИА, ф. 173, оп. 2, д. 1885, л. 90—176; д. 2628, л. 70, 70 об.; д. 2939, л. 6, 7, 12—17, 27, 41, 45—48, 50—57, 59, 60. Рабочие протестовали также против изданного ранее реакционного закона об организации ремесла, фактически направленного на обуздание ремесленных рабочих. См.: ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 33, л. 58—59; ф. 37, оп. 1, д. 2, л. 1; ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 200; ф. 173, оп. 2, д. 1885, л. 90—176; д. 2257, л. 323; ф. 996, оп. 2, д. 534, л. 1—3. Закон был так непопулярен среди рабочих, что против него выступили и реформисты. См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 80, л. 8.

²²⁰ См.: Работнически вестник, 13.VI 1912; Тодорова Ц. Първи стъпки..., с. 81—82, 93, 104, 108.

²²¹ См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 79, л. 215—216.

²²² Списание на БИКД, 1905, кн. 7, с. 449.

²²³ См.: Стателова Е. Политика, партии, печат на българската буржоазия, 1909—1912. С., 1973, с. 29, 34, 45, 58.

²²⁴ См.: Дневник, 10.XII 1909.

²²⁵ См.: Дневники на XIII ОНС, I и.с., с. 281—282; при обсуждении законопроекта «об анархистах и преступниках против государственной и общественной безопасности» лидер радикальной партии Н. Цанов назвал его «драконовским» (Там же, с. 252).

²²⁶ См.: Дневники на XIII ОНС, IV р.с. С., 1907, кн. 3, с. 1363.

²²⁷ См.: Там же, кн. 5, с. 1862—1863. Закон запрещал работникам государственных учреждений и предприятий (в том числе железнодорожникам) принимать участие в стачках, поддерживать бастующих, выражать протест и участвовать в борьбе против властей и государственного строя; все нарушившие эти запреты, а также члены организаций, ставящих перед собой подобные цели, подлежали увольнению. В то же время разрешалось создавать кассы и прочие общества взаимопомощи, различные потребительские, просветительно-развлекательные и спортивные организации, подлежащие утверждению властей.

²²⁸ Дневники на XIII ОНС, IV р.с. С., 1907, кн. 2, с. 582—584.

²²⁹ См.: Там же, I и.с., с. 277—280; IV р.с., кн. 5, с. 1863—1864; 1870.

²³⁰ См.: Там же, с. 141—146, 151—152; при обсуждении закона об учреждении тайной полиции один из депутатов (Г. Пасаров) сетовал по поводу деятельности «нигилистов», прибывающих из России и оказывающих на молодежь влияние «разрушительными идеями» (Там же, с. 143).

²³¹ См.: Работнически вестник, 11.XI 1906; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 110—113.

²³² ЦДИА, ф. 3, оп. 8, д. 1358, л. 1—2.

²³³ Недаром рабочие-табачники Пловдива, Хасково, Дунищи и других городов на весть о создании табачного картеля ответили резолюциями с требованиями улучшения условий труда, посланными в адрес Народного собрания; в ходе стачечной борьбы в 1910 г. рабочие-табачники вплотную столкнулись с табачным картелем. См.: ЦПА, ф. 8, оп. 2, д. 71, л. 218—219; Работнически вестник, 16.VI и 28.VII 1910; Тютюнороботник, 6.VII и 14.VIII 1910; *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 390; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 151—155, 165—165.

²³⁴ Практически закон (за редким исключением) так и не был реализован в довоенный период, что было признано официальными лицами. См.: ЦДИА, ф. 865, оп. 1, д. 236, л. 1; *Попов К.* Стопанска България..., с. 292.

²³⁵ См.: ЦДИА, ф. 135, оп. 1, д. 80, л. 156; ф. 173, оп. 2, д. 1885, л. 185, 217; д. 2257, л. 323; д. 2260, л. 403, 407, 414—418; д. 2369, л. 35, д. 2939, л. 6—9, 11—16, 20—40, 43, 49; д. 2941 л. 61, 62; аналогичные резолюции (хотя и более умеренные по тональности) принимались на рабочих собраниях, проходивших под руководством реформистов. См.: ЦДИА, ф. 173, оп. 2, д. 2939, л. 5, 19, 58; д. 3287, л. 1—86; *Тодорова Ц.* Борбата..., с. 19—34.

²³⁶ См.: Дневници на XIV ОНС, III р.с. С., 1910, кн. 1, с. 9—10.

²³⁷ См.: ЦПА, ф. 36, оп. 2, д. 10, л. 1; д. 11, л. 1; д. 13, л. 1; ЦДИА, ф. 173, оп. 2, д. 3285, л. 152, 192—194, 196—204, 206—208, 210; д. 3286, л. 251, 254—273; Работнически вестник, 22.II, 18, 27.X, 10.XII 1910; Ново време, 1910, кн. 12, с. 679—686; *Ковачев Г.* Кратки спомени, с. 49—50. Как вспоминает один из ветеранов, возмущенные шахтеры Перника пешком пошли в Софию, чтобы выразить свою готовность к борьбе. См.: *Тодоров-Иглев Ф.* Из моя миньорски живот. С., 1959, с. 41—44. Перед собравшимся 26.X 1910 г. на одной из крупнейших площадей Софии многотысячным коллективом рабочих выступил Г. Кирков; в своей речи он между прочим заявил: «Посмотрите, господа министры, есть ли в Болгарии рабочий класс!» (*Тодоров-Иглев Ф.* Из моя миньорски живот, с. 43; Спомени за Георги Кирков Майстора, с. 168).

²³⁸ См.: Ново време, 1908, кн. XI, с. 638—640; *Кабакчиев Х.* Към балканска федерация. С., 1914, с. 121; *Митев Д.* Към вьпроса за пролетарския интернационализъм на БРСДП (т.с.). С., 1957, с. 48—85, 94—125; *Продев С.* «Работнически вестник» — разобличител на милитаризма и царската военщина. С., 1953, с. 103—135; *Маринова М.* Българските марксисты в защита на националната независимост (1900—1912). С., 1975; *Стоилов П.* БРСДП (т.с.) и милитаристичната идеология на българската буржоазия (1908—1912). — Известия на Института по история на БКП, 1972, т. 28, с. 37—66; *Боев П.* Димитър Благоев и сътрудничеството между пролетарските партии

на Балканите.— В кн.: Димитър Благоев — бележит теоретик и революционер, с. 295—302.

²³⁹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 151—152.

²⁴⁰ См.: Тютюнороботник, 27.XI 1909; Металороботник, 9.I 1910; Дърводелски работник, 18.IV 1910; Кожаробущар, 23.III 1911; Телеграфопощенски вестник, 17.XI 1911; Димитров Г. Съч. т. 2, с. 109; Интернационализъмът на българската работническа класа. С., 1975, с. 68; Исусов М. Връзки между работническото движение в България и Сърбия в началото на ХХ в.— Исторически преглед, 1965, № 3, с. 11—25; Георги Димитров и профсъюзното движение. С., 1972, с. 14—15, 67, 219—221.

²⁴¹ См.: Йотов Й. Из борбите на тесните социалисти против опортюнизма на Втори интернационал. С., 1964, с. 61—189; Бирман М. А. Тесняки и руководство II Интернационала.— УЗИС, 1966, т. 30, с. 182—188; Кънева-Дамянова Ж. Вторият Интернационал. С., 1978, с. 183—200.

²⁴² ЦПА, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 112; Благоев Д. Съч., т. 14, с. 155; Димитров Г. Съч., т. 1, с. 350; т. 2, с. 273.

²⁴³ Если за период с 1906 по 1908 г. число членов ОРССросло в среднем на 200 человек в год, то за 1908—1912 гг. средний ежегодный прирост составлял свыше 1500 человек (абсолютные данные см.: Димитров Г. Съч., т. 2, с. 76, 78; 1952, т. 4, с. 126).

²⁴⁴ Число подписчиков за 1898—1904 гг. увеличивалось в среднем на 130 в год, за 1904—1908 — на 200 в год, за 1908—1910 — на 1000 в год и за 1910—1912 — на 1425 подписчиков в год (абсолютные данные см.: Благоев Д. Съч., т. 20, с. 118; Димитров Г. Съч., т. 2, с. 189).

²⁴⁵ См.: Драмалиев Л. Комунистическата нравственост в теорията и практиката на тесния социализъм. С., 1968, с. 100—107, 111—112.

²⁴⁶ Названную тенденцию отмечали не только руководители и идеологи рабочего класса (см.: Благоев Д. Съч., т. 12, с. 422, 551—552; т. 14, с. 155, 539; С., 1961, т. 15, с. 274; С., 1961, т. 16, с. 380; Димитров Г. Съч., т. 2, с. 273), но и наиболее дальновидные представители буржуазного лагеря. См.: Списание на БИКД, 1907, кн. 4/5, с. 255; Стателова Е. Политика...; с. 42, 54.

²⁴⁷ См. гл. II, § 1.

²⁴⁸ Абсолютные данные см.: Списание на БИКД, 1911, кн. 5/6, с. 404/405; Димитров Г. Съч., т. 2, с. 164—167; Икономика на България, т. 1, с. 420—421.

²⁴⁹ См.: Работнически вестник, 15.VIII 1912; Райков Р. Материали..., с. 46—48, 87—94; Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М. и др. Стачните борби..., с. 143—151.

²⁵⁰ См.: ЦПА, ф. 184, оп. 1, д. 2, л. 126; Работнически вестник, 24.X 1910.

²⁵¹ См.: Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М. и др. История на профсъюзното движение..., с. 202—203.

²⁵² Абсолютные данные взяты: Димитров Г. Съч., т. 2, с. 78; в июле 1914 г. на первой конференции женщин социал-демократок Болгарии для пропаганды среди работниц была создана Центральная женская комиссия при ЦК партии тесняков (во главе ее была Тина Киркова, Вела Благоева, Люба Ивошевич-Димитрова и Райна Кандева), установившая контакт с Международным женским секретариатом, возглавлявшимся Кларой Цеткин. См.: Воденичарова З., Попова Н. Революционното..., с. 57—72; Брадинска Р. Възникване..., с. 136—146, 151, 155—158, 174, 177, 184—186.

²⁵³ Как отмечалось выше (см. гл. II, § 1), в составе пролетариев-табачников был сравнительно большой процент рабочих турецкого происхождения.

²⁵⁴ *Димитров Г.* Съч., т. 2, с. 78; Дружни и единни през вековете. С., 1966, с. 121—123, 135—138; *Мюсюмов М.* Българската комунистическа партия и турското население в България. 1891—1944. С., 1967, с. 8—11.

²⁵⁵ *Благов Д.* Съч. С. 1968, т. 8, с. 246.

²⁵⁶ По оценке Д. Благоева, они составляли перед войной 2—3% общей массы рабочего класса. *Благов Д.* Съч., т. 12, с. 554; т. 15, с. 226; см. также *Димитров Г.* Съч., т. 2, с. 273.

²⁵⁷ Это не являлось тогда исключительной особенностью Болгарии. В большинстве стран в начале XX в. (кроме Германии, США, Англии и Дании) профсоюзы не были многочисленными. См.: *Варга Е. С.* Капитализм XX века. М.: Госполитиздат, 1961, с. 20—21; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 2, с. 422—423.

²⁵⁸ См.: *Благов Д.* Съч., т. 12, с. 231, 496—497; т. 13, с. 29, 282; т. 14, с. 404, 409, 468, 511, 548; т. 15, с. 20—21, 238, 265—266; т. 16, с. 333, 339; *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 304—305.

²⁵⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 236.

²⁶⁰ См.: *Благов Д.* Съч., т. 12, с. 496—497. Некоторые рабочие (особенно из числа непостоянных) не регистрировались в списках, стремясь таким образом избежать внимания сборщиков налогов. См.: *Близнаков П.* Изборите във Варна.—Известия на Варненското археологическо дружество, Варна, 1963, кн. XIV, с. 148—149.

²⁶¹ См.: Статистически годишник. 1912, с. 388—391.

²⁶² Там же. Добиваясь представительства в Народном собрании и в муниципальных органах, тесняки не переоценивали значение буржуазного парламента и парламентской деятельности в нем. «Парламентская деятельность,—говорил Г. Димитров в августе 1915 г. в отчете о работе парламентской фракции тесняков на XXI съезде партии,—есть только часть общей деятельности и борьбы партии вне парламента... Мы используем трибуну в Народном собрании для классового воспитания рабочей массы, с целью разоблачения классового эгоизма буржуазии и таким путем содействуем сплочению пролетариата в его борьбе за освобождение. Мы не строим иллюзий, что парламентской борьбой можно добиться проведения законодательных мероприятий. Фактически это зависит от внепарламентского давления организованной силы пролетариата». (Работнически вестник, 12.VIII 1915).

²⁶³ См.: *Благов Д.* Съч., т. 13, с. 11—12; т. 14, с. 511.

²⁶⁴ См.: Работнически вестник, 14.XI 1911, 14 и 19.II 1912; Общинската политика на БКП. 1891—1944. С., 1974, с. 23, 29—30; 53—59, 72; *Диловска Е.* Самоковската комуна. С., 1962; *Поборникова С.* Създаване на Сливенската комуна и началото на нейната дейност.—Известия на Института по история на БКП, 1962, кн. 9.

²⁶⁵ Передовых пролетариев В. И. Ленин (как и некоторые другие авторы марксистских работ) еще на рубеже XIX—XX в. называл «рабочей интеллигенцией» и появлению их придавал позднее большое значение как костяку пролетарских партий. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 4, с. 269; т. 6, с. 131, 389; *Димитров Г.* Съч., т. 1, с. 323; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. 2, с. 100, 381.

²⁶⁶ В 1912 г. ОРСС насчитывал свыше 8 тыс. членов; абсолютные данные см.: *Димитров Г.* Съч., т. 2, с. 78.

²⁶⁷ См. примеч. 35 к данной главе.

²⁶⁸ *Благоев Д.* Съч., т. 13, с. 398.

²⁶⁹ Имея в виду изможденный вид Камена Тошева и атлетическое телосложение Влас Власковского, Г. Кирков как-то остроумно заметил, что К. Тошев олицетворяет собой нищету болгарского пролетариата, а В. Власковский — его мощь. См.: *Георгиев А.* Път през борби и победи. С., 1965, с. 25.

²⁷⁰ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 18, с. 475.

²⁷¹ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 11, с. 297; *Благоев Д.* Съч., т. 18, с. 478; *Спомени за Георги Кирков* — Майстора, с. 11—12, 17, 24, 179.

²⁷² См.: *Георгиев А.* Път..., с. 46, 59; *Он же.* Верни на своята класа. С., 1974, с. 37—38.

²⁷³ См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 72; № 278, л. 2; № 691, л. 1—2; № 865, 908, 965; № 981, л. 1; *Коджейков Д.* Рождение..., с. 19, 69, 71; *Ангелов В.* Живот за партията, с. 160—161, 190—191; *Ковачев Г.* Кратки спомени, с. 44; *Георгиев А.* Верни на своята класа. с. 37—38, 143, 152, 169.

²⁷⁴ См.: *Кравцов Н. И.* Социалистическая поэзия Болгарии конца XIX — начала XX в.: Литература славянских народов. М.: Изд-во АН СССР, 1963, вып. 8, с. 3—52; *Марков Д. Ф.* Болгарская поэзия первой четверти XX в. М.: Изд-во АН СССР, 1959, с. 39.

²⁷⁵ Работнишко дело, 1904, кн. 1, с. 38.

²⁷⁶ См.: *Георгиев А., Коджейков Д., Хаджиниколов В., Исусов М.* Профсъюзният печат..., с. 230—280; *Советское славяноведение*, 1976, № 5, с. 97—98; *Георги Димитров* в спомени на журналисти, с. 69, 83—84, 101; *Коджейков Д.* Рождение..., с. 68—74.

²⁷⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 17, с. 242.

²⁷⁸ *Благоев Д.* Съч., т. 8, с. 351.

²⁷⁹ *Лазаров К.* Незабравими дни, с. 30; см. также: *Цонков Г.* Въпросите на комунистическото възпитание на партийните членове и трудещите се в трудовете на Д. Благоев. С., 1957, с. 74—105.

²⁸⁰ См.: *Димитров Г.* Съч. С., 1955, т. 14, с. 230—233; *Живков Т.* Избр. съч. С., 1976, т. 21, с. 150—151. Это касалось, в частности, не всегда оправданной и гибкой тактики тесняков в отношении реформистских профсоюзов и совместных действий с ними. См.: *Аврамов А.* Политическата стратегия и тактика на БКП. 1903—1923. С., 1974, с. 96—99; *Коджейков Д.* Партията и профсъюзното..., с. 82—83.

²⁸¹ ЦПА ИМЛ, ф. 71, оп. 15, д. 317, л. 3; *Бирман М. А.* Ленинизм и преобразование Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) в БКП.— В кн.: В. И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1973, с. 308—314, 323.

²⁸² Обобщающая характеристика партии тесняков дана в упомянутом коллективном труде по истории БКП, изданном Институтом истории БКП при ЦК БКП. Ценные исследования, осветившие многие важные стороны деятельности и идеологической платформы партии тесняков, опубликовали болгарские историки *И. Йотов, К. Василев, А. Аврамов, П. Близнаков, Б. Василев, А. Веков, Е. Диловска, С. Поборникова, А. Тодоров, П. Цанев, К. Шарова* и др. Содержательные работы по этой теме напечатали и советские авторы (*В. И. Владимирская, В. Д. Вознесенский, В. Г. Дядькин, В. Н. Пу-*

шева, Е. П. Типикина, А. М. Шнитман и др.). Однако комплексных фундаментальных монографий пока еще не создано.

²⁸³ Из предмайского «Обращения к рабочему классу Болгарии» ЦК тесняков (Работнически вестник, 17.IV 1913).

²⁸⁴ См.: Военно-исторический архив НРБ, д. 1-1а, л. 205; д. 39а, л. 223—225; д. VI-86, л. 427—428; д. VIII-8а, л. 54; 58; Б. Станчев. Прояви на недоволства и бунтове във войската, ч. 1, с. 42—43, 71—79 (рукопись в библиотеке Военно-исторического архива).

²⁸⁵ См.: Статистически годишник. 1913—1922. С., 1924, разд. С., с. 57—58 (в городах тесняки получили 17,5 и 10,7% от общего числа поданных там голосов. См.: Там же).

²⁸⁶ Благоев Д. Съч., т. 16 с. 130—147.

²⁸⁷ Широкие социалисты получили на выборах в XVI—XVII Народные собрания 55,1 и 45,2 тыс. голосов, т. е. примерно столько же, сколько и тесняки; но социальный состав избирателей, проголосовавших за широких, значительно отличался: как и ранее (в ходе выборов в V Великое и в XV обыкновенное Народные собрания), они получили гораздо меньше, чем тесняки, голосов в промышленных городах и больше, чем тесняки, — в деревнях.

²⁸⁸ См.: Кирков Г. Избр. произв., т. 1, с. 202; Благоев Д. Съч., т. 16, с. 201.

²⁸⁹ Исторический архив, 1959, № 3, с. 79—80.

²⁹⁰ Влияние войны на болгарский пролетариат — тема, заслуживающая самостоятельного изучения. В рамках настоящей работы, имеющей свои задачи и не претендующей на детальное освещение истории пролетариата, мы вынуждены ограничиться лишь краткими и суммарными сведениями по этому вопросу (о влиянии итогов войны на изменение структуры и облика пролетариата см. § 1 и 2 следующей главы).

²⁹¹ См.: Работнически вестник, 3.VI и 8.X 1917.

²⁹² См.: Димитров Г. Съч., т. 4, с. 207.

²⁹³ Там же, т. 5, с. 206—207.

²⁹⁴ См.: Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М. и др. Стачките борби..., с. 188—189.

²⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 187.

²⁹⁶ Дневници на XVII ОНС, I р.с., кн. 1, с. 225; I и.с., кн. 1, с. 226.

²⁹⁷ См.: Йотов И. Центризмът..., с. 261—272.

²⁹⁸ См.: Баждарова М. Отношението на БРСДП (т.с.) към борбата на някои леви социал-демократически партии, групи и течения в Европа против империалистическата война и социал-шовинизма (1914—1915). — Год-к на кат. по м.-л., т. IV, № 1/2, 1964, с. 125—173.

²⁹⁹ Димитров Г. Съч., т. 7, с. 341.

³⁰⁰ См.: Йотов И. Из борбите..., с. 138—189; Самуилов И. С болшевиките в борба за нов Интернационал. С., 1964; Тодоров А. Историческото място на БРСДП (т.с.) в международната социал-демократия. 1914—1917. С., 1962.

³⁰¹ См.: Владимирская В. И. Борьба Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны. — УЗИС, 1956, т. XIX; Пинкас К. БРСДП (т.с.) — непримирим борец против болгарския опортюнизм. 1914—1917. С., 1968; Панайотов Л. Борбата на БРСДП (т.с.) против завоевателната и авантюристична политика на българската буржоазия в периода на войните. С., 1956.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И БОЛГАРСКИЙ РАБОЧИЙ КЛАСС

§ 1. Нарастание революционной активности
трудящихся Болгарии в 1918 г.

7 ноября (25 октября) 1917 г. в России произошла победоносная пролетарская революция. «Ни одно из событий мировой истории не имело таких глубоких, долговременных последствий для человечества, как Великая Октябрьская социалистическая революция. Зарницы октябрьской грозы осветили путь в будущее народам многих стран. История пошла вперед буквально семимильными шагами»¹.

В Болгарии влияние Октябрьской революции было глубоким и сильным². Это обуславливалось целым комплексом существенных факторов, к числу которых относятся прежде всего исторические традиции, языковая, культурная и географическая близость Болгарии к России, известное сходство социально-экономических условий двух стран и т. п.

Первым декретом победившей пролетарской революции был ленинский Декрет о мире, предлагавший решение самого наболевшего вопроса. Поэтому наиболее ранние и глубокие отклики на Октябрьскую революцию в Болгарии, как и во всех воюющих странах, были связаны с Декретом о мире.

Намеченный Декретом революционный выход из войны, предложения Советского правительства о мире были с энтузиазмом встречены передовыми болгарскими рабочими и их авангардом — партией тесняков. Уже вечером 9 ноября 1917 г. на заседании ЦК партии тесняков было принято постановление, одобрявшее политику и деятельность партии большевиков во главе с В. И. Лениным; решено было мобилизовать все силы партии для пропаганды лозунгов Советского правительства³. Текст Декрета о мире, переданный по радио и

зафиксированный болгарскими радиотелеграфистами, был по поручению ЦК тесняков переведен на болгарский язык и уже через три дня после его принятия II съездом Советов опубликован в газете «Рабочнически вестник». Систематически, изо дня в день тесняки пропагандировали на страницах своей газеты Декрет о мире, программу и деятельность Советского правительства, подчеркивали международное значение Октябрьской революции. «Революционному пролетариату России, — писала газета, — который десятилетиями приносил неисчислимые жертвы в своей героической борьбе за освобождение, приближая конец всеобщей страшной опустошительной войны, будет принадлежать незабываемая историческая заслуга — роль спасителя человечества от полного самоистребления. Мы горячо, с радостью приветствуем самоотверженный русский пролетариат — носителя мира, свободы и братства народов»⁴.

Октябрьская революция дала мощный импульс деятельности партии тесняков, полностью солидаризировавшейся с большевиками. Антивоенная агитация и пропаганда тесняков поднялись на новую ступень. Об этом свидетельствует, в частности, важный документ — воззвание ЦК партии тесняков под заглавием «К рабочим и мелким собственникам в городах и селах», написанное сразу же после победы Октябрьской революции секретарем ЦК партии Г. Кирковым. Оно было распространено в тылу и на фронте в виде брошюры, изданной большим для болгарских масштабов тиражом 10 тыс. экземпляров⁵. В воззвании подчеркивалось значение обращения Советского правительства к народам воюющих стран с требованием мира без аннексий и контрибуций. Одновременно тесняки призывали болгарский пролетариат («как наиболее сознательную часть болгарского народа») «возвысить свой голос и по примеру своих русских братьев первым решительно и смело подняться на борьбу»⁶. Эта борьба, говорилось в заключении, завершится полной победой народа над его угнетателями и эксплуататорами, полным торжеством революционного социализма.

В конце 1917 г. тесняки напечатали в своей типографии и распространили нелегально среди трудящихся в тылу и в армии значительное число листовок, аналогичных по духу и направленности названному воззванию

ЦК. Среди них были: «Русская революция и мир», «Наша партия и русское предложение», «Путь к миру и Балканская федеративная республика» и др. Одновременно они издали в переводе на болгарский язык и такие документы большевистской партии и Советского правительства, как воззвание Заграничного бюро ЦК большевиков от 8. XI 1917 («К рабочим всех стран»), обращение Совнаркома от 19(6). XII 1917 г. («К трудящимся, угнетенным и обескровленным народам России») и др. Некоторые воззвания печатались на гектографе или размножались на пишущей машинке⁷.

Изданием и распространением нелегальных листовок и брошюр непосредственно занимались руководители партии и профсоюзов Г. Кирков и Г. Димитров, депутаты Народного собрания Т. Луканов, В. Мулетаров, К. Ципоранов и др. При содействии членов партии, оставшихся не мобилизованными в армию, листовки распространялись в Софии, Пловдиве, Бургасе, Сливене, Плевене, Русе, Хасково, Стара Загоре, Нова Загоре, Видине, Ямболе, Ловече, Свиленграде, Казанлыке и во многих других городах, а также и в селах⁸.

Из других болгарских политических партий прямое сочувствие Октябрьской революции высказало левое крыло БЗНС. Отражая настроения крестьянства, радикальные лидеры Земледельческого союза одобряли антифеодальные и демократические преобразования в революционной России (предоставление земли крестьянам, равноправия — всем угнетенным народам и т. п.), горячо приветствовали «дух коренных государственных и социальных реформ»⁹. Но они не воспринимали, а иногда и отрицали социалистические лозунги и наиболее глубокие из революционных преобразований в России¹⁰. В целом Октябрьская революция дала толчок борьбе прогрессивных деятелей БЗНС и рядовых его членов против войны. В некоторых же статьях, опубликованных консервативными деятелями БЗНС в газете «Земедельско знаме», отражалось их двойственное, а иногда и неприязненное отношение к Октябрьской революции¹¹.

Буржуазные партии Болгарии (в особенности из германофильского лагеря), надеясь, что революционные события в России можно будет использовать для победоносного завершения войны против Антанты, в первые недели после перехода в России власти в руки Советов

публиковали в своей печати довольно широкую информацию о мирных предложениях Советского правительства, его активной деятельности в борьбе за мир и пр. В то же время болгарская буржуазная печать с самого начала в основном сдержанно (а иногда и враждебно) встретила социальные революционные преобразования в России¹². По мере того как надежды на использование мирной инициативы Советского правительства исключительно в интересах стран германской коалиции исчезали, отношение буржуазного лагеря Болгарии к Советской России становилось открыто враждебным.

В числе политических деятелей, встретивших неодобрительно, а иногда и злопыхательски Октябрьскую революцию, были и правые лидеры партии широких социалистов. Газета «Народ», отражая мнение болгарских бернштейнцев, осуждавших пролетарскую революцию в России с позиций реформистских догм, называла ее «авантюрой, которая не имеет ничего общего ни с теорией, ни с практикой социализма»¹³. Но в низах партии и особенно среди рядовых членов реформистских профсоюзов постепенно зрело недовольство антисоветскими выступлениями руководства.

Таким образом, из болгарских партий лишь тесняки заняли позицию немедленной, полной и безоговорочной поддержки Великой Октябрьской социалистической революции. Широко популяризируя ее лозунги, они содействовали быстрейшему проникновению в массы ее идей. Резко повернув внимание народа к социальным проблемам, к борьбе за мир и за социальное освобождение, они способствовали тем самым развязыванию революционной инициативы трудящихся. Этому отчасти помогало и сочувственное в целом отношение к Октябрьской революции прогрессивного крыла БЗНС.

С конца 1917 г. поднимается на борьбу часть болгарского пролетариата: в Софии, Сливене, Пловдиве, Габрово и других городах проходят стачки¹⁴. Революционная активность болгарских рабочих до некоторой степени сдерживалась из-за того, что преобладающая часть наиболее сознательных пролетариев оказалась с начала войны мобилизованной в армию, а оставленных на производстве правительство держало в тисках военно-полицейской диктатуры под угрозой отправки на фронт.

С начала 1918 г. массовый характер приняли выступления трудящихся женщин. Непосредственной причиной были тяжкие лишения и бедствия народа, нараставшие в ходе затянувшейся войны. Выступления женщин начались в первую очередь в городах, где было сконцентрировано значительное число работниц, — в Пловдиве и Сливене, Софии и Русе, Габрово и Бургасе, Плевене и Дупнице, Станимаке и Стара Загоре, Ломе и Самокове, Пазарджике и Панагюриште и т. д. Позднее волнения прошли и во многих других городах¹⁵. Поначалу выступления женщин были стихийными. Позже в них стали принимать участие активизировавшие свою деятельность, не охваченные мобилизацией члены партии тесняков и революционных профсоюзов, а также сочувствовавшие им рабочие; к ним присоединялись также и тесняки, возвращавшиеся с фронта (после ранения, по болезни, в отпуск и т. п.), в результате чего движение стало приобретать более организованный характер.

В крупных городах и рабочих центрах женщины прибегали преимущественно к пролетарским формам борьбы — демонстрациям, стачкам, собраниям и митингам и т. п. В маленьких городах (как и в селах) преобладали более стихийные выступления — «бунты»¹⁶. Для подавления женских волнений власти посылали конную полицию. Однако репрессии не могли остановить поднимавшихся на борьбу трудящихся.

Росло недовольство и в болгарских деревнях. Возмущение трудового крестьянства, страдавшего от неурожая и особенно от реквизиций, достигло в 1918 г. крайней степени. Крестьянки, в подавляющем большинстве — солдатские жены, начали стихийно выступать против произвола реквизиционных команд и голода, требуя, как и в городах, прекращения войны и возвращения мужей. Подобное выступление имело, например, место в феврале 1918 г. в селе Трыстеник Русенской околии¹⁷.

В этот же период или несколько позже аналогичные крестьянские выступления и столкновения с реквизиционными командами (иногда с жертвами с обеих сторон) происходили в селах Беласлатинской, Видинской, Габровской, Карловской, Неврокопской, Никопольской, Орханийской, Оряховской, Пазарджикской, Плевенской, Свиштовской и других околий¹⁸; при этом крестьянки

из сел, прилегавших к городу Габрово, присоединились к выступлению габровских женщин.

Революционное брожение охватило и болгарскую армию. Проникновение в нее большевистских идей началось после Февральской революции в России; когда между солдатами расположенных по реке Дунаю русских частей и болгарскими солдатами проходило братание. Вести об Октябрьской революции и призывах Советского правительства заключить мир быстро проникли в болгарскую армию. Братание приняло более широкий и массовый характер¹⁹. Среди болгарских солдат возник лозунг «Действовать по-русски!»; призывы следовать примеру русских рабочих, крестьян и солдат звучали во многих листовках, распространявшихся в армии и в тылу²⁰. Традиционные русофильские симпатии («мы все — русофилы!» — говорилось в одной из антивоенных листовок²¹) содействовали более широкому влиянию в стране идей Октября.

В значительной мере по инициативе тесняков в воинских подразделениях стали возникать солдатские комитеты²²; иногда они создавались для распространения среди солдат газеты «Рабочнически вестник». По мере роста влияния тесняков (тираж их газеты с 3—4 тыс. экземпляров в мае 1917 г. вырос до 12 тыс. в декабре 1917 г. и 16 тыс. в марте 1918 г.) командование стало преследовать членов партии и их сторонников, привлекая их к военно-полевому суду. По данным из выступления Г. Киркова в Народном собрании 28 марта 1918 г., в болгарской армии было репрессировано с начала войны (особенно в феврале — марте 1918 г.) 40 тыс. солдат и 800 офицеров; более 2,5 тыс. было расстреляно²³. Среди репрессированных значительную часть составляли тесняки, а также члены БЗНС и им сочувствующие. Если ранее главной формой проявления недовольства солдат было дезертирство, то теперь под влиянием событий в России участились солдатские волнения. Уже в конце 1917 — начале 1918 г. прошли выступления в 8, 19, 25, 28, 34, 48-м и других полках²⁴.

К лету 1918 г. недовольство народных масс затянувшейся войной достигло крайнего напряжения. В тылу — в городах и селах — повсеместно проходили выступления трудящихся (в большинстве своем — женщин). Даже дети, как отметил в одной из речей лидер консерва-

тивного крыла БЗНС Д. Драгиев, «играли уже не в войну, а в революцию»²⁵.

Для поддержания «порядка» в стране правительство было вынуждено увеличить численность войск, находившихся в тылу: к концу лета 1918 г. внутри страны командование содержало до 160 тыс. солдат и офицеров²⁶, что составляло $\frac{1}{5}$ общего числа лиц, находившихся в армии. Но солдаты давно уже были не надежны. В самой армии митинги, собрания и волнения возникали все чаще и чаще. Лишь в июне и июле 1918 г. волнения прошли во 2, 5, 7, 9, 16, 18, 19, 27, 31, 35, 36, 39, 50, 70, 80, 83-м и других полках²⁷. По признанию генерала Кантарджиева, в 1918 г. «редка была часть, в которой не происходили бы волнения»²⁸. Как вспоминает один из современников, «дух Октябрьской революции носился над исстрадавшейся Болгарией. Имя Ленина произносилось с уважением и преклонением»²⁹.

Слабой стороной нараставшего в стране революционного движения трудящихся масс было отсутствие последовательной революционной силы, способной объединить и возглавить борьбу, ликвидировать разъединенность и разрозненность выступлений различных слоев и классов общества. В отдельных случаях (например, в ходе упоминавшихся волнений в Габрово в январе 1918 г.) к городским рабочим присоединялись крестьяне, что свидетельствовало о сближении рабочих и крестьян. Большинство актов протеста трудящихся 1918 г. были стихийными и изолированными — подобный характер имели прежде всего выступления крестьян и часть солдатских волнений (хотя некоторые из них и были вдохновлены антивоенными призывами тесняков и радикальных деятелей БЗНС).

Многие выступления солдат, стачки и демонстрации рабочих находились под идейным влиянием тесняков. Их авторитет в массах быстро возрастал. Однако партия не была еще действительно организующей силой, способной возглавить и объединить разрозненные волнения трудящихся. «Хотя мы и приближались все решительнее к позиции большевиков, — вспоминал один из ветеранов, — партии не хватало идейной, политической и организационной зрелости»³⁰. Это обстоятельство сказалось в самый критический момент — момент обостре-

ния революционного кризиса, наступивший в сентябре 1918 г.

Давно назревавший революционный взрыв был ускорен событиями, связанными с прорывом войск Антанты у Доброполе на Салоникском фронте; попытка командования расстрелами восстановить фронт лишь подлила масла в огонь. 23—24 сентября 1918 г. в ряде подразделений отступавшей армии зародилось стихийное солдатское движение под лозунгами «На Софию!» и «Смерть виновникам катастрофы!». Восставшие солдаты разгромили штаб-квартиру Главного командования и 26 сентября захватили г. Радомир — в 30 км от Софии. Здесь 27 сентября по инициативе примкнувшего к восстанию лидера левого крыла БЗНС Р. Даскалова восставшие провозгласили в Болгарии республику во главе с председателем Временного правительства — популярным руководителем БЗНС А. Стамболийским.

Социальный состав как участников Владайского восстания, так и подавляющего большинства предшествовавших ему солдатских волнений, был однотипен: среди них преобладали крестьяне и рабочие, одетые в солдатские шинели. В этом проявился объективный процесс сближения пролетариата и крестьянства, постепенного вызревания в условиях революционного кризиса в стране элементов союза рабочих и крестьян. Хотя отдельными группами восставших солдат руководили комитеты во главе с тесняками и последние своей предшествующей антивоенной деятельностью в значительной мере подготовили восстание, руководство партии тесняков вследствие сектантского отношения к крестьянству и к БЗНС неправильно оценило значение и перспективы восстания и самоустранилось от него, отказавшись поддержать радикальных лидеров БЗНС, вставших во главе восстания. Доктринерски подходя к борьбе за пролетарскую революцию, тесняки считали, что рабочая партия должна принять участие лишь в выступлении, имеющем непосредственной целью захват власти пролетариатом. Таким образом, в критический для страны момент партия тесняков отставала от требований, которые история предъявила к авангарду пролетариата³¹.

Восстание явилось стихийной попыткой превращения войны империалистической в войну гражданскую. Как отмечал В. И. Ленин, болгарский народ последовал при-

меру России и выступил против империалистической войны³².

С помощью германских частей, вооруженных артиллерией и пулеметами, правительство разбило восставших у Софии. Так, при прямой поддержке международной контрреволюции болгарской буржуазии удалось подавить Владайское восстание и тем преодолеть на некоторое время кризис власти в стране. Но хотя восстание и потерпело поражение, оно нанесло сильный удар по монархии, предопределив отречение и бегство царя Фердинанда и другие внутривластные сдвиги в стране в конце 1918 и в 1919 г. Восстание послужило толчком к последующему развертыванию революционной активности болгарских трудящихся, оставив в их сознании глубокий след³³.

* * *

Мы рассмотрели непосредственные отклики в Болгарии на Октябрьскую революцию, ее воздействие на рост революционной активности рабочего класса и всех трудящихся страны в конце войны, в 1918 г. Прежде чем перейти к освещению долговременных последствий влияния Великого Октября на болгарский пролетариат, уместно выяснить изменения его численности и структуры в послевоенные годы. Изменения эти создавали благоприятные структурно-социологические предпосылки для более глубокого влияния идей Октября на болгарский пролетариат.

§ 2. Увеличение численности и изменение структуры болгарского пролетариата после первой мировой войны

Динамика численности и структуры пролетариата определялась прежде всего общим состоянием болгарской экономики. Народное хозяйство Болгарии подверглось изнурительному влиянию войны, с некоторым перерывом, еще с 1912 г. Такое длительное напряжение неизбежно вело к истощению всех сил и ресурсов страны. К концу войны ряды пролетариата сильно поредели. Доля мобилизованных в армию мужчин в Болгарии была

едва ли не самой высокой в мире: к 1 сентября 1918 г. она составляла 17% всего населения и 98% работоспособного мужского населения в возрасте от 19 до 50 лет. Резко уменьшилась численность наемных рабочих в сельском хозяйстве, ремесленном производстве и сфере услуг; предприятия, прямо не связанные с обслуживанием нужд армии, закрывались из-за отсутствия сырья, топлива и других необходимых материалов. По этой же причине сократилось и число промышленных рабочих.

В конце мировой войны и в первые послевоенные годы хозяйство Болгарии оказалось в тяжелом состоянии. По многим важным показателям оно далеко уступало довоенному уровню. Сильно пострадало сельскохозяйственное производство, прежде всего скотоводство. Плачевное его положение усугубилось необходимостью передать в 1920 г. (во исполнение условий Нейского мирного договора 1919 г. со странами-победительницами) в виде репараций значительное количество скота. Снизилось также производство зерна, в особенности в связи с потерей основной житницы — южной Добруджи. В то же время выросло производство табака, свеклы и некоторых других технических культур³⁴.

Промышленное производство развивалось в первые послевоенные годы крайне неравномерно. Некоторые отрасли промышленности — табачная, пищевая, добывающая, металлообрабатывающая, керамическая и др. — росли быстро и в 1920—1921 гг. значительно превзошли довоенный уровень. Другие отрасли (текстильная, кожевенная и некоторые иные) отставали в своем развитии. Сравнительно медленно налаживалась работа транспорта. Еще медленнее восстанавливались ремесленные предприятия — кожевенные, обувные, отчасти швейные³⁵.

Важнейшими сдвигами в экономической структуре страны в целом, наложившими отпечаток и на ее политическое развитие, были: рост концентрации производства в ряде ведущих отраслей болгарской промышленности (в табачной, текстильной, пищевой) и связанное с ней усиление монополий (в первую очередь в указанных отраслях³⁶), увеличение в добыче ископаемых удельного веса государственного сектора и одновременно укрепление позиций иностранного капитала в экономике страны³⁷. Нарастание влияния монополий вместе

с усилением веса иностранного капитала вели в конечном итоге к обострению экономических и политических противоречий, присущих болгарскому буржуазному государству.

Отмеченные сдвиги в экономике predeterminedли изменения в социальном составе населения, оказав влияние на численность и структуру пролетариата. Классовая дифференциация основной массы населения страны — крестьянства — в результате войны усилилась. Зажиточная верхушка сел в время войны разбогатела, нажившись за счет страдавших от голода трудящихся города и деревни. В то же время трудовое крестьянство в результате опустошительных реквизиций в годы войны обеднело, а в ряде районов (в особенности в горных селах центральной части страны) обнищало³⁸. Используя нужду попавшей в зависимость от них крестьянской бедноты, богатые крестьяне расширили за ее счет свои земельные владения. Это создавало предпосылки для некоторого роста применения наемного труда в сельском хозяйстве.

Вместе с тем в болгарской деревне продолжали развиваться социально-экономические процессы, проходившие еще в довоенное время. Большое количество мелких крестьян-собственников по-прежнему страдало от малоземелья и низкой доходности; из состава бедняцких и середняцких хозяйств ежегодно выделялось значительное количество полностью или частично свободных рабочих рук. Лишь некоторые из них могли найти себе работу в городе или в капиталистических сельскохозяйственных предприятиях, а остальные вынуждены были оставаться в своих хозяйствах³⁹. Растущая скрытая безработица в селе оказывала большое влияние и на положение и структуру городского пролетариата — приходившие из деревни увеличивали массу временных и сезонных рабочих и безработных в городе и делали положение промышленных рабочих и других отрядов городского пролетариата более неустойчивым.

За время войны и в первые послевоенные годы резко ухудшилось положение значительной части мелких ремесленников и других категорий так называемых средних городских слоев. Немалое число из них разорилось. Из их круга, равно как из среды упомянутых пролетаризовавшихся крестьян, а также из рядов беженцев, и

детей рабочих, главным образом пополнялся состав пролетариата страны.

В послевоенный период число рабочих быстро увеличивалось: уже к концу 1920 г., второго послевоенного года, оно превзошло довоенный уровень на 20%, достигнув 396 тыс. человек⁴⁰.

Особенно быстро росла численность промышленного пролетариата: как и в довоенные годы, по темпам роста он обогнал все другие отряды рабочего класса (итоговые сводные показатели абсолютной и относительной численности всех основных отрядов пролетариата в 1920 и 1926 гг. приведены далее, в табл. 6). Наиболее высокие темпы прироста были в табачной промышленности, где число постоянных рабочих по сравнению с 1910 г. к концу 1920 г. выросло приблизительно в три раза, составив около 10 тыс. человек⁴¹. По данным проведенного в 1921—1922 гг. обследования («анкеты») крупной и поощряемой государством промышленности, в 1921 г. на табачных предприятиях большую часть года было занято в среднем от 16 до 20 тыс. рабочих, что составляло от 30 до 36% их числа в крупной и поощряемой государством промышленности⁴². Всего же в табачной промышленности в 1922 г. было занято более 25 тыс. рабочих⁴³. В целом в послевоенные годы табачники стали наиболее многочисленным отрядом болгарского промышленного пролетариата, что и определило их активную роль в стачечной борьбе послевоенного времени.

Значительно вырос в этот период и отряд рабочих, занятых в добывающей промышленности. При этом увеличилась не только их общая численность, но и удельный вес постоянных рабочих. Если до войны (см. гл. II) подавляющее большинство шахтеров и рудокопов составляли временные или сезонные рабочие, то в 1920 г. более 5 тыс.⁴⁴, т. е. свыше половины рабочих добывающей промышленности, были уже постоянными работниками. По показателям анкеты, в течение большинства месяцев 1921 г. здесь работало в среднем от 7,5 тыс. до 10,5 тыс. рабочих, постоянных и временных, что составляло от 13 до 19% общей численности рабочих крупной и поощряемой промышленности⁴⁵. По переписи населения 1926 г., постоянные рабочие-шахтеры составляли 7,2 тыс. человек⁴⁶. Они превратились в один из ведущих отрядов болгарского промышленного пролетариата.

По сравнению с довоенным периодом численность рабочих пищевой промышленности выросла почти в два с половиной раза. Если в 1910 г. на ценовых предприятиях в пищевой промышленности в среднем в течение года (с учетом сезонников) было занято от 2 до 3,5 тыс. рабочих, то в 1921 г. на крупных и поощряемых государством предприятиях этой отрасли насчитывалось в среднем от 5 до 8 тыс. рабочих, что составляло от 9 до 14% общей численности пролетариев крупной и поощряемой промышленности⁴⁷. Таким образом, доля рабочих пищевой промышленности в общей массе промышленных рабочих по сравнению с 1910 г. несколько снизилась (в 1910 г. пищевики составляли около 20% рабочих ценовой промышленности).

Более чем в два раза по сравнению с 1910 г. возросла и численность металлистов, составив в 1921 г. от 4 тыс. до 4,5 тыс. человек⁴⁸. Однако их доля в общей численности промышленных рабочих практически не изменилась.

Число рабочих-текстильщиков, представлявших до войны самый крупный отряд болгарского промышленного пролетариата, в 1921 г. осталось на уровне 1910 г. (4,5 тыс. человек)⁴⁹. В результате удельный вес текстильщиков среди промышленных рабочих страны снизился.

Из остальных отрядов промышленных рабочих наиболее значительной была группа рабочих керамической (главным образом кирпичной) промышленности. По данным анкеты, в 1921 г. на крупных и получавших льготы от государства предприятиях этой отрасли в среднем большую часть года трудились от 2 тыс. до 4 тыс. рабочих (среди них было много сезонников)⁵⁰.

Численность промышленных рабочих-деревообделочников, полиграфистов, кожевников так же, как и рабочих на предприятиях химической, бумажной и прочих отраслей промышленности, в 1921 г. мало изменилась по сравнению с 1910 г. На них приходилось (вместе с рабочими керамической промышленности) в 1921 г. около 15—16% промышленного пролетариата страны⁵¹.

Немалый интерес представляет динамика половозрастной структуры пролетариата. В предвоенные годы удельный вес женского и детского труда имел тенденцию к некоторому снижению (см. гл. II). Однако катастрофическое сокращение в результате войны числа ра-

ботоспособных мужчин предопределило, особенно в первые послевоенные годы, широкое использование женского труда. По данным анкеты 1921 г., доля женщин в составе рабочих крупной и поощряемой государством промышленности возросла до 35%⁵². Как и прежде, особенно велик был удельный вес женщин-работниц среди табачников (70%), текстильщиков (60%), в бумажной промышленности (62%), отчасти также и у полиграфистов⁵³.

В послевоенный период доля несовершеннолетних осталась примерно на уровне 1910 г. — дети и молодежь в возрасте до 20 лет составляли около трети общего числа рабочих. Однако при этом снизился удельный вес малолетних и подростков до 16 лет. В наибольшей степени труд детей и молодежи до 20 лет использовался в табачной, текстильной, бумажной и керамической промышленности, где на них соответственно приходилось 45, 45, 41 и 39% рабочих⁵⁴.

Национальный состав промышленных рабочих, как и до войны, оставался фактически однородным. Правда, доля болгар чуть снизилась (с 86,4% в 1910 г. до 79,2% в 1921 г.), отчасти за счет турок (их доля возросла с 3 до 5,2%) и белых эмигрантов (9%). Остальные — армяне, евреи, греки и др. — составляли 6%⁵⁵. Сравнительно более пестрым был национальный состав у шахтеров⁵⁶; менее однородным был также национальный состав табачников (10% — турки) и отчасти рабочих керамической промышленности⁵⁷.

В связи с вовлечением в состав пролетариата новых контингентов значительно возрос удельный вес родившихся в деревне (с 52% в 1910 г. до 70% в 1921 г.); по этой же причине увеличилась и доля тех, чьи родители занимались сельским хозяйством (с 34 до 40,5%)⁵⁸.

Одновременно произошло и сокращение удельного веса рабочих с длительным стажем. Доля пролетариев, проработавших в промышленности пять и более лет, уменьшилась с 35% в 1910 г. до 27% в 1921 г.⁵⁹. Хотя абсолютное число потомственных рабочих в послевоенный период, видимо, несколько выросло, их удельный вес в составе промышленного пролетариата оставался незначительным⁶⁰. Приведенные данные подтверждают оценку В. И. Ленина о том, что в Болгарии имелось лишь небольшое число «потомственных рабочих»⁶¹.

К сожалению, анкета 1921—1922 гг. (не говоря уже о других переписях) не содержит подробных показателей о побочных доходах промышленных рабочих, поэтому невозможно обстоятельно сформулировать выводы об изменении социального облика промышленного пролетариата. На основе данных анкеты можно лишь предположить, что доля промышленных рабочих, частично владевших недвижимым имуществом, видимо, сократилась⁶². По данным анкеты 1921—1922 г., подавляющее большинство рабочих крупной и ценовой промышленности не имело никаких побочных занятий; лишь некоторое число шахтеров, а также рабочих керамической и некоторых других отраслей имели доходы от сельского хозяйства⁶³.

Тем не менее, по данным той же анкеты 1921—1922 гг., более 20% рабочих-мужчин (женатых или имевших в прошлом семью) были владельцами не только дома, но и другого недвижимого имущества (в первую очередь земельного участка). Из этого следует, что часть промышленных рабочих еще не полностью пролетаризировалась⁶⁴.

Разумеется, наибольшая часть полупролетарских элементов была среди временных или сезонных рабочих, о чем имеются многочисленные свидетельства. В частности, в меморандуме Союза болгарских промышленников от 17.VIII 1919 г. утверждалось, что многие рабочие — «это крестьяне, которые в свое свободное время (обычно зимой) уходят на работу в промышленные заведения, а летом возвращаются обрабатывать свои земли»⁶⁵. В связи с этим жалобы фабрикантов по поводу низкой профессиональной квалификации большинства промышленных рабочих Болгарии, сетования на текучесть кадров, на движение сезонных рабочих из города в село и обратно встречаются в источниках довольно часто⁶⁶. Как верно сформулировал болгарский исследователь Л. Беров, «граница между промышленным пролетариатом и мелкими товаропроизводителями в селе не была резко очерченной»⁶⁷. Болгарские предприниматели, в особенности владельцы предприятий, где не требовались рабочие высокой квалификации (к примеру, в табачном производстве, в строительном деле и т. п.), стремились, как и до войны, привлечь низкооплачиваемых сезонных рабочих из крестьян; последние готовы

были согласиться на заниженную зарплату, часто являющуюся для них дополнительным источником существования. Многие сезонные рабочие (они составляли в 1920 г. около одной пятой общего числа промышленных рабочих) еще не окончательно связали свою судьбу с наемным трудом и стояли до поры до времени в стороне от рабочего движения.

Важные изменения произошли в образовательном уровне промышленного пролетариата. По сравнению с 1909—1910 гг. доля неграмотных почти во всех отраслях в 1921 г. заметно снизилась: у рабочих добывающей промышленности — с 28 до 12%, у пищевиков — с 26 до 13, у текстильщиков — с 25 до 14,6, у рабочих керамической промышленности — с 38 до 19,5, у деревообделочников — с 20 до 6,5%⁶⁸. Однако в целом доля неграмотных в общей массе промышленных рабочих упала, видимо, в меньшей степени, чем в приведенных выше показателях: наиболее многочисленный в 1921 г. отряд рабочих-табачников (они составляли в 1921 г. около трети промышленных рабочих) был и наименее грамотным (неграмотные табачники, главным образом работницы, составляли в 1921 г. две трети общего числа неграмотных промышленных рабочих). Среди рабочих-табачников доля неграмотных, как мы предполагаем, видимо, также снизилась⁶⁹.

Наряду с сокращением доли неграмотных возрастал и средний уровень образованности рабочих. Например, удельный вес рабочих с незаконченным и законченным низшим гимназическим образованием (и выше), по данным промышленных анкет, увеличился за период с 1910 по 1921 г. с 18 до 32%. В то же время доля рабочих с начальным образованием (до четырех классов) уменьшилась с 50 до 42%⁷⁰. Как и до войны, уровень образованности женщин-работниц был ниже, чем у мужчин. Самый же высокий уровень образованности, как и прежде, был у полиграфистов и у металлистов; у них же был и наиболее низкий процент неграмотных. Напротив, самый низкий образовательный уровень и наиболее высокий процент неграмотных был у табачников, затем у рабочих керамической промышленности, текстильщиков, шахтеров и пищевиков.

В составе почти всех отрядов промышленных рабочих, где был более или менее значительный процент не-

грамотных, имелась немалая и растущая доля тех, кто получил низшее гимназическое (и выше) образование. Даже среди табачников лица с низким гимназическим образованием и выше составляли в 1921 г. 24%, у рабочих керамической промышленности — 21,5%, у текстильщиков — 26, у шахтеров — 28%⁷¹. Это было обусловлено тем, что кадры рабочих пополнялись в первую очередь за счет молодежи, образовательный уровень которой все более повышался.

В послевоенные годы существенно увеличилась производственная и локальная концентрация промышленного пролетариата. В органической связи с нею находился рост населения промышленных центров страны. В 1910 г. в десяти крупнейших административно-политических и экономических (промышленных) центрах страны — Софии, Пловдиве, Варне, Русе, Плевене, Стара Загоре, Шумене, Бургасе, Сливене и Хасково — было сосредоточено 50% всех городских рабочих и 53% рабочих индустриальной сферы (промышленности, транспорта, ремесла и строительного дела), занятых в городах. В 1926 г. в тех же десяти городах⁷² было уже сконцентрировано соответственно 61 и 63% рабочих⁷³. Однако фактическая концентрация их здесь была еще выше, поскольку приведенные нами официальные данные не учитывают рабочих промышленных предприятий, расположенных в пригородных зонах⁷⁴.

Наиболее высокая степень отраслевой концентрации пролетариев, как и в довоенные годы, была в добывающей промышленности. Так, в поселке Перник (и в окрестных селах) было сосредоточено в 1926 г. свыше двух третей рабочих добывающего производства страны⁷⁵.

В табачной промышленности локальная и производственная концентрация рабочих еще в довоенные годы увеличивалась более высокими темпами, чем в большинстве других отраслей. После войны эта тенденция, видимо, нарастала. Мы не располагаем, к сожалению, официальными статистическими показателями, позволяющими раскрыть динамику локальной концентрации табачников. Дело в том, что в таблицах профессионального состава самодеятельного населения отдельных городов сведения о табачниках постоянно объединялись с данными о пищевиках. Лишь в итоговых таблицах профессионального состава всего городского населения табач-

ники выделены в самостоятельную рубрику. Поэтому мы были вынуждены использовать следующую методику расчетов: исходя из того, что в отличие от табачников пищевики (исключая рабочих сахароваренных заводов) были рассеяны более или менее равномерно по мелким предприятиям в различных городах, мы первоначально определили число пищевиков, приходящихся на 10 тыс. человек самодеятельного городского населения; затем с его помощью устанавливали примерное число пищевиков в отдельных городах, сосредоточивавших значительный контингент табачников, что позволяло потом устанавливать приблизительную численность табачников. Произведенные нами расчеты показали, что в 1920 и в 1926 гг. более половины табачников было сосредоточено в Пловдиве и Хасково; из прочих центров табачной промышленности, где было сосредоточено много табачников, следует выделить Дупницу, Станимаку, Пазарджик и Ямбол⁷⁶.

В остальных отраслях промышленности уровень локальной и производственной концентрации пролетариата был ниже, хотя тенденция к сосредоточению рабочих и здесь пробивала себе дорогу. К примеру, в 1910 и в 1920 гг. в пяти крупнейших текстильных центрах (Сливене, Габрове, Варне, Софии и Панагюриште) было сосредоточено около 31% всех текстильщиков, а в 1926 г. — соответственно 45%⁷⁷.

О некотором росте производственной концентрации промышленных рабочих в послевоенные годы свидетельствуют материалы анкеты 1921—1922 гг. Если сравнить их с данными анкеты 1909—1910 гг., то окажется, что число мелких предприятий с количеством рабочих от 10 до 49 выросло почти в 3 раза, число более крупных предприятий с количеством рабочих от 50 до 99 — примерно в 4,3 раза, а тех, где было занято свыше 200 человек, — более чем в 4,5 раза⁷⁸. Однако это не исключало того, что большинство промышленных предприятий Болгарии, на которых трудилась преобладающая часть промышленного пролетариата, продолжали оставаться мелкими и мельчайшими⁷⁹.

В целом быстрое возрастание численности промышленных рабочих, которые по темпам прироста намного обгоняли все остальные отряды рабочего класса, увеличение среди них доли постоянных рабочих, существенный

рост грамотности и образованности основной их массы, усиление производственной и локальной их концентрации (особенно в таких отраслях промышленности, как добывающая и табачная и т. д.) — все это создавало предпосылки для более быстрого формирования классового сознания, содействовало консолидации промышленного пролетариата в качестве ядра рабочего класса.

Значительный отряд болгарского рабочего класса представляли строители. Хотя в 1920 г. их число еще не достигло довоенного уровня, однако в последующие годы довоенный показатель был существенно перекрыт. Их производственная и особенно территориальная концентрация увеличивалась в связи с растущей сосредоточенностью строительства в городах (особенно в крупных). Если в 1910 г. в городах было зарегистрировано 37% всех строителей, то в 1920 г. — 45, а в 1926 г. — около 47% строителей. При этом в четырех крупнейших — Софии, Пловдиве, Варне и Русе — в 1910 г. было сконцентрировано 14,5% всех строителей и 39% городских, в 1920 г. — соответственно 19,3 и 42,5%, а в 1926 г. — 27,6 и 59%⁸⁰. Фактическая же концентрация строительных рабочих в крупнейших городах была более высокой, ибо в пригородных зонах Софии и некоторых других крупнейших центров сосредоточивалось значительное число строителей⁸¹.

Как и до войны, на стройки крупнейших городов, а также и на строительство железных дорог, шоссе и мостов, шли на заработки отходники из таких традиционных мест, как Дряновская, Габровская и Трынская околии, и в меньшей степени — из Карловской, Еленской и Пештерской околий. В послевоенные годы к ним прибавились отходники-строители из Пашмаклийской, Радомирской и некоторых других околий⁸².

Большое число строительных рабочих было сконцентрировано в послевоенный период во Вратчанском и Видинском округах, где форсировалось сооружение начатой еще до войны железнодорожной магистрали Мездра—Видин (последний участок дороги, линия Брусарци—Видин, была закончена 1.VII 1923 г.)⁸³, а также на строительстве менее значительных железнодорожных линий (Синдел—Долен чифлик, Тулово—Казанлык и др.). Кроме того, строители были заняты и переобо-

рудованием нескольких построенных в годы войны узкоколейных веток⁸⁴.

Доля сезонных рабочих (главным образом выходцев из деревень)⁸⁵ среди строителей была очень велика (гораздо большей, чем среди промышленных рабочих). Это было связано с широким использованием в строительстве неквалифицированного ручного труда. Многие из сезонников были неграмотными. Постоянные строители в основном были молодыми мужчинами, до 40 лет. В 1920 г. на них приходилось две трети, в 1926 г. — три четверти рабочих этой категории; многие из них были из семей разорившихся крестьян горных деревень. Подавляющее большинство их (в 1920 г. — четыре пятых, в 1926 г. — девять десятых) были грамотными⁸⁶.

В отличие от промышленных пролетариев численность ремесленных рабочих в послевоенные годы мало изменилась: в 1920 г. она была близка к уровню 1910 г., а в 1926 г. несколько превзошла его. В целом хотя доля рабочих ремесленных предприятий несколько понизилась, однако их абсолютная и относительная величина продолжала оставаться значительной.

В послевоенные годы структура этого отряда рабочих не претерпела сколько-нибудь существенных изменений. Наиболее многочисленными группами среди них оставались сапожники и швейники, так как все предприятия по изготовлению одежды, головных уборов и пр., а также подавляющее большинство предприятий сапожно-обувной, кожевенной и шорной отраслей, как и до войны, были чрезвычайно мелкими. Их производство базировалось главным образом на ручном труде⁸⁷. Число рабочих сапожно-обувных мастерских в 1920 и в 1926 гг. равнялось 14 тыс., что было несколько выше довоенного уровня. Почти столько же в 1926 г. насчитывалось швейников (в 1920 г. их число равнялось 9,5 тыс. человек и еще не достигало довоенных размеров)⁸⁸.

Значительное число ремесленных рабочих, как и до войны, было занято на мелких и мельчайших предприятиях пищевого и металлообрабатывающего производств⁸⁹. В 1920 г. их численность соответственно составляла приблизительно 8 и 7 тыс. человек⁹⁰. Позднее, в 1926 г., число пишевиков достигло довоенных размеров, а численность металлистов превзошла довоенный уровень. Увеличились как количество, так и удельный вес

рабочих ремесленных предприятий деревообделочного производства.

Половозрастной состав двух крупнейших групп ремесленных рабочих несколько изменился — среди сапожников доля несовершеннолетних (до 20 лет) несколько возросла (с 49% в 1910 г. до 55% в 1920 г.); в составе же швейников — снизилась (с 70% в 1910 г. до 54,3% в 1920 г. и 61,6% в 1926 г.). Что касается женщин, то их удельный вес среди швейников вырос (с 26% в 1910 г. до 30% в 1920 г. и 33% в 1926 г.)⁹¹. Возросли грамотность и образовательный уровень ремесленных рабочих⁹².

Численность сельскохозяйственного пролетариата в 1920 г. по сравнению с довоенным уровнем выросла на 40%. Однако в дальнейшем наметилась тенденция к ее абсолютному и относительному снижению. В частности, в 1926 г. число сельскохозяйственных рабочих уменьшилось по сравнению с 1920 г. на 6% и они составляли лишь 44% от общей численности рабочего класса против 56% в 1920 г.

Доля сезонников в составе сельскохозяйственного пролетариата (в отличие от промышленного) увеличилась с 60% в 1910 г. до 71,4% в 1920 г. и 73,7% в 1926 г.⁹³, что свидетельствовало о росте пополнения этого отряда рабочих за счет разорявшихся крестьян. Данный вывод подтверждается и материалами частичного обследования положения сельскохозяйственных рабочих, проведенного болгарским земельным обществом в 1920—1921 гг.⁹⁴.

Как и до войны, подавляющее большинство сельскохозяйственных рабочих было распылено по мелким хозяйствам⁹⁵. Вместе с тем их относительная территориальная концентрация в отдельных околиях за послевоенный период выросла. В 1910 г. из 71 околии только в одной (Балчикской) сельскохозяйственные рабочие составляли более 20% экономически активного сельскохозяйственного населения, и в пяти — от 15 до 20%, тогда как в среднем по стране эта величина равнялась 8,76%. В 1920 г. в целом по стране этот средний показатель составлял уже 10,38%; при этом число околий, где на долю сельскохозяйственных рабочих приходилось свыше 20% самодеятельного населения, стало равняться восьми, а там, где их удельный вес достигал 15—20%, —

одиннадцати⁹⁶. Действительный же рост территориальной концентрации и доли сельскохозяйственного пролетариата был более значительным, если учесть, что три из наиболее насыщенных в 1910 г. рабочими околий (Балчикская, Добричская и Тутраканская) в 1920 г. по условиям мирного договора оказались вне пределов территории страны.

До войны наиболее высокая в Болгарии территориальная концентрация сельскохозяйственного пролетариата была главным образом в зернопроизводящих околиях (в первую очередь в южной Добрудже), а также в некоторых других (Бургасской, Сливенской, Свиштовской, Станимакской, Русенской сельской, Разградской, Горнооряховской и т. д.)⁹⁷.

В послевоенные годы в целом условно можно выделить три типа околий с повышенным абсолютным или относительным сосредоточением сельскохозяйственных рабочих⁹⁸.

1. Околии со значительным активным сельскохозяйственным населением и с повышенной абсолютной и относительной концентрацией сельскохозяйственных рабочих — Бургасская (7 тыс. рабочих, т. е. 24,2% активного сельскохозяйственного населения в 1920 г.), Карнобатская (4,2 тыс., т. е. 18,6%), Варненская сельская (5,7 тыс., т. е. 18,2%), Ямболская (5,5 тыс., т. е. 18%), Станимакская (5,3 тыс., т. е. 17%); Русенская сельская (8,6 тыс., т. е. 16,9%), Свиштовская (5,5 тыс., т. е. 16,3%), Старозагорская (6,4 тыс., т. е. 15,6%), Разградская (6,9 тыс., т. е. 13,6%), Казанлыкская, Горнооряховская; в названных околиях повышенная концентрация сельскохозяйственных рабочих была устойчивой еще с довоенного времени⁹⁹.

2. Околии со сравнительно небольшой абсолютной численностью активного сельскохозяйственного населения, но со значительной относительной концентрацией сельскохозяйственных рабочих. В 1920 г. к этому типу относились Сливенская (4,7 тыс. рабочих, т. е. 26,4% самодеятельного сельскохозяйственного населения), Пештерская (3,6 тыс., т. е. 21,4%), Еленская (3,6 тыс., т. е. 14,7%), Котленская (1,4 тыс., т. е. 26,6%), Анхиальская (3,3 тыс., т. е. 21,7%), Айтосская (3,2 тыс., т. е. 17,3%), Пашмаклийская, Мехомийская, Малкотырновская и др.¹⁰⁰

3. Околии со значительным абсолютным числом рабочих и сельскохозяйственного населения и при сравнительно небольшом превышении (а иногда и без него) среднего уровня относительной концентрации сельскохозяйственных рабочих. К ним можно отнести Шуменскую (6,7 тыс. рабочих, т. е. 12% самодеятельного сельскохозяйственного населения), Плевенскую (5,9 тыс., т. е. 11,4%), Провадийскую (5,3 тыс., т. е. 12,4%), Пазарджикскую (4,6 тыс., т. е. 11,6%), Пловдивскую сельскую (4,9 тыс., т. е. 9%), Тырновскую и др.¹⁰¹

Некоторые изменения произошли в половозрастной и национальной структуре сельскохозяйственного пролетариата. Удельный вес женщин среди них вырос с 34,4% в 1910 г. до 47% в 1920 г. и 44% в 1926 г., что свидетельствовало об углублении процесса пролетаризации крестьян в деревне. Доля несовершеннолетних и молодежи до 20 лет осталась на довоенном уровне, составив в 1920 и 1926 гг. соответственно 24 и 22% общей численности¹⁰². Несколько выросла в послевоенный период в составе сельскохозяйственных рабочих доля турок.

Процент неграмотных среди сельскохозяйственных рабочих снизился, но они продолжали оставаться наиболее отсталым по уровню грамотности отрядом рабочего класса: в 1920 г. неграмотные составляли 66%, в 1926 г. — 61% общего их числа. Причем среди женщин этот показатель равнялся соответственно 77 и 71%, а среди мужчин — 56 и 52%¹⁰³.

Из остальных групп рабочего класса в послевоенные годы значительно выросла численность работников транспорта и связи (в особенности число железнодорожников). По сравнению с 1910 г. она увеличилась в 1920 г. на 17%, в 1926 г. — на 75%. В то же время абсолютная и относительная численность грузчиков и носильщиков в составе этой группы снизилась: в 1910 г. на их долю приходилось более половины общей численности, в 1920 г. — меньше половины, а в 1926 г. — четверть общей численности. Свыше 50% работников транспорта и связи, как и прежде, составляли мужчины в возрасте от 20 до 40 лет. Грамотность среди работников этого отряда была высокой. В частности, у железнодорожников в 1926 г. она достигла 94% общего состава¹⁰⁴.

Несколько снизилась в послевоенные годы относительная доля работников непродовольственных сфер (ра-

бочих и мелких служащих в торговле, государственных и муниципальных учреждениях и службах, сфере домашних услуг и т. п.). Однако их абсолютная численность и половозрастная структура мало изменились. Среди домашних работниц (прислуги) по-прежнему преобладали молодые девушки (до 20 лет); несколько увеличилась доля женщин среди работников в сфере обслуживания (в первую очередь за счет роста числа прачек). Грамотность работников этой группы выросла: к примеру, у домашних работниц доля грамотных увеличилась с 58,5% в 1920 г. до 73% в 1926 г.¹⁰⁵

Характеризуя изменения в составе рабочего класса, следует отметить, что в послевоенные годы увеличилось число безработных; много бывших рабочих, демобилизовавшихся из армии и вернувшихся из плена, долгое время не могли найти себе работу. Несколько позднее к ним присоединилось значительное число беженцев с территорий, отошедших от Болгарии по Нейскому мирному договору 1919 г.¹⁰⁶ Кроме того, безработными оказалась часть врангелевских солдат. Особенно трудно было найти работу в таких отстававших в своем развитии отраслях производства, как кожевенно-обувная, швейная и др.¹⁰⁷ По официальным данным, число безработных увеличилось с 1003 в 1910 г. до 4117 в 1920 г.¹⁰⁸; фактически же их было значительно больше, если учитывать не полностью занятых сезонников и поденщиков. «Безработица в большинстве отраслей, — констатировал в 1920 г. Г. Димитров, — массовая и продолжительная»¹⁰⁹. С известными колебаниями (в зависимости от экономической конъюнктуры) число безработных, особенно в табачной промышленности, оставалось значительным в течение всех послевоенных лет¹¹⁰.

* * *

Подведем некоторые итоги. Общая численность болгарского пролетариата в послевоенные годы в целом значительно выросла: по сравнению с 1910 г. она увеличилась в 1920 г. на 20%, а в 1926 г. — на 42% (табл. 6). Однако доля пролетариата в составе экономически активного населения почти не изменилась. К тому же удельный вес наиболее многочисленного отряда — сельскохозяйственных рабочих — хотя и не-

Таблица 6

ДИНАМИКА ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ БОЛГАРСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Группа рабочего класса	Абсолютная численность (в тыс. человек)			Изменение, в % (к 1910 г.)	
	1910 г.	1920 г.	1926 г.	1920 г.	1926 г.
Численность самодельного населения; в скобках — все население	2244083 (4337513)	2635164 (4846971)	3079596 (5478741)		
Общее число рабочих по официальным результатам переписи	363796	427759	505212	—	—
Скорректированное общее число рабочих *	332	396	470	119	142
1. Промышленные рабочие	20	50	60	250	300
2. Строительные рабочие	24	18	33	75	138
3. Ремесленные рабочие	50	46	65	92	130
4. Сельскохозяйственные рабочие	160	222	208	139	130
5. Работники транспорта и связи	12	14	21	117	175
6. Работники гос. учреждений и сферы обслуживания **	53	45	58	87	112.

* Рассчитано нами путем исключения из официальных данных солдат, полицейских, членов семей, занятых исключительно домашним трудом, ряда других лиц наемного труда и включения безработных, всех машинистов и кочегаров.

** Кроме групп 1—6, в общее число рабочих входили также не показанные в таблице безработные, поденщики и лица не точно определенных профессий; группы 1 и 3 устанавливаются приблизительно; группа 4 — с включением рабочих лесного хозяйства и рыболовства; группа 6 — с включением нескольких категорий из разряда «индустрии» и с исключением ряда категорий.

Источники: ОРПН. 1910, кн. III, с. 7—63; 1920, кн. III, с. 4—61; 1926, кн. III, с. 6—49.

сколько снизился (с 48% в 1910 г. до 44% в 1926 г.), тем не менее оставался значительным.

Преобладание в составе рабочего класса сельскохозяйственных и ремесленных рабочих, рассредоточенных главным образом в селах и небольших городах, наличие среди промышленного пролетариата большой доли

сезонников — полурбочих-полукрестьян — и незначительный процент потомственных пролетариев — все это свидетельствовало о социально-экономической незрелости болгарского рабочего класса (по сравнению с рабочим классом в странах Западной и Центральной Европы). Организация такой разнородной и распыленной массы людей с целью борьбы за улучшение их положения и уничтожение эксплуатации была, несомненно, крайне трудной задачей, которая стояла перед революционным авангардом — партией тесняков.

Правда, в структуре рабочего класса страны произошли некоторые изменения: отряды, количественно наиболее крупные до войны (сельскохозяйственный пролетариат, ремесленные рабочие), в послевоенный период выросли сравнительно в незначительной степени, либо не показывали тенденции непрерывного и устойчивого роста.

Наиболее существенные изменения произошли с отрядом промышленных рабочих. Только промышленный пролетариат продолжал непрерывно расти, и темпы его прироста были наиболее значительными. По сравнению с довоенным уровнем в 1920 г. его численность возросла на 150%, а в 1926 г. — на 200%. Его удельный вес в составе рабочего класса увеличился с 5,7% в 1910 г. до 12,6% в 1920 и в 1926 гг. Сравнительно большой прирост в послевоенные годы показали транспортники: в 1926 г. их численность выросла по отношению к 1910 г. на 75%.

Возрастание численности, удельного веса и концентрации всего рабочего класса страны и промышленного пролетариата в особенности, вместе с повышением грамотности создавали благоприятные структурно-социологические предпосылки для роста болгарского пролетариата как социально-политической силы общества, для его поступательного развития в качестве революционного класса.

§ 3. Подъем забастовочного движения пролетариата в 1919 г.

и перемены в пролетарском авангарде

Несмотря на подавление Владейского восстания, обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. В основе глубочайшего политического кризиса, охватившего Болгарию, лежало прежде всего резкое ухудшение жизненного уровня трудящихся. В частности, катастрофическое снижение за годы войны реальной зарплаты рабочих достигло в 1918 г. (и отчасти в 1919 г.) самой крайней точки¹¹¹. Следствием этого явилось чрезвычайное обострение классовых противоречий в стране. Война и ее тяготы вырвали широкие массы из обычного состояния, привели к необратимым изменениям в их психологии и настроении, подготовили их к активным политическим действиям.

Власть буржуазно-монархической клики в стране держалась в тот период главным образом на штыках армии Антанты, оккупировавшей Болгарию в начале октября 1918 г.

Революционная энергия угнетенных классов болгарского буржуазного общества была далеко еще не исчерпана, а революционный потенциал пролетариата еще даже и не проявился в сколько-нибудь значительных размерах.

После заключения 29.IX 1918 г. Салоникского перемирия со странами Антанты болгарская армия была демобилизована; к мирной жизни вернулось большое число освободившихся из армии и обогащенных жизненным и политическим опытом мужчин, в том числе и рабочих. Осенью 1918 г. экономика страны начала перестраиваться на мирные рельсы. За короткий срок (как показано в § 2 настоящей главы) численность пролетариата быстро выросла. Это предопределило в конечном итоге некоторые изменения в соотношении классовых сил в стране, оказав также определенное воздействие на формирование классового сознания у вновь вовлекавшихся в ряды пролетариата слоев.

Большое влияние на пробуждение и рост классового сознания болгарского пролетариата оказывал пример героической борьбы рабочего класса и всех трудящихся Советской России. Победа Октябрьской революции,

обозначив коренной перелом в длительной борьбе международного рабочего класса за социальное освобождение, открыла перед революционным пролетариатом всего мира новые горизонты. «Начатый Октябрем процесс революционного преобразования мира создал новую обстановку для борьбы международного рабочего класса за свои ближайшие и конечные цели... Победа Октябрьской революции поставила рабочий класс в центр современной эпохи»¹¹². Соотношение сил на международной арене между буржуазией и пролетариатом с победой Октября резко изменилось и продолжало изменяться по мере укрепления пролетарского государства в Советской России. Все это оказывало огромное воздействие на социальную психологию как буржуазии, так и пролетариата повсюду, и в первую очередь в тех странах, где влияние Октября по ряду причин было особенно глубоким. Осенью 1918 г. новым и важным дополнительным импульсом к развёртыванию борьбы болгарского пролетариата и к активизации деятельности партии тесняков явились революция в Австро-Венгрии в конце октября 1918 г. и Ноябрьская революция в Германии; они привели к созданию в крупнейших городах обеих стран Советов рабочих и солдатских депутатов; революционное движение разгоралось на больших территориях Центральной и отчасти Юго-Восточной Европы, где с новой силой проявилось огромное влияние Октябрьской революции и большевистских идей.

16 октября 1918 г. ЦК партии тесняков в специальном обращении объявил мобилизацию всех сил с целью восстановления прекративших за время войны свое существование партийных и профсоюзных организаций, усиления пропаганды и агитации среди пролетариата¹¹³. Партия выступила с развернутой программой экономических и отчасти политических преобразований, составленной с учетом опыта большевиков и отражавшей интересы и нужды широких масс. В печати, в Народном собрании, на рабочих собраниях и митингах тесняки требовали конфискации всех награбленных во время войны богатств и суда над виновниками трех войн (Балканских и мировой) и двух национальных катастроф (в 1913 и в 1918 гг.), над военными преступниками и спекулянтами. Они добивались установления специального налога на доходы военного времени, прогрессивного подоходно-

го налога, конфискации излишков продовольствия, одежды, топлива и всех предметов первой необходимости, установления рабочего контроля над распределением продовольствия и обменом, повышения заработной платы и улучшения условий труда и положения трудящихся путем борьбы со спекуляцией, а также отмены военного положения, восстановления конституционных свобод и амнистии¹¹⁴. В поддержку названной программы уже с конца октября и в ноябре 1918 г. в большинстве городов (в том числе в Софии, Сливене, Плевене, Хасково, Пазарджике, Габрово, Самокове, Кюстендиле, Ломе, Казанлыке и др.) и во многих селах были проведены собрания и митинги, основную массу участников которых составляли рабочие, а также и другие слои трудящихся¹¹⁵. В некоторых городах состоялись демонстрации, оканчивавшиеся иногда столкновениями с полицией.

— Широкое недовольство трудящихся, в авангарде которых с осени 1918 г. выступал пролетариат, заставило правящий лагерь в течение октября—ноября 1918 г. дважды произвести реорганизацию правительства. Важнейшей чертой этих реорганизаций было введение впервые в истории страны в состав правительства представителей БЗНС и партии широких социалистов, что должно было, по мнению буржуазных кругов, сыграть роль «громоотвода». Глава вновь созданного 29.XI 1918 г. коалиционного правительства Т. Тодоров был вынужден обещать удовлетворение ряда требований народа¹¹⁶. Но подобные меры не обеспечивали желанных для реакции «спокойствия» и «порядка» в стране. Выступления трудящихся масс нарастали.

Особой популярностью в народе пользовалось требование амнистии политическим заключенным, участникам антивоенных выступлений и восстаний. В борьбе за амнистию проявилась авангардная роль руководимого тесняками пролетариата, поддержанного широкими массами крестьян и других слоев трудящихся. По городам и селам страны проходили митинги и собрания рабочих и крестьян с требованиями амнистии. Принимавшиеся на них резолюции направлялись в редакции газет и в бюро Народного собрания. Из поступивших за короткое время в Народное собрание резолюций от более 100 собраний 60% было принято по инициативе тесняков, 20 —

по инициативе БЗНС и 20% — совместно тесняками и членами БЗНС¹¹⁷.

Волна собраний и митингов нарастала. Если в ноябре в стране прошло 199 собраний и митингов с требованиями амнистии, то в декабре таких собраний было проведено уже 304 (в том числе в таких городах, как Пловдив, Бургас, Тырново, Плевен, Сливен, Враца, Стара Загора, Перник, Габрово и др.)¹¹⁸. В итоге массовых выступлений трудящихся в начале января 1919 г. амнистия была вырвана у правительства¹¹⁹.

Так, революционный пролетариат, руководимый партией тесняков, впервые в истории страны выступивший при поддержке трудового крестьянства, с участием левых деятелей БЗНС, добился на исходе 1918 г. победы в результате крупнейшей политической кампании. Эта победа свидетельствовала о том, что болгарский пролетариат, занявший с конца 1918 г. авангардную роль в революционном движении трудящихся, несмотря на свой относительно незначительный удельный вес в составе населения, превращался после войны при опоре на трудовое крестьянство в серьезную политическую силу, становился главной пружиной общественного развития страны. Новые дальнейшие успехи трудящихся в борьбе с буржуазией по вопросу о том, за чей счет в первую очередь будет восстанавливаться разрушенное хозяйство, зависели во многом от взаимоотношений пролетариата с крестьянством, от возможности поддержки революционного пролетариата полупролетариатом и другими трудовыми слоями города и деревни.

Успех в борьбе за амнистию окрылил трудящихся. Крайне бедственное положение (продовольственные трудности, рост дороговизны и инфляции) толкало их прежде всего на борьбу за элементарные условия человеческого существования. В авангарде выступал пролетариат. Рабочие действующих предприятий требовали повышения заработной платы, ограничения рабочего дня и улучшения условий труда. Несмотря на сохранившиеся военное положение, репрессии и цензуру (направленные в первую очередь против тесняков), забастовки вспыхивают среди табачников Пловдива, металлистов и рабочих сахарного завода в Русе, текстильщиков Пазарджика и Самокова, деревообделочников Котела¹²⁰, охватывают разные категории пролетариев многих го-

родов. Назревает стачка многотысячного коллектива шахтеров Перника, предотвращенная 17 февраля 1919 г. вмешательством командования оккупационной армии Антанты и арестами руководителей и 200 активистов Союза горняков¹²¹. Демобилизованные из армии рабочие, члены партии тесняков и революционных профсоюзов выступили в авангарде борьбы трудящихся против дороговизны и спекуляции. По инициативе тесняков зимой и весной 1919 г. проходили многочисленные рабочие собрания под лозунгами «Хлеба, жилища, работы!»; наиболее массовые из них состоялись 26.I и 2.III 1919 г.¹²²

Новым явлением, свидетельствовавшим о быстро шедшем формировании и росте классового сознания пролетариата, была небывалая в довоенной Болгарии активность женщин-работниц. Опыт массовых голодных женских бунтов, прокатившихся в стране в 1917—1918 гг., не прошел бесследно. Особенно ярким событием в истории борьбы женского пролетариата этого времени были массовые собрания и митинги женщин-работниц, проведенные 23.III 1919 г. в Софии, Пловдиве, Габрове и других городах по случаю Международного дня женщин. Резолюции этих и аналогичных им собраний с требованиями полного политического и общественного равноправия женщин, фактического применения существующих законов об охране труда и расширения рабочего законодательства, ликвидации цензуры и военного положения, конфискации незаконно нажитых во время войны богатств и т. д., с гневным возмущением по поводу убийства 15.I 1919 г. в Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта были направлены в адрес Народного собрания¹²³.

Значительные изменения в психологии рабочих масс определялись прежде всего обострением классовой борьбы, быстро приобретающимся в условиях революционного кризиса в стране собственным политическим опытом, «Великое значение всяких кризисов, — подчеркивал В. И. Ленин, — состоит в том, что они скрытое делают явным, отбрасывают условное, поверхностное, мелкое, отметают прочь политический сор, вскрывают истинные пружины действительно происходящей *классовой борьбы*»¹²⁴.

Большое воздействие оказывал также подъем революционного движения в европейских странах, вспыхнув-

шая в марте 1919 г. пролетарская революция в Венгрии и прежде всего героическая борьба трудящихся Советской России. Свидетели и участники этой борьбы — болгарские военнопленные и интернационалисты других категорий, возвращавшиеся в страну в 1918—1919 гг., рассказывали о первом в мире государстве рабочих и крестьян, и таким образом правда о великих событиях в России постепенно доходила до самых отдаленных районов Болгарии¹²⁵. В статье, опубликованной в июне 1919 г. в начавшем вновь выходить теоретическом органе партии журнале «Ново време», Д. Благоев, подчеркивая глубокое влияние Октябрьской революции, отмечал, что она приносит «в весь старый мир глубокий переворот в психологию и сознание, в чувства и понимание, в особенности в психологию и сознание огромного большинства народа, до сих пор одурманенного и угнетенного. Она и в настоящее время пробуждает сознание и поддерживает революционное пламя в поработанных, эксплуатируемых и угнетенных капиталистическим обществом пролетариях и трудящихся народах и делает их совсем не такими, какими они выглядели вчера»¹²⁶.

Весной 1919 г. политическая активность болгарского пролетариата нарастала в обстановке усилившегося недовольства широких народных масс в связи с голодом, дороговизной, инфляцией и разрухой. Капитализм был дискредитирован в глазах трудящихся. Революционной борьбе пролетариата сопутствовали выступления полупролетарских слоев, прежде всего трудового крестьянства. Весной 1919 г. в Пловдивском и Сливенском округах прошли волнения сельской бедноты, требовавшей оказания срочной продовольственной помощи. В этот же период (18—19 марта 1919 г.) состоялся голодный поход жителей села Килифарево в окружной центр Тырново¹²⁷, имели место и другие проявления недовольства крестьянских масс¹²⁸. Это побуждало радикальных деятелей Земледельческого союза и низовые его организации («дружбы») к острой критике линии коалиционного правительства, в состав которого входили представители БЗНС.

В городах брожение и недовольство охватило широкие круги промежуточных и средних слоев — служащих и чиновников, мелких ремесленников, учителей и представителей других категорий трудовой интеллигенции. Там (как и в селах) стихийно возникали «комитеты го-

лодающих» для борьбы со спекуляцией и дороговизной, вступавшие в конфликты с официальными органами¹²⁹.

Всеобщее недовольство и чрезвычайная активность низов заставляли правящие круги поспешить с принятием экстренных мер. Революция в России научила многому и болгарскую буржуазию. Ранее главным и определяющим методом управления буржуазии в Болгарии был метод диктата и репрессий. Ныне она спешит прибегнуть к политике уступок и социального лавирования, не отказываясь от репрессий по отношению к революционному авангарду (прежде всего к членам партии тесняков, революционных профсоюзов и сочувствующим им рабочим).

В обстановке растерянности (характеризующейся отчасти грызней, отчасти призывами к объединению) и страха, иногда переходившего в панику, реакционное большинство избранного еще в 1914 г. XVII Народного собрания скрепя сердце проголосовало за законопроекты, срочно внесенные правительством. Лейтмотивом выступлений наиболее дальновидных представителей болгарской буржуазии (в первую очередь В. Моллова, Г. Василева и других депутатов демократической партии) была формула: «Лучше реформа сверху, чем революция снизу»¹³⁰. Так были приняты законы о налоге на доходы военного времени, о конфискации незаконно приобретенного в годы войны имущества, о помощи ремесленникам, пострадавшим в период войны, о компенсации крестьянам, не получившим возмещения за реквизированный скот¹³¹. Проведение этих законов было оговорено необходимостью такой процедуры, что результаты фактически должны были быть ничтожными. С их помощью, однако, правительство надеялось несколько сбить накал революционного напряжения в стране.

Одновременно оно усиливало репрессии по отношению к революционному пролетариату, в особенности его авангарду — партии тесняков. В марте 1919 г. в ряде городов (Варна, Плевен, Ловеч и др.) были совершены нападения на рабочие митинги и собрания, сопровождавшиеся арестами их организаторов — членов партии тесняков. Особенно жестоким был налет конной полиции на рабочий митинг 9 марта в Сливене, в результате которого 85 рабочих были тяжело ранены, а несколько сот получили контузии и ушибы¹³². В Пернике был ра-

зогнан профсоюз горняков, разграблены его архив и касса¹³³. Тщетны, однако, были усилия правящих кругов с помощью полиции и других органов министерства внутренних дел (зимой и весной 1919 г. оно возглавлялось Н. Мушановым, а с мая 1919 г. — К. Пастуховым, одним из лидеров правого крыла широких социалистов) приостановить рост революционного движения пролетариата.

Особенно заметны были весной 1919 г. сдвиги в развитии пролетарского авангарда, что было продемонстрировано на состоявшихся соответственно 25—27 и 28 мая XXII съезде партии тесняков и XI съезде революционно-профобъединения (ОРСС). К своему очередному съезду партия тесняков насчитывала около 25 тыс. членов (в 1915 г. — 3 тыс.)¹³⁴. Она превращалась в массовую партию, в которую вступали не только передовые рабочие, но и прогрессивные представители других слоев трудящихся (мелкие служащие, лица свободных профессий, полупролетарские элементы и мелкие собственники города и деревни). На съезде партия была торжественно преобразована в Болгарскую коммунистическую партию (тесных социалистов), что открыло новую главу в истории рабочего класса и рабочего движения Болгарии. В отличие от большинства социалистических партий других стран съезд единодушно и безоговорочно одобрил разрыв партии со II Интернационалом и ее участие в основании III Коммунистического Интернационала¹³⁵. На съезде был принят важный документ — «Программная декларация». Она провозглашала свержение капитализма в Болгарии в качестве близкой задачи. Декларация указала на основе опыта революции в России средства и конечные цели борьбы¹³⁶: установление в стране социалистической республики и диктатуры пролетариата. Съезд осудил антипарламентарные взгляды группы «левых» коммунистов¹³⁷.

Недостатком декларации и других документов съезда было отсутствие упоминания о необходимости борьбы за привлечение на сторону пролетариата трудового крестьянства. С этим был связан и факт, что съезд не подверг критике ошибочную позицию партии в период Владейского восстания, хотя вопрос о ней всплывал в выступлениях отдельных делегатов¹³⁸. Съезд не выработал также и специальной аграрной программы, недооценив по-

пулярные среди трудового крестьянства требования аграрной реформы и т. д. Вообще преобразование партии в БКП (т. с.) не сопровождалось критическим пересмотром некоторых ошибочных для периода теснячества идейных установок¹³⁹; в партии была распространена точка зрения, что теснячество — это большевизм на болгарской почве и что оно должно лишь приспособиться к новой международной обстановке¹⁴⁰. В целом провозглашенный на I съезде БКП организованный переход партии под знамя Коммунистического Интернационала, освоение ею некоторых важных принципов большевизма означали, что партия начала превращаться из партии пропаганды в партию революционного действия, демонстрировали новый и важный этап в развитии пролетарского авангарда в стране.

Об этом свидетельствовали также и решения состоявшихся в конце мая XI съезда ОРСС и конференции Рабочего социал-демократического союза молодежи. В рядах ОРСС к его XI съезду насчитывалось около 15 тыс. членов (т. е. примерно в 2 раза больше довоенной численности). За короткий срок, предшествовавший съезду, возобновили свою деятельность все 13 существовавших в рамках ОРСС до войны (в 1914 г.) централизованных производственно-отраслевых профсоюзов; были восстановлены старые и созданы новые профсоюзные секции в различных городах и населенных пунктах страны. Укрепившийся профсоюзный актив заложил основу для дальнейшего роста революционных профсоюзов; вскоре после съезда, летом и осенью 1919 г. к ОРСС присоединился ранее нейтральный профсоюз работников ресторанов и были созданы 4 новых профсоюза — сельскохозяйственных рабочих, технических работников, санитарных работников, артистов и музыкантов. В докладе о задачах профсоюзного движения Болгарии, сделанном на съезде Г. Димитровым, подчеркивалось огромное значение Октябрьской революции для судеб болгарского и всего международного рабочего движения¹⁴¹; съезд внес изменения в устав ОРСС, закрепившие связь профсоюзов с партией¹⁴². Специальная резолюция о задачах профсоюзов поставила перед болгарским пролетариатом в качестве непосредственной практической задачи «уничтожение капиталистической эксплуатации путем завоевания политической власти и установления рабочей дик-

татуры»¹⁴³. Съезд нацелил профсоюзы на революционную борьбу, подчеркнув, что они должны помочь партии повести пролетариат к революции¹⁴⁴.

Конференция Рабочего социал-демократического союза молодежи приняла решение о преобразовании его в Болгарский коммунистический союз молодежи (БКСМ). Принятая конференцией резолюция отмечала, что задача БКСМ заключается «в объединении под своими знаменами всей молодежи, особенно из среды пролетариата и малоимущих городских и сельских слоев, в воспитании их в духе коммунизма с тем, чтобы сделать их смелыми и мужественными борцами за дело коммунизма, готовыми в решительный момент первыми принять активное участие в качестве красногвардейцев в революционной борьбе пролетариата»¹⁴⁵.

Постановления съездов БКП и ОРСС продемонстрировали, что партия поставила перед болгарским пролетариатом задачи борьбы за свержение господства буржуазии. Однако готовности авангарда к революционной борьбе для ее успеха далеко не достаточно. Компартия предстояло в первую очередь завоевать на свою сторону в упорной борьбе с реформистами широкие массы пролетариата. Другая важная задача, для решения которой БКП еще не созрела, была обеспечить пролетариату поддержку трудового крестьянства и полупролетарских городских слоев.

Съезды БКП и ОРСС, призвавшие пролетариат к революционной борьбе, послужили новым дополнительным толчком к массовым стачкам; уже с мая и в особенности в июне 1919 г. забастовки приняли характер настоящего наступления широких масс пролетариата против буржуазии. В этот период на борьбу поднялись табачники Станимаки, Шумена, Дупници, Горна Джумаи, Сливена, текстильщики Габрова, Самокова, Котела, деревообделочники Софии, Русе, Тетевена, металлисты Сливена и другие коллективы¹⁴⁶.

Размах стачечной борьбы болгарских рабочих напугал буржуазию. 24 июня срочно был издан указ о введении 8-часового рабочего дня — правда, практическое его применение откладывалось до выработки специальной инструкции. К тому же предприниматели путем введения сдельщины пытались фактически обходить новый закон. Усилив одновременно репрессии по отношению

к революционному авангарду, правительство надеялось таким путем ослабить натиск пролетариата.

Между тем стачечная борьба разгоралась с новой силой. В июле прошли успешные выступления многих отрядов пролетариата. Среди них следует выделить семитысячный коллектив шахтеров Перника, который 1—2 июля провел стачку под руководством Г. Димитрова и Т. Ненкова. Благодаря блестящей организованности шахтеров они быстро добились уступок от правительства, принявшего требования рабочих¹⁴⁷. Другой крупной стачкой была более длительная (с 30.VI по 22.VII 1919 г.) всеобщая забастовка 4 тыс. табачников Пловдива, поднявшихся против табачной монополии. Под руководством профсоюза табачников, возглавлявшегося С. Кираджиевым, бастующие при поддержке ОРСС добились победы над табачным картелем¹⁴⁸.

Шахтеры и табачники выступали весной и летом 1919 г. в передовых рядах борющегося пролетариата страны. Они составляли наиболее многочисленные отряды рабочего класса, отличавшиеся к тому же (как показано в § 2 настоящей главы) наибольшей концентрацией. Их возглавляли два боевых профсоюза, принадлежавшие к наиболее мощным профсоюзным организациям, объединенным в ОРСС. Стачки рабочих двух названных отраслей были наиболее массовыми, организованными и результативными. Кроме упомянутых стачек, летом и осенью 1919 г. прошли с успехом также хорошо организованные забастовки шахтеров Бобов-дола и других коллективов шахтеров и рудокопов, рабочих табачных предприятий Дупницы, Горна Джумай, Шумена, текстильщиков Габрово, Варны, Самокова, Карлово, Казанлыка, Пазарджика, рабочих сахароваренных предприятий Софии, Пловдива, Горна Оряховицы, Русе, Каяли и т. д.¹⁴⁹

В борьбу втягивались и рабочие других категорий — металлисты и деревообделочники, печатники и швейники, кожевники и мукомолы, булочники и сапожники. Большинство стачек возглавлялись революционными профсоюзами; некоторые стачки среди рабочих ремесленных предприятий (деревообделочников, сапожников и др.) проходили под руководством реформистских профсоюзов. Основными требованиями бастующих рабочих были повышение заработной платы, улучшение условий

труда, фактическое введение 8-часового рабочего дня. Успешный исход подавляющего большинства стачек вместе с общим подъемом политической активности пролетариата оказывал влияние и на такие отряды рабочих, как строители и сельскохозяйственные рабочие, которые нелегко поддавались организации и стояли в своей массе в стороне от рабочего движения. На борьбу иногда поднимались парикмахеры, официанты, возчики, служащие государственных и муниципальных учреждений, артисты и т. д.¹⁵⁰

В ходе стачек БКП и ОРСС учили рабочих распознавать истинную сущность классовых отношений и капиталистической эксплуатации, разъясняли им невозможность полного удовлетворения их коренных интересов, нужд и требований в условиях существующего строя. Коммунисты доказывали необходимость профессиональной и политической организации пролетариата в борьбе с капиталом, противопоставившим рабочим монополистические объединения (картели табачников и владельцев типографий больших городов, соглашение текстильных фабрикантов для борьбы со стачечниками и др.)¹⁵¹. Понимая, что одни экономические стачки не только не приведут к уничтожению капиталистической эксплуатации, но и не способны воспитать у пролетариата революционную волю, БКП начала прибегать к более острым формам борьбы, стремясь поднять движение на более высокий уровень. В трех пролетарских центрах — Самокове (17 июня), Сливене (18 июня) и Русе (10 июля) — были проведены региональные политические стачки «в поддержку общих классовых интересов пролетариата»¹⁵²; в ходе стачек были выдвинуты главным образом политические требования. В этот же период — 12—13 и 29 июля — в городах страны по зову БКП прошли массовые политические демонстрации с лозунгом «Хлеба, жилища, работы!», протестом против буржуазного правительства и призывами последовать героическому примеру трудящихся Советской России¹⁵³.

В целях политического воспитания широких пролетарских масс БКП и ОРСС развернули также большую агитационно-пропагандистскую и издательскую деятельность. Наряду с центральным партийным органом, чрезвычайно популярной и самой распространенной в стране газетой «Работнически вестник», в ряде окружных цент-

ров и рабочих городов летом и осенью 1919 г. стали издаваться местные коммунистические газеты: в Бургасе — «Черноморски работник», в Варне — «Варненски работник», во Враце — «Вратчански работник», в Видине — «Болшевишки глас», в Кюстендиле и Плевене — «Комунист», в Пловдиве — «Пловдивска комуна», в Русе — «Към победа», в Сливене — «Сливенска комуна», в Самокове — «Самоковска комуна»¹⁵⁴. Не все из них превратились в регулярные газеты (некоторые выходили лишь эпизодически, в связи с выборами), но их издание имело большое значение в пропаганде идей коммунизма среди масс. В 1919 г. возобновился выход некоторых издававшихся до войны органов революционных профсоюзов: в Пловдиве (крупнейшем центре рабочих-табачников) — издание органа профсоюза табачников — газеты «Тютюнороботник» (ред. С. Кираджиев); в Софии — профсоюзных газет «Шивашки работник» (М. Божков), «Печатарски работник» (А. Захариев), «Телеграфо-поштенски вестник» (Д. Коджейков), «Служащ» (Цв. Стефанов), «Железничар» (Я. Иванов), «Търговски служащ» (А. Бояджиев, Н. Грамовски) и др. С середины 1919 г. БКП издавала рассчитанные на разные слои трудящихся теоретический журнал «Ново време» (Д. Благоев), газеты для женщин и для молодежи «Равенство» (Т. Киркова, А. Маймункова, Р. Кандева, К. Луканова, Л. Ивошевич-Димитрова) и «Младежка правда», юмористический журнал «Червен смях», детский журнал «Другарче» и т. п.

Наряду с этим компартия выпустила большое число переводов классической марксистской литературы и оригинальных книг и брошюр. Только за период с 1 апреля по 1 сентября 1919 г. было издано 24 книги и брошюры общим тиражом 323 тыс. экз., а также 19 листовок и обращений тиражом 490 тыс. экз. (большое количество литературы, особенно плакатов и листовок, выпускалось местными организациями БКП)¹⁵⁵. Среди изданных в 1919 г. были «Манифест Коммунистической партии» (в новом переводе В. Коларова), «Капитал» и «Гражданская война во Франции» К. Маркса, «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» Ф. Энгельса и другие их работы. В 1919 г. были изданы и работы В. И. Ленина «Государство и революция» (в переводе Г. Димитрова), брошюра «Письма В. И. Ленина

рабочим зарубежных стран», принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. Программа РКП(б), Конституция РСФСР (в переводе В. Коларова)¹⁵⁶; кроме того, отдельные статьи В. И. Ленина печатались полностью или в изложении в коммунистической прессе. Выпущенные брошюры В. Коларова («Большевицкая Россия», «Красная Армия»), Л. Кандева («Учебное дело в Советской России»)¹⁵⁷ и других были посвящены популяризации различных сторон жизни и борьбы трудящихся Страны Советов. Опыт большевицкой партии, успехи Советской России вдохновляли болгарский пролетариат на борьбу.

В результате воздействия всех названных факторов классовое сознание широких слоев болгарского пролетариата формировалось и углублялось в условиях революционного подъема с невиданной для довоенных времен быстротой. Это проявилось прежде всего в росте пролетарской солидарности в ходе забастовок: за короткий срок при поддержке широких масс был пополнен средствами воссозданный в июле 1919 г. ОРСС централизованный стачечный фонд «Защита и борьба». Об этом же свидетельствовали факты активной борьбы со штрейкбрехерами, специальные денежные отчисления в помощь бастующим (как, например, отчисление однодневного заработка пловдивскими табачниками в поддержку бастовавших осенью табачников Хасково и др.)¹⁵⁸, поддержка требований рабочих других профессий и др. Нередки были случаи забастовок солидарности.

В ходе стачек и в массовых выступлениях — митингах, собраниях, демонстрациях в защиту Советской России проявилась интернациональная солидарность болгарских рабочих. Осенью 1919 г. в связи с антисоветской политикой правящих кругов страны, проводившейся в угоду империалистам Антанты, в стране прошла волна рабочих собраний и митингов под лозунгом «Руки прочь от России!»¹⁵⁹. В связи со второй годовщиной Октябрьской революции газета «Рабочнически вестник», отражая чувства передовых болгарских рабочих, писала: «Коммунисты и весь трудовой болгарский народ стоят целиком на стороне русской революции и не скрывают, что они готовы всеми силами оказать ей свою поддержку»¹⁶⁰.

Большую агитационно-пропагандистскую деятельность развернули осенью 1919 г. болгарские коммунисты

и в связи с подготовкой мирного договора с Болгарией. Передовые болгарские рабочие не остались безучастными к тяжелым условиям договора. После их вручения болгарской делегации в сентябре в Париже БКП и ОРСС организовали многотысячные рабочие митинги и демонстрации по всей стране с протестами против грабительской политики англо-франко-американских империалистов по отношению к Болгарии, против контрреволюционной роли оккупационной армии Антанты в стране¹⁶¹.

Осенью 1919 г. в Болгарии нарастала новая волна стачек; на борьбу поднимались новые отряды рабочих, ранее в большинстве своем еще не участвовавшие в ней. Стачки этого периода отличались, как правило, уже большей продолжительностью, так как предприниматели оказывали пролетариату упорное сопротивление. В основе изменявшейся осенью 1919 г. обстановки лежали отчасти некоторые временные успехи контрреволюции на международной арене (поражение Советской Венгрии, наступление армии Деникина на Москву и т. д.). Решающее же значение имели сдвиги в расстановке сил в самой Болгарии. Буржуазный лагерь, охваченный в 1918 и в первой половине 1919 г. страхом и смятением, начал объединяться для борьбы с нараставшим революционным натиском. В то же время наиболее дальновидные деятели буржуазной реакции взяли курс на использование и разжигание противоречий в революционных и оппозиционных кругах. Одной из важнейших стратегических линий реакционной буржуазии Болгарии того времени была линия на разъединение революционного пролетариата, возглавляемого БКП, и крестьянства, руководимого БЗНС, а если удастся — и на противопоставление их друг другу¹⁶². Буржуазная печать (в частности, газета «Мир» — орган реакционеров-«народняков») неоднократно подчеркивала, что интересы рабочих и крестьян, БКП и БЗНС якобы «диаметрально противоположны», что «никакие соглашения между ними (БЗНС и БКП. — М.Б.) и совместные их действия невозможны»¹⁶³.

Позиция БЗНС также менялась. Ранее, в ходе войны, а в особенности в конце войны и после ее завершения, в рядах Земледельческого союза крайне обострилась борьба. Консервативное крыло во главе с Д. Дра-

гневым тянуло к блоку с реакционной буржуазией, мечтавшей о «порядке» и спокойствии в стране. Радикальные же лидеры БЗНС в своих выступлениях, отражали недовольство крестьянских масс существующим в стране режимом, которое в конце 1918 и начале 1919 г. неоднократно прорывалось наружу. Летом 1919 г. радикальные лидеры союза сформулировали на XV съезде БЗНС широкую программу демократических реформ и, порвав с правым крылом («драгиевцами»), взяли курс на создание самостоятельного правительства БЗНС с целью осуществления намеченной программы и установления в стране «народовластия», крестьянского царства. Широкие массы крестьянства, воодушевленные этой программой, с надеждой взирали на предстоящую реформаторскую деятельность БЗНС.

В этих условиях начавшаяся 27.XII 1919 г. всеобщая стачка железнодорожников и работников связи была встречена в штыки как буржуазной реакцией, поддержанной оккупационными силами Антанты, так и руководителями БЗНС, имевшими большинство в коалиционном правительстве и намеревавшимися вскоре избавиться от мешавших им партнеров и создать однопартийный кабинет. На помощь правительству в борьбе с бастующими были призваны организованные в «Оранжевую гвардию» крестьяне¹⁶⁴. Объявленная по призыву БКП 29.XII 1919 г. всеобщая политическая стачка, хотя и продемонстрировала солидарность с бастующими железнодорожниками крупнейших отрядов пролетариата (табачников и горняков) и многих других рабочих коллективов и сочувствие широких пролетарских масс, не была всеобщей¹⁶⁵. К тому же в рядах самих бастующих железнодорожников не было полного единодушия: некоторые деятели из реформистских профсоюзов железнодорожников, приняв участие в стачке, стремились к компромиссу. В такой обстановке руководство БКП и ОРСС, осудив призывы «левых» коммунистов и анархистов к вооруженному выступлению¹⁶⁶, призвало к организованному отступлению. 3 января 1920 г. была прекращена политическая стачка. 19 февраля после 54-дневной героической борьбы закончилась неудачей борьба 25 тыс. железнодорожников и работников связи.

Поражение стачки железнодорожников, обусловленное общей обстановкой в стране и раздробленностью

профсоюзов, предопределило спад революционной волны в стране. Болгарский пролетариат был еще не в силах обеспечить победоносный выход из революционного кризиса. С другой стороны, буржуазия, ослабленная за период революционного подъема, не имела сил для нанесения решительного удара и установления контрреволюционной диктатуры. На короткое время две полярные силы как бы уравновесили друг друга. Это создало благоприятные условия для прихода к власти такого оригинального в мировой истории классовый борьбы правительства, как однопартийный кабинет крестьянской партии Земледельческий союз. Лагерь буржуазной реакции вынужден был поневоле, скрепя сердце уступить без боя место у государственного руля БЗНС, рассматривая правительство Земледельческого союза как временное и «меньшее зло», с которым необходимо до поры мириться.

Несмотря на поражение стачки железнодорожников, революционное движение болгарского пролетариата в конце 1918 и в 1919 г. имело большое историческое значение. В ходе этой борьбы рабочих во многих случаях поддержали полупролетарские силы и другие категории трудящихся города и деревни (в том числе и радикальные представители БЗНС). Но именно пролетариат, руководимый революционной партией, решительно отстаивал интересы всех трудящихся, боролся за последовательное осуществление требований народных масс, за революционное решение назревших перед обществом проблем. И хотя во время этой борьбы проявилась еще недостаточная зрелость пролетариата и его авангарда (прежде всего неумение бороться за союзников и попутчиков), итоги борьбы были немалыми. Все, что было вырвано в конце 1918 и в 1919 г. у правящих кругов (амнистия, законы о налогах на доходы военного времени и о конфискации награбленного в период войны имущества, о компенсациях ремесленникам и крестьянам, о суде над виновниками войны и военными преступниками, о 8-часовом рабочем дне и др.), фактически было завоевано в результате борьбы трудящихся, в авангарде которых находился пролетариат.

Руководимое партией революционное движение болгарского пролетариата в конце 1918 и в 1919 г. явилось широкой и важной исторической полосой в развитии са-

мого пролетариата как революционного класса, значительным этапом в становлении его как социально-политической силы общества.

В ходе революционного кризиса 1918—1919 гг. рабочий класс многому научился: массовые митинги и собрания с революционными лозунгами, наступательные экономические забастовки с выдвижением некоторых политических требований, локальные и всеобщая политические стачки, массовые революционные демонстрации, нередко оканчивавшиеся столкновениями с полицией, явились великой школой революционной борьбы и политического воспитания пролетариата. В это время с невиданной ранее быстротой росло классовое сознание пролетариата, начал проявляться его революционный потенциал.

В период революционного подъема в 1919 г. впервые в истории страны болгарский пролетариат развернул в значительном масштабе свои силы, проявил революционную энергию. Достаточно заметить, что общая численность участников забастовочных боев только в одном 1919 г., по приблизительным подсчетам, превышала на 80% число участников стачек за десятилетний период с 1904 по 1914 г.¹⁶⁷

При этом если до войны в стачечном движении преобладающую роль в целом играли рабочие мелких ремесленных предприятий (деревообделочники, швейники и др.), то в 1919 г. промышленные рабочие ведущих отраслей (табачники, шахтеры, текстильщики) вместе с транспортниками составили 9/10 бастовавших рабочих. Заметно вырос (с 7% в довоенный период до 22% в 1919 г.) удельный вес женщин в числе бастующих, что свидетельствовало о росте политической активности женщин-работниц, составлявших значительную часть пролетариата страны. Степень накала стачечной борьбы в 1919 г. подтверждает изменение характера стачек: если в довоенное время лишь немногим более половины забастовок были наступательными, а остальные оборонительными, то в 1919 г. 80% стачек были наступательными; с полным или частичным успехом в довоенное десятилетие оканчивалось 54%, а в 1919 г. — 83% всех стачек. Приведенные данные свидетельствуют об активном участии широких пролетарских масс в стачечном движении 1919 г. и о ведущей роли в нем крупнейших отрядов про-

мышленных рабочих, составлявших консолидирующееся ядро рабочего класса.

В период революционного подъема под влиянием идей Великого Октября произошли качественные сдвиги и в пролетарском авангарде — партия тесняков преобразовалась в 1919 г. в Болгарскую коммунистическую партию. Авторитет БКП и работавших под ее руководством революционных профсоюзов (в первую очередь союзов табачников, шахтеров, транспортников и др.), объединявшихся в рядах ОРСС, в ходе забастовочной борьбы 1919 г. значительно вырос. Показателем роста влияния БКП среди рабочих, а также в полупролетарских слоях города и деревни явились итоги двух парламентских выборов, происходивших 17.VIII 1919 г. (в XVIII Народное собрание) и 28.III 1920 г. (в XIX Народное собрание); коммунисты собрали соответственно 18,7 и 20,3% всех голосов, заняв второе место после БЗНС, набравшего 31 и 38,6% участвовавших в голосовании¹⁶⁸. На состоявшихся 7.XII 1919 г. выборах в местные муниципальные органы (так называемые «общины») БКП также добилась значительных успехов, получив абсолютное большинство в 22 городах и 65 селах; в результате коммунисты смогли образовать самостоятельные муниципальные органы в 6 окружных центрах (из 15) — в большинстве своем в местах сосредоточения рабочих: Пловдив, Варна, Русе, Бургас, Плевен, Шумен, в пролетарском центре Сливене, а также в таких городах, как Ямбол, Дупница, Нова Загора, Ловеч, Айтос, Троян, Калофер, Лясковец, Сопот, Котел, Берковица, Карнобат, Банско, Разлог (Мехомия), Брацигово¹⁶⁹. В ином состоянии находилось реформистское крыло рабочего движения.

§ 4. Кризис реформистских организаций и присоединение их левого крыла к БКП и ОРСС в конце 1920 г.

Одним из важнейших для развития болгарского рабочего класса итогов революционного подъема 1918—1919 гг. было углубление кризиса в рядах реформистов и центристов. После Октябрьской революции главные усилия закоренелых оппортунистов всего мира были на-

правлены на доказательство ее «незакономерности», на отрицание ее уроков. Правые лидеры партии объединенных, или широких, социалистов (их часто называли сокращенно «широкими», «широканцами», а иногда, по традиции, и общедельцами) открыто высказывали свои сомнения относительно перспектив социалистической революции в России (ввиду ее отсталости) и свою враждебность к революционной диктатуре пролетариата. Повторяя аргументы К. Каутского, рекламируя и переводя его отрицающие Октябрьскую революцию книги, они осуждали диктатуру пролетариата, сравнивая ее с одиозной для всех филистеров диктатурой якобинцев¹⁷⁰.

В течение 1918—1919 гг. правые лидеры широканцев Асен Цанков, Петр Джидров, Григор Чешмеджиев, Крстю Пастухов и др. систематически читали антисоветские лекции и доклады, издавали брошюры, в которых распространяли различные небылицы (насчет «общности жен», «людоедства» и т. п. в Советской России) и пытались извратить марксистские концепции классовой борьбы, опровергнуть идеи необходимости и неизбежности пролетарской революции¹⁷¹.

Вступив в октябре 1918 г. в коалиционное буржуазное правительство, созданное специально для «умиротворения» страны после подавления Владайского восстания, правые социал-демократы оправдывали свое участие в нем «интересами нации» и желанием содействовать реформам, направленным на ограничение эксплуатации рабочего класса¹⁷². Стремясь в какой-то степени отмежеваться от своих партнеров по правительству — представителей реакционных партий (народняков и демократов), руководители общедельцев создали (в союзе с лидерами БЗНС и радикальной партии) внутри правящей коалиции нечто вроде «левого блока»; они шумно рекламировали свои предложения о реформах, а также некоторые законопроекты, шедшие навстречу отдельным требованиям широких масс трудящихся¹⁷³. Однако фактически тактика правых широканцев, внешне лавировавших между революцией и контрреволюцией, но фактически сотрудничавших с реакционными партиями, в конечном счете помогала буржуазному лагерю. Недаром буржуазные парламентарии в узком кругу, а также и во время дебатов в Народном собрании приветствова-

ли умеренность лидеров партии широких, их стремление идти «эволюционным путем», добиваясь изменений «законными способами»¹⁷⁴, на основе сотрудничества всех классов.

Социалистическая фразеология и призывы к реформам (одновременно следовали и выступления против революционного движения) не могли остановить роста недовольства среди рабочих, связанных по традиции с реформистской партией и реформистскими профсоюзами. Многие из них постепенно разочаровывались в своих лидерах. В революционной обстановке быстро раскрывалась истинная классовая сущность линии правого руководства социал-демократии. Большое значение имел также опыт Октябрьской революции и всего международного рабочего движения. Сочувствие к Советской России и к идеям большевизма росло и в рядах прежде реформистски настроенных рабочих¹⁷⁵. «Война и революция, — вспоминал один из бывших широкацев, перешедших в 1920 г. в ряды БКП, — открыли глаза многим, и мы ясно увидели, куда ведет общедельчество»¹⁷⁶.

Уже с декабря 1918 г. группа членов левого крыла социал-демократов, состоявшая отчасти из центристских деятелей (бывших «анархолибералов» и «прогрессистов») и возглавленная вышедшим из партии еще во время войны Н. Харлаковым, стала издавать журнал «Социалистически преглед», защищавший идеи Октябрьской революции и диктатуру пролетариата¹⁷⁷. Среди левых социал-демократов не было единодушия: некоторые из них выступали с позиций антипарламентаризма или анархо-синдикализма¹⁷⁸. Тем не менее появление и рост левых элементов, равных с оппортунизмом, свидетельствовали о кризисе реформистского отряда болгарского рабочего движения. Весной 1919 г. некоторые левые группы социал-демократии ряда городов (Софии, Бургаса, Лома, Стара Загоры и др.) объединились в организацию под названием «Болгарская рабочая коммунистическая партия», заявив о своем присоединении к Коммунистическому Интернационалу¹⁷⁹.

Недовольство в рядах партии широких сказалось и в ходе состоявшегося в апреле 1919 г. ее XXII съезда; на нем линия руководства на блокирование с буржуазным лагерем подверглась открытой критике со стороны значительного числа делегатов¹⁸⁰. Лишь при помощи

ряда маневров лидеры смогли добиться принятия компромиссной резолюции. Однако это лишь отсрочило назревавший серьезный конфликт между руководством партии и ее низами. Дискредитации правых лидеров широкачцев содействовало их откровенное прислужничество буржуазному правительству, в первую очередь прямые преследования революционных рабочих (в особенности членов партии тесняков), проводившиеся в 1919 г. сначала под руководством министра юстиции П. Джидрова, а затем — сменившего его в составе правительства министра внутренних дел К. Пастухова, получившего от рабочих прозвище болгарского Носке. «Наши руководители, — писал один из порвавших тогда с общедельцами, — пастуховцы, джидровцы, асенчанковцы — начали открыто служить буржуазии, а „социалист“ Кр. Пастухов стал ее министром внутренних дел. Этот факт поразил всех честных социалистов»¹⁸¹.

Брожение, разочарование реформистским курсом лидеров нарастало как в партии, так и в особенности в рядах примыкавших к ней профсоюзов. Их руководители, отражая настроения рабочих (в отличие от лидеров партии широких, пославших своего представителя на конференцию правых социал-демократов в Берне, восстановившую в феврале 1919 г. II Интернационал), не участвовали в создании в июле 1919 г. Амстердамского интернационала реформистских профсоюзов¹⁸².

Профессиональные союзы, входившие в состав примыкавшего к партии объединенных социал-демократов союза реформистских профсоюзов (так называемого свободного или объединенного ОРСС), не смогли установить в послевоенный период сколько-нибудь существенных контактов с широкими пролетарскими массами. Забастовки, проведенные в 1919 г. реформистскими профсоюзами, были незначительными по числу стачечников; по некоторым данным, в них участвовало всего лишь 1353 рабочих¹⁸³, главным образом из мелких ремесленных предприятий (напомним, что в стачках, проведенных в 1919 г. революционными профсоюзами, участвовало более 76 тыс. рабочих). Число членов свободного ОРСС увеличилось с января по декабрь 1919 г. с 1393 до 3338 человек (в то время как численность революционного ОРСС выросла с декабря 1918 по декабрь 1919 г. с 5713 до 30 061 человека). Таким образом, членский

состав свободного ОРСС в конце 1919 г. не достиг даже уровня довоенного 1912 г. (4 тыс.)¹⁸⁴.

Вместо пяти издававшихся до войны газет («Шивашка борба», «Дърводелски работник», «Кожедел», «Български металоработник» и «Български търговски служащ») — органов отдельных, входивших в объединенный ОРСС реформистских профсоюзов — в 1919 г. выходила лишь одна газета «Работническа защита» (в качестве органа свободного ОРСС в целом)¹⁸⁵.

Руководители реформистских профсоюзов из объединенного ОРСС (хотя они и были заменены в 1917 г. под давлением правых лидеров партии широких) считались с настроениями и требованиями рядовых рабочих; они принадлежали к левому крылу реформистского лагеря¹⁸⁶. По этой причине их орган «Работническа защита» подвергался нападкам со стороны общедельческих лидеров и газеты «Народ». В противовес газете «Работническа защита» правые лидеры одно время (с мая по август 1919 г.) даже издавали газету «Работническа борба». Однако подобными маневрами реформистскому руководству не удалось приостановить роста левых, прокоммунистических настроений ни в профсоюзах, ни в партии. В октябре 1919 г. (после неудачных для партии широких парламентских выборов и перехода ее в ряды оппозиции) группа левых социал-демократов во главе с Г. Бакаловым стала издавать журнал «Борба». В нем вначале в умеренной форме, а затем все более решительно критиковалась общая линия партийного руководства¹⁸⁷.

В качестве противовеса быстро растущему влиянию революционных профсоюзов и БКП правые лидеры общедельцев решили использовать реформистские настроения части руководителей профессиональных организаций железнодорожников, почтово-телеграфских работников, учителей, служащих государственных и муниципальных учреждений и др., входивших в официально нейтральный Союз союзов¹⁸⁸. В конце декабря 1919 г. было провозглашено объединение Союза союзов со свободным ОРСС в рамках Конфедерации труда — таким путем общедельческие лидеры хотели также подавить в рядах реформистских профсоюзов стремление к единству с революционными профсоюзами. Однако этот маневр особого успеха не имел. Конфедерация, составлен-

ная из разнородных в социальном и политическом отношении организаций, многие из которых раздирались внутренними противоречиями, не оставила сколько-нибудь заметного следа в истории рабочего движения страны.

В начале 1920 г. кризис в реформистском лагере обострился — росла левая оппозиция, добивавшаяся разрыва с оппортунистическим курсом и единства с БКП и ОРСС. Тяготение у входивших в реформистские профсоюзы рабочих к единству с революционным отрядом пролетариата особенно усилилось после стачки железнодорожников, в ходе которой впервые в значительном масштабе объединились в совместной борьбе большие массы рабочих, организованных в революционных, реформистских и нейтральных профсоюзах.

Серьезным симптомом кризиса общедельчества явились итоги ряда выборов, состоявшихся в 1919—1920 гг. Уже парламентские выборы в XVIII ОНС в августе 1919 г. (несмотря на внешне сравнительно благополучные результаты, обусловленные обладанием общедельцами аппаратом министерства внутренних дел, что обеспечило им голоса среди поддающихся запугиванию отсталых элементов населения), продемонстрировали потерю контактов с рабочими. Последующие муниципальные и особенно выборы в XIX ОНС в марте 1920 г. показали, что влияние партии катастрофически ослабело, приблизившись фактически к довоенному уровню: она собрала в марте 1920 г. всего 6,5% (т. е. 1/15 поданных голосов), в то время как за БКП проголосовало более 20% (т. е. 1/5 участвовавших в голосовании). Основной социальной базой общедельцев фактически стали уже не реформистски настроенные рабочие ремесленных предприятий, а мелкие служащие и чиновники, мелкие ремесленники, учителя и лица свободных профессий. Оценивая итоги выборов как показатель сдвигов в настроениях пролетарских масс, один из представителей левого крыла партии широких, Р. Аврамов, сделал правильный вывод, что рабочий класс отвернулся от общедельческой партии, заявив тем самым достаточно ясно и внушительно, что он не желает служить буржуазии¹⁸⁹.

В низах партии и особенно в профсоюзах все громче звучали голоса о необходимости окончательного разрыва с оппортунизмом II Интернационала и объединения

с БКП и ОРСС под знаменем Коммунистического Интернационала. Кое-где на местах левые социал-демократы устанавливали контакты с коммунистами. К примеру, в начале 1920 г. левые социал-демократы Габрово (в том числе два депутата Габровского муниципалитета) стали активно поддерживать местную коммунистическую организацию¹⁹⁰. В отдельных городах (в частности, в Дупнице) между социал-демократической левницей и коммунистами сближение зашло весной 1920 г. так далеко, что происходили переговоры об объединении¹⁹¹. Стали учащаться и случаи выхода из партий широких и реформистских профсоюзов и перехода в ряды БКП и ОРСС.

Вынужденные лавировать, чтобы не упустить контроль над находившейся под их влиянием частью трудящихся, лидеры широких выступили с декларацией «О сближении между двумя партиями» и другими шумными заявлениями, полными словесных признаний концепции самостоятельной классовой борьбы. Они заговорили даже о необходимости (в принципе) революционного движения и революционной борьбы международного пролетариата. Однако для Болгарин, как утверждал, в частности, в своих статьях П. Джидров, необходимо сделать исключение: Болгария — страна отсталая, пролетариат ее немногочислен и раздроблен; ему противостоит якобы сплошная консервативная и реакционная мелкобуржуазная (крестьянская) масса, и в силу этого перед ним не стоит сейчас задача завоевания политической власти. Необходимо дождаться, пока он станет большинством и достигнет необходимой зрелости¹⁹². Концепция эта, фактически повторявшая известные старые догмы оппортунистов II Интернационала, вызвала некоторые осторожные возражения на страницах журнала «Социал-демократ»¹⁹³. Одновременно для «поднятия духа и морального престижа партии среди рабочих в стране»¹⁹⁴ ЦК широких выступил с призывом организовать собрания протеста против интервенции в Советскую Россию и солидарности с последней¹⁹⁵. В газете «Народ» все чаще появлялись статьи, положительно оценивавшие революцию в России и образование III Интернационала, что отражало рост влияния левницы в партии.

Проходившие летом 1920 г. в обстановке нарастающего в партии и в профсоюзах тяготения к объединению с БКП и ОРСС XXIII съезд партии широких и VII съезд свободного ОРСС провозгласили под давлением низов формальный разрыв со II Интернационалом. Однако дальнейшее развитие событий в партии и в профсоюзах шло различными путями. Рядом маневров лидерам партии широких, опытным политикам и интриганам, удалось расколоть левых и тем ослабить их влияние. Настойчивые стремления наиболее последовательных из левицы, возглавляемых Г. Бакаловым, к полному разрыву с прошлым партией и к объединению с БКП на основе признания диктатуры пролетариата и других принципов Коминтерна были отвергнуты¹⁹⁶.

Левые социал-демократы, не сумевшие добиться организованного перехода всей партии в БКП, были вынуждены решать эту проблему самостоятельно. Одной из наиболее активных местных групп левицы была Шуменская; она еще 2.VI 1920 г. (перед съездом) обратилась с призывом к членам партии перейти на позиции революционного марксизма и присоединиться к Коминтерну¹⁹⁷. Ее инициативу поддерживала левица Варненской и других местных организаций¹⁹⁸. 12.IX 1920 г. в Шумене по инициативе Г. Бакалова состоялась конференция левых социал-демократов Северо-Восточной Болгарии. В ней, кроме представителей Шумена и Софии, участвовали делегаты от левицы: из Варны, Нови Пазара, Провадии, Преслава, Попово, Трявны и др.¹⁹⁹. Осудив линию ЦК партии за нежелание «прислушаться к воле пролетариата»²⁰⁰, левые социал-демократы начали переходить в соответствующие организации БКП. В некоторых городах (например, в Варне, Шумене, Свиштове, Дупнице, Провадии, Нови Пазаре, Попово и др.) левые составляли большинство и почти в полном составе вступили в ряды БКП²⁰¹. В других (в Хасково и пр.) они представляли значительную часть местных организаций²⁰², а в большинстве городов (в том числе в Софии, Пловдиве, Русе, Тырново, Ямболе и др.) — их меньшую часть; всюду они рвали с руководством и переходили в БКП. При этом активную роль сыграл возникший в Софии Комитет действия, призвавший всех левых социал-демократов порвать с партией и переходить в БКП. В этот же период в БКП вступила и большая часть членов просущество-

вавшей всего полтора года, упоминавшейся выше немногочисленной Болгарской рабочей коммунистической партии — БРКП (без руководителя Н. Харлакова)²⁰³.

В примыкавших к социал-демократам реформистских профсоюзах из свободного ОРСС тяготение к единству с ОРСС и БКП было несравнимо сильнее, чем у членов партии, среди которых рабочие составляли незначительное меньшинство.

Руководители профсоюзов, как уже отмечалось, находились на левом фланге реформистского лагеря. Несмотря на активное противодействие партийных лидеров, они подписали 29.IX 1920 г. с представителями ОРСС протокол-декларацию о слиянии двух профсоюзных объединений на основе признания тезисов III Интернационала по профсоюзному движению (включавших в качестве одного из основных пунктов диктатуру пролетариата) и идейных и организационных связей ОРСС с БКП²⁰⁴.

ЦК широких путем грубого нажима попытался воспрепятствовать процессу объединения профсоюзов: руководители реформистского профобъединения (формально самостоятельного) были бесцеремонным образом смещены и заменены новыми лицами; были захвачены с помощью полиции архив и денежная касса²⁰⁵. Но и эти меры не смогли остановить неодолимого стремления значительной части рядовых членов реформистского профобъединения к единству с ОРСС. В октябре—ноябре 1920 г. произошло фактическое их объединение²⁰⁶. По существу, осенью 1920 г. левое крыло социал-демократической партии и реформистских профсоюзов присоединилось к БКП и ОРСС на основе идеологических принципов Коммунистического Интернационала. При этом более половины членов реформистской профорганизации во главе с послушными общедельческим партийным лидерам лицами остались в рядах сильно поредевшего профобъединения. Оно, как и прежде, сохранило свои связи с социал-демократической партией²⁰⁷.

Объединительный процесс затронул также некоторую часть членов профсоюза железнодорожников (БЖС), входившего в «нейтральный» (фактически реформистский) Союз союзов. Остальные профессиональные организации из состава Союза союзов, охватывавшие промежуточные категории лиц наемного труда (служащих, учителей и прочие группы интеллигенции), остались по-

прежнему в орбите идейного влияния социал-демократии.

Объединительное движение явилось показателем роста политического опыта болгарского рабочего класса. «Присоединение сил левицы из объединенной партии и групп БРКП к БКП в 1920 г., — отмечает исследователь этого процесса Й. Йотов, — имело ту особенность, что оно произошло по инициативе и под давлением рядовых рабочих. На всех этапах борьбы за объединение в той или иной степени руководители левицы всех ее разновидностей действовали, следуя рабочим, принаравливаясь к их настроениям и намерениям»²⁰⁸.

Присоединение левицы было значительным успехом революционного отряда болгарского пролетариата. Почти все наиболее прогрессивные представители его из находившихся в составе социал-демократии и связанных с нею профсоюзов перешли под знамя БКП. Социальная база социал-демократии сузилась, ее связи с рабочими резко ослабели; в ее руководстве на долгое время победили антикоммунистические тенденции. Вступление левицы из партии широких в ряды БКП, укрепившее болгарский революционный пролетариат и его партию, а также примыкавшие к ней революционные профсоюзы, принадлежавшие к числу передовых отрядов международного рабочего и коммунистического движения, было значительным событием не только для Болгарии и Балканских стран, но и для мирового рабочего движения²⁰⁹.

§ 5. Изменение облика болгарского пролетариата.

Усиление революционного крыла рабочего движения

Рост политического сознания пролетариата, предопределивший кризис его реформистского отряда, был обусловлен различными факторами международного и внутреннего свойства. Выше мы охарактеризовали такие факторы, как влияние Октябрьской революции и международного революционного движения, воздействие революционной обстановки в самой стране, значение роста численности, культурного уровня, концен-

трации и прочих элементов структуры пролетариата для формирования и развития его классового сознания.

Важную роль в формировании и углублении классового сознания рабочих масс играла целенаправленная деятельность БКП по воспитанию трудящихся. Бурный первый послевоенный 1919 год прошел под знаком острых классовых боев; руководя ими, болгарские коммунисты одновременно не только восстанавливали и создавали новые местные партийные организации, но и укрепляли примыкавшие к партии различные массовые организации рабочего класса — профессиональные союзы, женские, молодежные и другие объединения.

Вслед за некоторым спадом в 1920 г. революционной волны наступал период более планомерной и систематической организационной и воспитательной деятельности среди широких масс. Разумеется, по-прежнему массовые акции — демонстрации (по случаю 1 Мая и др.), митинги и собрания (в том числе и в связи с годовщиной Парижской коммуны и Октябрьской революции), как и стачечная борьба, оставались испытанными формами политического воспитания. В то же время быстрый рост в 1919 г. численности профсоюзов и других организаций за счет рабочих, мало подготовленных иногда даже в элементарных вопросах теории классовых отношений и классовой борьбы, делал задачу их просвещения особенно неотложной.

На первых порах систематическое просвещение значительной массы членов партии, профсоюзов и других организаций не могло быть сразу налажено — ощущалась острая нехватка необходимых кадров²¹⁰. Партийному и профсоюзному руководству приходилось одновременно решать и задачу подготовки (в первую очередь из передовых рабочих) кадров организаторов и функционеров, которые могли бы частично разгрузить руководящих работников от организаторских функций и тем создать возможность их большего привлечения к политико-воспитательной деятельности. Постепенно и не без немалых трудностей эти задачи решались.

Первоначальной и основной базой для осуществления политико-воспитательной работы были партийные или рабочие клубы. Если в довоенные годы даже в более крупных городах, как правило, был один рабочий клуб, то в начале 20-х годов во многих городах действовало

несколько клубов: кроме центральных, в каждом крупном городе работали также (в первую очередь в пролетарских районах) квартальные клубы: в 1920 г. в Пловдиве было 6 квартальных клубов, в Шумене — 4, в Варне — 3 и т. п.²¹¹ За сравнительно короткое время рабочие или партийные клубы были созданы по всей стране — не только в городах, но и в некоторых крупных селах (к примеру, в селах Лопушна и Соточино Фердинандской околии и других²¹²).

Немалую роль в воспитательной работе играли библиотеки и читальни, в особенности в городах и селах, где муниципальные органы возглавлялись коммунистами (как отмечалось, в результате выборов 7.XII 1919 г. коммунисты победили в 22 городах и 65 селах; позднее коммунистические муниципалитеты возникали и в некоторых других городах и селах). Например, значительную политико-воспитательную работу проводили коммунисты Сливена на базе читальни «Зора»²¹³. Отпуская средства на расширение и обогащение библиотек и музеев, работники коммунистических муниципалитетов с помощью прогрессивно настроенных сотрудников названных учреждений стремились использовать их для революционного воспитания трудящихся, для приобретения библиотеками книг К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, М. Горького, В. Гюго и др.²¹⁴

В партийных и рабочих клубах, а также в читальных проводилась основная политико-воспитательная работа среди трудящихся. Здесь по инициативе местных партийных и профсоюзных организаций читались лекции и доклады на общественно-политические и культурные темы. Развернутая сеть рабочих клубов давала возможность охватить более широкие массы трудящихся. В отдельных городах (например, в Пловдиве) в рабочих клубах выпускались стенные газеты²¹⁵. В ряде городов уже с конца 1918 г. действовали вечерние курсы просвещения рабочих²¹⁶. Позднее сеть вечерних школ и курсов для просвещения малограмотных пролетариев расширилась; в них обучали чтению и письму, арифметике, естествознанию, географии и основам обществоведения. В ряде городов рабочие школы и курсы пользовались поддержкой муниципальных органов, возглавлявшихся коммунистами²¹⁷.

Для подготовки и обучения партийного и профсоюзного актива в рабочих клубах действовали специальные вечерние школы и курсы. Кроме открытой в 1920 г. центральной школы в Софии, во многих окружных центрах (Пловдиве, Варне, Русе, Плевене и др.) в 1920—1921 гг. были созданы окружные школы²¹⁸. Большинство их слушателей составляли молодые рабочие, члены партии и профсоюзов, присланные по путевкам местных организаций; например, в Центральной партийной школе в Софии в 1920 г. свыше половины курсантов были рабочие — шахтеры и табачники, деревообделочники и сапожники, текстильщики и слесари, машинисты и портные из разных округов²¹⁹.

Позднее для подготовки партийно-профсоюзного, а иногда и специально профсоюзного актива устраивались и краткосрочные курсы²²⁰; причем они организовывались не только в крупных, но и в таких менее значительных городах, как, например, Брацигово, Фердинанд и Попово, а иногда и в больших селах²²¹. На курсах, как и в школах, изучались задачи политической борьбы рабочего класса и его профессиональной организации; на профсоюзных курсах более подробно освещались проблемы профсоюзного движения, рабочего законодательства и т. п.²²²

Для проведения занятий и лекций БКП выделяла свои лучшие силы — виднейших руководителей, лекторов и пропагандистов, в том числе подготовленных еще до войны из передовых рабочих.

Названные школы и курсы отличались по уровню их слушателей; различными были, естественно, и их программы. Содержание лекций, докладов и бесед было пронизано идеями революционного социализма, обогащенного опытом Октябрьской революции, принципами большевизма. Слушатели школ и курсов повышенного типа изучали, например, некоторые произведения В. И. Ленина («Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» и др.). По свидетельству современников и самих курсантов, школы и курсы много им дали: они помогли повышению теоретического уровня передовых рабочих, ставших партийными и профсоюзными активистами²²³. А главное — они послужили толчком к дальнейшему, более углубленному, систематическому самообразованию как бывших слушателей, так и многих других передовых

рабочих, их товарищей по партийным и профсоюзным организациям²²⁴.

Для нужд коммунистического просвещения и самообразования болгарских рабочих и других слоев трудящихся партия совместно с профсоюзами при помощи рабочего кооператива «Освобождение»²²⁵ развернула интенсивную издательскую деятельность. В первую очередь выпускались труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. При непосредственном участии виднейших руководителей партии и профсоюзов (Х. Кабакчиева, В. Коларова, Г. Димитрова, Д. Попова и др.), выступавших в качестве переводчиков и авторов предисловий, были изданы на болгарском языке такие труды В. И. Ленина, как «Государство и революция», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Очередные задачи Советской власти», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», доклады В. И. Ленина на съездах РКП(б) и конгрессах Коминтерна и т. д. Много статей, докладов и выступлений В. И. Ленина было опубликовано полностью или в сокращенном изложении и в отрывках в центральной и местной партийной и профсоюзной болгарской печати²²⁶. По свидетельству Г. Димитрова, многие труды В. И. Ленина стали настольными книгами борющихся болгарских рабочих²²⁷. Его работы, вспоминали современники, помогали передовым рабочим освобождаться от целого ряда устаревших положений тесных социалистов, быстрее распознавать мелкобуржуазную сущность «левых» коммунистов, в целом не пользовавшихся сколько-нибудь серьезным влиянием в пролетарской среде²²⁸.

Наряду с этим были изданы книги руководителей БКП и ее видных деятелей (Д. Благоева, В. Коларова, Х. Кабакчиева, Г. Димитрова, Т. Петрова, Л. Кандева, Н. Габровского и др.), а также документы и решения съездов БКП и конгрессов Коминтерна. В них пропагандировались идеи Октябрьской революции и Коммунистического Интернационала, достижения первого в мире пролетарского государства — Страны Советов (в том числе завоевания пролетариата России в области рабочего законодательства), разоблачалась политика болгарских буржуазных партий и контрреволюционные происки международного империализма. Как и до войны, большинство книг и брошюр выходили в специализированных

сериях: «Коммунистическая библиотека для самообразования», «Коммунистическая синдикальная библиотека»²²⁹ и др. Они были в значительной мере адресованы массовому читателю, прежде всего рабочим. Всего с осени 1918 г. до конца 1922 г. партийными издательствами было опубликовано 184 различных книги и брошюры общим тиражом около 1624 тыс. экз.; кроме того, было выпущено значительное число листовок и обращений (особенно много их издавалось вне Софии), а также почтовых карточек, репродукций картин, плакатов, настенных календарей и т. п.²³⁰

Большую роль в воспитании пролетариата и других слоев трудящихся играла коммунистическая печать. К широким массам рабочих была обращена (наряду с центральным органом партии и профсоюзов газетой «Рабочнически вестник») прежде всего профсоюзная печать. Кроме упоминавшихся выше, начавших выходить в 1919 г. нескольких профсоюзных газет, в 1920—1923 гг. издавались также в качестве органов соответствующих профсоюзов: «Рудничар» (редактор Я. Иванов), «Металлороботник» (Антон Иванов), «Кожарообушар» (Р. Димитров), «Фабричен работник» (Ж. Димитров), «Строителен работник» (Х. Константинов), «Селски вестник» (Бр. Илиев, А. Бояджиев), вместо выходивших до октября 1920 г. газет «Железничар» и «Телеграфо-поштенски вестник» — «Транспорт» (Я. Иванов, Д. Коджейков), «Санитарен работник» (с 1921 г. — «Медико-санитарен работник»; М. Стоянов, Н. Царвуланов), «Технически работник», «Артист» (с 1921 по 1923 г. вышло 6 номеров)²³¹.

Таким образом, почти все 18 профсоюзов, входивших в 1919—1923 гг. в ОРСС, имели свои печатные органы; правда, многие из них выходили нерегулярно²³² и из-за нехватки кадров издавались на невысоком журналистском уровне²³³. Однако в них с классово-пролетарских позиций освещались общие вопросы рабочего движения, особенности положения отдельных отрядов рабочего класса и деятельность соответствующих профсоюзов.

Наряду с этим в профсоюзных газетах (как и во всех изданиях БКП) печатались материалы, пропагандировавшие опыт первого в мире пролетарского государства; среди них были и оказывавшие большое воздействие на читателей непосредственные впечатления

представителей БКП и профсоюзов, бывавших в составе различных делегаций на международных конгрессах и конференциях, проходивших в Москве. Так, например, делегат союза деревообделочников на учредительном конгрессе Красного Интернационала профсоюзов (Профинтерн) в 1921 г. Салчо Василев писал: «Русские товарищи нам продемонстрировали, и то, что мы увидели, нас убедило в том, что рабочий класс обладает силой как для свержения старого строя, так и для строительства нового общества»²³⁴. Сходные мысли высказал и шахтер Иван Костадинов, член делегации БКП на III конгрессе Коминтерна: «Борьба русских рабочих и крестьян против капитализма и монархии и их полная победа влили новую бурную струю энтузиазма в среду болгарского пролетариата, подняли еще больше его дух и сознание...»²³⁵. Популяризация опыта трудящихся Советской России вместе с другими материалами, публиковавшимися в профсоюзной печати, сыграла немалую роль в деле формирования и развития классового сознания болгарского пролетариата.

Политическому просвещению и воспитанию рабочих (как и всех трудящихся) помогала не только профсоюзная печать, но и другие издания БКП. Всего за период с 1919 по 1923 г. под эгидой БКП и действовавших под ее руководством организаций (профессиональных, женских, молодежных и иных), по нашим подсчетам, выходило в Софии и на местах (в основном в окружающих городах и важнейших пролетарских центрах) свыше 40 периодических изданий; в это число мы не включили более 10 изданий городских муниципальных органов, возглавлявшихся коммунистами. Кроме того, БКП выпускала немало различных полупериодических изданий и бюллетеней, эпизодически выходивших (часто в связи с выборами) в центре и на местах. Одним из таких изданий был выпускавшийся руководством ОРСС для профсоюзного актива «Синдикален бюлетин» (всего за период 1921—1923 гг. было опубликовано 7 номеров). Не все издания были регулярными, многие выходили лишь в течение части рассматриваемого времени. Тем не менее такая разветвленная сеть печати не могла не оказать воздействия на широкие массы трудящихся.

Как и до войны, партия придавала большое значение интернационалистическому и атеистическому воспитанию рабочего класса. С этой целью издавалась специальная литература²³⁶, устраивались собрания и митинги, читались лекции и доклады, проводились беседы. Печать систематически публиковала материалы, пропагандировавшие идеи пролетарской солидарности, в особенности солидарности с трудящимися первого социалистического государства²³⁷, а также со всем международным рабочим, коммунистическим и национально-освободительным движением²³⁸.

Этой же цели служили отчасти и контакты БКП и ОРСС с компартиями и революционными профсоюзами зарубежных стран. Они возникали и становились все более систематическими как на двусторонней основе, так и в рамках Коминтерна, Профинтерна, по линии Межрабпома (организации международной рабочей солидарности), КИМа (коммунистического Интернационала молодежи), МОПРа (Международной организации помощи борцам революции) и других международных революционных пролетарских объединений. Почти во всех названных ассоциациях представители болгарских организаций играли деятельную роль²³⁹. Сразу же после войны были возобновлены существовавшие прежде тесные связи с пролетарскими партиями и революционными профсоюзами Югославии, Румынии и Греции. БКП и ОРСС играли самую активную роль в создании и деятельности объединений балканского революционного пролетариата — на конференции в Софии в январе 1920 г. возникшая в 1915 г. Балканская социал-демократическая федерация была преобразована в Балканскую коммунистическую федерацию; в ноябре 1920 г. на конференции в той же Софии был образован Балкано-Дунайский секретариат профсоюзов²⁴⁰. Участие представителей болгарского пролетариата в деятельности балканских и международных рабочих организаций помогало воспитанию трудящихся в духе солидарности с борьбой народов других стран за социальное и национальное освобождение. Постоянное и тесное сотрудничество болгарских коммунистов с деятелями международного рабочего движения в названных пролетарских организациях явилось также большой школой для болгарских революционеров, содействовало их творческому

росту, расширению их кругозора, обогащению их идейно-теоретического потенциала.

БКП уделяла внимание деятельности среди трудящихся национальных меньшинств. С этой целью издавались специальные газеты, создавались отдельные партийные группы²⁴¹. Для работы среди наиболее многочисленного в стране турецкого национального меньшинства в 1920 г. при ЦК БКП была создана турецкая секция под руководством видного деятеля партии и образованного марксиста Е. Марковского, возглавлявшего организацию БКП Шуменского округа (здесь турки составляли значительную часть населения). В комиссию входили также Х. Хасанов (коммунист-депутат XIX ОНС от Шуменского округа), В. Калдарымов, Х. Чакалов и др.²⁴² Руководимые комиссией специальные турецкие партгруппы в Шуменской, Османпазарской, Новипазарской, Ескиджумайской и других околиях начали привлекать к рабочему движению молодежь из рядов национальных меньшинств²⁴³. С декабря 1920 г. издавалась на турецком языке еженедельная газета «Ziya» («Свет»)²⁴⁴; на турецком языке было выпущено также несколько книг (Д. Благоева и др.)²⁴⁵. Коммунистические муниципальные органы ряда городов (Шумена, Русе, Варны, Плевена, Сливена, Бургаса, Дупницы и др.) вопреки противодействию буржуазных депутатов выделили средства для поддержки школ с преподаванием на турецком и других языках нацменьшинств²⁴⁶.

Коммунисты не оставляли без внимания и промежуточные категории трудящихся. Революционная борьба пролетариата в условиях общего кризиса капиталистической системы, трудностей с восстановлением экономики в Европе поколебала веру в устойчивость капитализма в рядах средних слоев. В 1919—1920 гг. и позже у представителей трудовой интеллигенции Болгарии заметно усилился интерес к рабочему классу и рабочему движению. Среди служащих и прогрессивной интеллигенции действовали под руководством БКП такие созданные после войны и вошедшие сразу же в ОРСС профессиональные организации, как союз торговых и банковских служащих (их орган — газета «Търговски служащ»), Союз медико-санитарных работников («Медико-санитарен работник»), Союз артистов и музыкан-

тов («Артист»), а также ранее самостоятельные, присоединившиеся к ОРСС в 1921 г. Коммунистическая организация служащих государственных и муниципальных учреждений («Служащ») и Коммунистический союз учителей («Учителска искра»; ред. Н. Выжаров, М. Станев)²⁴⁷. Для работы среди инвалидов войны и бывших военнопленных, беженцев и эмигрантов из Добруджи, Македонии и Фракии, офицеров и унтер-офицеров запаса были созданы соответственно Коммунистическая организация инвалидов (возникла в 1919 г., ее орган — газета «Инвалид-борец») и Союз бывших пленных и заложников (возник в 1921 г., газета «Пленник», Хр. Калайджиев), объединившиеся в 1922 г. в Союз жертв войны (газета «Вестник на жертвите от войната»); Центральная эмигрантская комиссия (возникла в 1920 г., газета «Освобождение»; Д. Хаджидимов) и Народный союз офицеров и унтер-офицеров запаса (газета «Народна армия»; К. Янков, И. Минков, Т. Атанасов)²⁴⁸. Значительный контингент сочувствующих БКП из разных слоев трудового населения охватывал кооператив «Освобождение»; членский состав его достигал к 1923 г. 70 тыс. человек.

В целях руководства работой среди женщин БКП создавала специальные женские коммунистические просветительные группы во главе с Центральной женской комиссией при ЦК БКП, издававшей с I.VIII 1919 г. газету «Равенство»; в группы привлекались не только члены БКП и ОРСС, но и беспартийные женщины (прежде всего работницы), втягивавшиеся в рабочее движение. Число членов групп с 1363 в мае 1919 г. выросло до 3756 человек к I.IV. 1920 г.; 4,5 тыс. к I.V 1922 г.; позже в том же 1922 г. оно достигло 6 тыс. человек. Возрос также и тираж газеты «Равенство» — с 6250 экз. на I.IV 1920 г. до 8145 экз. на I.V 1922 г.²⁴⁹ «Женское пролетарское движение, — вспоминает одна из его участниц, — закалялось в активной борьбе с буржуазным-феминистским движением»²⁵⁰; на смену его ветеранам — В. Благоевой, Т. Кирковой — выдвигались новые руководительницы и активистки — А. Маймунова, З. Токушева, Д. Богатинова и др.²⁵¹ Следует отметить, что у части членов БКП, как специально подчеркнул Г. Димитров в 1920 г. в докладе на XII съезде ОРСС, имела место недооценка значения деятельности

среди женщин, важности привлечения работниц в ряды партии и профсоюзов ²⁵².

Особое значение придавала партия воспитанию рабочей молодежи. ЦК БКП и местные партийные организации уделяли немало внимания деятельности БКСМ. При комплектовании слушателей курсов и школ для подготовки партийно-профсоюзных кадров отбиралась, как правило, молодежь (например, в центральную партшколу Софии рекомендовалось направлять лиц не старше 25 лет) ²⁵³. Руководимый партией БКСМ вырос (в первую очередь за счет пролетарской молодежи) с 585 членов в мае 1919 г. до 6882 в апреле 1921 г., до 14 тыс. к началу 1923 г. и до 20 тыс. членов к июню 1923 г. ²⁵⁴ Возрос и тираж издававшейся БКСМ газеты — с 5 тыс. в 1920 г. до 14 тыс. в конце 1922 г., когда она выходила уже под названием «Младеж» (ред. Д. Ламбрев, Т. Павлов, Д. Константинов) ²⁵⁵.

В целях привлечения широких кругов молодежи местные организации устраивали лекции, экскурсии, а летом — туристические походы к Бузлудже, спортивные соревнования и даже региональные спартакиады (в 1921—1922 гг. были проведены, например, спартакиады в Пловдиве, Ловече и в Котеле) ²⁵⁶. Особым успехом, как и до войны, пользовались рабочие вечеринки. Они открывались лекцией или докладом на общественно-политическую тему. В исполнении струнного (иногда духового) оркестра и хора звучали болгарские, русские, польские, итальянские, французские и немецкие революционные гимны и песни. Самодеятельные группы инсценировали отрывки из пьес. Центром вечеринок являлась художественная часть; почти неизменным ее элементом была декламация произведений болгарских и зарубежных революционных авторов. Наряду с произведениями родоначальников болгарской пролетарской литературы Г. Киркова и Д. Полянова особой популярностью пользовались на вечерах в послевоенные годы отмеченные большим талантом стихи Х. Смирненского, жившего в пролетарском районе Софии Юч-Бунар и постоянно общавшегося с рабочими ²⁵⁷. Его вдохновенные произведения: «Москва», «Красные эскадроны», «Иоганн», «Смерть Делеклюза», «Мы», «Первое мая», «Рабочий», «Кузнец», «Углекоп», «Братья Гавроша» и многие другие — оказывали большое влияние на ра-

бочую аудиторию²⁵⁸. В них был с теплотой и художественной силой изображен борющийся пролетариат. Стихи Х. Смирненского — «певца восходящего пролетариата» (по словам Г. Бакалова) — сыграли огромную роль в формировании революционного сознания не одного поколения болгарских пролетариев и читателей более широкого круга.

В более крупных городах — Софии и Пловдиве, Варне и Бургасе, Русе и Сливене, Шумене и Габрово, Тырново и Горна Оряховице, Карнобате и Айтосе и др.²⁵⁹ — в рабочих клубах возникли театральные группы, которые ставили спектакли по произведениям болгарской и мировой классики (в их числе произведения И. Вазова, М. Горького, Н. Гоголя, А. Чехова, А. Островского, Б. Шоу, Г. Гауптмана, К. Гольдони, Ж. Мольера, В. Шекспира)²⁶⁰. Некоторые рабочие театральные группы (например, в Видине и Бургасе) выезжали со своими спектаклями в соседние города и села²⁶¹. На сцену рабочих клубов крупных городов — Софии, Варны и др.) — иногда (с большим трудом ввиду отсутствия тогда дипломатических отношений с СССР) попадали советские кинофильмы («Красный Петроград», «Москва»)²⁶².

Развивавшаяся в начале 20-х годов в рабочих клубах самодеятельность сыграла немалую роль в классовом воспитании пролетарских масс. Тысячи передовых рабочих, обогащаясь духовно, осваивая культурные ценности, вырабатывали вместе с тем и новое, революционное отношение к действительности.

В органической связи с просветительной работой партии среди пролетариата находилась и ее деятельность на культурно-теоретическом фронте. Ею руководила созданная при ЦК БКП так называемая комиссия Пролеткульта во главе с Г. Бакаловым, Д. Поляновым, Л. Дюгмеджиевым и др.²⁶³ Хорошие традиции тесняческого периода (о них см. гл. III) — внимание к идеологическим и культурно-теоретическим вопросам, последовательная непримиримость к оппортунизму, подчинение всей деятельности делу освобождения рабочего класса, боевитость и т. д. — помогали болгарским коммунистам в их борьбе с идеологией эксплуататорских классов и в послевоенный период²⁶⁴.

Новая эпоха рождала новые проблемы, требовала переосмысления ряда положений и явлений, переоценки некоторых критериев и ценностей. На страницах коммунистической печати (в первую очередь в журнале «Ново време») в начале 20-х годов не раз возникали дискуссии по разным теоретическим вопросам (к примеру, статьи и выступления Б. Илиева, Д. Тодорова и Т. Петрова против концепции д-ра Юрия — Г. Тошева — по вопросу о роли бумажных денег и о причинах дороговизны и инфляции)²⁶⁵. Не без трудностей и ошибок, в спорах и борьбе рождалось у болгарских коммунистов более глубокое и широкое (приближающееся постепенно к подлинно марксистско-ленинскому) понимание значения классического наследия в области культуры. В этом вопросе немалая заслуга принадлежала Г. Бакалову, выступившему против вульгарно-социологической позиции И. Генчева²⁶⁶.

Под руководством БКП представители революционной интеллигенции — молодые поэты Х. Смирненский, Х. Ясенов (псевдоним «Ваня Петроградский»), А. Разцветников и др., писатели Г. Караславов, Н. Гинев («Большевик») и др., художники-графики и карикатуристы К. Кюлявков, А. Жендов, С. Венев («Пролетарий»), Г. Писков, Э. Ракаров и др., группировавшиеся вокруг журнала «Червен смях» (ред. Д. Полянов)²⁶⁷, начинающие скульпторы и композиторы — создавали свои произведения, воспевавшие рабочий класс и помогавшие формированию его классового сознания. Более или менее аналогичный процесс происходил и в области общественно-научного знания (педагогика, литературной критики, философских, экономических и других обществоведческих наук); наряду с партийными руководителями — идеологами и известными публицистами начали выступать также молодые коммунисты (Т. Павлов и др.), освещавшие в своих работах злободневные проблемы, с которыми сталкивались рабочий класс и рабочее и коммунистическое движение страны. Произведения представителей связанной с БКП интеллигенции вместе с трудами болгарских коммунистов развивали и обогащали начавшую складываться еще в довоенный период (см. гл. III) идеологию болгарского пролетариата.

Обрисованная выше целенаправленная деятельность БКП по формированию и развитию классового сознания

ния пролетариата и его политическому воспитанию вместе с другими названными факторами объективного и субъективного порядка обусловила серьезные изменения в социальном облике пролетариата. Важнейшим показателем этого был рост численности и удельного веса организованных рабочих: если до войны организованные в профсоюзах рабочие составляли примерно 2—2,5%, то в 1920 г. удельный вес организованных рабочих вырос примерно до 10%. Только за год (с 31.XII 1918 по 31.XII 1919 г.) число организованных в составе революционного профобъединения (ОРСС) рабочих выросло с 6 тыс. до 30 тыс.²⁶⁸

Наиболее существенные перемены произошли у промышленных рабочих, что имело свою структурно-социологическую основу: выше (в § 2 настоящей главы) мы отмечаем наибольший рост численности, концентрации, грамотности и т. п. именно у отряда промышленных рабочих. Промышленные пролетарии составляли (как было сказано) подавляющее большинство участников забастовочной борьбы в 1919 г. Если до войны около 10% промышленных рабочих состояли в ОРСС, то в конце 1919 г. примерно около 30% промышленного пролетариата были членами ОРСС²⁶⁹. Особенно велика была организованность двух крупнейших его отрядов — горняков (около $\frac{3}{5}$ постоянных рабочих были членами ОРСС) и табачников (около $\frac{1}{2}$ рабочих). Быстро растущий численно отряд промышленных пролетариев консолидировался в качестве ядра рабочего класса.

Значительно выросла и организованность ремесленных и транспортных рабочих. Правда, в отличие от промышленных часть рабочих этих категорий входила в реформистские и так называемые нейтральные профсоюзы (среди железнодорожников и работников связи эта часть была наиболее заметной)²⁷⁰. Вместе с тем численность ремесленных рабочих, организованных в реформистских профсоюзах, сокращалась, а ряды революционных профсоюзов, объединявших ремесленных рабочих, выросли.

Менее заметные изменения произошли среди строительных рабочих, сельскохозяйственного пролетариата и работников непродовольственных категорий и сферы обслуживания. Примечательно, однако, что (в отличие от довоенного времени) среди всех этих категорий рабо-

чих действовали молодые, но растущие революционные профессиональные организации, входившие в состав ОРСС (Союз строительных рабочих, Союз сельскохозяйственных рабочих и др.). Некоторые из групп названных категорий рабочего класса (такие, например, как работники связи, ресторанов, возчики и др.) впервые в истории страны вступили на путь организации и борьбы, приняли участие в забастовочном движении в послевоенном 1919 г. Наиболее заметен был рост организованности рабочих в крупных городах, о чем свидетельствуют данные табл. 7.

В немалой степени перемены коснулись и женского состава рабочего класса. Доля женщин среди членов ОРСС с 1912 по конец 1919 г. выросла с 3 до 20%²⁷¹. Все же женщины-работницы (исключая табачниц и отчасти текстильщиц) были значительно менее организованы, чем рабочие-мужчины²⁷².

Серьезные изменения в социальной психологии, в сознании широких слоев рабочего класса фиксировали представители самых разных направлений и политических партий. Среди них были руководители БКП (Д. Благов и Г. Димитров)²⁷³ и реформисты²⁷⁴ (в том числе и правый лидер социал-демократии Асен Цанков)²⁷⁵. Засвидетельствовали перемены в сознании пролетарской массы и деятели буржуазного лагеря — парламентарии²⁷⁶ и экономисты²⁷⁷ (среди них и брат названного лидера широких, тогда профессор политэкономии Софийского университета, будущий глава фашистского правительства Александр Цанков)²⁷⁸.

О существенном изменении в настроениях трудовых масс города и деревни (прежде всего пролетариев) свидетельствовали также итоги парламентских и муниципальных выборов, прошедших в стране в послевоенные годы, неуклонный рост голосов, поданных за БКП: 17.VIII. 1919 г. она получила около 120 тыс., 7.XII 1919 г. — 140 тыс., 24.I 1920 г. — 160 тыс., 28.III 1920 г. более 180 тыс. голосов (при этом следует учесть, что в выборах участвовали только мужчины, достигшие 21 года, т. е. значительная часть молодых рабочих и все женщины-работницы были лишены права голоса).

Наконец, важнейшим результатом ускоренного формирования и углубления классового сознания пролета-

Таблица 71

ДИНАМИКА РОСТА ОРГАНИЗОВАННЫХ В ОРСС РАБОЧИХ
В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ

Город	1910 г.			1920 г.		
	Число рабо- чих *	Число членов ОРСС		Число рабо- чих *	Число членов ОРСС	
		абсо- л т	в % к рабочим		абсо- л т о	в % к рабочим
София	21 087	852	4,4	27403	6299	23
Пловдив	9145	655	7,2	11674	4135	35,4
Варна	9259	493	5,3	10027	2685	26,8
Русе	7557	312	4,1	7078	2131	30,1
Бургас	3424	172	5	3964	1117	28,2
Сливен	4894	144	2,9	5481	1825	33,3
Шумен	3489	71	2	3151	472	15
Стара Загора	4135	92	2,2	4382	396	9,1
Плевен	4030	276	6,9	4743	1157	24,4
Пазарджик	2783	14	0,5	2678	479	17,9
Видин	2887	82	2,8	2581	211**	8,2
Хасково	2234	99	4,4	3690	921	25
Ямбол	2428	75	3,1	3496	504	14,4
Станимака	2750	63	2,3	3030	207**	6,8
Вратца	1943	—	—	1704	60**	3,5
В. Тырново	2194	26	1,2	1689	27**	1,6
Кюстендил	1834	54	2,9	1844	151**	8,2
Дупница	1649	93	5,6	2288	419	18,3
Габрово	1976	114	5,8	1946	709	36,4
Самоков	1572	152	9,7	1355	409	30,2
Итого	91270	3839	4,2	104204	24314	23,3

* Рассчитано нами путем исключения из официальных данных (согласно названным девяти поправкам) солдат, полицейских и некоторых других категорий, не входивших в состав рабочего класса.

** Сведения за 31. XII 1919 г. (ввиду отсутствия показателей за конец 1920 г.).

Источники: ОРПН. 1910, кн. III; 1920, кн. III; Димитров Г. Съч., т. 2, с. 84; т. 5, с. 448; Работнически вестник, 7, X 1921 г.

риата было расширение в послевоенные годы за короткий срок категории передовых рабочих, рабочих-интеллигентов. Этот процесс имел объективные основы, определившиеся обрисованными выше серьезными изменениями в структуре рабочего класса. Вместе с тем, как отмечалось, партия прилагала серьезные усилия по воспитанию передовых рабочих. В результате обучения в партийно-профсоюзных школах, а главным образом путем направленного самообразования они приобретали необходимый минимум знаний в области общественных наук и общую культуру и постепенно с успехом восполняли недостаток в кадрах партийных и профсоюзных активистов (прежде всего функционеров многочисленных низовых партийных и профсоюзных организаций). Таким образом, объективный процесс роста рабочего класса под руководством его авангарда (БКП) предопределил и значительный рост категории передовых рабочих. Разумеется, БКП поддерживала и выдвигала представителей разных классов, социальных слоев и групп, преданных рабочему движению. Но в первую очередь руководители партии стремились воспитать кадры из самого рабочего класса ²⁷⁹.

Передовые рабочие выдвигались партией на самые высокие и ответственные посты, в том числе в состав ЦК и созданного после войны Высшего партийного совета; среди членов ЦК БКП первых послевоенных лет были рабочие Георгий Димитров, Антон Иванов и Никола Пенев; членами партийного совета избирались (кроме названных членов ЦК) Вичо Папазов, Власи Власковский и Камен Тошев. Много передовых пролетариев было в числе депутатов XVIII и XIX ОНС, избранных в 1919 и 1920 гг., — кроме избравшихся в парламент еще в довоенные годы Г. Димитрова, В. Власковского и К. Тошева, среди парламентариев Народных собраний XVIII и XIX созывов были также шахтеры Т. Ненков и М. Соколов, металлист А. Иванов, железнодорожник Н. Пенев, телеграфист Д. Коджейков, текстильщик И. Куюмджиев и др.

Значительную часть руководителей низовых партийных организаций (в 1922 г. в партии насчитывалось 1583 организации и группы) ²⁸⁰, подавляющее большинство руководителей профсоюзов — членов руководств («настоятельств») 19 отраслевых профсоюзов — и око-

ло 500 (на конец 1922 г.) профсоюзных секций и групп²⁸¹ составляли рабочие.

Из молодых рабочих было выдвинуто много организаторов комсомола. В их числе были, например, руководители крупнейших комсомольских организаций: в Пловдиве — табачник Кочо Цветаров (1894—1941), в Сливене — текстильщик Коста Ташев (1891—1923), в Ловече — кожевник Марко Иванов и т. д.

Множество передовых рабочих (в первую очередь из получивших закалку в довоенные годы и имевших жизненный опыт) было избрано от БКП депутатами в местные и окружные муниципальные органы²⁸², а некоторые даже возглавляли их в качестве кметов и помощников кметов. Среди кметов были: кожевник П. Плачков (1872—1935) — в Габрово, деревообделочник М. Златков (1887—1972) — в Берковице, табачник К. Патоков (1884—1935) — в Разлоге (Мехомии) и др.; в числе помощников кметов были: рабочий-швейник М. Топалов (1883—1925) — в Русе, рабочий М. Конев (1889—1923) — в Самокове, портной П. Попов и монтер С. Калчев — в Варне, рабочий Христо Градинаров (1885—1958) — в Плевене, текстильщик А. Каварджиков (1872—1932) — в Сливене и т. д.

В период послевоенного революционного подъема передовые рабочие созревали и мужали несравнимо быстрее, чем в довоенные годы. Молодые пролетарии (часто со средним образованием), которым иногда было около 20 лет или немного больше, быстро вырастали в сознательных борцов, активистов партии, профсоюзов и молодежных организаций²⁸³. Такими были, например, шахтеры Бижо Бакалов (1897—1921) и Иван Константинов (1887—1921), табачники Димитр Петров (1901—1923) и Димитр Карадимов (1899—1933) из Пловдива, Георги Кильов (1884—1925) из Хасково и Никола Мутафчиев (1876—1923) из Пазарджика, текстильщик Съби Димитров (1900—1941) и транспортный рабочий Георги Москов (1897—1931), телеграфист Аврам Стоянов (1892—1942), железнодорожник Хараламби Стоянов (1889—1925), кожевники и сапожники Стамат Иванов (1896—1968), Васил Танев (1897—1941), Петр Ченгелов (1898—1942) и тысячи других рабочих разных профессий — портовые грузчики и сельскохозяйственные рабочие, строители и печатники и т. д. Некоторые из них,

вступив в рабочее движение в послевоенные годы, позднее стали крупнейшими руководителями партии и революционных профсоюзов.

В органической связи с осознанием пролетариатом своей исторической миссии, ростом его политической зрелости возрастал и культурный уровень все большего числа передовых рабочих. Из их среды выделялись не только руководители, идеологи и партийные и профсоюзные функционеры, но и журналисты и литераторы. Выдвинутая еще перед войной Г. Кирковым задача воспитания пролетарских журналистов²⁸⁴ стала осуществляться более успешно. Потребности в них (ввиду расширения сети партийно-профсоюзных изданий) чрезвычайно выросли, и БКП проявляла к ним большое внимание. Представители самых разных профессий — деревообделочники и металлисты, печатники и табачники, железнодорожники и портные, кожевники и переплетчики, сапожники и шахтеры — начинали свою журналистскую деятельность как рабочие корреспонденты в профсоюзных газетах. В их заметках чувствовался голос правды, вера в свои силы. Некоторые из рабкоров постепенно вырастали в настоящих пролетарских журналистов, сотрудников и редакторов профсоюзных и партийных изданий. К сложившимся ранее пролетарским журналистам Н. Пеневу, Я. Иванову, М. Божкову, С. Георгиеву, А. Гогову, Б. Гогову, Д. Коджейкову, Ю. Милеву и другим, начинавшим свою журналистскую деятельность еще в довоенные годы, прибавилось новое пополнение. Бывший металлист Никола Петков-Перич (1891—1965) и бывший деревообделочник Г. Додов (1891—1965) стали редакторами профсоюзных газет. Бывший телеграфист И. Недялков-Шаблин (1881—1925) и бывший печатник С. Бочваров (1888—1969) стали помощниками редактора газеты «Работнически вестник»²⁸⁵.

У некоторых из вступивших на путь журналистики рабочих проявилось стремление к литературному творчеству, к созданию художественных произведений. В литературных и иных революционных изданиях (прежде всего в журнале «Червен смях») стали печататься как литераторы и поэты бывший строитель Г. Караславов, позднее — крупнейший писатель социалистической Болгарии (1904—1980) и бывший печатник А. Захариев

(1885—1961), публиковавшийся под псевдонимом «Ася Захарчик». Пролетарские журналисты Б. Баров и Д. Чинтулов написали романы из жизни болгарских рабочих; роман Б. Барова «Блуждание» был в 1920 г. опубликован в Стара Загоре, где проживал тогда автор²⁸⁶. Выход первого романа о болгарском пролетариате был положительно оценен коммунистом Т. Павловым, тогда сравнительно молодым еще критиком и философом²⁸⁷. Партия всячески поддерживала литературные опыты начинающих писателей и поэтов из рабочей среды²⁸⁸. Вместе с представителями революционной художественной интеллигенции они закладывали основы болгарской пролетарской литературы и социалистической культуры в целом.

Охарактеризованные выше различные аспекты изменения социального облика болгарского рабочего класса — нарастание его профессиональной и политической организованности, качественные изменения профсоюзов, рост зрелости авангарда (БКП), повышение уровня и масштабов борьбы, степени политической активности, возрастание роли в классовой борьбе и общественном развитии — все это свидетельствовало в совокупности о превращении пролетариата, руководимого БКП, в еще более значительную социально-политическую силу, покушавшуюся на устои эксплуататорского капиталистического строя. Свообразным признанием выросшей его силы явилось, например, выдвижение в начале 1920 г. в программе одной из влиятельных буржуазных партий — демократической — предложения об установлении «социального партнерства» в виде участия рабочих в прибылях²⁸⁹.

Отмечая возмужание в послевоенные годы болгарского пролетариата, В. Коларов в одной из своих статей, опубликованных в СССР в 1924 г., подчеркивал: «С выросшим сознанием, стремящийся не только защищать свои повседневные интересы, но и взять власть в свои руки, он (пролетариат. — М. Б.) сделался перво-степенным фактором в экономической и политической жизни страны»²⁹⁰.

Благодаря прежде всего самоотверженной и систематической политико-воспитательной деятельности БКП молодой, недавно сформировавшийся болгарский пролетариат (в первую очередь его передовые слои) постигал

азы коммунистической идеологии и революционной практики сравнительно быстро. Отмечая это обстоятельство, Г. Бакалов несколько позже, в письме В. Д. Бонч-Бруевичу от 11.I 1929 г., писал: «...у нас теоретический уровень пролетариев вырос настолько, что болгарские рабочие одни из первых возвысились до понимания и восприятия большевизма...»²⁹¹. В Болгарии образовалось прочное революционное пролетарское ядро, пользовавшееся сочувствием широких масс рабочих и поддержкой некоторой части других трудовых слоев.

Правда, на пути дальнейшего развития пролетариата как социально-политической силы и роста революционного лагеря стояли немалые трудности. Расширению рядов революционных профсоюзов препятствовали различные факторы: объективные — наличие (вследствие социально-экономической отсталости страны) большого числа сезонных рабочих в составе пролетариата — и субъективные. При всех успехах БКП и ОРСС в работе профсоюзов наблюдались (как отмечают исследовавшие эту тему болгарские историки) некоторые слабости: чрезмерная политизация в деятельности революционных профсоюзов²⁹², известная недооценка роли и специфики профсоюзов многими коммунистами, пренебрежительное отношение к реформистским профсоюзам (а объективно — и к находившимся в их рядах рабочим), некоторый максимализм в требованиях к вступавшим в ряды ОРСС и др.²⁹³

И все же главной проблемой, от решения которой зависело дальнейшее возрастание революционного потенциала болгарского пролетариата, была проблема взаимоотношений рабочего класса с другими классами и слоями трудового народа. Как известно, В. И. Ленин подчеркивал, что сила рабочего класса, его социальная мощь зависят (наряду с такими важнейшими факторами, как его численность, роль в экономике страны и организованность), также и «от связи с массой трудящихся»²⁹⁴. В Болгарии, 4/5 населения которой составляли крестьяне, рост социальной мощи пролетариата зависел прежде всего от связи его с трудовым крестьянством.

§ 6. Особенности начального этапа складывания союза рабочих и крестьян

В 1921 г. революционный пролетариат Болгарии (как и во всем мире) вступил в своеобразную полосу смены этапов, что было обусловлено прежде всего изменением международной обстановки. «Открытая революционная борьба пролетариата за власть, — отмечалось летом 1921 г. в решении III конгресса Коминтерна, — переживает в мировом масштабе заминку, замедление темпов»²⁹⁵. В международном рабочем движении на время определился перевес реформистского крыла²⁹⁶.

В борьбе с реформизмом успехи революционного крыла болгарского рабочего движения были несомненны, что составляло предмет законной гордости болгарских коммунистов²⁹⁷. БКП стала одной из лучших партий международного коммунистического движения²⁹⁸; ее руководители и партийный актив быстрее, чем коммунисты многих других стран, воспринимали некоторые важнейшие уроки Октябрьской революции (этому помогали традиции российско-болгарских революционных связей, языковая и географическая близость и т. д.). Не случайно руководители ОРСС и БКП (Г. Димитров, Хр. Кабакчиев, В. Коларов) избирались в состав центральных органов Профинтерна и Коминтерна, неоднократно представляли их на съездах зарубежных компартий²⁹⁹. Несомненные успехи революционного авангарда породили в рядах БКП некоторые иллюзии, преувеличение революционного потенциала болгарского пролетариата в целом³⁰⁰.

Между тем обстановка в Болгарии, несомненно, отличалась рядом существенных особенностей (в первую очередь чрезвычайно неординарной расстановкой классовых сил), требовавших гибкого и нестандартного, творческого подхода к решению общих задач, стоявших перед международным рабочим движением. Оригинальная политическая ситуация, обусловленная охарактеризованным выше (в конце § 3 настоящей главы) своеобразным соотношением политических сил (известным равновесием двух полярных сил), обусловила приход к власти в мае 1920 г. однопартийного правительства БЗНС во главе с А. Стамболийским.

В стране фактически выкристаллизовались три основных политических лагеря.

1. Реакционная буржуазия, экономически окрепшая во время войны, создавшая сразу же после войны крупные по масштабам страны монополии (в табачной, текстильной, пищевой и других отраслях промышленности), ставшие носителями объединительной тенденции в буржуазном лагере³⁰¹. Буржуазия сохранила позиции в армии и других важных звеньях государственного аппарата, однако ее партии были сильно дискредитированы в глазах трудящихся и потеряли значительную часть избирателей.

2. Растущий лагерь руководимого БКП революционного пролетариата, приобретающий все большее сочувствие и поддержку городской и сельской полупролетарской массы.

3. Мелкобуржуазный лагерь в лице крестьянской партии БЗНС, ставшей у руля управления государством. Взяв курс на осуществление широкой программы реформ (в том числе аграрной), отражавшей надежды и чаяния крестьянства, правительство БЗНС обеспечило себе поддержку крестьянских масс. Стамболийский и другие поддерживавшие его лидеры БЗНС действовали исходя из сословной теории, в основе которой лежало представление о том, что общество делится на враждебные друг другу городские и сельские сословия. Выдвинув утопическую задачу ликвидации «спекулятивного капитала» и «кожедерских» элементов, не затрагивая основ капитализма (частной собственности на орудия и средства производства), они провозгласили земледельческое сословие руководящим в стране и призывали к установлению крестьянской демократии, направленной против всех остальных сословий (в том числе и наемных рабочих).

Отношения между революционным пролетариатом, руководимым БКП, и крестьянством, шедшим в основном за БЗНС, в течение всего времени существования правительства Стамболийского были отмечены печатью неустойчивости, переходами от остро конфликтных ситуаций к стадиям выжидания, сочетавшегося с прохладными отношениями; были и периоды параллельных действий в борьбе против реакционной буржуазии.

Идеологические платформы двух партий — БКП и БЗНС — в том виде, как они сложились в первые послевоенные годы, были очень далеки друг от друга. БКП, стремясь к пролетарской революции при опоре на международное революционное движение и будучи сторонницей самостоятельных действий пролетариата (следуя в этом традициям тесняческого периода), отрицала в принципе возможность каких бы то ни было соглашений и компромиссов. Идеологическая платформа БЗНС (как и его социальная база) была внутренне противоречивой, что в значительной мере обуславливало колебания в практической деятельности правительства А. Стамболийского.

Вместе с тем социальные основы обеих партий были сравнительно близки и имели тенденцию к сближению. Объективный ход исторического развития, некоторый опыт совместных выступлений в 1918 — начале 1919 г. толкали рабочий класс и трудовое крестьянство к сближению, к союзу для борьбы за ликвидацию эксплуатации монополистического капитала и всех «кожедерских» элементов.

В первый период существования однопартийного кабинета БЗНС, в обстановке, когда влияние буржуазных партий в стране резко упало, руководство БЗНС рассматривало БКП как своего основного соперника в борьбе за массы (в том числе и крестьянские). Обеспокоенные успехами БКП на муниципальных выборах и практической деятельностью коммунистических муниципалитетов (так называемых «коммун»), направленной на удовлетворение некоторых конкретных нужд трудящихся, центральные власти чинили им всяческие препятствия. Весной и летом 1921 г. правительство БЗНС начало против них прямое наступление, решив подорвать таким образом влияние БКП: с помощью специальных ревизоров, присланных из центра, и при поддержке в некоторых местах буржуазных деятелей почти все коммунистические муниципалитеты были раскассированы³⁰². Однако проведенные затем в конце 1921 — начале 1922 г. в этих же населенных пунктах частичные выборы принесли новые успехи коммунистам, что привело к повторному роспуску некоторых муниципальных органов (отдельные муниципалитеты расформировывались даже трижды)³⁰³.

Отношение компартии к правительству Стамболийского и его реформам страдало гиперкритицизмом и максимализмом, недооценкой значения демократических реформ, тесной связи борьбы за демократию с борьбой за социализм. Парламентская фракция БКП проголосовала, например, против аграрной реформы («закона о трудовой земельной собственности»), законов о трудовой повинности, о консорциуме по торговле зерновыми продуктами и многих других, оценивая их как недостаточно радикальные, а иногда и как реакционные³⁰⁴. Некоторые законопроекты (об отчуждении в пользу государства крупной земельной собственности, о прогрессивном налоговом обложении, о налоге на акционерные компании, об отчуждении частных зданий для государственных и муниципальных нужд и др.) БКП поддержала³⁰⁵. Коммунисты резонно критиковали правительство Стамболийского и его реформаторскую деятельность за непоследовательность и нерешительность при проведении реформ, за уступки Межсоюзнической комиссии представителей держав Антанты, по настоянию которой были внесены в пользу буржуазии изменения в отдельные законы, выхолащивавшие их демократический дух³⁰⁶. Но направленность курса коммунистов по отношению к БЗНС, как не без основания пишут болгарские историки, исследующие деятельность БКП рассматриваемого времени, страдала односторонностью и — частично — доктринерством, что объективно препятствовало сближению БКП и БЗНС, рабочих и крестьян³⁰⁷.

Все же постепенно в позиции БКП по крестьянскому вопросу в целом намечаются изменения. Этому способствовал курс Коминтерна, в особенности документы и решения его II конгресса в 1920 г. (в первую очередь тезисы В. И. Ленина по аграрному вопросу) и последующих конгрессов. Разработка В. И. Лениным и Коминтерном аграрно-крестьянских проблем, положения о дифференцированном подходе к различным социальным слоям крестьянства отвечала объективным потребностям международного рабочего движения, в том числе и насущным нуждам болгарского рабочего движения. Поэтому она с огромным вниманием была встречена в Болгарии, послужив дополнительным импульсом к поискам решения аграрно-крестьянского вопроса в стране.

В мае 1921 г. в идейной платформе БКП намечается

важный перелом — на ее III съезде была принята по докладу Д. Благоева специальная резолюция по крестьянскому вопросу³⁰⁸. Как сказано выше, партия и прежде (особенно после Октябрьской революции) вела агитацию и пропаганду среди крестьян, обращаясь к ним в основном постольку, поскольку им предстояло в результате процесса пролетаризации перейти в ряды рабочего класса. Резолюция III съезда, обосновавшая политику привлечения трудового крестьянства к пролетарской революции, признавая его потенциальным союзником пролетариата, была большим шагом вперед в идейном развитии пролетарской партии: впервые в истории рабочего движения страны БКП, авангард болгарского пролетариата, фактически провозгласила в качестве необходимого условия победы пролетарской революции союз рабочих с трудящимся крестьянством под руководством рабочего класса. «Болгария, — подчеркивалось в газете «Работнически вестник», — является одной из тех стран, где революция может победить и пролетарская диктатура может закрепиться только при поддержке малоземельных крестьянских масс»³⁰⁹. Правда, отношение к массовой крестьянской партии, БЗНС, не изменилось; БКП по-прежнему продолжала считать Земледельческий союз партией сельской буржуазии и не делала попыток к сближению с ним (следует учесть, что именно в 1921 г., как отмечалось выше, усилилось наступление правительства БЗНС против коммунистов, ужесточился его курс, направленный на подрыв влияния БКП). Болгарские коммунисты не выработали на съезде специальной аграрной программы-минимум, далеко не сразу смогли найти удачные практические подходы к решению проблемы союза рабочих и крестьян.

Тем не менее резолюция III съезда БКП сыграла большую роль, нацелив партию на активизацию ее деятельности в деревне. В конце 1921 г. в 1450 селах (т. е. в более 1/4 сел страны) БКП имела свои отдельные парторганизации и партгруппы³¹⁰. В дополнение к ранее изданным книгам В. Коларова и Б. Илиева были напечатаны новые книги, посвященные аграрно-крестьянскому вопросу³¹¹. В партийной печати, в частности в газете «Селски вестник», публиковались различные статьи и материалы по аграрно-крестьянским проблемам,

разъяснявшие и пропагандировавшие резолюцию III съезда и конкретизировавшие задачи деятельности партии в деревне³¹². На собраниях в сельских просветительных кружках коммунисты раскрывали позицию БКП по отношению к крестьянству, разъясняли в духе решений III съезда, что интересы сельских пролетариев, полупролетариев и мелких собственников близки к интересам рабочего класса, подчеркивали, что коммунисты являются защитниками интересов трудового крестьянства³¹³. В партийных школах большое внимание уделялось подготовке кадров для сельских партийных организаций (например, больше половины укомплектованного в конце 1921 г. набора курсантов Центральной партийной школы составляли представители парторганизаций села)³¹⁴. В ряде окружных центров (Пловдив, Русе и др.), а также в некоторых больших селах в 1921—1922 гг. были организованы специальные курсы для обучения сельского партийного актива³¹⁵.

Ориентация на борьбу за союз рабочих с трудовым крестьянством, которая была утверждена III съездом БКП, принесла немалые результаты. Число сельскохозяйственных рабочих, членов БКП, за год, прошедший с III по IV съезд партии, выросло более чем на 25%³¹⁶. Тираж газеты «Селски вестник» возрос с лета 1920 до лета 1922 г. с 8 до 12 тыс.³¹⁷ Новые успехи принесли БКП муниципальные выборы 1921—1922 гг., дав большой прирост поданных за нее голосов (причем, не только в городах, но и в селах): весной 1922 г. коммунисты возглавляли муниципальные органы в 113 селах³¹⁸ (т. е., в значительно большем числе сел, чем в результате выборов 7.XII 1919 г.).

Успехи революционного пролетариата, особенно в деревне, серьезно беспокоили как буржуазную реакцию, так и лидеров БЗНС. Реакционный лагерь встретил III съезд БКП и курс на союз рабочего класса с трудовым крестьянством враждебно³¹⁹. Буржуазная печать пыталась доказывать, что крестьянин якобы не способен к революции и что БКП вторгается в «чужую» область³²⁰. Она явно стремилась обострить отношения между БКП и БЗНС.

Воспользовавшись экономическими трудностями (безработицей, выросшей в связи с кризисом перепроизводства), буржуазия переходит в 1921 г. в наступление

на пролетариат — она добивается поначалу ликвидации завоеваний, достигнутых им в 1919 г. Многие предприниматели увеличивали на своих предприятиях рабочий день, пренебрегая установленными в 1919 г. ограничениями³²¹. Буржуазия сделала также безуспешную попытку раздробить силы пролетариата и ослабить революционные профсоюзы путем создания среди рабочих табачной, текстильной и ряда других отраслей промышленности послушных ей, «ручных» профессиональных организаций.

Пролетариат ответил на наступление предпринимателей оборонительными стачками; на борьбу поднялись рабочие добывающей промышленности, деревообделочники, швейники и др.³²² Их возглавляли профсоюзы, входившие в ОРСС. Руководители реформистских профсоюзов предпочитали стоять в стороне от забастовочного движения. Они были тесно связаны с антикоммунистически настроенными лидерами социал-демократии, которые часто блокировались с буржуазным лагерем в борьбе как против возглавлявшегося коммунистами революционного пролетариата, так и против реформаторской деятельности правительства Стамболийского.

Буржуазия производила перегруппировку в своих рядах и накапливала силы. Она была недовольна проводимыми правительством Стамболийского реформами. Несмотря на их половинчатость, они весьма затронули ее интересы. Как и вся мировая буржуазия, которая по словам В. И. Ленина «научилась на примере России...»³²³, лидеры болгарской реакции стремятся перехватить стратегическую инициативу в политической борьбе, объединить все оппозиционные правительству Стамболийского контрреволюционные, консервативные и колеблющиеся силы и в то же время не допустить сближения БЗНС и БКП. Понимая, что парламентским путем прийти к власти не удастся, реакционные силы добиваются восстановления своей политической монополии путем подготовки военно-фашистского переворота. Шли длительные переговоры об объединении усилий старых реакционных буржуазных партий, закончившиеся образованием Конституционного блока. Параллельно в качестве политического центра сплочения новых, фашистских сил возник тайный «Народный сговор»³²⁴.

Реакция установила контакты и с врангелевцами, которых правительство БЗНС вынуждено было под давлением Антанты допустить на территорию страны ³²⁵. Врангелевцы, размещенные в значительном числе в болгарских городах, хотя и разоруженные, но сохранившие фактически свои воинские формирования, руководимые белогвардейскими генералами, мечтавшими превратить Болгарию в базу для антисоветских авантур ³²⁶, были находкой для болгарской реакции. Она нуждалась в штыках для расправы с революционными и демократическими силами болгарского народа.

БКП бдительно следила за происками болгарской реакции и врангелевских генералов. Уделяя большое внимание популяризации идей и лозунгов Октября, пропаганде среди трудящихся успехов страны Советов, болгарские коммунисты вели настойчивую борьбу за установление дипломатических отношений с Советской Россией и систематически разоблачали антисоветские поползновения международного империализма и болгарских контрреволюционеров.

В конце марта — начале апреля 1922 г. в связи с опубликованными в печати БКП сенсационными материалами о связях врангелевцев с болгарской реакцией по стране прокатилась волна организованных БКП митингов и демонстраций. В апреле 1922 г. руководство БКП приняло важное решение, свидетельствовавшее о начале фактического поворота партии к линии единых действий с БЗНС. В решении говорилось: «Хотя между коммунистической партией и Земледельческим союзом ныне невозможно никакое политическое соглашение, однако техническое сотрудничество между ними допустимо» ³²⁷. Партия призвала весь болгарский народ встать на защиту свободы и независимости страны.

Правительство БЗНС приняло некоторые меры против врангелевцев — их главари были высланы из Болгарии. Но реакция не оставила своих планов.

Решение руководства БКП о техническом сотрудничестве с БЗНС было свидетельством поступательного развития авангарда болгарского пролетариата и всего международного рабочего и коммунистического движения, отразившегося в резолюциях III конгресса Коминтерна (июнь 1921 г.) о работе с массами и в тезисах ИККИ о едином рабочем фронте, выработанных в конце

1921 — начале 1922 г.³²⁸ В июне 1922 г. это решение было дополнено на IV съезде БКП, где был выдвинут лозунг единого фронта: съезд призвал рабочих и малоимущих крестьян, весь трудовой народ к решительной борьбе с контрреволюцией. Однако в намеченной БКП тактике фактического взаимодействия с БЗНС были противоречия. Призывы к единому фронту сопровождались оговорками о невозможности политических соглашений с БЗНС; единый фронт понимался коммунистами как линия на отрыв рядовых членов БЗНС и социал-демократической партии от их руководства и на их присоединение к компартии, как объединение неорганизованных трудящихся под знаменем БКП³²⁹.

Тем не менее даже такая непоследовательная тактика БКП в борьбе за единый фронт приносила свои плоды. В августе — сентябре 1922 г., когда реакционеры перешли в наступление, объявив мобилизацию своих сил, БКП снова подняла массы на борьбу с реакционным блоком. Следуя призыву партии, коммунисты, члены ОРСС и комсомольцы проявили в тревожное время дисциплинированность и стойкость. Вооруженные рабочие после окончания трудового дня несли охрану зданий БКП и ОРСС. Так как правительство не решалось раздать рабочим оружие для борьбы против заговорщиков, коммунисты должны были активизировать собственные усилия в этом направлении. Среди членов партии был в это время распространен клич: «Продай пальто — купи ружье!». По инициативе БКП в октябре 1922 г. в окружных центрах и многих других населенных пунктах были проведены массовые митинги и сборы трудящихся³³⁰, объективно явившиеся поддержкой БЗНС в борьбе против реакционного блока. В некоторых районах в низовых организациях намечалось сближение между коммунистами и земледельцами в борьбе с реакцией³³¹.

Широкую популярность получило в это время требование БКП предать суду министров буржуазных правительств, ответственных за национальные катастрофы Болгарии в 1913 и 1918 гг. (Многие бывшие министры указанных кабинетов были к тому же лидерами партий Конституционного блока). Это требование получило поддержку среди членов БЗНС, и правительство Стамбульского решило провести всенародный референдум по

вопросу о виновности министров. В ходе состоявшегося 19.XI 1922 г. референдума БКП и БЗНС призвали своих сторонников, рабочих и крестьян, голосовать за признание министров виновными и добились совместно большого успеха, собрав около 70% поданных голосов. Реакционные буржуазные партии, выступавшие против осуждения министров, потерпели поражение (их поддержало около 1/4 голосовавших). Социал-демократы, занявшие промежуточную позицию, получили менее 6% голосов³³². Так в результате объединенных усилий БКП и БЗНС реакция потерпела в связи с референдумом серьезное поражение.

В течение 1922 г. в рядах БКП (как и всего международного рабочего и коммунистического движения) зреют новые идеи и лозунги по вопросу о союзниках пролетариата в борьбе за социализм. Под влиянием IV конгресса Коминтерна (5.XI — 5.XII 1922 г.) болгарские коммунисты решением своего Высшего партийного совета в январе 1923 г. приняли лозунг рабоче-крестьянского правительства. В то время как правые в Коминтерне понимали этот лозунг реформистски, а левацкие элементы оценивали его как синоним диктатуры пролетариата³³³, болгарские коммунисты (как и представители некоторых других коммунистических партий) полагали, что рабоче-крестьянское правительство может явиться переходным этапом, подходом к диктатуре пролетариата. ЦК БКП разработал также программу действий в виде обращенной к крестьянству программы-минимум. В документах ЦК, связанных с уточнением теоретической платформы партии по крестьянскому вопросу, как отмечают болгарские историки, творческим элементам сопутствовали догматическо-сектантские оценки характера БЗНС и правительства Стамболийского³³⁴.

Тем не менее внимание партии к вопросам деятельности в деревне, к установлению союза пролетариата с крестьянством определило тяготение крестьянской бедноты к вступлению в ряды БКП, обусловило рост авторитета партии среди крестьянства. Сравнение результатов парламентских выборов 1920 г. (в XIX ОНС) и 1923 г. (в XX ОНС) показывает значительное возрастание влияния БКП не только среди сельскохозяйственных рабочих, но и в массе трудовых мелких крестьян³³⁵.

Правда, по числу полученных на выборах в XIX ОНС (март 1920 г.) голосов БЗНС значительно опередил БКП. Однако оставшись на втором месте, коммунисты по темпам роста влияния среди избирателей (в том числе и в деревне) почти сравнялись с земледельцами: в марте 1920 г. БКП собрала в деревне 121 тыс. голосов (т. е. примерно на 50% больше, чем на выборах в 1919 г.), БЗНС — 328 тыс. (т. е. примерно на 70% больше, чем на выборах в 1919 г.)³³⁶.

Членский состав Земледельческого союза и круг голосовавших за него избирателей за время пребывания правительства Стамболийского у власти также изменились по сравнению с 1919 г. — он пошел за счет увеличения доли сельскохозяйственных рабочих и крестьянской бедноты³³⁷. Таким образом, происходило известное сближение социального состава членской массы и электората (избирательного корпуса) двух ведущих политических партий — БКП и БЗНС, представлявших интересы рабочего класса и крестьянства. Это важное обстоятельство, как и фактические совместные действия БКП и БЗНС в период борьбы с врангелевцами весной 1922 г. и с «черноблокарями» осенью этого же года (особенно во время референдума) на платформе решения демократических задач, казалось, создавали известные предпосылки для быстрого перехода к дальнейшему этапу — более прочному, политическому сближению БКП и БЗНС. Однако этого сближения не последовало — в данном случае в первую очередь по вине руководства БЗНС.

В вопросе об отношении к БКП и к рабочему классу в целом в рядах БЗНС не было единства. Сказывалась социальная неоднородность его состава; в числе его членов были наряду с сельскими бедняками и середняками также и зажиточные крестьяне и ремесленники, которые формировали социальную базу для консервативного крыла в союзе. В руководстве БЗНС часто разгоралась упорная борьба, временами прорывавшаяся наружу. Правые, консервативные элементы, представленные в правительстве и в руководстве БЗНС довольно influentialными деятелями (М. Турлаков, К. Томов, Х. Манолов и др.), тяготели к блоку с буржуазными партиями и относились к коммунистам и к рабочему классу враждебно.

Левые элементы, представленные главным образом в низовых организациях («дружбах») и добивавшиеся более радикальных реформ и более последовательного их осуществления, объективно, а иногда и субъективно стремились к сближению с БКП. Выразителями этих настроений были такие депутаты фракции БЗНС в XIX ОНС; как Ц. Матев, Т. Вылчев и др. Т. Вылчев в выступлении 21 октября 1921 г. в Народном собрании заметил: «Каждый знает, что и у нас, и на всем земном шаре идет борьба между трудом и капиталом. Никто не может оспаривать, что сегодня борются капитал и труд; только у нас иногда встречаются неправильные представления, и мы с этими приятелями (показывает в сторону коммунистов) хватаем друг друга за грудки. Но время заставит нас разобраться»³³⁸.

В начале 1923 г. названные лидеры правого крыла БЗНС были из него изгнаны. Вскоре было исключено еще несколько консервативных деятелей; наряду с этим (в виде некоего «равновесия») был исключен также Ц. Матев, а из правительства выведен ближайший соратник Стамболийского, один из радикальных лидеров союза — Р. Даскалов³³⁹. А. Стамболийский и возглавлявшая им группа, сыгравшая в создавшейся обстановке роль своеобразного центра, отстаивали линию третьего, «среднего» пути БЗНС между буржуазией и пролетариатом, который препятствовал созданию союза рабочих и крестьян и обрекал «земледельцев» на изоляцию.

Уже вскоре после победы в ходе референдума 19.XI 1922 г., а в особенности с начала 1923 г. руководство Земледельческого союза, решив, что серьезной опасности справа больше не существует, снова перешло в наступление против БКП. Таким образом, сближения социального состава и электората двух партий и некоторого опыта совместных фактических действий в 1922 г. оказалось тогда недостаточно для их объединения в политической борьбе с реакцией. Необходимы были новые, более серьезные и трагические уроки (последовавшие вскоре, в том же 1923 г.) для осознания лидерами БЗНС краха «среднего» пути, несостоятельности антикоммунистической линии и неотложности единого фронта с БКП. Такова была специфика начального этапа складывания союза рабочих и крестьян,

22 апреля 1923 г., распустив предварительно XIX ОНС, правительство Стамболийского провело выборы в XX Народное собрание. На этот раз реакционные буржуазные партии, объединенные в Конституционном блоке, собрали вместе около 18% (примерно на $\frac{1}{3}$ меньше, чем в 1920 г.) голосов. Политический вес социал-демократической партии (лидеры которой, по существу, часто поддерживали «блокарей» в борьбе против БКП и БЗНС) также упал: вместо 6% в 1920 г. она собрала в 1923 г. лишь около 3% голосов³⁴⁰. За БКП проголосовало на выборах примерно столько же, сколько и в 1920 г., избирателей — 19%. Но ввиду того, что правительство БЗНС изменило на этот раз принцип представительства, установив мажоритарную систему, число депутатов БКП в Народном собрании резко упало. В то же время БЗНС, собрав 52,7% голосов, получил 212 мандатов из 245³⁴¹.

Опьяненное победой на выборах, правительство БЗНС еще более усилило репрессии против БКП, считая ее своим главным соперником. В этих условиях руководство БКП не сумело трезво оценить обстановку и соотношение сил в стране³⁴². Резолюция Высшего партийного совета БКП от 25—26.IV 1923 г. отходила уже даже от формулы технического сотрудничества с БЗНС в борьбе против реакции. Фактически она выдвигала тактику борьбы на два фронта: против «двух крыльев буржуазии» — городского и сельского. Призывая массы к бдительности, резолюция заявляла, что в момент, когда Конституционный блок выступит против БЗНС, необходимо выступить как против городской, так и против сельской буржуазии, за рабоче-крестьянское правительство³⁴³. Обострение отношений между БКП и БЗНС открывало реакционной буржуазии некоторые перспективы возвращения к власти.

С тревогой наблюдала болгарская буржуазия за ростом влияния БКП в рабочем классе³⁴⁴, за восходящей силой революционного пролетариата, возглавляемого БКП и ОРСС. В 1922 г. вспыхнула новая волна забастовок, достигшая к середине 1922 г. значительных размеров и охватившая рабочих большинства отраслей промышленности (в особенности табачников, кожевников, текстильщиков, металлистов и др.); она не затихала и в первые месяцы 1923 г.³⁴⁵ В стачечную борьбу

включались, сельскохозяйственные и строительные рабочие³⁴⁶.

С пристальным вниманием следили в буржуазном лагере за отношениями между БКП и БЗНС. Создание единого фронта между ними грозило в перспективе серьезными изменениями в самих основах существующего в Болгарии капиталистического строя. Даже робкие шаги к сближению между ними пугали буржуазную реакцию. Печать различных реакционных партий и буржуазные парламентарии выступали в этой связи с заявлениями. В них легко заметное беспокойство сочеталось с далеко рассчитанными клеветническими измышлениями и интригами, направленными на разъединение коммунистов и земледельцев — близость между БКП и БЗНС называлась «противоестественной», «болезнью умов», которую нужно лечить и т. д. и т. п.³⁴⁷ В редких случаях некоторые из наблюдательных буржуазных публицистов признавали все же, что в основе «временных параллельных действий БЗНС и БКП» лежит идейная связь между ними, которая коренится в их близком социальном составе, отмечали их идейное и социальное родство³⁴⁸. «Тактика буржуазии, — отмечает академик Д. Косев, — состояла в следующем: разлагать БЗНС с помощью своих агентов, углублять противоречия и недоразумения между БКП и БЗНС посредством интриг и хитро выдвинутых обвинений (буржуазная пресса обвиняла земледельческое правительство в большевизме, а одновременно натравливала его на разгром Коммунистической партии, обвиняла Коммунистическую партию то в заговоре, то в тайном союзе с земледельческим правительством) и в то же время усиленно готовить фашистский переворот»³⁴⁹.

Воспользовавшись обострением противоречий между БКП и БЗНС, болгарская реакция совершила 9 июня 1923 г. военно-фашистский переворот, свергнув правительство Стамболийского с помощью контрреволюционно настроенных офицеров. Это был акт превентивной контрреволюции.

9 июня 1923 г. открывает собою новую полосу в истории Болгарии: несмотря на сопротивление болгарского народа, рабочих и крестьян, в стране установился военно-фашистский режим. Создались совершенно новые условия для развития рабочего класса и рабочего дви-

жения. Последовавший с 9 июня 1923 г. вплоть до восстания в сентябре 1923 г. краткий по времени период был чрезвычайно насыщен острыми драматическими событиями. Они потрясли Болгарию, привлекли внимание всего мира, имели, без преувеличения, международную значимость, получив международный резонанс³⁵⁰. Названный период — это своеобразная переломная, веобразующая полоса в истории Болгарии, в особенности в процессе складывания союза рабочих и крестьян в стране, в истории болгарского пролетариата, и в первую очередь его революционного авангарда. Завершающим рубежом этой полосы явилось массовое организованное антифашистское Сентябрьское восстание — «болгарский 1905 год», как его называли Г. Димитров и Т. Живков³⁵¹.

События 9 июня послужили толчком к массовым антифашистским выступлениям крестьян и рабочих ряда округов. В вооруженной борьбе с воинскими подразделениями, руководимыми фашистскими офицерами, с 9 по 14 июня приняли участие десятки тысяч крестьян и отчасти рабочих во главе с земледельцами и некоторыми коммунистами. Лозунгом части выступивших было установление рабоче-крестьянской власти³⁵².

Уроки 9 июня помогли здоровым силам в БЗНС вступить на путь преодоления заблуждений, связанных с идеями сословной теории и принципом самостоятельной крестьянской власти. Лишь первые шаги в этом направлении успели сделать зверски растерзанный 14 июня 1923 г. фашистами А. Стамболийский и убитый 26 августа 1923 г. Р. Даскалов, его ближайший друг и единомышленник³⁵³. В рядах БЗНС зарождается группа единомышленников во главе с П. Петковым, Н. Петрини и Д. Грынчаровым, которая, учтя опыт 9 июня, пришла к выводу о необходимости совместного с пролетариатом и БКП единого фронта борьбы против фашизма³⁵⁴.

Большую помощь зарождавшемуся в БЗНС единомышленническому течению оказала БКП: ошибка партийного руководства, занявшего 9 июня позицию нейтралитета, была вскоре исправлена творческими силами партии. Летом 1923 г. в рядах рабочих и крестьян, коммунистов и земледельцев растет стремление к единым действиям в борьбе против фашизма. Глашатаем идей единого фронта всех трудящихся в борьбе с фашизмом выступил

сын болгарского рабочего класса, ставший его вождем, руководитель болгарских революционных профсоюзов Г. Димитров³⁵⁵.

Решение ЦК БКП от 5—7 августа 1923 г., взявшего курс на подготовку антифашистского восстания с целью установления рабоче-крестьянского правительства, придало процессу сближения рабочих и крестьян, БКП и БЗНС, организованный характер. По существу, это было заявкой революционного авангарда на гегемонию пролетариата в предстоящей борьбе. Впервые в истории рабочего класса и рабочего движения Болгарии его революционный авангард — БКП взяла целенаправленный курс на сближение с БЗНС. Так, отказ БКП от догматически-сектантского отношения к БЗНС вместе с преодолением здоровыми силами Земледельческого союза идей сословной теории и самостоятельности крестьянской власти создали предпосылки для организованного движения за единый фронт, за рабоче-крестьянский союз.

22—23 сентября 1923 г. в округах Центральной и Северо-Восточной Болгарии (несмотря на ряд неблагоприятных моментов, в том числе превентивные аресты тысяч коммунистов, комсомольцев и земледельцев-единофронтовцев и др.) поднялись на борьбу рабочие и крестьяне, члены БКП, едиnofронтoвского крыла БЗНС, отдельные левые социал-демократы и беспартийные. Это было первое в мире массовое организованное антифашистское восстание. По ряду причин (отсутствие прочного рабоче-крестьянского союза, недостаточная зрелость БКП и др.)³⁵⁶ оно потерпело поражение.

Однако, несмотря на поражение, оно имело огромное историческое значение для болгарского народа, для рабочего класса и БКП. Оно явилось переломной вехой в развитии БКП как боевого авангарда болгарского пролетариата. Опыт совместной организованной вооруженной борьбы рабочих и крестьян против фашизма был, несомненно, крупнейшим политическим достижением революционного пролетарского авангарда — БКП — и всех трудящихся. «Самым крупным завоеванием Сентября 1923 г. был союз рабочих и крестьян — подчеркивал Т. Живков. — Он возник в общих боях и был скреплен совместно пролитой кровью рабочих и крестьян»³⁵⁷.

¹ Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества.— В кн.: Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политиздат, 1978, т. 6, с. 587.

² Тема эта давно привлекала и продолжает привлекать внимание большого числа авторов в Болгарии, в СССР, а также отчасти и в других странах. Новейший историографический обзор результатов болгарских исследований некоторых важных вопросов темы опубликовал С. Колев. См.: Колев С. Българската историография по някои проблеми на Октомврийската революция и нейното влияние в България.— Известия на Института по история на БКП, 1977, т. 37, с. 7—45. В СССР были также напечатаны обзоры В. Д. Вознесенского (Вознесенский В. Д. Великий Октябрь и Болгария.— История СССР, 1967, № 4) и др. Наиболее полная библиография (Великата Октомврийска социалистическа революция. С., 1967, с. 1—353) охватывает литературу, изданную в Болгарии до 1967 г.

³ См.: ЦПА (София), ф. Спомени, № 351, л. 3—4; 17-та година. Спомени на български революционери за Октомврийската революция и отражението ѝ у нас (далее — 17-та година...). С., 1957, с. 293—294.

⁴ Работнически вестник, 10.XI 1917.

⁵ См.: Коларов В. Влиянието на Октомврийската революция в България.— В кн.: С перо и слово за българо-съветската дружба. С., 1947, с. 197.

⁶ Великата Октомврийска социалистическа революция и революционните борби в България през 1917—1919: Сборник от документи (далее — ВОСР и революционните борби...). С., 1957, с. 94.

⁷ См.: Работата на БКП в армията. С., 1966, с. 359, 361—365, 405; ВОСР и революционните борби..., с. 64—66, 85—96, 102—103, 160—161, 188—189.

⁸ См.: ВОСР и революционните борби..., с. 102—109, 117, 144—145, 160—169; 17-та година..., с. 148, 238; Работата на БКП в армията, с. 336, 356—357, 391, 393, 422—423.

⁹ Земеделско знаме, 6.III 1918; цит. по: Тишев Д. Великата Октомврийска социалистическа революция и Българския земеделски народен съюз (далее — Тишев Д. ВОСР и БЗНС). С., 1967, с. 24; см. также с. 18—25, 31.

¹⁰ См. Тишев Д. ВОСР и БЗНС, с. 18—21.

¹¹ См.: там же, с. 28; Великият Октомври и БЗНС. С., 1978, с. 32.

¹² Подробнее об этом см.: Хаджиниколов В. Буржоазните и дребно-буржоазните партии в България и Октомврийската революция.— В кн.: Октомврийската революция и българо-съветската дружба. С., 1957.

¹³ Народ, 17.XI 1917.

¹⁴ См.: Работнически вестник, 4, 6, и 13.IV 1918; Дневници на XVII ОНС, IV р. с. С., 1930, кн. 2, с. 1103—1104.

¹⁵ См.: Доклад на парламентарната изпитателна комисия. С., 1923, с. IV, V, 52, 260; Дневници на XVII ОНС, IV р. с., кн. 2, с. 1099—1103, 1106, 1419; Дневници на XVIII ОНС, I р. с. С., 1920, кн. 1, с. 262.

¹⁶ См.: Цветков Ж. Масовизиране и революционизиране на протестното женско движение в страната (1917—1918 гг.).— Исторически преглед, 1977, № 4, с. 88—91. По приблизительным подсчетам автора, в период с конца 1917 до сентября 1918 г. в стране произошло около 240 выступлений в различных городах и селах (в некоторых пунк-

тах — неоднократно); число участников их (главным образом женщин и подростков) составляло ориентировочно 70 тыс. человек.

¹⁷ См.: Доклад на парламентарната изпитателна комисия, с. 18—19. Жители названного села принимали активное участие в крестьянских волнениях 1900 г. против ненавистой крестьянам десятины, в связи с которыми и возник БЗНС. Память об этих волнениях была жива — недаром в одной из листовок, распространявшихся сторонниками БЗНС в 1918 г., напоминалось об опыте крестьянской борьбы 1900 г. против антинародного правительства партии либералов. См.: ВОСР и революционните борби..., с. 238—240.

¹⁸ См.: Дневници на XIX ОНС, I и с., С., 1921, кн. 2, с. 1570; ВОСР и революционните борби..., с. 282, 291—296, 324, 329, 337, 340.

¹⁹ См.: ЦГВИА, ф. 2126, оп. 1, д. 371, л. 366; д. 373, л. 49, 117, 198, 124; ф. 2282, оп. 1, д. 271, л. 120, 129, 131; ЦПА (София), ф. Спомени, № 1688, л. 223, № 352, л. 2; ЦДИА, ф. 176, оп. 2, л. 420, л. 27, 29, 127, 128.

²⁰ См.: ЦПА (София), ф. Спомени, № 352, л. 2; ВОСР и революционните борби..., с. 39, 45, 47, 57, 91, 93—95, 97, 98, 103, 111, 126, 127, 134, 135, 146, 147, 158, 159, 164, 169, 188, 194, 214, 223, 321—322.

²¹ См.: ВОСР и революционните борби..., с. 47.

²² См.: ЦПА (София), ф. Спомени, № 200, л. 10; № 1688, л. 5.

²³ См.: Дневници на XVII ОНС; IV р. с., кн. 2, с. 1419.

²⁴ См.: *Халачев Х.* Бунтът в 28 пехотен полк. С., 1949, с. 161; 1968, с. 115—118, 135—137; Доклад на парламентарната изпитателна комисия, с. 13, 32; Дневници на XVIII ОНС, I р. с., кн. 1, с. 526.

²⁵ *Драгиев Д.* Една политическа изповед. Стара Загора, 1919, с. 31.

²⁶ *Христов Х.* Революционната криза..., с. 250.

²⁷ См.: Доклад на парламентарната изпитателна комисия, с. 12, 13, 20, 30, 57, 61; Дневници на XIX ОНС, I р. с., С., 1922, кн. 2, с. 1202—1203.

²⁸ Доклад на парламентарната изпитателна комисия, с. 13.

²⁹ *Георгиев А.* Отражения. С., 1967, с. 60.

³⁰ *Лазаров К.* Незабравими дни, с. 59.

³¹ Подробнее об этом см.: *Димитров Г.* Съч., т. 14, с. 228—234; см. также: История на Българската комунистическа партия, с. 190—191.

³² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 109, 112.

³³ Солдатское восстание в болгарской армии в конце сентября 1918 г. исследовано в ряде работ болгарских историков. См.: *Христов Х.* Революционната криза..., с. 250—328; *Огнянов Л.* Войнишкото въстание 1918. С., 1978; и др. Этой теме посвящена и глава III монографии автора настоящей книги. См.: *Бирман М. А.* Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1957, с. 102—149. По этой причине мы ограничиваемся в данной связи лишь краткими суммарными сведениями обобщающего характера.

³⁴ См.: Икономика на България. С., 1969, т. 1, с. 479—483, 574.

³⁵ См.: Статистически годишник. 1925. С., 1926, с. 168—171; Икономика на България, т. 1, с. 487—488; Списание на БИКД, 1926, кн. 5/6, с. 258.

³⁶ По оценке Г. Димитрова, «самой сильной организацией капиталистов» в послевоенные годы в Болгарии была табачная монополия. См.: *Димитров Г.* Съч., т. 6, с. 331—332.

³⁷ См.: *Натан Ж., Беров Л.* Монополистический капитализм..., с. 132—195; *Икономика на България*, т. 1, с. 487—494, 501—504; *История Болгарии*. М., 1955, т. II, с. 59—61; *История на България*, С., 1964, т. III, с. 68—70; *Йоцов Я.* Социально-икономическият облик..., с. 9—20; *Грищина Р. П.* Возникновение фашизма в Болгарии. С., 1976, с. 128—135.

³⁸ См.: *Радославов Т.* Пролетаризиране на балканското и подбалканско население.— *Ново време*, I.XII 1919, кн. 10/11, с. 319—322.

³⁹ См.: *Селски вестник*, 18 и 19.IX 1920; 25.XI 1921; 15.III 1922; подробнее об этом см.: *Икономика на България*, т. 1, с. 482, 517—518. Рост аграрного перенаселения или так называемой скрытой безработицы неоднократно отмечали и болгарские буржуазные экономисты. См., например: *Списание на БИКД*, 1928, кн. 14, с. 179—182; *Стопански проблеми*, 1936, кн. 1, с. 7; кн. 5, с. 213.

⁴⁰ Согласно официальным данным, в 1920 г. в Болгарии насчитывалось 427 759 рабочих. См.: *ОРПН*. 1920, кн. III, с. 60—61. Однако в это число были включены категории лиц, в действительности не являвшихся рабочими. Произведя корректировку, мы установили, что общая численность постоянных рабочих в 1920 г. равнялась приблизительно 396 тыс. человек.

⁴¹ См.: *ОРПН*. 1920, кн. III, с. 24—25. Следует иметь в виду, что перепись населения производилась 31.XII, т. е. тогда, когда в табачной промышленности наступал резкий спад (пик работ там обычно приходился на период с сентября по декабрь, в конце декабря наступал «слабый сезон», длившийся до марта). Спад в декабре 1920 г. был особенно ощутим. См.: *ЦПА (София)*, ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 6, 107.

⁴² Абсолютные данные см.: *Анкета*, 1921, кн. 1, с. 10, 136 (подсчеты наши.— *М. Б.*). Уже в 1919 г. (в первом послевоенном году), по данным отчета Союза табачников, в стране было более 11 тыс. рабочих-табачников. См.: *ЦПА (София)*, ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 5—6, 107.

⁴³ *Списание на БИКД*, 1923, кн. 1/3, с. 136; по данным переписи населения 31.XII 1926, в стране насчитывалось 16,2 тыс. постоянных рабочих-табачников. См.: *ОРПН*. 1926, кн. III, с. 20—21. Характеризуя численность и структуру пролетариата первых послевоенных лет, мы опираемся прежде всего на материалы переписи населения 1920 г. и сведения промышленной переписи 1921—1922 гг.; иногда (главным образом в тех случаях, когда они оказываются более характерными) мы прибегаем также и к показателям переписи населения 1926 г.

⁴⁴ *ОРПН*. 1920, кн. III, с. 8—9.

⁴⁵ Абсолютные данные см.: *Анкета* 1921, кн. 1, с. 10, 136—137 (подсчеты наши.— *М. Б.*). Особенно много сезонных рабочих (из малоимущих крестьян и безработных других категорий) поступало на шахты зимой. По данным отчета Союза шахтеров и рудокопов, в 1921 г. на государственных каменноугольных шахтах насчитывалось 8,5 тыс. рабочих. *ЦПА (София)*, ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 13.

⁴⁶ *ОРПН*. 1926, кн. III, с. 8—9.

⁴⁷ *Анкета* 1921, кн. 1, с. 10, 136—137; см. также *ЦПА (София)*, ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 109. Показатели переписей населения 1920 и 1926 гг. о числе постоянных рабочих в пищевой отрасли производства так же, как и в металлообрабатывающей, текстильной и некоторых других, мы здесь не приводим, поскольку в названных отраслях пре-

обладали мелкие и мельчайшие предприятия; занятых в этих мелких предприятиях рабочих следует отнести к разряду ремесленных.

⁴⁸ Анкета 1921, кн. 1, с. 10, 136—137.

⁴⁹ Там же, с. 12, 136—137.

⁵⁰ Там же, с. 12.

⁵¹ Там же, с. 12, 136—137 (подсчеты наши.— М. Б.).

⁵² Здесь и далее абсолютные данные взяты из: Анкета 1921, кн. II, с. 42—45. Доля женщин в составе цензовых рабочих в 1910 г. равнялась 22,5%, однако, если учесть, что анкета 1909—1910 гг. не охватывала табачное производство (где женский труд применялся в наибольшей степени), фактическое увеличение удельного веса женщин в составе промышленных рабочих с 1910 по 1921 г. было гораздо меньшим.

⁵³ Анкета 1921, кн. II, с. 42—45.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Абсолютные данные взяты из: Анкета 1921, кн. II, с. 50—53.

⁵⁶ Это определялось отчасти тем обстоятельством, что безработных белоэмигрантов брали на работу на шахты и другие принадлежащие государству предприятия. См.: *Димитров Г.* Съч., т. 7, с. 194—195; см. также: Рудничар, 10.IV 1922. По данным анкеты 1921—1922 гг., около четверти рабочих добывающей промышленности приходилось на русских (из солдат-врангелевцев); заметное число русских белоэмигрантов было среди строительных и других рабочих в таких городах, как Стара Загора, Видин, Горна Джумая и др. См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 1, а. е. 100, л. 94, 111; Дърводелски работник, 9.VIII 1922; Строителен работник, 1.XI 1922 г.

⁵⁷ См.: Анкета 1921, кн. II, с. 50—53.

⁵⁸ Абсолютные данные см.: Анкета 1921, кн. II, с. 46—49, 204—209.

⁵⁹ Анкета 1921, кн. II, с. 196—199.

⁶⁰ Следует оговорить, что имеющиеся в литературе сведения об удельном весе и численности потомственных рабочих в Болгарии в 1910 г. и позже ошибочны. Соответствующие таблицы промышленных переписей 1909—1910 и 1921—1922 гг. фактически не содержат точных показателей для определения социальной принадлежности родителей рабочих.

⁶¹ См.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М.: Политиздат, 1969, т. 5, с. 329.

⁶² Показатели анкеты 1921 г., зафиксировавшие, что около 62% рабочих-мужчин (женатых или имевших в прошлом семью) не имели никакого недвижимого имущества, не сопоставимы с данными анкеты 1910 г., показывающими, что около 50% цензовых рабочих старше 20 лет были немущими. См.: Анкета 1921, кн. II, с. 82—97.

⁶³ Анкета 1921, кн. II, с. 182—195.

⁶⁴ Это же подтверждается и данными частичной анкеты, проведенной Варненской торгово-промышленной палатой в 1924 г.; они фиксировали, что из анкетированных рабочих Варны $\frac{2}{3}$ были настоящими пролетариями, около $\frac{1}{4}$ владели землей и другим недвижимым имуществом и около 10% имели дополнительные занятия. См.: Архив за стопанска и социална политика, 1927, № 1, с. 80.

⁶⁵ Народно стопанство, 1919, № 13/14, с. 1.

⁶⁶ См.: Там же, 1919, № 15/16, с. 2; Списание на БИКД, 1923, кн. 1/3, с. 62; 1926, кн. 9/10, с. 405; 1928, кн. 1/2, с. 11; 1929, кн. 5/6, с. 221; кн. 10, с. 566, 568; Демократия, 1923, кн. XIII/XIV, с. 269—270.

⁶⁷ *Беров Л. Положенияго...*, с. 23.

⁶⁸ Абсолютные данные см.: Анкета 1921, кн. II, с. 62—63. В число грамотных по статистике не включались лица, умевшие только писать или только читать.

⁶⁹ Правда, в нашем распоряжении нет необходимых прямых показателей для сравнения (анкета 1909 г. не охватывала табачников). В пользу нашего предположения свидетельствует выявленная нами (из сравнения соответствующих данных переписей населения 1905, 1910, 1920 и 1926 гг.) непрерывная тенденция к снижению процента неграмотных среди самостоятельного населения крупнейших табачных центров страны — Пловдива и Хасково, где табачники составляли большую часть самостоятельного населения (в частности, доля грамотных в составе самостоятельного населения Хасково выросла с 46% в 1905 г. до 50,5% в 1910 г., 55,6% в 1920 г. и 56,3% в 1926 г.; абсолютные данные см.: ОРПН. 1905, кн. I, с. 264—265; 1910, кн. II, с. 208—209; 1920, кн. II, с. 271; 1926, кн. II, с. 227). Уменьшение доли неграмотных среди табачников за послевоенный период прямо засвидетельствовано показателями переписей населения 1920 и 1926 гг.

⁷⁰ Анкета 1921, кн. II, с. 62—63. Действительный рост среднего образовательного уровня постоянных промышленных рабочих был фактически еще более высоким, если учесть, что показатели промышленных анкет (в отличие от показателей переписей населения) охватывали и часть сезонных рабочих.

⁷¹ Абсолютные данные взяты из: Анкета 1921, кн. II, с. 62—63.

⁷² Названные города (исключая два последних в 1910 г. и Сливен в 1926 г.) были центрами соответствующих административных округов.

⁷³ При этом в четырех крупнейших городах — Софии, Пловдиве, Варне, Русе — в 1910 г. было сконцентрировано 34% городских рабочих и 37% рабочих индустриальной сферы, находившихся в городах; в 1926 г. — 44% городских рабочих и 46% рабочих индустриальной сферы, находившихся в городах. Абсолютные данные см.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 157—310; 1926, кн. III, с. 124—340 (подсчеты наши. — М. Б.). Для сравнения мы взяли данные 1926 г., а не 1920 г., поскольку на результатах переписи населения в 1920 г. в Болгарии (как и во многих других странах, сильно пострадавших от войны) еще сказывалось влияние войны, обусловившее снижение доли промышленных рабочих в составе самостоятельного населения многих городов (иная картина была в центрах табачного производства — Пловдиве, Хасково, Ямболе, Дупнице, а также в Варне, Сливене и некоторых других городах).

⁷⁴ На необходимость подобного уточнения при исчислении степени концентрации рабочих в крупнейших центрах страны указывал В. И. Ленин. См.: *Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 3, с. 519.

⁷⁵ ОРПН. 1926, кн. III, с. 8—9, 204.

⁷⁶ Данные для исчисления взяты из публикации: ОРПН. 1920, кн. III, с. 192—320; 1926, кн. III, с. 176—292. По некоторым данным, в Пловдиве в 1920 г. было сосредоточено около 5 тыс. рабочих-табачников. См.: Тютюнороботник, 29.I 1920. О Пловдиве, как о крупнейшем центре концентрации рабочих-табачников в Болгарии и на Балканах в послевоенные годы см. также: Списание на БИКД, 1926, кн. 9/10, с. 393, 397.

⁷⁷ Абсолютные данные для подсчетов взяты: ОРПН. 1910, кн. III, с. 157—294; 1920, кн. III, с. 155—323; 1926, кн. III, с. 137—318. В ука-

занных публикациях сведения о промышленных и ремесленных рабочих объединены.

⁷⁸ Анкета 1909. Общ преглед, с. 137; Анкета 1921, кн. 1, с. 138—139; строго говоря, показатели анкет 1910 и 1921 гг. не вполне сопоставимы, ибо анкета 1910 г. учитывала из числа нецензовых предприятий лишь самые крупные (принадлежащие государству), в то время как анкета 1921 г. зафиксировала все крупные (по масштабам страны) нецензовые предприятия. Правда, для 1910 г. цензовыми предприятиями в основном исчерпывалась крупная промышленность Болгарии. См.: Анкета 1921, кн. 1, с. 6.

⁷⁹ Подробнее об этом см.: Списание на БИКД, 1933, кн. 6, с. 335—363.

⁸⁰ Абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. III, с. 156—339; 1926, кн. III, с. 124—334 (все подсчеты наши.— М. Б.).

⁸¹ Только в селах Софийской и Варненской сельских околий в 1926 г. был зарегистрирован 1991 постоянный рабочий-строитель, что составляло около 6% всех строителей. Всего же в Софии и Варне (вместе с околиями) было сконцентрировано в 1926 г. 8,9 тыс. строителей, или около 26% всех строителей (абсолютные данные см.: ОРПН. 1926, кн. III, с. 137, 138, 203, 204—205). Значительное число строителей было также и в других городах и в прилегающих к ним селах.

⁸² В четырех околиях (Дряновской, Габровской, Трынской и Пашмаклийской) — районах наибольшего сосредоточения отходников-строителей — в 1920 г. было зафиксировано 25% и в 1926 г. — 28% всех строителей; абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. III, с. 181, 215, 228, 231; 1926, кн. III, с. 164, 206, 213, 216.

⁸³ *Доросиев И.* История на железниците, с. 135.

⁸⁴ См.: *Дойнов Н.* Железниците..., с. 19—20; *Доросиев И.* История..., с. 139—140.

⁸⁵ См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 1, л. 100, л. 42.

⁸⁶ Абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. IV, с. 36—43; 1926, кн. IV, с. 48—55.

⁸⁷ См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 28, 38; Исторически преглед, 1975, № 3; с. 141.

⁸⁸ См.: ОРПН. 1920, кн. III, с. 24—27; 1926, кн. III, с. 20—23.

⁸⁹ См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 1, а.е. 100, л. 22.

⁹⁰ Численность большинства групп ремесленных рабочих (поскольку в статистических показателях сведения о них объединены с данными о промышленных рабочих соответствующих отраслей производства) устанавливается приблизительно. В имеющейся литературе иногда приводятся неубедительные сведения о числе ремесленных рабочих в 1920 г.; в частности, некоторые авторы исходят из неверной, на наш взгляд, посылки, что все рабочие крупной и поощряемой государством промышленности находились в городах; это приводит к ошибочному результату при исчислении количества ремесленных рабочих как в городах, так и в деревнях.

⁹¹ Абсолютные данные см.: ОРПН. 1910, кн. III, с. 26—29; 1920, кн. III, с. 24—27; 1926, кн. III, с. 20—23.

⁹² Абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. IV, с. 36—39; 1926, кн. IV, с. 44—47.

⁹³ Абсолютные данные здесь и далее взяты из статистики переписи населения (все подсчеты наши.— М. Б.). Кроме сезонных и по-

денных сельскохозяйственных рабочих, которые были зафиксированы в ходе переписи, встречались также временные сельскохозяйственные рабочие, не зарегистрированные статистикой. См.: Списание на БИКД, 1931, кн. 7, с. 432.

⁹⁴ Как свидетельствует Я. Моллов, подытоживший результаты обследования (проведенного выборочным методом и не закончившегося), большая часть постоянных сельскохозяйственных рабочих в опрошенных семьях — это безземельные и малоземельные крестьяне. См.: *Моллов Я. Работниците в земеделието...*, с. 5, 19. Постоянные сельскохозяйственные рабочие встречались, по данным обследования, больше в Варненской, Пловдивской, Бургасской и Софийской околиях. См.: Там же, с. 14—16.

⁹⁵ См.: *Селски вестник*, 16.IX и 14.X 1921. Тем не менее часть рабочих (и, видимо, все же растущая) была занята в сравнительно крупных сельскохозяйственных имениях, расположенных главным образом вблизи значительных городов. См.: *Селски вестник*, 24.VI, 29.VII и 2.XII 1921, 14.IX 1922.

⁹⁶ Абсолютные числа взяты из статистики переписи населения (подсчеты наши. — М. Б.). Позднее, в 1926 г., степень концентрации сельскохозяйственных рабочих в целом по стране упала до уровня 1910 г. Однако в отдельных околиях концентрация либо вовсе не снизилась, либо снижение было незначительным. К сожалению, мы не располагаем данными для объяснения причин различия в уровне и изменения степени концентрации рабочих в отдельных околиях — ответ на этот вопрос требует дополнительных изысканий, главным образом, видимо, на базе местных материалов.

⁹⁷ См.: *Беров Л. Положението...*, с. 223; *Икономика на България*, т. 1, с. 368.

⁹⁸ Помещенная в работе Л. Берова картограмма в целом удачно, наглядно характеризует абсолютную величину рабочих по околиям в 1920 г. Вместе с тем при определении степени концентрации названных рабочих нас не может не интересовать уровень их концентрации относительно массы экономически активного сельскохозяйственного населения в отдельных околиях, что не нашло отражения в картограмме. См.: *Беров Л. Положението...*, с. 224.

⁹⁹ В 1926 г. лишь в Станимакской околии концентрация снизилась до уровня среднего показателя в стране.

¹⁰⁰ Большинство из названных околий показало значительное превышение средней нормы концентрации и в 1926 г.; лишь в некоторых (например, в Пашмаклийской) околиях концентрация в 1926 г. резко снизилась.

¹⁰¹ Абсолютные данные для подсчетов взяты: ОРПН. 1910, кн. III, с. 144—223; 1920, кн. III, с. 144—242; 1926, кн. III, с. 126—236.

¹⁰² Абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. III, с. 6—7; 1926, кн. III, с. 6—7.

¹⁰³ Абсолютные данные см.: ОРПН. 1920, кн. IV, с. 17—19; 1926, кн. IV, с. 20—23.

¹⁰⁴ Абсолютные данные см.: ОРПН. 1926, кн. IV, с. 60—63.

¹⁰⁵ См.: ОРПН. 1920, кн. IV, с. 60—63; 1926, кн. IV, с. 75—79.

¹⁰⁶ См.: *Бежанският въпрос в България*. С., 1925, с. 15—17; *Димитров Г. Съч.*, т. 6, с. 199—200.

¹⁰⁷ См.: ЦПА (София), ф. 36, оп. 1, д. 100, л. 22, 28, 31; *Димитров Г. Съч.*, т. 6, с. 197.

¹⁰⁸ ОРПН. 1910, кн. III, с. 62—63; 1920, кн. III, с. 62—63. По переписи 1926 г., было зафиксировано 1930 безработных. См.: ОРПН. 1926, кн. III, с. 46—47.

¹⁰⁹ *Димитров Г.* Съч., 1952, т. 5, с. 303.

¹¹⁰ См.: Тютюнороботник, 11.V 1921; Селски вестник, 15.VII 1921 и 21.IX 1922; Рудничар, 11.V 1922; Кожаро-обущар, 13.VI 1921; Дневници на XVIII ОНС, I р.с., кн. 1, с. 274, 285. Подробнее об этом см.: *Беров Л.* Положението..., с. 101—105; *Жеков В.* Движението на безработните в България: Профсъюзни летописи, 1969, кн. 8, с. 251—163. Одну из основных причин отсутствия в Болгарии точных данных о безработных сформулировал Л. Беров: чрезвычайно значительный для Болгарии «подвижной слой временных рабочих, представляющий промежуточный феномен между промышленным пролетариатом и сельской беднотой, почти или вообще не может быть охвачен статистикой безработицы» (*Беров Л.* Положението..., с. 11).

¹¹¹ Выше (в конце гл. III и в § 1 данной главы) мы уже отмечали глубокие, кардинальные изменения в положении трудящихся в период войны. Подробнее об ухудшении положения рабочего класса и всех трудящихся на исходе войны см.: *Беров Л.* Положението..., с. 283, 284; *Цанкова С.* Положението на работническата класа в България през 1918—1919 г....—В кн.: Трудове на Висшия институт за народно стопанство. Варна, 1961, кн. 1; *Жеков В.* Положението на работническата класа в България през годините на следвоенната революционна криза.—Профсъюзни летописи, 1975, № 12.

¹¹² 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции: Тезисы ЦК КПСС. М.: Политгиздат, 1967, с. 56.

¹¹³ См.: Работнически вестник, 16 и 25.X 1918.

¹¹⁴ См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 16—19, 54—55, 106, 196, 215, 263, 265.

¹¹⁵ См.: Работнически вестник, 30.X; 7, 9, 11, 12, 15, 20, 23 и 25.XI 1918 г.; ВОСР и революционните борби..., с. 407—422.

¹¹⁶ См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 233.

¹¹⁷ Работнически вестник, 4.I 1919; Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 553—554, 570, 581.

¹¹⁸ Работнически вестник, 21, 24.XII 1918; 4. 11.I 1919. В движении за амнистию приняли участие и сторонники партий радикалов и широких социалистов (См.: Работнически вестник, 6.I 1919; Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 484—485, 495—496), что было проявлением начавшегося брожения в рядах названных партий.

¹¹⁹ См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 609—612, 618—620; Работнически вестник, 15.I 1919.

¹²⁰ См.: Работнически вестник, 3, 4, 6, 7, 12—14, 16.I; 5, 8.III; 14, 16.IV 1919.

¹²¹ См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 604—607, 617—620, 713—721; Работнически вестник, 27.XII 1918; 4, 5, 20.II 1919.

¹²² См.: Работнически вестник, 3, 14.II; 5, 7, 11 и 12.III 1919; ВОСР и революционните борби..., с. 436—438, 442—443, 464—466, 468, 471, 474—481.

¹²³ См.: ЦДИА, ф. 173, оп. 3, а.е. 1850, л. 22—24, 29, 47—48, 110.

¹²⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 31, с. 324—325.

¹²⁵ См.: Октябрь и болгарские интернационалисты. М.: Политгиздат, 1973, с. 163; 17-та година..., с. 204; *Панайотов П.* Приносът на българци за победата на Октомврийската революция. С., 1967.

¹²⁶ *Благоев Д.* Съч., т. 18, с. 407.

- 127 См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 1060; Килифарско народно въстание. Килифареве, 10.VI 1945.
- 128 См.: ВОСР и революционните борби..., с. 459—463; 467, 472—474, 483—484.
- 129 См.: *Дерменджиев И.* Намесата на държавата в стопанството през периода на първата световна война.— Год-к на Соф. ун-т. Юр. фак., 1954—1955, ч. 1, т. XVII, с. 362—363.
- 130 Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 639, 1078—1079, 1126, 1129—1130, 1151, 1168.
- 131 См.: Там же, с. 682—686, 1250, 1253—1255, 1277.
- 132 Там же, с. 776, 861—862, 1057—1060; Геройно минало. С., 1965, с. 50—52.
- 133 См.: Там же, с. 663, 682, 718—721, 862—863.
- 134 Работнически вестник, 3.VI 1919 г.
- 135 См.: БКП в резолюции, т. II, с. 30.
- 136 См.: Там же, т. II, с. 5; см. также выступление Х. Кабакчиева на IV конгресе Коминтерна.— В кн.: К вопросу о программе Коммунистического интернационала: (Материалы). М., 1924, с. 101.
- 137 См.: Работнически вестник, 3.IV 1919.
- 138 См.: Работнически вестник, 28.V 1919.
- 139 См.: История на Българската комунистическа партия, с. 196—197.
- 140 См.: *Йотов И.* Първият конгрес на Българската комунистическа партия (тесни социалисти) 1919. С., 1959, с. 52—53; см. также: *Димитров Г.* Съч., 1953, т. 9, с. 45; т. 14, с. 228.
- 141 См.: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 362, 367; 379.
- 142 См.: Работнически вестник, 3.VI 1919 г.
- 143 Коммунистический Интернационал, 1920, № 15, с. 3305.
- 144 См.: Работнически вестник, 2.VI 1919 г.; см. также: *Цилев А.* Профсъюзното движение..., с. 111—123.
- 145 Работнически вестник, 21.VI 1919 г.; по-подробнее см.: *Колева Т.* БКМС..., с. 34—40; *Чернявский Г. И.* Возникновение и развитие пролетарского молодежного движения в Болгарии.— УЗИС; 1957, т. XV.
- 146 См.: Работнически вестник, 31.V; 2, 5, 6, 10, 13, 14, 17—19 и 23.VI 1919.
- 147 См.: Работнически вестник, 3.VII 1919.
- 148 См.: Пловдивската тютюноработническа секция през 1919 година: (Годишен отчет). Пловдив, 1920, с. 6—9, 26.
- 149 См.: Работнически вестник, 3—5, 7, 14; 15.VII; 5.VIII 1919; Стачните борби, с. 212—220; *Пеков А.* Влиянието на Октомврийската революция върху стачното движение в България.— Исторически преглед, 1977, № 4, с. 76—77.
- 150 См.: Работнически вестник, 11, 12.VII; 8, 10, 15—17, 19, 25.IX 1919; *Хаджишиколов В.*, *Младенов Д.*, *Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 217—221.
- 151 См.: Общ годишник на България. С., 1922, № 1. Приложение, с. 97; Работнически вестник, 29.X 1919.
- 152 *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 473.
- 153 См.: Работнически вестник, 19, 20, 28.VI; 14, 31.VII и 1—5.VIII 1919.
- 154 См.: *Иванчев Д.* Български периодичен печат, т. I, с. 96, 164, 148, 407, 495; т. II, с. 136, 257—258, 314, 432; Работнически вестник, 24.IX 1919.
- 155 Работнически вестник, 24.IX 1919 г.

¹⁵⁸ См.: *Цанев П.* Издаването..., с. 266—280.

¹⁵⁷ См.: Годишен отчет на ЦК на БКП (т.с.) за 1919 година. С., 1920, с. 34.

¹⁵⁸ См.: Пловдивската тютюноработническа секция..., с. 19; Работнически вестник, 15.VII, 10, 11, 14, 20.XI 1919.

¹⁵⁹ Эта тема впервые разработана в трудах Д. Косева и Х. Христова. См.: *Косев Д.* Борбата на българския трудов народ под ръководството на БКП в защита на Съветска Русия през 1919—1922.— Исторически преглед, 1954, № 3; *Христов Х.* Революционната криза..., с. 477—497. Поже появился ряд монографий (например, *Николов Ц.* Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. 1917—1922. С., 1960; с. 44—84).

¹⁶⁰ Работнически вестник, 12.XI 1919 г.

¹⁶¹ См.: Работнически вестник, 25, 29 IX, 1, 2, 6.X 1919; ВОСР и революционните борби..., с. 490—522, 668, 671.

¹⁶² См.: *Радулов С.* Кризата в общественно-политическите възгледи на буржоазната демокрация в България (1919—1923).— Научни трудове на АОНСУ. История, 1972, т. 52, с. 49.

¹⁶³ Мир, 23.X и 10.XII 1919. Цит. по: *Христов Х.* Революционната криза..., с. 465, 520.

¹⁶⁴ В существующей литературе изучена в исследовательском плане главным образом линия руководства БЗНС на самостоятельный курс, его попытки поисков «самостоятельного», «среднего» пути. Позиция же крестьянских масс в период послевоенного революционного подъема, отношение трудового крестьянства (в особенности крестьянской бедноты), низовых организаций Союза («дружб») к рабочему, в частности к стачечному, движению почти не исследованы. Известно все же, что некоторые радикальные деятели БЗНС из низов (Ц. Матев, Н. Ковачев) выступали против спекулянтов хлебом, наживавшихся за счет голодающих трудящихся города; и тем фактически выражали последним свое сочувствие. См.: Дневници на XVIII ОНС, I р.с., кн. 1, с. 252—260, 425. Выявлены также сведения о помощи, оказанной крестьянской беднотой (в частности, в Варненской околии) бастующим железнодорожникам. См.: ЦДИА, ф. 1055, оп. 1, а. е. 22, л. 1; Стачные борби..., с. 243. Таким образом, даже в период обострения отношений между БКП и БЗНС имели место факты, свидетельствующие о пробивавшейся (хотя и не без зигзагов и отклонений) активной тенденции к сближению между революционным пролетариатом и трудовым крестьянством. Тема эта, несомненно, заслуживает дальнейшего самостоятельного и целенаправленного исследования.

¹⁶⁵ В Софии, Варне и ряде других городов далеко не все рабочие приняли участие в политической стачке, а в некоторых округах (например, в Шуменском) политическая забастовка вообще не состоялась. См.: *Косев Д.* Общие политические стачки в България през декември 1919 — януари 1920 и септември 1923 г.— Векове, 1972, № 6, с. 15—16.

¹⁶⁶ См.: *Арабаджиев С.* Борбата на БКП (т.с.) против «левите» комунисти. С., 1964, с. 104—105; *Даскалов Д.* Анархизмът в България и борбата на партията против него. С., 1973, с. 86, 107.

¹⁶⁷ Абсолютные данные для исчислений здесь и далее взяты из: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 466—467; *Младенов Д.* Общият работнически синдикатен съюз (21—22 юли 1904 — 2 април 1924 г.): Статистически данни.— Профсъюзни летописи, 1970, кн. 9, с. 253—254 (подсчеты наши.— М. Б.). Названные сопоставимые показатели из офици-

альных отчетов ОРСС относятся к стачкам, руководимым ОРСС. Во главе некоторых стачек стояли реформистские профсоюзы. Отдельные, так называемые «дикие» стачки проходили без всякого руководства (о них в нашем распоряжении нет достоверных сведений). Учитывая, однако, что в стачках, возглавлявшихся ОРСС, в довоенный период (как было сказано в гл. III) принимало участие не менее $\frac{3}{4}$ всех стачечников, а в 1919 г. эта доля существенно выросла (на 76 тыс. участников забастовок, возглавленных ОРСС, приходилось всего 1359 стачечников, руководимых реформистами), показатели о забастовках, руководимых ОРСС, можно использовать для характеристики развития стачечной борьбы в целом.

¹⁶⁸ Статистически годишник. 1913—1922, раздел С, с. 58—59.

¹⁶⁹ Общинската политика на БКП. 1891—1944. С., 1974, с. 132.

¹⁷⁰ См.: Народ, 11.III 1919; *Казасов Д.* Видяно и преживяно, с. 197—198.

¹⁷¹ См.: *Николов Ц.* Дело на В. И. Ленин и българската общественост. С., 1971; *Колев С.* Българската историография..., с. 31—33; *Димитрова С.* БКП против десния опортюнизм за победата на ленинизма. С., 1968, с. 28—30, 78—79.

¹⁷² См.: Народ, 10.IV 1919; *Сакаров Н.* Тактиката на социалната демокрация. С., 1920, с. 77—78.

¹⁷³ См.: Дневници на XVIII ОНС, IV н. с., т. 2, с. 1078—1079; Работнически вестник, 19.X, 9 и 23.XI 1918.

¹⁷⁴ См.: Дневници на XVII ОНС, IV н. с., с. 1099; XVIII ОНС, I н. с., с. 113, 117. Иногда буржуазные деятели прямо хвалили правых лидеров общедельцев за фактический отказ от борьбы за социализм и называли их «партией порядка». См.: Дневници на XVIII ОНС, I р. с., кн. I, с. 352, 532.

¹⁷⁵ См.: Дневници на XVII ОНС, IV н. с., с. 800; 17-та година..., с. 394—395.

¹⁷⁶ 17-та година..., с. 376.

¹⁷⁷ См.: Социалистически преглед, № 1, 15.XII 1918, с. 3—5; № 3, 15.I 1919, с. 4—6; № 5, 15.II 1919, с. 9—13 и др.; подробнее см.: *Йотов И.* Центризъмът..., с. 291—298.

¹⁷⁸ См. *Йотов И.* Центризъмът..., с. 304—319; *Аврамов А.* Относно антимарксистските схващания на «комунисти» около сп. «Соц. преглед» и борбата на БКП(т. с.) срещу тях.— Год-к на кат. по м.-л., т. III, кн. 3/4, с. 17—46.

¹⁷⁹ См.: Социалистически преглед, № 9, 1.V 1919, с. 16—17; *Йотов И.* Центризъмът..., с. 315—319.

¹⁸⁰ См.: Социалистически преглед, № 11, 17.V 1919, с. 15.

¹⁸¹ См.: 17-та година..., с. 376.

¹⁸² См.: *Димов Н.* Профинтернът..., с. 35—36.

¹⁸³ Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП: Справочник (Статистически данни за св. ОРСС и об. ОРСС), л. 3.

¹⁸⁴ Там же, л. 1, 3; *Младенов Д.* ОРСС: Статистически данни.— Профсъюзни летописи, 1970, № 9, с. 253—254.

¹⁸⁵ См.: *Иванчев Д.* Български периодичен печат..., т. II, с. 208.

¹⁸⁶ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 239.

¹⁸⁷ См.: Борба, 1919, № 1, с. 11; 1920, № 7, с. 194—199.

¹⁸⁸ Названные организации были в 1919 г. довольно многочисленными: в БЖС (Болгарском союзе железнодорожников) числилось 7 тыс. человек; в БУС (Болгарском учительском союзе) — 6 тыс.; в Союзе служащих муниципальных и других выборных учрежде-

ний — более 3 тыс., в Союзе почтово-телеграфских работников — около 2400 человек и т. д.; всего в объединенных в названном Союзе союз профсоюзных организациях насчитывалось в конце 1919 г. более 28 тыс. человек. См.: Годишен отчет на ЦК на Българската работническа социал-демократическа партия (обединена) за 1919—1920 г. С., 1920, с. 9; *Боев Б., Радулов С.* Октомври..., с. 76.

¹⁸⁹ См.: Борба, 1919, № 1, с. 10—11. Знаменательную реплику (хотя, быть может, несколько преждевременную) бросил в адрес широких во время парламентских дебатов в декабре 1919 г. Р. Даскалов: «Рабочих нынче представляют коммунисты-тесняки; за вами больше нет рабочих» (Дневници на XVIII ОНС, I н. с., с. 520).

¹⁹⁰ Благодаря этому организация БКП в Габрово получила возможность возглавить городской муниципалитет. Кметом был избран коммунист рабочий-кожевник Пенчо Г. Плачков. См.: *Врачев И.* Светли страници..., с. 77—78, 89; 17-та година..., с. 376—377; Трудещите се в Габрово по пътя на Великия Октомври. Габрово, 1967, с. 41. Аналогичный факт имел место несколько позже и в Дупнице, где присоединение социал-демократического депутата в городском муниципалитете к фракции БКП, располагавшей половиной мандатов, дало возможность местной организации БКП возглавить муниципалитет. См.: *Димитров И.* Към революционните борби на дупнишките работници. Дупнишка комуна (1919—1923). — Известия на Института по история на БКП, 1958, т. 3/4, с. 144.

¹⁹¹ См.: *Димитров И.* Към революционните борби..., с. 144.

¹⁹² Социал-демократ, № 7, I.IV 1920, с. 7, 10—12; № 11, I.VI 1920, с. 4—6.

¹⁹³ См.: Социал-демократ, № 11, I.VI 1920, с. 22—26.

¹⁹⁴ Советско-болгарские отношения и связи. М.: Наука, 1976, т. 1, с. 92.

¹⁹⁵ См.: Там же, с. 91—92.

¹⁹⁶ См.: *Иотов И.* Центризмът..., с. 334—366.

¹⁹⁷ См.: ЦПА (София), ф. 186, оп. 1, а.е. 170, л. 1.

¹⁹⁸ См.: Там же, а.е. 170а, л. 1.

¹⁹⁹ См.: Там же, а.е. 168, л. 1; История на Шуменската окръжна организация на БКП. С., 1972, с. 108—109; Работнически вестник, 21.IX 1920.

²⁰⁰ ЦПА (София), ф. 199, оп. 1, л. 3, л. 131.

²⁰¹ См.: ЦПА (София), ф. Спомени, № 828, л. 2; ф. 186, оп. 1, а.е. 168, л. 1; ф. 199, оп. 1, а.е. 3, л. 131—132; Варненската окръжна организация на БКП. С., 1965, с. 155.

²⁰² См.: 17-та година..., с. 376—377, 391—393, 396.

²⁰³ См.: *Иотов И.* Центризмът..., с. 408—409.

²⁰⁴ См.: Работнически вестник, 30.IX 1920; *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 416—419. Как отмечается в болгарской литературе, в ходе объединения представители революционных профсоюзов не проявили склонности к тактическому компромиссу, который мог бы облегчить переход большего числа членов реформистских профсоюзов в ряды ОРСС. См.: История на профсъюзного движение..., с. 268; *Панайотов Л.* Великата Октомврийска социалистическа революция и българското профсъюзно движение. — Профсъюзни летописи, 1967, № 6, с. 24; *Боев Б., Радулов С.* Октомври..., с. 111.

²⁰⁵ См.: Народ, 11.X 1920; *Панайотов Л.* Великата..., с. 23—24.

²⁰⁶ См.: *Цилев А.* Профсъюзного движение..., с. 74—81. В литературе встречаются некоторые сугубо ориентировочные, на наш взгляд,

данные о числе присоединившихся к БКП и ОРСС: речь идет о 550 членах партии и о более 1000 (в том числе более 500 — в Софии) членах профсоюзов, перешедших соответственно в ряды БКП и ОРСС. См.: *Боев Б., Радулов С.* Октомври..., с. 110; *Остоич П.* Заняко особености на социал-демократизма в България.— Научни трудове на АОНСУ. История, 1977, т. 89, с. 103; *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. История на профсъюзното движение..., с. 268; *Цилев А.* Профсъюзното движение..., с. 79.

Вопрос о численности реформистских профсоюзов (как и более общий вопрос о состоянии реформистского крыла рабочего движения страны в послевоенные годы) нуждается в специальном исследовании. Как указывалось выше, изучению истории революционных профсоюзов уделялось в Болгарии большое внимание: В частности, деятельность революционных профсоюзов в послевоенный период обстоятельно освещена в неоднократно упоминавшемся обобщающем коллективном труде по истории профсоюзов Болгарии, изданном под ред. проф. В. Хаджиниколова, в трудах по истории отраслевых революционных профсоюзов, в очерках истории революционных профсоюзов отдельных регионов страны, в ряде работ болгарских историков (А. Георгиева, М. Исусова, Д. Коджейкова, Д. Младенова и др.), посвященных некоторым другим темам истории революционного профдвижения (см. примеч. 77—83 к «Введению»). В то же время деятельность реформистских профсоюзов остается пока еще мало изученной.

²⁰⁷ См.: *Боев Б., Радулов С.* Октомври..., с. 112—114. По свидетельству одного из правых социал-демократов, Ив. М. Илчева, переход в конце 1920 г. в ряды ОРСС значительной части членов свободного общего синдикального союза фактически надолго парализовал деятельность последнего. См.: Архив за стопанска и социална политика, 1926, кн. 2, с. 157—158.

²⁰⁸ *Иотов И.* Центризмът..., с. 411.

²⁰⁹ Подробнее об этом см.: *Колева Т.* БКП и международното..., с. 137—138.

²¹⁰ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 452—455, 489.

²¹¹ Музеи и паметници на културата, 1967, № 11, с. 38—39; По земята древна с бунтовна песен: Спомени. С., 1970, с. 13.

²¹² См.: *Михайлов И.* В строя. С., 1973, с. 110.

²¹³ См.: *Богатинова Д.* Трудно и славно минало. С., 1973, с. 50.

²¹⁴ См.: *Обрешков О.* Просветната и културна дейност на Варненската комуна през 1920 г. и 1921 г.— Известия на Института по педагогика при БАН, 1959, т. 8, с. 94—95.

²¹⁵ См.: За идните поколения. С., 1970, с. 51—52.

²¹⁶ См.: Там же, с. 13; История на профсъюзното движение в Пловдивския окръг. С., 1970, с. 86.

²¹⁷ См.: *Димитров Д.* Ямболската комуна.— Год-к на Соф. ун-т. Идеол. кат., 1966, т. 59, с. 307; *Обрешков О.* Просветната..., с. 87.

²¹⁸ См.: *Колева Т.* За школата при ЦК на БКП и за местните партийни школи и курсове през 1920—1923.— Известия на Института по история на БКП, 1961, т. 8, с. 279. В Пловдивской окружной школе партийно-профсоюзного актива изучали, например, такие темы: политические партии и профсоюзное движение, Парижская коммуна, история Интернационала, революция 1905 г. в России, Октябрьская революция 1917 г., аграрный вопрос и др. См.: Пловдивската окръжна

партийна организация. 1892—1923: Документи и материали. С., 1974, с. 340—342.

²¹⁹ См.: ЦПА (София), ф. 1, оп. 2, а.е. 372, л. 1—5; см. также: ф. 1, оп. 2, а.е. 374, л. 5.

²²⁰ К примеру, в 1920 г. в Пернике действовали профсоюзные курсы для шахтеров. См.: Архив на секцията по история на проф. движение НИИПП, ф. Спомени, № 870, л. 1. Позднее профсоюзные курсы работали в целом ряде городов. См.: ЦПА (София), ф. 199, оп. 1, а.е. 17, л. 39.

²²¹ См.: История на профсъюзното движение в Пловдивски окръг, с. 98.

²²² Там же.

²²³ См.: Ангелов В. Живот за партията, с. 113; Колева Т. За школата..., с. 279.

²²⁴ Один из слушателей партийной школы в Софии, подчеркивая ее большое значение в деле воспитания болгарских рабочих, между прочим, отмечал: «Школа пробудила в нас сильную тягу к коммунистическому самообразованию» (ЦПА (София), ф. 1, оп. 2, а.е. 374, л. 25).

²²⁵ Созданный в 1919 г. по инициативе коммунистов и действовавший под их руководством кооператив проявил себя также на поприще потребительской кооперации, в качестве сберегательных касс и т. д.

²²⁶ Всего по подсчетам П. Цанева, которые вряд ли можно считать исчерпывающими, в 1918—1923 гг. в болгарской периодике было опубликовано около 100 произведений В. И. Ленина (частью в отрывках). См.: Цанев П. Произведения В. И. Ленина в Болгарии.— Издание и распространение произведений В. И. Ленина. М.: Госполитиздат, 1960, с. 252; см. также: Шнитман А. М. Из истории интернациональных связей В. И. Ленина с революционным рабочим движением в Болгарии. Мурманск, 1967, с. 369—415. Заслуги болгарских коммунистов в издании произведений В. И. Ленина были значительны; в эти годы в западноевропейских странах (в первую очередь ввиду отсутствия необходимых кадров) основные работы В. И. Ленина еще не были переведены. См.: Хевеши М. А. Из истории критики философских догм II Интернационала. М.: Наука, 1977, с. 67.

²²⁷ См.: Димитров Г. Съч., т. 7, с. 342.

²²⁸ См.: Советское славяноведение, 1977, № 5, с. 99; Съветската литература в България. 1918—1944. С., 1964, т. II, с. 175.

²²⁹ Среди опубликованных в названной серии была брошюра известного большевика, деятеля российского и международного революционного профсоюзного движения Н. П. Глебова-Авилова «Профессионалните съюзи и диктатурата на пролетариата в Русия» (С., 1921). Н. П. Глебов-Авилов, представлявший ВЦСПС и Международный Совет красных профсоюзов на XII съезде ОРСС в сентябре 1920 г., написал специально для болгарских рабочих брошюру, изданную с предисловием Г. Димитрова. См.: Димитров Г. Писма. С., 1962, с. 85, 503.

²³⁰ См.: Работнически вестник, 3.VI 1922; Цанев П. Издаването..., с. 262—273. Примечательно, что В. И. Ленин, ознакомившись летом 1920 г. с частью изданной к тому времени БКП литературы, в беседе с Х. Кабакчиевым в августе 1920 г. сказал: «Да, вы успели за короткое время создать прекрасную агитационную литературу!»

Мало таких партий, которые сумели бы это сделать. У вас в этом отношении дело обстоит очень хорошо» (О Ленине: Воспоминания зарубежных современников. М.: Политиздат, 1961, с. 395; *Кабачиев Х.* Избр. произв., с. 716).

²³¹ *Иванчев Д.* Български периодичен печат, т. I, с. 65, 286; т. II, с. 260, 394. Большинство редакторов профсоюзных газет были одновременно и руководителями соответствующих профсоюзов. К числу классовых профсоюзных изданий этого периода следует отнести и орган присоединившегося к ОРСС в 1919 г. союза работников ресторанов — газету «Келнеро-готварски глас» (ред. С. Георгиев).

²³² Раз или два раза в месяц, но временами вообще не выпускались; тираж большинства изданий был 1—2 тыс. экз.

²³³ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 457.

²³⁴ Дърводолски работник, I.X 1922.

²³⁵ Работническо дело, 25.V 1978; И. Костадинов (иногда Константинов) вместе с группой советских и иностранных делегатов III конгресса Коминтерна погиб во время дорожной катастрофы и похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

²³⁶ В частности, много атеистических книг (в том числе работы В. А. Быстрянского, В. Н. Сарабянова и А. В. Луначарского, И. И. Степанова (Скворцова), Н. А. Семашко и др.) было переведено с русского языка. См.: *Цанев П.* Издаването..., с. 301.

²³⁷ Тема эта освещена в ряде содержательных работ болгарских и советских историков, частично упоминавшихся выше.

²³⁸ См.: *Колева Т.* БКП и международното...; *Пинкас К.* Солидарността на БКП с борбата на колониалните и полуколониалните народи против империализма, (1919—1939).— Научни трудове на АОНСУ, 1972, с. 50.

²³⁹ См.: *Колева Т.* БКП и международното..., с. 242—265; *Мичев Д.* Межрабпом — организация пролетарской солидарности. М.: Мысль, 1971; *Димов Н.* Профинтернът..., с. 38—78.

²³⁹ См.: *Боев П.* Из историята..., 160—174, 177—196; *Цилев А.* Профсъюзното движение..., 119—122. В первые послевоенные годы БКП и болгарский революционный пролетариат развивались в силу некоторых объективных и субъективных факторов в более благоприятных условиях, чем пролетариат в соседних Балканских странах. Ввиду этого БКП служила в ряде отношений примером для других балканских пролетарских партий, как это неоднократно признавали их представители. Рост и успехи болгарского революционного рабочего движения повышали интерес к нему и со стороны деятелей коммунистических партий других стран Европы. Подробнее об этом см.: *Боев П.* Из историята..., с. 177—186, 190—196; *Колева Т.* БКП и международното..., с. 258, 263.

²⁴¹ Подробнее см.: *Куртев Н.* БКП и националните малцинства (1919—1944).— Год-к на Соф. ун-т, Идеол. кат. С., 1966, т. LIX; *Мюсюмов М.* БКП и турското население..., с. 14—19; *Мемшиев Ю.* Участието на българските турци в борбата против капитализма и фашизма. С., 1977.

²⁴² См.: По земята древна..., с. 13.

²⁴³ См.: История на Шуменската окръжна организация на БКП, С., 1972, с. 121—122; По земята древна..., с. 14.

²⁴⁴ Газета выходила до 3.VIII 1923 г., когда она была запрещена фашистским правительством А. Цанкова; тираж ее был 1800 экз. См.: *Иванчев Д.* Български периодичен печат, т. III, с. 47.

В редактировании газеты принимали участие, кроме названных членов комиссии, также В. Папазов и специалист по турецкой филологии, преподаватель Софийского университета Д. Гаджанов. См.: Профсъюзни летописи, 1970, № 9, с. 310; Алманах на Софийския университет. С., 1929, с. 19.

²⁴⁵ См.: По земята древна..., с. 13.

²⁴⁶ См.: Дружни и единни през вековете. С., 1966, с. 205; Общинската политика на БКП, с. 239—240; Просветната политика на някои комуни. С., 1967, с. 46—48, 85—87.

²⁴⁷ См.: Димитров Г. Съч., т. 5, с. 427—430; т. 6, с. 420—421; Дойчев Н. Борбата..., с. 117—118.

²⁴⁸ См.: Работнически вестник, 2.VI 1920, 7.V 1921, 3.VI 1922; Дойчев Н. Борбата..., с. 107—109.

²⁴⁹ Работнически вестник, 24.IX 1919, 2.VI 1920, 3.VI 1922; Коммунистическая революция, 1922, № 11/12, с. 158.

²⁵⁰ Богатинова Д. Трудно и славно минало, с. 86.

²⁵¹ См.: Воденичарова З., Попова Н. Революционното..., с. 73.

²⁵² См.: Димитров Г. Съч., т. 5, с. 434—435.

²⁵³ См.: ЦПА (София), ф. 1, оп. 2, д. 566, л. 6.

²⁵⁴ Работнически вестник, 24.IX 1919, 7.V 1921; Колева Т. БКМС..., с. 105—108; Чернявский Г. И. Возникновение..., с. 57.

²⁵⁵ Работнически вестник, 3.VI 1922.

²⁵⁶ См.: Божилов К. Незабравено през годините. С., 1965, с. 37—38; По земята древна..., с. 137—138; Чекаларов К. Бойци на партията. С., 1970, с. 14, 19—20.

²⁵⁷ См.: Марков Д. Ф. Болгарская поэзия..., с. 173.

²⁵⁸ Как вспоминает современник, декламацию произведений Хр. Смирненского «встречали и провожали бурными аплодисментами и незатихающим восторгом. Рабочие любили его стихи» (Лазаров К. Незабравими дни, с. 119).

²⁵⁹ См.: Яръмов П. Кипеж. С., 1975, с. 29; Никога няма да бъдат забравени, С., 1971, с. 172; Богатинова Д. Трудно и славно минало, с. 50. В ряде городов (Варне, Русе, Шумене и др.) коммунистические муниципальные органы оказывали материальную помощь рабочим театрам. См.: Общинската политика на БКП, с. 245—248; Профсъюзни летописи, 1967, № 6, с. 220.

²⁶⁰ См.: Попов Б. Буревестни времена. С., 1970, с. 27.— Известия на народния музей—Варна, 1971, т. 7, с. 214—216; Известия на държавните архиви, 1959, № 3, с. 214—215.

²⁶¹ См.: Работнически вестник, 2.VI 1922; 50 години борба против капитализма и фашизма: Сборник от спомени. С., 1964, с. 58.

²⁶² См.: Варненската окръжна организация на БКП. С., 1965, с. 160.

²⁶³ См.: Революционна София: Спомени..., с. 53.

²⁶⁴ Вместе с тем в некоторых случаях в борьбе с буржуазной идеологией допускался неправильный, догматический и сектантский подход к различным мелкобуржуазным (культурно-просветительным и др.) организациям и интеллигенции, встречались вульгарно-социологические оценки сложных явлений современности и прошлого. См.: Богатинова Д. Трудно и славно минало, с. 87.

²⁶⁵ См.: Ново време, 1919, кн. 8, 15—18, 23—24; 1920, кн. 2; 7 и 8; 1921, кн. 12; 1923, кн. 15 и 22.

²⁶⁶ См.: Ново време, 1923, кн. 14. Подробнее о зарождении в рядах БКП нового отношения к классическому наследию в области

культуры и о роли Г. Бакалова в этом см.: *Злиднев В.* Извори на дружбата. С., 1968, с. 159—160, 169—170; *Конфорти И.* В борьбе за социалистическое искусство в Болгарии (1917—1923).—В кн.: Искусство, революцией призванное. М.: Наука, 1972, с. 46—71.

²⁶⁷ См.: *Авджиев Ж.* Първият партиен литературен орган «Червен смях» (1919—1923).—Септември, 1975, № 1, с. 192—209; *Степовик Д. В.* Болгарське образотворче мнстество. Київ: Наук. думка, 1978, с. 128—134.

²⁶⁸ *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 428, 435, 455.

²⁶⁹ Здесь и далее исчисления наши.—М. Б.

²⁷⁰ Это обстоятельство, имевшее немаловажное значение в борьбе, недооценивалось тогда болгарскими коммунистами.

²⁷¹ *Димитров Г.* Съч., т. 2, с. 411, т. 5, с. 428, 434—435.

²⁷² К тому же в дальнейшем удельный вес женщин в составе ОРСС несколько снизился. Ср.: *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 564.

²⁷³ См.: *Благоев Д.* Съч., т. 18, с. 405—407, 409—410; *Димитров Г.* Съч., т. 5, с. 206. Выше (в § 3 настоящей главы) мы уже цитировали авторитетное мнение Д. Благоева об изменении психологии широких масс трудящихся (в том числе и пролетариев) в результате влияния Октябрьской революции. В статье, посвященной анализу итогов муниципальных выборов 7.XII 1919 г., Д. Благоев снова отметил коренной и глубокий психологический переворот, который совершился и продолжает совершаться в громадном большинстве народа, среди пролетариев и маломущих и который делает его совсем иным, чем он был до войны. См.: *Благоев Д.* Съч., т. 18, с. 561; см. также: т. 19, с. 5—6, 9—11.

²⁷⁴ См.: Архив за стопанска и социална политика, 1928, кн. 1, с. 72—73.

²⁷⁵ Весной 1920 г. он признавал, что в результате войны и революции в России психология масс сильно изменилась: «...В их мышлении возникли новые оценки существующего строя и действительности, новые представления о собственных возможностях... Сознание пролетариата сильно выросло. Обогащенное пережитым опытом и озаренное социалистическим просвещением, оно приобрело самочувствие, которое делает его (пролетариат.—М. Б.) сознательным двигателем событий» (Социал-демократ, 1920, кн. 9/10 с. 11).

²⁷⁶ См.: Дневници на XVII ОНС, IV и.с., с. 9, 130, 1126, 1151, 1168.

²⁷⁷ См.: Списание на БИКД, 1923, кн. 1/3, с. 65.

²⁷⁸ См.: *Цанков А.* Последствията от войната, с. 101.

²⁷⁹ См.: *Георгиев А.* Път..., с. 61.

²⁸⁰ БКП в резолюции, т. II, с. 165.

²⁸¹ Профсъюзни летописи, 1970, № 9, с. 232—233.

²⁸² В 1922 г. (по неполным данным) БКП имела 3623 депутата в местных муниципалитетах и 1496 членов школьных настоятельств. См.: Бюлетин на Централната комисия за комунистическо представителство в изборните учреждения, С., 1922, № 2, с. 23. Значительная часть из них были рабочими.

²⁸³ Встречались и такие случаи, когда по велению революционного долга студенты оставляли университет и шли на производство, чтобы быть ближе к пролетарской массе, лучше узнать ее стремления и чаяния. К примеру, студент-математик Димитр Константинов поступил на крупный сахароваренный завод и вскоре стал одним из руководителей местной секции профсоюза фабричных рабочих (куда

входили пищевики). См.: *Георгиев А.* Път..., с. 46—47. Позднее он был избран членом ЦК БКСМ.

²⁸⁴ См.: *Георги Димитров* в спомени на журналисти, с. 69.

²⁸⁵ См.: *Профсъюзни летописи*, 1970, № 9, с. 122—139.

²⁸⁶ Иная судьба была у романа Д. Чинтулова: рукопись, переданная на отзыв в ЦК БКП (Д. Благоеву) сгорела во время пожара, организованного фашистскими погромщиками в мае 1921 г. См.: *Комунистическо знаме*, 1926, № 9/12, с. 126.

²⁸⁷ В журнале «Комедия» (1921, № 28, с. 6) Т. Павлов в отличие от буржуазной критики, замалчивавшей выход книги Б. Барова, назвал публикацию романа из жизни рабочих «событием». Подробнее об этом см.: *Советское славяноведение*, 1976, № 5, с. 97—98.

²⁸⁸ См.: *Авджиев Ж.* Эстетическо тържество на социалистическата литература. 1919—1923. С., 1975, с. 49.

²⁸⁹ Один из деятелей демократической партии, Р. Пухлев, в статье «Пролетариат и социальные проблемы у нас» писал: «Забота о рабочем сословии явилась бы условием сохранения социального мира, который находится под растущей угрозой» (*Демократия*, май 1923, кн. 13—14, с. 274); Подробнее об этом см.: *Радулов С.* Кризата..., с. 138, 141.

²⁹⁰ *Коларов В.* Рабочее движение в Болгарии.— *Вестник труда*, 1924, № 5/6, с. 251. Исправляем ошибку: во всех изданиях (см., например: *Коларов В.* Избр. произв., С., 1955, т. 2, с. 34) эта работа значится как впервые напечатанная в журнале «Вопросы труда» в 1925 г., где она не публиковалась.

²⁹¹ Цит. по: *Злыднев В. И.* К характеристике русских связей Георгия Бакалова.— *Литература славянских народов*, 1961, № 6, с. 234.

²⁹² «Многие профсоюзные функционеры в своей деятельности среди членов профсоюзов и в среде неорганизованных рабочих выступали скорее как партийные, а не как профсоюзные деятели», — отмечалось в передовице газеты «Работнически вестник» от 7.X 1921 г. См. также: *Георги Димитров. Биография*, с. 120.

²⁹³ См.: *Димитров Г.* Съч., т. 6, с. 222—225; *История на Българската комунистическа партия*, с. 234; *История на профсъюзното движение...*, с. 271—281; *Коджейков Д.* *Партията...*, с. 93—97.

²⁹⁴ См.: *Ленинский сборник*. М.; Л., 1931, XI, с. 391.

²⁹⁵ Цитируем по кн.: *В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал*. М.: Политиздат, 1970, с. 312; см. также: *Коммунистический Интернационал в документах (1919—1932)*. М.: Партиздат, 1933, с. 166, 179. Позднее, в 1922 г., это было подтверждено на IV конгрессе Коминтерна.

²⁹⁶ К началу 1921 г. в рядах коммунистических партий капиталистических стран было примерно 760 тыс. человек, в рядах социал-демократических и социалистических партий — около 8 млн. членов, в руководимом реформистами Амстердамском интернационале профсоюзов — около 22 млн. См.: *Ленинизм и мировое революционное рабочее движение*. М.: Политиздат, 1969, с. 173.

²⁹⁷ Правда, распространенная среди болгарских коммунистов известная недооценка значения существовавших в стране, хотя и поредевших, реформистских профсоюзов и социал-демократической партии (которые БКП часто вообще сбрасывала со счета), свидетельствовала о некотором головокружении от успехов, которое отметил В. И. Ленин в беседе с Г. Димитровым в 1921 г. См. *Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине*. М.: Политиздат, 1969, т. 5, с. 329.

²⁹⁸ Это было зафиксировано в отчетном докладе ИККИ III конгрессу Коминтерна в 1921 г., где говорилось, в частности, что «в Болгарии имеется хорошая и сильная коммунистическая партия» (Третий конгресс Коммунистического Интернационала. Пг.: Госиздат, 1922, с. 100; подробнее об этом см.: *Колева Т.* БКП и международното..., с. 218—219).

²⁹⁹ Подробнее об этом см.: *Колева Т.* БКП и международното..., с. 169—182, 234—237; 252—253, 306, 309—314.

³⁰⁰ Подобные настроения были типичны тогда для многих отрядов международного коммунистического движения. О. В. Куусинен охарактеризовал их впоследствии в следующих словах: «...кроме недостаточного понимания ленинского учения о партии и крестьянского вопроса, многие из нас проявляли явную тенденцию к преувеличению революционности и неспособность на основе трезвой оценки объективных возможностей правильно определить необходимые задачи и методы работы партии» (*Куусинен О. В.* Избр. произв. М.: Политиздат, 1966, с. 666).

³⁰¹ Подробнее о роли монополий в объединении сил буржуазной реакции в стране см.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма..., с. 128—138.

³⁰² См.: *Работнически вестник*, 2.VIII 1921. Проводившаяся коммунистами в муниципалитетах чуждая реформизма, но излишне прямолинейная линия «самостоятельных действий» лишала их поддержки со стороны отдельных левых социал-демократов и радикальных элементов из БЗНС на местах. См.: *Димитров Д.* Ямболската комуна, с. 314—317; *Поборникова С.* Сливенската комуна през 1915—1923.— *Известия на Института по история на БКП*, 1964, т. 12, с. 450—451; *Общинската политика на БКП*, с. 262, 283, 302—304. Это подчас обрекало коммунистов на изолированность, объективно помогало интригам реакционной буржуазии, направленным на разъединение и противопоставление прогрессивных сил.

³⁰³ См.: *Работнически вестник*, 7.II и 3.VI 1922; *Общинската политика на БКП*, с. 303—304.

³⁰⁴ К примеру, так оценили коммунисты закон об аграрной реформе, настаивая на национализации земель, что не встречало тогда поддержки большинства болгарских крестьян. См.: *Маковецкая Т. Ф.* Политическая борьба в болгарском парламенте вокруг законопроекта БЗНС об аграрной реформе.— *Советское славяноведение*, 1976, № 9, с. 36—37.

³⁰⁵ См.: *Велев А.* Главни реформи на земеделското правителство. С., 1977, с. 49—51, 94; *Петров С.* Парламентарната тактика на БКП при управлението на БЗНС.— *Год-к на Соф. ун-т. Идеол. кат.*, 1959, т. II, с. 93—129; *Тишев Д.* За съюза между работниците и селяните. 1917—1923. С., 1964, с. 78—80.

³⁰⁶ См.: *Киришевская А. Н.* Реформы правительства Земледельческого союза в Болгарии и их крах.— *УЗИС*, 1954, т. X, с. 59—65.

³⁰⁷ См.: *История на Българската комунистическа партия*, с. 216; *Колева Т.* БКП и международното..., с. 147; *Тишев Д.* Единодействието между комунисти и земеделци в борбата против фашизма. С., 1967, с. 63—64.

³⁰⁸ См.: *Работнически вестник*, 1, 4, 12 и 18.V 1921; БКП в резолюции, т. II, с. 108—115. В речи при открытии III съезда БКП 8.V 1921 г. и в докладе по аграрному вопросу Д. Благоев подчеркивал:

«Мы используем богатый уроками опыт русской революции» (*Благова Д. Съч.*, т. 19, с. 159, 161).

³⁰⁹ Работнически вестник, 7.V 1921.

³¹⁰ БКП в резолюции, т. II, с. 165—166.

³¹¹ См.: *Цанев П.* Издаването..., с. 241—294; в числе опубликованных был переведенный с русского языка труд известного марксиста-аграрника В. П. Милютина. См.: *Милютин В.* Социализмът и селското стопанство. С., 1922.

³¹² См.: Селски вестник, 10, 15 и 23.VI, 22 и 29.VII, 29.VIII и 2 и 23.IX, 21 и 28.X 1921.

³¹³ См.: Селски вестник, 29.VII 1921.

³¹⁴ См.: ЦПА (София), ф. 1, оп. 2, а. е. 374, л. 1. Сходное положение было и во многих окружных и местных школах; например, в Варненской окружной партшколе две трети курсантов трех выпусков были из села. См.: Варненската окръжна организация на БКП. С., 1965, с. 158.

³¹⁵ К примеру, в с. Лопушна в начале 1922 г. под руководством секретаря Вратчанского окружкома БКП Г. Генова были проведены пятидневные курсы подготовки местного партактива.— Работнически вестник, 22.II 1922.

³¹⁶ Абсолютные данные см.: БКП в резолюции, т. II, с. 92—93, 165—166.

³¹⁷ Работнически вестник, 2.VI 1920 и 3.VI 1922; Селски вестник, 16.IX 1921, 10.XII 1922. При этом следует учесть, что в 1920 г. газета издавалась на двух, а в 1922 г.— на четырех страницах.

³¹⁸ Работнически вестник, 3.VI 1922; БКП(т.с.) в Народного събрание и общините. С., 1922, ч. II, с. 10. Росту влияния БКП на крестьянство, как свидетельствуют современники, помогали русофильские традиции, наиболее прочные именно в крестьянской среде. См.: *Обществена мисъл*, 1923, кн. 8, с. 40—41.

³¹⁹ См.: *Благова Д. Съч.*, т. 19, с. 169.

³²⁰ См.: Работнически вестник, 4.V 1921.

³²¹ См.: Синдикален бюлетен, 1921, № 7, с. 15—16.

³²² См.: *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 264—273.

³²³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 99.

³²⁴ См.: *Гришина Р. П.* Возникновение фашизма..., с. 89—112; *Радулов С.* Създаване и характер на Конституционния блок.— Научни трудове на АОНСУ. История, 1977, т. 95, с. 147—192.

³²⁵ См.: *Чернявски Г. И., Даскалов Д.* Борбата на БКП против врангелисткия заговор. С., 1964, с. 68—110.

³²⁶ См.: *Александровский Б. Н.* Из пережитого в чужих краях. М.: Мысль, 1969, с. 41—45, 106.

³²⁷ БКП в резолюции, т. II, с. 159.

³²⁸ См.: Третий конгресс Коминтерна. Развитие конгрессом политической линии коммунистического движения. Коммунисты и массы. М.: Политиздат, 1975, с. 10—94.

³²⁹ См.: БКП в резолюции, т. II, с. 194—196; *Боев П.* Из историята..., с. 111—112, 131—135; *Колева Т.* БКП и международното..., с. 287—297.

³³⁰ См.: Селски вестник, 26.X 1922.

³³¹ См.: *Късовски В.* Пътят на комуниста. С., 1970, с. 65; *Лазаров К.* Незабравими дни, с. 69; *Тишев Д.* Единодействието..., с. 68—

72, 74—79; Връзки и единодействие на БКП и БЗНС в Пазарджишки окръг в периода 1894—1925. Пазарджик, 1973, с. 93—94.

³³² Работнически вестник, 24.XI 1922.

³³³ См.: Коммунистическият Интернационал: Краткий исторически очерк. М.: Политгиздат, 1969, с. 172—180, 186, 193—194; Ленин и международното работно движение. М.: Мысль, 1969, с. 529—531; Ленин в борбата за революционния интернационал, М.: Наука, 1970, с. 636—639.

³³⁴ См.: *Колева Т.* БКП и международното..., с. 315—321; *Петров С.* Септемврийското въстание 1923 и болшевизацията на БКП. С., 1960, с. 47—54.

³³⁵ См.: *Беров Л.* За влиянието на БКП сред различните слоеве на населението през 1919—1923 г.—Трудове на Висшия икономически институт Карл Маркс, 1968, кн. III, с. 190—192.

³³⁶ Абсолютните данни за подсчетите взети из статистическите публикации.

³³⁷ См.: *Киришевска А. Н.* Падение на правителството на Земледельческия съюз в България.—УЗИС, 1955, т. XI, с. 83—84; *Беров Л.* Социална основа на режима на БЗНС през 1918—1923 г.—Исторически преглед, 1972, № 4, с. 56—58.

³³⁸ Дневници на XIX ОНС, II н.с., С., 1924, кн. 3, с. 1453.

³³⁹ См.: *Киришевска А. Н.* Падение..., с. 105—109.

³⁴⁰ Точното число гласове, получени в 1923 г. «блокари» и социал-демократите, установи не представлява възможно; в редица окръга те изстъпаха на избора в коалиция. С некоторими оговорки ми полагаем уместно в качеството работна хипотеза разпределение на избраните названия коалиционните гласове в пропорция, съответстваща на резултатите, получени «блокари» и социал-демократите отделно в останалите окръга.

³⁴¹ Статистика на изборите за народни представители за XX ОНС. С., 1929, с. 93—94.

³⁴² См.: История на Българската комунистическа партия, с. 239.

³⁴³ См.: БКП в резолюции, т. II, с. 259.

³⁴⁴ Воспитание на работни в най-широкото смислено, с сожалением отбелязва буржуазният публицист из демократическата партия Р. Пухлев, «ныне целиком перешло в руки коммунистов» (Демократия, май 1923, кн. 13/14, с. 272).

³⁴⁵ *Хаджиниколов В., Младенов Д., Исусов М.* и др. Стачните борби..., с. 273—294.

³⁴⁶ Селски вестник, 22 и 29.VI, 14.VII, 29 и 30.XI и 29.XII 1922.

³⁴⁷ См.: Дневници на XIX ОНС, I н.с., кн. 1, с. 375; II н.с., кн. 2, с. 1081; Демократия, 10.III 1922, год II, кн. 9, с. 228; 25.V 1922, кн. 14, с. 364—365. Примечателно, че обозревател на газето «Демократия», оценява резултатите на референдума, провокационното утвержда, че «правителството (Стамболийско.—М. Б.) не имеет абсолютно никаких оснований считать коммунистический глас в качестве вота доверия» (Демократия, ноябрь 1922, год III, кн. 1, с. 47). В Народното събрание буржуазните депутати задавали осенью 1922 г. представителю на правителството БЗНС провокационные вопросы: «Какие уступки вы сделали коммунистической партии, чтобы получить ее сотрудничество?» (Там же, с. 47). Одновременно использовалось и давление с запада: некоторые буржуазные западноевропейские газеты внушали правителството на Стамболийско, что, действуя заодно с комму-

нистами, оно рискует потерять доверие западных стран. См.: там же, с. 46.

³⁴⁸ Демократия, 25.III 1923, кн. 9/10, с. 199.

³⁴⁹ Косев Д. Септемврийското въстание 1923 г. С., 1973, с. 68.

³⁵⁰ Подробное об этом см. вторую часть фундаментальной монографии Д. Косева о Септемврийском восстании, специально посвященную исследованию международного значения восстания: Косев Д. Септемврийското въстание 1923, с. 369—574.

³⁵¹ Димитров Г. Съч., С., 1954, т. 10, с. 194; Живков Т. Избр. съч., т. 21, с. 157. Детальное исследование истории пролетариата и его авангарда в период названной переломной полосы выходит, естественно, за пределы наших задач и возможностей. Важнейшие события и проблемы названного периода уже явились предметом внимания многих болгарских и отчасти советских историков. Только в связи с 50-летием восстания были опубликованы (кроме упомянутого труда Д. Косева) книги Г. Георгиева, П. Костова, И. Митева, Н. Недева и других авторов, ряд сборников и большое число статей в научных и иных периодических изданиях (в том числе и в СССР); документальные публикации, библиографии и специализированное энциклопедическое издание (См.: Септемврийското въстание 1923.—Энциклопедия. С., 1973). Опираясь на указанные исследования, мы отметим вкратце лишь значение этой переломной полосы как важного рубежа в становлении болгарского пролетариата в качестве социально-политической силы общества.

³⁵² См.: Косев Д. Септемврийското въстание 1923 г., с. 91—127; Митев И. Фашисткия преврат на девети юни 1923 г. и юнското антифашистко въстание. С., 1973, с. 214—352.

³⁵³ См.: Септемврийското въстание през 1923 година и работническо-селското единство. С., 1974, с. 22, 27; Тишев Д. Отношението на Александър Стамболийски към БКП.— Исторически преглед, 1979, № 2, с. 19—21.

³⁵⁴ См.: Септември 1923: Спомени. С., 1953, с. 9; Тишев Д. Единодействието..., с. 110—120.

³⁵⁵ Опубликованная в газете «Работнически вестник» серия статей Г. Димитрова о едином фронте имела огромное значение для переориентировки активистов рабочего класса и всех трудящихся. «Статьи Г. Димитрова,— вспоминает активная участница событий Ц. Драгойчева,— стали принципиальной платформой строительства единого фронта. Они теоретически вооружили массы в их борьбе за рабоче-крестьянское правительство...» (Спомени за Георги Димитров. С., 1972, т. II, с. 357). Статьи Г. Димитрова не потеряли значения и в последующие годы. В них были, по существу, заложены зерна идей широкого единого антифашистского фронта всех демократических и прогрессивных сил, более глубоко и обстоятельно сформулированных им позднее в докладе на VII конгрессе Коминтерна.

³⁵⁶ См.: Димитров Г. Съч., т. 14, с. 241; История на Българската комунистическа партия, с. 266—268.

³⁵⁷ Живков Т. Революционният опит — оръжие на работническата класа.— Избр. съч., т. 21, с. 153—154.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели процесс формирования и развития болгарского пролетариата на протяжении длительного исторического периода. Основным содержанием этого процесса являлось становление рабочего класса в качестве социально-политической силы общества. Как и во многих других странах, оно прошло через три основных стадии¹.

На ранней ступени развития, когда болгарский пролетариат еще только зарождался как самостоятельный класс, он представлял собою в подавляющем большинстве пассивную массу, лишенную всякой организованности. Отпор рабочих капиталистической эксплуатации был еще стихийным и эпизодическим. Но вскоре в их среде стали наблюдаться ростки социальной зрелости, появляются первичные формы организации в виде ссудно-сберегательных касс, обществ взаимной помощи, кооперативных и просветительных ассоциаций, чья деятельность ограничивалась главным образом сферой взаимопомощи и отчасти просвещения.

С развитием капитализма увеличивалась численность пролетариата, росла региональная и производственная концентрация, усложнялась структура, повышались грамотность и культурный уровень рабочего класса, а вместе с тем изменялись и его характерные черты.

Формирование в конце XIX и начале XX в. отряда промышленных рабочих, складывающегося ядра класса, определило вступление болгарского пролетариата в фазу конституирования в качестве самостоятельного класса. Именно с этим процессом следует связать переход ко второму этапу в развитии пролетариата Болгарии. Сохраняя многослойность своих рядов, он увеличивается численно, превращается в стабильную социальную силу, выдвигается как растущий фактор экономической и социально-политической борьбы.

При активном воздействии революционного авангарда — партии тесняков, вбравшей в свои ряды передовых рабочих, — пробуждается классовое сознание про-

летариата, формируется пролетарская идеология. Возрастает и степень профессиональной организованности рабочей массы: кассы взаимопомощи и просветительные общества уступили место централизованным революционным профсоюзам, состоявшим из рабочих определенной отрасли промышленности или производства, объединенным в рамках Общего рабочего синдикального союза (ОРСС), руководимого партией тесняков.

Изменились и формы социального отпора. На смену преобладавшим в конце XIX в. стихийным формам протеста (уход с работы, подача петиций), стихийным бунтам и волнениям, которым иногда сопутствовало разрушение машин, в XX в. (особенно накануне первой мировой войны) приходят стачки, сопровождавшиеся ростом пролетарской солидарности в различных формах, собраниями и демонстрациями с выдвижением требований не только экономического, но и отчасти политического характера. Болгарский пролетариат вступил в период преобразования из «классов в себе» в «класс для себя».

Еще более значительные перемены происходят в рабочем классе Болгарии в период послевоенного революционного подъема, что знаменовало вступление пролетариата в новый, третий этап его развития. Рост численности, повышение степени концентрации и культурного уровня пролетариата в послевоенные годы создавали для этого объективные структурно-социологические предпосылки.

Важные политические сдвиги происходят раньше всего в пролетарском авангарде: партия тесняков под влиянием опыта болгарского и международного рабочего движения, в первую очередь Октябрьской революции и идей ленинизма, в 1919 г. преобразовалась в Болгарскую коммунистическую партию. Она становится на путь революционных действий, оказывает на пролетариат страны все более мощное влияние. В то же время реформистское и центристское течения в рабочем движении Болгарии переживали в послевоенные годы явный кризис. Он выразился в почти полном исчезновении центристов, которые вместе с частью левых элементов социал-демократической партии и реформистских профсоюзов вступили в БКП и ОРСС, что было одним из свидетельств укрепления авангарда пролетариата.

Существенные изменения происходят и в широких массах пролетариата. Доля рабочих, объединяемых революционными профсоюзами, выросла с 2—2,5% в предвоенные годы до 10% в 1920 г.; среди промышленного пролетариата — соответственно с 10 до 30%. Возникает значительный слой передовых рабочих, которым были присущи разнообразные социальные и духовные интересы, широкий кругозор, новые политические и нравственные идеалы.

Политический опыт пролетариата, развернувшего в 1919—1920 гг. небывалое в довоенной истории страны массовое забастовочное движение, обогатился такими новыми формами борьбы, как общие стачки рабочих целых отраслей производства и крупнейших пролетарских центров, всеобщая политическая забастовка. Борьба угнетенных классов Болгарии трижды за пятилетие (в сентябре 1918 г., в июне и сентябре 1923 г.) поднималась до таких решительных форм революционного натиска, как вооруженное восстание против господствующего строя.

Практический опыт классовой борьбы, накопленный в эти годы болгарским пролетариатом, дополнялся, закреплялся и освещался марксистско-ленинской теорией, которую передовые рабочие изучали в партийных и профсоюзных школах.

Развернувшаяся в стране под руководством БКП экономическая, политическая и идейно-теоретическая борьба наряду с грандиозными событиями мирового масштаба, прежде всего победой Великой Октябрьской социалистической революции в России и общим подъемом международного рабочего движения, помогала широкой пролетарской массе познать себя в качестве самостоятельного класса, подводила пролетариат к осознанию своей роли гегемона в борьбе за социальное освобождение трудящихся.

Под руководством партии пролетариат вступает в период борьбы за политическую власть: в огне Сентябрьского антифашистского восстания 1923 г. он делает фактическую заявку на ведущую роль в борьбе трудящихся против реакции и фашизма. Рабочий класс Болгарии выступает уже как сознательная и значительная социально-политическая сила, идущая в авангарде революционной борьбы трудящихся.

Как показано в нашем исследовании, эволюция болгарского рабочего класса шла в целом по восходящей линии, его численность и сила нарастали. Однако это развитие не было прямолинейным; оно проходило в борьбе с буржуазией и монархией и сопровождалось противоборством различных тенденций и течений внутри самого рабочего класса. Временами оно было сопряжено со спадами и поражениями.

Вместе с тем главной тенденцией развития болгарского пролетариата был рост его активности, профессиональной и политической организованности, углубление и теоретическое обогащение его идеологической платформы, расширение повседневных требований, формирование и нарастание зрелости его классового сознания, перерастание борьбы за непосредственные, ближайшие интересы против наиболее варварских методов эксплуатации в борьбу против буржуазного господства и капиталистической эксплуатации в целом.

Этому способствовали особенности исторического развития страны. Важнейшими из них были революционно-демократический дух и традиции болгарских трудящихся, прежде всего крестьянства, из рядов которого в значительной мере рекрутировались рабочие. Об этом свидетельствовали четыре массовых выступления с участием крестьян на протяжении четверти века (волнения 1900 г., восстания в 1918 г., в июне и сентябре 1923 г.).

Прочности революционных традиций среди трудящихся Болгарии благоприятствовала своеобразная конденсация исторического развития страны. Она была связана с активным участием крестьянства в национально-освободительной борьбе и, с другой стороны, — с поздним, но форсированным развитием капитализма в деревне, обусловленным решительным аграрным переворотом в ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг., что определило ускоренный процесс формирования рабочего класса, пополнявшегося главным образом из рядов пролетаризирующегося крестьянства. В результате болгарский пролетариат из небольшой социальной группы за сравнительно короткий срок — в полстолетия — превратился к концу рассматриваемого периода в значительную классовую силу, обладавшую в союзе с трудовым крестьянством большим революционным потенциалом.

Тесная связь пролетариата с крестьянством создавала предпосылки для складывания союза этих классов под руководством пролетариата.

Нельзя не учитывать и то, что рабочему классу Болгарии противостояла относительно слабая буржуазия, политически мало опытная, не обладавшая гибкостью и маневренностью, не имевшая влияния в массах. Ее грубые и хищнические методы эксплуатации, рано выявившиеся паразитические, ростовщические черты также создавали известные условия для быстрого самоопределения пролетариата в качестве самостоятельной социально-политической категории.

Присущие болгарской буржуазии названные черты вызывали к ней чувства социальной враждебности и у широких масс трудового крестьянства, что явилось одной из объективных основ для сближения рабочих и крестьян.

Влияние религии на трудовой народ страны, в том числе и на болгарский пролетариат, было относительно неглубоким (особенно в сравнении со странами, где преобладала католическая церковь).

Важным фактором являлось также отсутствие в стране сколько-нибудь значительного слоя «рабочей аристократии». Это предопределило то обстоятельство, что реформизм не смог пустить глубокие корни в среде болгарских пролетариев. Узость социальной базы, теоретическая несостоятельность и недостаток политической гибкости оппортунистов определили сравнительно ограниченное влияние, а затем и быстрый крах реформизма в рабочем движении Болгарии.

Очень важным, первостепенным фактором явилось то обстоятельство, что почти с самого зарождения болгарский пролетариат находился под преимущественным влиянием идей научного социализма (выше, при характеристике источников во «Введении», мы приводили на этот счет авторитетное свидетельство Д. Благоева). В стране сложилась в силу благоприятных объективных и субъективных причин революционная социал-демократическая партия, освободившаяся в 1903 г. от реформистов и преобразовавшаяся в 1919 г. в БКП. Творчески постигая опыт международного рабочего движения и последовательно усваивая идейные ценности из сокровищницы марксизма-ленинизма, своей неутомимой поли-

тической, теоретической и организаторской деятельностью партия сумела помочь формирующемуся молодому болгарскому пролетариату выбрать верный путь решительной классовой борьбы.

Все эти и некоторые другие факторы содействовали быстрому политическому созреванию болгарского пролетариата, превращению его под руководством БКП к концу рассматриваемого периода в авангардную силу, призванную возглавить борьбу трудящихся за новое общество. События 1923 г., в особенности славное антифашистское восстание в сентябре 1923 г., показали, отмечал Т. Живков, что болгарский рабочий класс, руководимый коммунистической партией, стал основной силой революционного процесса в Болгарии².

Два десятилетия спустя после Сентябрьского восстания 1923 г. болгарский пролетариат в союзе с крестьянством и прогрессивной интеллигенцией под руководством БКП, под знаменем Отечественного фронта, опираясь на победы Советской Армии над гитлеровскими полчищами, сверж 9 сентября 1944 г. фашистский режим в стране, открыв тем самым период социалистического преобразования Болгарии.

В современную эпоху болгарский рабочий класс, возглавляемый Коммунистической партией, успешно строит в Народной Республике Болгарии развитое социалистическое общество, выполняя историческую роль авангарда всех трудящихся масс.

¹ См.: Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории, т. I, с. II.

² См.: Живков Т., Избр. съч. С., 1976, т. 20, с. 512.

